

MGIMO
UNIVERSITY

ISSN 2071-8160

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

№ 6 • 2009

О НАУЧНЫХ ШКОЛАХ И ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ МГИМО

В этом году мы отмечаем 65-летие МГИМО, подводили некоторые итоги и строили планы на будущее. Очевидно, что будущее развитие МГИМО как университета неотрывно от его научных школ, причем как сложившихся, так и только формирующихся.

Интенсивные взаимодействия в сфере педагогики и научных исследований – традиция, восприимчивая МГИМО у своего предшественника – Московского государственного университета. Ученые МГИМО всегда уделяли большое внимание сотрудничеству с коллегами и партнерами, в том числе в рамках различных профессиональных ассоциаций. Это было и остается существенным фактором в развитии научных школ. Так, ученые МГИМО принимали самое активное участие в становлении и развитии Советской социологической ассоциации, Советской ассоциации политической науки, а затем Российской ассоциации политической науки и Академии политической науки, занимая в них руководящие посты.

Однако в МГИМО существует и другая традиция – междисциплинарность, плодотворный диалог представителей разных научных дисциплин, кафедр, факультетов, из которого рождаются уникальные образовательные программы, исследовательские проекты, учебно-методические комплексы и др. Об этом не следует забывать в повседневной рутине.

В 1999 году на базе МГИМО была образована Российская ассоциация международных исследований (президент РАМИ – ректор МГИМО, академик РАН А. В. Торкунов), которая вместе с другими зарубежными национальными ассоциациями международных исследований входит в International Studies Association. В настоящее время РАМИ насчитывает свыше 300 членов – видных российских ученых, исследователей, педагогов – и имеет четыре отделения в российских регионах от Владивостока до Калининграда. Цель РАМИ – сохранение и развитие лучших

традиций в исследовании проблем международных отношений и преподавании соответствующих учебных дисциплин. Ассоциация ставит перед собой задачи поддержания и развития высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развитие профессиональных контактов с аналогичными зарубежными и международными ассоциациями, установление тесных связей между исследователями и преподавателями, работающими в области международных отношений и мировой политики.

В сотрудничестве с Ассоциацией международных исследований (International Studies Association) и Центрально- и Восточноевропейской ассоциацией международных исследований (Central and East-European International Studies Association) в 2000, 2002, 2004, 2006 и 2008 годах РАМИ были проведены крупные международные конвенции, собравшие ученых и исследователей-международников. РАМИ развивает свои интернет-ресурсы (<http://www.risa.ru>), проводит конкурсы на лучшие научные и педагогические работы по международным отношениям и мировой политике со значительным призовым фондом.

Одна из главных задач МГИМО как учебно-методического центра российской высшей школы по специальностям международного профиля – подготовка нового поколения учебников и учебных пособий. Раз в два года Ученый совет института присуждает премии профессорам и преподавателям за значительные успехи в исследовательской и педагогической деятельности. Эти премии названы именами выдающихся ученых, в разные годы работавших в МГИМО.

Именно наши научные школы со своими традициями, принципами, лидерами – важнейшее достижение предыдущих десятилетий и залог успеха в будущем. Но научные школы могут развиваться только при условии, что у учителей будет смена, будут ученики и продолжатели.

Научные школы МГИМО

Учителя, к сожалению, не вечны... В этом году от нас ушел профессор кафедры философии Генрих Федорович Хрустов, выдающийся ученый и блестящий преподаватель, проработавший на кафедре 45 лет, представитель научной школы, которую мы представляем в этом номере «Вестника МГИМО».

Каждый номер «Вестника МГИМО» открывался рубрикой «Ученые МГИМО», где наряду с краткой биографией одного из ведущих профессоров университета, перечнем научных заслуг, публиковалась его или ее статья, которая как бы подтверждала все сказанное о специалисте.

Редакция журнала решила развить эту рубрику, начав серию публикаций, презентующих не только конкретные научные заслуги ученых МГИМО, но и научные школы нашего Университета, их историю и настоящее.

Итоговый номер журнала «Вестник МГИМО» за 2009 год мы решили открыть статьей о философско-социологической школе, во многом определившей и лицо, и особенный дух МГИМО, а также представить статьи двух замечательных ее представителей – профессора Геннадия Константиновича Ашина и профессора Сергея Александровича Кравченко.

С именем Г. К. Ашина связано формирование российской школы элитологии – науки, которая сложилась как комплексное междисциплинарное знание, лежащее на стыке политологии, социальной философии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии и культурологии. Ее предметом является исследование процесса социально-политического управления, выявление и описание социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом (или, во всяком случае, важнейшим структурным элементом этого субъекта). Иначе говоря, это наука об исследовании элиты, ее состава, законов функционирования, прихода к власти, роли в социальном процессе, причин деградации и ухода с исторической арены.

Профессор С. А. Кравченко, главным предметом научных интересов которого является исследование нелинейной социокультурной динамики, представляет свою статью «Риски грядущей модернизации страны: нужны социологи-рискологи», посвященную анализу потенциальных рисков, возникающих в ходе модернизационных процессов современной России.

Философско-социологическая школа

Среди научных школ МГИМО, получивших общероссийское и мировое признание, видное место занимает философско-социологическая школа. Традиции этой школы

закладывали два замечательных человека – Г. П. Францов, ректор МГИМО в решающий период становления первых его курсов, и А. Ф. Шишкин, создатель и многолетний руководитель кафедры философии.

Георгий Павлович Францов принадлежал к одной из лучших в России гуманитарных школ – историков-античников Петербургского (Ленинградского) университета. Начав с исследований религий Древнего Востока, Г. П. Францов перешел к общим проблемам истории социальной мысли. В его трудах глубокое чувство историзма сочеталось с живым интересом к современной мировой политике, современной философии и социально-политической теории¹.

В послевоенный период Г. П. Францов много сделал для восстановления отечественной социологии и политической науки. Уже после МГИМО, работая в МИД СССР, а затем ректором Академии общественных наук и шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге, он неизменно поддерживал ученых-мгимовцев, включал их в наиболее интересные авторские коллективы, рекомендовал для участия в международных конгрессах, порой прикрывал от идеологических проработок².

Александр Федорович Шишкин, уроженец Вологды, также учился в 1920-е годы в Петрограде. С Францовым его объединял интерес к истории социальной мысли. Шишкина занимали вопросы истории педагогики и морали. Его перу принадлежит первый послевоенный учебник по этике. Монография «XX век и моральные ценности человечества»³ и другие работы сыграли большую роль в переходе от узкоклассовых к общечеловеческим моральным ориентирам в отечественной философии и, в частности, в философском образовании специалистов-международников.

В первые послевоенные годы на кафедре философии преподавали такие глубокие исследователи и блестящие лекторы, как логик П. С. Попов, историк философии Ю. К. Мельвиль, эстетик М. А. Лифшиц.

За тридцать лет руководства кафедрой философии А. Ф. Шишкину удалось воспитать несколько поколений учеников – исследователей и педагогов. Некоторые из них были уже его «научными внуками» – учениками учеников, но все в полной мере испытали обаяние его научного и человеческого таланта. И если по тематике исследований

большинство аспирантов кафедры следовало по стопам Г. П. Францова, то камертоном человеческих отношений всегда оставался А. Ф. Шишкин⁴.

Необходимо отметить ту важную роль, которую сыграла философско-социологическая школа МГИМО в возрождении в СССР социологии и политологии. Известно, что после Октябрьской революции многие выдающиеся философы и социологи были высланы из страны, а некоторые были репрессированы. Слово «социология» употреблялось с эпитетом «буржуазная». В последующем возрождении социологии большая, если не центральная, роль принадлежит мгимовской школе. Ректор Г. П. Францов собрал вокруг себя группу энтузиастов, которые стали разрабатывать проблемы социологии и политологии. Среди них были ученые, которые затем приобрели всеобщую, а некоторые и мировую известность. Это, прежде всего, академики Г. А. Арбатов, занимавшийся последовательно всеми основными обществоведческими дисциплинами, но начинавший в журнале «Вопросы философии», и Г. В. Осипов, один из создателей Института социологии Академии наук, председатель Советской социологической ассоциации с 1959 по 1972 год. Он же закладывал фундамент для развития теоретической социологии: в 1965 году под его редакцией вышел труд «Социология в СССР: В 2 т.». Второй том включал в себя социологический словарь, вводивший в научный оборот многие термины социологической теории, ранее неизвестные даже подготовленному читателю. Кроме них в «кружок», собранный Францовым, входили Э. А. Араб-оглы, Ю. А. Замошкин, Ю. Н. Семенов, В. С. Семенов, Г. Л. Епископосов, Д. В. Ермоленко, И. В. Бестужев-Лада, Г. К. Ашин, Д. М. Гвишиани.

Перу этих ученых принадлежит ряд фундаментальных исследований по современной зарубежной социальной философии и социологии. Ни для кого не секрет, что западные философские идеи часто приходили в нашу науку через «черный ход» – сквозь призму критики. Но уже сама публикация этих статей приносила положительный эффект – широкие круги интересующихся социологией имели возможность познакомиться (хотя бы в таком виде) с концепциями, созданными современными западными теоретиками.

В 1960-е годы в пору творческой зрелости вступило первое поколение философов, социологов и политологов – выпускников

МГИМО. Тогда публиковали статьи и монографии Э. А. Араб-оглы и И. В. Бестужев-Лада по философским и социологическим проблемам прогнозирования, Г. К. Ашин – по теории элит, Д. М. Гвишиани – по социальной роли науки, Б. Д. Гранов – по идейным основам социал-демократии, Б. Т. Григорян и А. Г. Мысливченко – по философской антропологии, Г. Л. Епископосов – по проблемам научно-технического прогресса, Г. В. Осипов – по теоретической социологии, В. С. Семенов – по социальной стратификации, Ю. Н. Семенов – по философии истории, Э. А. Баграмов – по этносоциологии, Э. С. Маркарян – по философии культуры.

Большое значение в эти годы имела научно-организационная деятельность Д. М. Гвишиани по созданию Института системных исследований и Г. В. Осипова по организации Института конкретных социологических исследований и созданию Социологической ассоциации.

Особое влияние на становление научных исследований и преподавание философско-социологических дисциплин в МГИМО оказала деятельность Дмитрия Владимировича Ермоленко и Юрия Александровича Замошкина. Первые аспиранты А. Ф. Шишкина в МГИМО быстро выдвинулись на научном поприще и стали одними из самых молодых профессоров в институте и в целом среди профессоров философии в стране. Оба начинали с изучения современной философии и социологии США (Ю. А. Замошкин занимался американистикой в течение всей жизни). Оба воспитали большое количество учеников и поддерживали живые контакты с *alma mater*, перейдя на другую работу: Ермоленко – в МИД, Замошкин – в Академию наук.

Несмотря на многие совпадения в творческих биографиях Д. В. Ермоленко и Ю. А. Замошкина, их подходы к современному обществу во многом разнились и в определенной степени обозначили рамку, в пределах которой формировались философские и социологические представления следующего поколения мгимовцев. Д. В. Ермоленко тяготел к количественным методам, структурно-функциональному и институциональному анализу современных политических процессов. Семинар по системному анализу кризисных международных ситуаций, организованный им в МИД СССР в конце 1960-х – начале 1970-х годов, оказал

Научные школы МГИМО

большое влияние как на развитие теоретических основ социологии международных отношений, так и на практику планирования внешней политики.

Если Д. В. Ермоленко рассматривал политические процессы по преимуществу через призму макрополитики (баланс сил, построение системы договоренностей и противовесов), то Ю. А. Замошкин шел от индивида, личности, сложных коллизий, возникающих в сознании человека под влиянием массовизации производства и потребления материальных и духовных ценностей. Это был ход от индивидуального выбора и поведения к общесоциальным, макрополитическим процессам. Работы Ю. А. Замошкина оказали воздействие на широкий круг исследований по политической философии, социологии, политологии. Его ученики работали также в области социальной психологии (П. Н. Шихирев). Много сил Ю. А. Замошкин отдавал журналу «Вопросы философии», будучи членом редколлегии в тот бурный период, когда изданием журнала руководили И. Т. Фролов и М. К. Мамардашвили.

В 1970-е годы в активные философские и социологические исследования включилась новая группа мгимовцев: Э. Я. Баталов (проблемы утопического сознания), А. С. Грачев (левый радикализм), В. С. Коробейников, В. П. Терин, О. А. Феофанов (коммуникация, масс-медиа), А. И. Рябов, А. В. Федотов (правый радикализм), Я. А. Пляйс (философия политики). Расширилась и география исследований, большее внимание уделяется исторической специфике и культурным особенностям исследуемых объектов – работы М. Т. Степанянц (мусульманская философия), Б. С. Старостина (общество и личность в странах Востока), А. В. Шестопала (социальная философия в Латинской Америке).

В 1960–1970-е годы значительно пополнился состав кафедры философии МГИМО. Наряду с ветеранами кафедры – К. А. Бобуновым, прошедшим большую школу дипломатической работы, и И. Б. Миндлинным, известным своими трудами по философскому наследию Плеханова, – на кафедре начали вести учебную и научную работу выпускники МГИМО – В. М. Ашмарин (теории бюрократии), Н. И. Бирюков (философия и социология парламентаризма), В. М. Володин (философия персонализма, теория международных отношений), Г. М. Мальков (логика), Д. В. Новиков (политическая аксиология),

Т. В. Панфилова (личность и история). Большой вклад в философско-социологическую подготовку студентов и аспирантов, научно-исследовательскую работу кафедры внесли выпускники философского факультета МГУ и других вузов – В. С. Глаголев (христианская философия культуры), Р. Ф. Додельцев (философия фрейдизма и неопрейдизма), А. Н. Самарин (философия и психология политической практики), М. Л. Полищук (теории индустриального общества), Г. Ф. Хрустов (антропогенез).

В 1970-е годы весьма оживленными были заседания философского клуба, который вели М. Л. Полищук и Г. Ф. Хрустов. Вокруг кафедры сложился кружок талантливой молодежи. В их число входили люди, чьи философские, социологические, политологические исследования стали широко известны в следующие десятилетия, в период наступивших реформ: Т. А. Алексеева (политика и мораль), Л. Н. Вдовиченко (альтернативные движения, этносоциология), Б. Г. Капустин (глобальные проблемы, философия либерализма), С. В. Карпушина (философия культуры), А. М. Мигранян (политические аспекты модернизации, авторитаризм), А. М. Салмин (современная демократия), Ш. З. Султанов (конфликтология, региональная и глобальная безопасность). Некоторые из вышеупомянутых ученых в течение ряда лет работали в Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа МГИМО (под руководством И. Г. Тюлина), которая сыграла значительную роль в становлении социологических и политологических исследований в институте.

В 1980–1990-е годы кафедра философии, которую после А. Ф. Шишкина возглавляли Г. К. Ашин, В. М. Володин, А. В. Шестопал, приняла активное участие в научных и общеполитических дискуссиях, развернувшихся в связи с изменениями во внутренней и внешней политике страны. Философы-мгимовцы были инициаторами ряда международных конференций, организованных совместно с секцией философии политики и международных отношений Философского общества СССР. Среди этих конференций и симпозиумов наибольший резонанс в научных кругах получили: «Современные теории международных отношений» (1983), «Истины и ценности на рубеже XX–XXI веков» (1991), «Духовные основы внешней политики России» (1996)⁵. В последние годы

ученые кафедры сосредоточены на философских проблемах мировой политики, истории, личности. Они стремятся внести вклад в осмысление новой исторической ситуации России, обновление духовно-культурной самоидентификации страны, изучение национальных ценностей и приоритетов.

Глубокие изменения международной и внутренней ситуации за последние десятилетия привели к существенному усложнению выбора мировоззренческой позиции и, следовательно, к повышению значения и ответственности философских курсов в образовательном и воспитательном процессе в высшей школе. Возрастает роль индивидуальности преподавателя философии, дающего студентам наглядный пример свободного и сознательного мировоззренческого выбора. В то же время кафедра философии в целом являет собой образец сотрудничества специалистов с разными мировоззренческими позициями – философского и гражданского диалога не на словах, а на деле. Этому во многом способствует приход на кафедру молодых талантливых ученых и преподавателей Э. В. Колесниковой (философия языка, политическая риторика), В. И. Коннова (философия науки), С. Н. Лютовой (философия культуры, психология личности), С. М. Медведевой (политическая психология) и таких признанных специалистов, как профессор М. С. Силантьева (история русской философии).

Кафедра философии МГИМО с первых лет своего существования была отмечена яркими научными и педагогическими индивидуальностями. Творческое наследие основателей кафедры, приемы их педагогического мастерства коллектив кафедры стремится осмыслить и применить к решению современных проблем. Ежегодно проводятся Шишкинские чтения (инициатор и организатор – профессор Т. В. Панфилова). В серии «Выдающиеся ученые МГИМО» вышли издания, посвященные Д. В. Ермоленко, Ю. А. Замошкину, А. Ф. Шишкину⁶.

Основной курс философии в МГИМО традиционно связан с рассмотрением духовно-нравственных оснований мирового сообщества и международных отношений. Эти традиции, заложенные Г. П. Францовым, А. Ф. Шишкиным и их учениками, нашли за последние годы свое выражение в межвузовской научно-педагогической программе «Глобальная этика. Духовно-нравственные

проблемы мирового сообщества и международных отношений», инициированной кафедрами философии МГИМО и Дипакадемии МИД России. В рамках программы был проведен ряд конференций в МГИМО и Дипакадемии, а также «круглых столов» в ходе российских национальных философских конгрессов и конвентов Российской ассоциации международных исследований, упрочивших связи философов МГИМО с ведущими философскими университетскими центрами России (координатор программы – профессор В. С. Глаголев)⁷.

Другим объединяющим философов МГИМО узлом основного курса философии является проблема универсальности и самобытности мировой философии, тесно связанная с процессом глобализации и поисками общетеоретических оснований нового многополярного мирового порядка. Наряду с западноевропейской философией рассматриваются русские, индийские, китайские, арабские, латиноамериканские философские школы. На этом направлении кафедра философии плодотворно сотрудничает с авторским коллективом учебника «История философии. Запад – Россия – Восток» (Институт философии РАН), широкое обсуждение которого прошло в МГИМО и было опубликовано в журнале «Вопросы философии». Ученые МГИМО подготовили также свои учебные пособия по данной проблематике⁸.

За последнее десятилетие вторым по значению курсом кафедры стал курс психологии. На сегодняшний день по объему лекционных занятий он не уступает курсу философии. На кафедре сформировалась секция психологии (руководитель – профессор Р. Ф. Додельцев). Этой секцией опубликованы учебное пособие по курсу психологии (в подготовке которого принимали участие действующие дипломаты)⁹ и ряд выпусков текстов лекций. Большое внимание в курсе психологии в МГИМО уделяется проблемам политической психологии и политической коммуникации. По этой проблематике за последние годы были защищены одна докторская (В. П. Терин) и три кандидатские диссертации.

Большим интересом у слушателей пользуются межфакультетские курсы, организованные кафедрой философии совместно с Центром «Церковь и международные отношения», которые читают известный специалист по истории религии

Научные школы МГИМО

профессор А. Б. Зубов и молодой преподаватель В. В. Печатнов, имеющий две магистерские степени по теологии, полученные в США и Греции.

На протяжении многих лет в фокусе внимания ученых МГИМО остаются вопросы логики и методологии науки. Их проблематика является предметом коллективного внимания, что, в частности, нашло свое выражение в оживленных дискуссиях по докладам профессоров Р. Ф. Додельцева, Т. В. Панфиловой, Г. Ф. Хрустова. Монография профессора Г. Ф. Хрустова «Теория факта»¹⁰ используется в качестве учебного пособия для магистрантов и аспирантов. На XIII ежегодных Шишкинских чтениях (2007) обсуждалась тема «Мировая философия и фундаментальность гуманитарного знания», подсказанная статьей ректора МГИМО А. В. Торкунова «Фундаментальность в общественных науках». При всем различии мнений участники чтений в целом согласились с позицией А. В. Торкунова, который пишет, что «период освоения и популяризации западного знания – время “догоняющего интеллектуального развития в российских общественных науках” – закончился. Приоритетом современного этапа общественных наук должно быть производство теоретических обобщений на базе анализа реального опыта российской жизни после 1991 г. в контексте глобальных тенденций мирового развития»¹¹.

Особую роль в структуре научных интересов ученых кафедры философии играет осмысление проблем формирования и функционирования элит и, в частности, трансформации российских элит в процессе модернизации, восприятие ими новых политических реалий России. В определенной мере эти исследования – отражение самосознания МГИМО, университета, который в течение многих десятилетий участвует в подготовке политической элиты России и ряда других государств.

Диверсификация исследовательской проблематики, потребности учебного процесса повлекли за собой на рубеже 1980–90-х гг. образование самостоятельных кафедр социологии, политологии и культурологии (мировой литературы и культуры) и интенсивное развитие соответствующих научных школ в атмосфере тесного взаимодействия и дружеской конкуренции.

Кафедра социологии МГИМО под руководством Э. В. Тадевосяна, а затем с 1998 года –

С. А. Кравченко, стала важным научным и научно-методическим центром, признанным социологическим сообществом страны. Кафедра выросла на основе тех традиций, которые формировались в МГИМО десятилетиями, и сейчас является базой социологической школы МГИМО.

Проявлением традиции философско-социологической школы МГИМО в работе кафедры социологии сегодня является творческий дух, царящий в коллективе, прежде всего в разработке научных социологических проблем. На кафедре существует твердая установка: основной путь к профессиональному росту, совершенствование педагогического мастерства и всего учебного процесса – это наращивание научных знаний, соответствующих мировому уровню, через сотрудничество с отечественными научно-исследовательскими социологическими центрами и ведущими зарубежными социологами. Поэтому для социологической мысли в МГИМО характерны генерирование новых социологических идей и разработка собственных социологических концепций. Об этом свидетельствуют опубликованные труды профессоров кафедры Н. Н. Зарубиной, М. О. Мнацаканяна, А. Б. Гофмана, А. А. Овсянникова, Ф. И. Шаркова и заведующего кафедрой профессора С. А. Кравченко.

Выделяются три важнейших исследовательских направления социологической школы МГИМО.

Первое направление – изучение нелинейной социокультурной динамики рисков – предполагает исследование фундаментальной проблемы, связанной с анализом специфики современных обществ, которая выражается в прерывистости, разрывах, парадоксальности и ризомности развития, естественности случайности, сосуществования социумов, находящихся в разных темпомирах и, конечно, рисков. Это направление предполагает решение ряда весьма значимых задач теоретического и практического характера, среди которых: (1) проведение сравнительного анализа последствий нелинейной социокультурной динамики в разных культурах и странах, особенно с акцентом на выявление российской специфики; (2) исследование как относительно длительных, так и короткоживущих параметров порядка, выявление их роли как алгоритмов, которыми руководствуются самоорганизованные акторы в условиях нелинейной динамики; (3) анализ

возможных объективных условий и субъективных факторов для нахождения оптимального соотношения между типом управления и самоорганизации, когда случайность становится естественным компонентом общественных отношений; (4) исследование специфики парадоксов в общественном сознании, выявление увеличения в нем роли не сказанного, квазисказанного, симулякров; (5) изучение ризомного развития в контексте того, что играизация является одним из факторов, способствующих порождению регуляторных механизмов, обеспечивающих функционирование социума в условиях неравновесности; (6) выявление амбивалентности играизации (одновременно выражает дезорганизацию и организацию); (7) исследование новых типов рациональности, формирующихся под влиянием играизации; изучение роли играизации как фактора конструирования, поддержания и изменения социальной реальности неравновесного типа, ее возможности для производства и поддержания толерантности.

Другим важным направлением научных исследований социологической школы МГИМО является изучение социальных аспектов глобальных процессов. В рамках этого направления разрабатывается теоретико-методологическая база для социологического исследования потенциала российской культуры по формированию собственной гуманистической альтернативы в рамках формирующейся многополярной модели глобальной культуры. Предполагается разработать собственно социологический аппарат исследования проблемы, которая до сих пор рассматривалась почти исключительно в рамках социальной философии и культурологии. В связи с этим будут предложены новые социологические методологии и методы исследования процессов глобализации и глокализации посредством дальнейшей разработки синергетических и постмодернистских подходов. Представителями социологической школы МГИМО показана специфика коммуникационных процессов в российском обществе, в том числе и особенности взаимодействия культур, а также сетевых связей на современном внутреннем и внешнем рынке, коммуникационные процессы, основанные на универсализации денег как символа, выходящего за пределы рыночной эффективности. Ученые МГИМО-Университета исследуют особенности социокультурных

институтов современного российского общества – в сферах экономики, управления, духовной жизни – формирующихся под воздействием глобализации и глокализации, тенденции взаимодействия самоорганизации и управляемости социокультурных институтов¹².

Третьим направлением исследований социологической школы МГИМО-Университета является проведение лексикографических исследований и создание социологических энциклопедических словарей, в том числе русско-английского и англо-русского словаря. В рамках данного направления предполагается решение следующих фундаментальных задач. (1) Показать подвижность границ социологических категорий, что приводит к многозначности используемых в научной литературе терминов. Ученые стремятся представить максимально полный спектр смыслов, который социологи вкладывают в те или иные социологические понятия. (2) Включить в научный оборот терминологию, относящуюся к новейшим актуальным проблемам социологических исследований, в числе которых нелинейная социокультурная динамика, социальные риски, проблемы здоровья человеческого тела, смена самоидентификации и другие. (3) Подготовка социологических энциклопедических словарей позволяет в значительной степени преодолеть коммуникационный и теоретико-методологический барьеры между учеными, представляющими различные социологические парадигмы. (4) Новые пласты лексики вводятся с учетом процессов структурного и функционального «старения» существующих обществ, возникновения эмерджентных эффектов и их терминологического выражения. (5) Значительный пласт лексики составляют термины, отражающие процессы глоболокализации, а также аутопоэзиса современного социума.

В традициях социологической школы МГИМО коллектив кафедры занимается теоретическим осмыслением актуальнейших проблем современности. Профессор С. А. Кравченко проводит теоретические и историко-социологические исследования новейших тенденций в развитии социологии. В рамках методологии социологического постмодерна С. А. Кравченко разрабатывает теорию, названную им «играизацией», которая исследует внедрение эвристических социальных практик в прагматические жизненные

Научные школы МГИМО

стратегии как результат увеличения неопределенностей и рисков, порожденных глоболокальными процессами. Профессором Н. Н. Зарубиной исследуется динамика цивилизаций Востока и Запада в контексте модернизации, постмодернизации и глобализации, что расширяет представления о целостности мирового исторического процесса. Разрабатывая своеобразную концепцию хозяйственной культуры на основе методологии М. Вебера с учетом специфики национальных культур России и ряда стран Востока, Н. Н. Зарубина обосновывает возможности цивилизационной компаративистики. На основании интегральной социологической методологии Н. Н. Зарубина ведет исследования социальных и культурных последствий развития глобальной финансовой экономики¹³.

Профессор М. О. Мнацаканян работает над новой этносоциологической интегральной теорией наций, в которой осмысливается социальная, культурная, социально-психологическая специфика межнациональных отношений в современном мире, природа межнациональных и межэтнических конфликтов в условиях глобализации¹⁴.

Профессор А. А. Овсянников в последние годы занят разработкой методологических и цивилизационных основ социологии глобализма. Он один из авторов книги «Население и глобализация» (М.: Наука, 2002; раздел «Социология глобализма: новый мир и традиции цивилизации»). Над проблемами глобализации успешно работает и доцент кафедры социологии Н. Н. Федотова. Доцент А. Л. Темницкий ведет исследования, посвященные изменениям трудовой и профессиональной мотивации в условиях трансформирующегося общества. Доцент К. А. Тарасов разрабатывает проблематику средств массовой коммуникации, в том числе социологии экранных искусств и кино. Доцент И. Г. Каргина исследует динамику религиозной жизни в условиях глобализации.

Другим направлением научно-исследовательской работы социологов МГИМО является развитие общей социологии, доведение новейших социологических знаний до специалистов, аспирантов и студентов. Профессор А. Б. Гофман – известный специалист по творчеству классика социологии Э. Дюркгейма. Им были подготовлены к публикации работы Дюркгейма. Доцент С. П. Баньковская является признанным специалистом по истории американской и западноевропейской

социологии. Труды многих теоретиков стали известны российскому читателю благодаря ее переводам и комментариям. Особо следует отметить книгу, подготовленную профессорами С. А. Кравченко и Н. Е. Покровским, посвященную творчеству выдающегося российско-американского социолога П. А. Сорокина¹⁵. В ней на языке оригинала представлены работы Р. Мертон, Э. Тиррихьяна, а также С. П. Сорокина, который поделился подробностями о ранее неизвестных сторонах личной и научной жизни своего отца. Следует отметить, что в марте 2009 года за особый вклад в национальную науку профессору С. А. Кравченко была вручена уникальная награда РАН – «Серебряная медаль имени Питирима Сорокина».

Результаты научно-исследовательской деятельности кафедры социологии находят свое воплощение в учебной работе со студентами¹⁶. Учебник С. А. Кравченко «Социология: парадигмы через призму социологического воображения» (М.: Экзамен, 2007) выдержал три издания, пользуется большой популярностью у студентов и аспирантов и занимает особое место в ряду лучших образцов обучающей и научной социологической литературы. Лексикографические метатеоретические исследования С. А. Кравченко получили выражение в «Социологическом энциклопедическом англо-русском словаре» (более 15 000 словарных статей) и «Социологическом энциклопедическом русско-английском словаре», содержащем более 10 000 статей.

Помимо общего курса социологии практически на всех факультетах идет преподавание эмпирической социологии, которую ведут профессор А. А. Овсянников, доцент А. Л. Темницкий и И. Г. Каргина. Итогом является проведение студентами самостоятельного учебного социологического исследования. Для этого в их распоряжении имеется лаборатория социологического мониторинга, оснащенная статистическими пакетами компьютерных программ для социальных наук. В ней ведется и научно-исследовательская работа, к которой подключаются лучшие студенты. В частности, были проведены такие исследования, как «Ценностные ориентации студентов МГИМО», «Социально-демографический портрет выпускников МГИМО разных лет», «Научно-педагогические качества преподавателей в оценках студентов МГИМО», «Организация системы питания в МГИМО» и др.

Следует особо отметить как характерную университетскую традицию – междисциплинарные влияния в сфере научных исследований в МГИМО. Крупные ученые – выпускники и сотрудники института выступают с общетеоретическими трудами, содержащими социально-философские обобщения современного мирового развития.

Эта традиция живет и ныне. Духовно-нравственная проблематика международных отношений лежит в основе межкафедрального проекта «Культура мира. Дипломатия и толерантность», объединившего кафедры философии, социологии, дипломатии, мировой культуры и Центр «Церковь и международные отношения» и получившего государственный исследовательский

грант¹⁷. Результатом межкафедральной кооперации явилось издание учебного пособия «Духовные основы мирового сообщества и международных отношений»¹⁸, а также тематического сборника «Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО»¹⁹.

Социологическая школа МГИМО уверенно смотрит в будущее. Об этом свидетельствует работа специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) социологических наук. Уже более 25 соискателям были присуждены искомые степени. Некоторые из них, в том числе доктора социологических наук В. П. Терин, С. В. Чугров, остались работать в МГИМО.

1. Францов Г. П. Исторические пути социальной мысли. М.: Мысль, 1965.
2. Георгий Павлович Францов (1903—1969). М.: Наука, 1974; Ашин Г. К., Мельвиль А. Ю., Шестопа А. В. Политическая наука: школа МГИМО // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2000. № 2. С. 192—200.
3. Шишкин А. Ф., Шварцман К. А. XX век и моральные ценности человечества. М.: Мысль, 1968.
4. Александр Шишкин [1902—1977]: Библиографический указатель, 1931—1979 / Сост. Т. В. Панфилова. Вильнюс: Б. и., 1983; Ашин Г. К., Панфилова Т. В., Шестопа А. В. Г. П. Францов, А. Ф. Шишкин и философская школа МГИМО // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 123—127.
5. Секция была создана в начале 1970-х годов по инициативе Д. В. Ермоленко, в 1980—1990-е годы ее работу возглавлял А. В. Шестопа. С 1993 года секция входит в состав Российского философского общества. См.: Мировое сообщество: философия политики и политические процессы. М.: Философское общество СССР, 1993; Власть. Политика. Дипломатия. Духовные основы внешней политики России: Материалы международной научной конференции. М.: Научная книга, 1997.
6. Юрий Александрович Замошкин (1927—1993) / Отв. ред. И. В. Тюлин; ред.: Л. Н. Митрохин, А. В. Шестопа. М.: МГИМО, 1998. (Выдающиеся ученые МГИМО-Университета МИД России; Вып. 1); Дмитрий Владимирович Ермоленко (1923—1986) / Отв. ред. И. Г. Тюлин; ред.: Г. К. Ашин, Б. С. Старостин, А. В. Шестопа. М.: МГИМО, 2000 (Выдающиеся ученые МГИМО-Университета МИД России; Вып. 2); Шишкин Александр Федорович (1902—1977) / Отв. ред. И. Г. Тюлин; ред.: Г. К. Ашин, Т. В. Панфилова, А. В. Шестопа. М.: МГИМО, 2003 (Выдающиеся ученые МГИМО-Университета МИД России; Вып. 5). В 2007 году вышло в свет второе, расширенное издание сборника, посвященного Ю. А. Замошкину, где сделана попытка осмыслить не только его жизнь и творчество, но и судьбу поколения, к которому он принадлежал.
7. См., напр.: Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4-го Конвента РАМИ. В 10 т. Т. 3: Время и пространство мировых религий и локальных культур. Локальные культуры и межцивилизационный диалог / Под общ. ред. А. Ю. Мельвиля; ред. тома В. С. Глаголев, А. В. Шестопа. М.: МГИМО-Университет, 2007.
8. Философия мировой политики: Актуальные проблемы / Под ред. Г. К. Ашина, А. В. Шестопала. М., 2000; Перспективы цивилизации: Философские проблемы: Учебное пособие / Под ред. Г. Ф. Хрустова, А. В. Шестопала; МГИМО(У) МИД России, кафедра философии. М.: МГИМО-Университет, 2009.
9. Практическая психология для дипломатов: Учебное пособие / Под общ. ред. Р. Ф. Додельцева. М.: МГИМО-Университет, 2007.
10. Хрустов Г. Ф. Теория факта / Под ред. Г. К. Ашина. М.: МГИМО-Университет, 2005.
11. Торкунов А. В. Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря. С. 11.
12. Зарубина Н. Н. Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации // Социологические исследования, 2008, № 10; Каргина И. Г. Самоидентификация верующих: социальная мотивация. (По материалам социологического исследования «Почему я не в церкви?») // Социологические исследования. М., 2004. № 1; Носкова А. В. Демографические тенденции и этнические процессы: специфика московского мегаполиса // Социальная политика и социология, 2008. № 2; Носкова А. В. Кризис семьи в России: глобальные процессы и исторические особенности демографического развития // Россия в глобальном мире: современные реалии и перспективы развития. Материалы XVIII Международного социального конгресса 25—26 ноября 2008 г. М.: Изд-во РГСУ, 2009.
13. Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1998; Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: Магистр, 1998; Зарубина Н. Н. Бизнес в зеркале русской культуры. М.: Анкил, 2004; Зарубина Н. Н.

Научные школы МГИМО

- Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе. М.: Логос, 2006.
14. Мнацаканян М. О. Нации: психология, самосознание, национализм: (интегральная теория). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Анкил, 1999; Мнацаканян М. О. Интегрализм и национальная общность: Новая этносоциологическая теория. М.: Анкил, 2001; Мнацаканян М. О. Нации и национализм: Социология и психология национальной жизни. М.: ЮНИТИ, 2004; Мнацаканян М. О. Культуры. Этносы. Нации. М.: МГИМО-Университет, 2005.
 15. Return of Pitirim Sorokin / Ed. by S. A. Kravchenko, N. E. Pokrovsky; Pitirim Sorokin –Nikolai Kondratieff International Institute; American University in Moscow. М., 2001.
 16. Кравченко С. А., Мнацаканян М. О., Покровский Н. Е. Социология: парадигмы и темы: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Анкил, 1998 (работа удостоена премии им. Г. П. Францова); Кравченко С. А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь = Sociological Encyclopedic English-Russian Dictionary. М.: РУССО, 2002; Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь = Sociological Encyclopedic Russian-English Dictionary. М.: АСТ; Астрель, 2004; Кравченко С. А. Социология: Парадигмы через призму социологического воображения: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2007; Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М.: МГИМО-Университет, 2006; Кравченко С. А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: МГИМО-Университет, 2007; Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009.
 17. Культура толерантности: Опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / Под общ. ред. И. Г. Тюлина. М.: МГИМО-университет, 2004.
 18. Духовные основы мирового сообщества и международных отношений. М.: МГИМО, 2000.
 19. Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО: Сборник научных статей / Под ред. Г. К. Ашина, С. А. Кравченко. М.: МГИМО, 2002.

РИСКИ ГРЯДУЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ: НУЖНЫ СОЦИОЛОГИ- РИСКОЛОГИ

Кравченко С. А.

В статье рассматриваются потенциальные риски, связанные с грядущей модернизацией страны, программа которой была выдвинута Президентом России Д. А. Медведевым. Автор утверждает, что современные вызовы рисков обусловлены, прежде всего, амбивалентностью самого процесса инноваций в науке и технологиях: их результаты несут в себе не только ожидаемые блага для людей, но и ненамеренные последствия в виде новых опасностей. Анализируется проблема инновационных подходов к безопасности страны в контексте новых перспектив управления рисками. Обосновывается положение, согласно которому преодолеть вызовы рисков можно, развивая творческое и гуманистическое мышление, осуществляя подготовку профессиональных специалистов социологов-рискологов и риск-менеджеров.

Ключевые слова: кризис, социокультурная динамика, самоорганизации, безопасность, нелинейно-гуманистическое мышление, гуманизм

Keywords: crisis, sociocultural dynamics, self-organization, security, non-linear-humanistic thinking, humanism

В Послании Федеральному Собранию Президент России Д. А. Медведев отметил, что в прошлом веке предпринимались неоднократные попытки превращения страны в великую мировую державу. На этом пути мы добились всемирно признанных успехов: лидировали в создании космических, ракетных, ядерных технологий. И, тем не менее, Советский Союз «не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами»¹. Ныне выдвинута новая стратегия модернизации: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанный на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям»². Краткий контент-анализ его выступления позволяет дать общее представление о программе модернизации, ее векторе. Слово «модернизация» употребляется 20 раз, «инновация» – 14, «стратегия» – 11, «информация» как сущностная характеристика будущего общества – 18, «риск» – 3, «опасность/безопасность» – 12, «гуманизм» – 2, «культура» – 19 раз.

Ясно, что в масштабных преобразованиях страны без рисков не обойтись. Какие же факторы являются гарантом того, что нынешняя модернизация не станет очередным утопическим скачком в «счастливое будущее» и будет успешно воплощена в жизнь в отличие от всех предшествующих модернизаций? Их три основных. Во-первых, *анализ причин прошлых неудач*, которые видятся в «закрытости общества» и «тоталитарном политическом режиме». Это, несомненно, все так. Но, представляется, необходимо назвать еще одну весьма значимую причину – *ни одна из предшествующих программ не опиралась на достижения мировой общественно-научной мысли*, что в принципе можно было бы сделать сравнительно легко. Приведу лишь один частный пример из нашей недавней истории 1990-х, когда достижения общественной науки уже были доступны, но, к сожалению, не востребованы. Бесспорно, Россия созрела для свобод и демократии. Но их утверждение, согласно науке, требует *адекватного социального времени*. Как показал еще классик социологии Э. Дюркгейм, быстрый переход от одних ценностей и другим (неважно от каких к каким) неизбежно порождает идейный разброд, ценностный вакуум, аномию,

Научные школы МГИМО

являющуюся, по существу болезнью общества, симптомы которой – резкое увеличение девиантного поведения в виде значительного роста самоубийств, правонарушений и других проявлений социальной деструктивности. Прежняя модернизация в виде «шоковой» терапии, не учитывавшая элементарное социологическое знание, привела общество к болезни, последствия которой еще полностью не преодолены.

Второй фактор – ставка на *общественную инициативу, самоорганизацию*: «Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей»; «воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире»; «укрепление демократических институтов на региональном уровне»³ и т.д. Однако развитие самоорганизации предполагает переход к *принципиально новым рискам*, которые обязательно несут в себе потенциал *ненамеренных и непредвиденных последствий*. Это очень серьезная проблема, которая в прежних модернизациях просто игнорировалась, что и приводило к их половинчатости, незавершенности, а то и провальности. Если техногенные риски как-то принимались во внимание, просчитывались, то риски социальные игнорировались: никто из прежних руководителей просто не задумывался о непредвиденных и ненамеренных последствиях «скачка» в иное общество, что предполагало разрывы социума, связанные, в частности, с попытками осуществить то «отмирание» государства, то утверждение «самоуправления народа посредством самого народа», то взятие суверенитета по принципу «кто сколько может». Готовы ли к *цивилизованной* самоорганизации ныне существующие общественные структуры с их достаточно ригидными функциями, ориентированными на административное управление, на распоряжения, спускаемые сверху? Насколько рядовые россияне субъективно предрасположены к инициативным действиям с учетом особенностей нашего национального характера и исторических социальных практик? Исследования социологов выявили существующие здесь очевидные парадоксы и «кентавризмы»: с одной стороны, большинство россиян – за свободы и демократию, а с другой – сохраняются вождистские ориентации, расчет на государственный патернализм, боязнь инициативы, которая, как известно, «всегда наказуема»⁴. Кроме того, будет ли учтен прежний опыт общественно *дисфункциональной* самоорганизации, характерный для 1990-х годов? Если не дать ответы на эти и подобные вопросы, если не перевести проблемы в плоскость принятия во внимания *латентных*

компонентов общественной инициативы, нас ожидают *коллизии* между самоуправлением и государственным управлением, рост *неуправляемости рисками*, резкое *увеличение непредвиденных последствий* модернизации.

Третий фактор – акцент на *интеллектуализм и прагматизм*: «Вместо сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками, будем проводить умную внешнюю и внутреннюю политику, подчиненную сугубо прагматичным целям»⁵. В нашем понимании, это, прежде всего, *учет объективных реалий* увеличивающейся и усложняющейся социокультурной динамики, рискогенности открытого самоорганизующегося социума, неожиданных бифуркаций, которые становятся почти нормой. В само Бытие, как считает Нобелевский лауреат И. Пригожин, включаются состояния хаоса, которые являются источниками движения и самоорганизации⁶. Это – *субъективный фактор* в лице *профессионально* подготовленных специалистов, представляющих научную рискологию и эффективно функционирующий риск-менеджмент. Насколько же готовы объективный и субъективный факторы к грядущей модернизации?

Поставленные вопросы диктуют необходимость обстоятельнее остановиться на рисках грядущей модернизации страны.

Динамичная, многоликая природа риска

Объективное содержание риска и его интерпретации в сознании людей находятся в постоянном изменении. Их суть детерминирована культурным пространством (включая локальный и глобальный контекст), временем, сферой жизнедеятельности людей. Но главное, сущность риска существенно изменяется в контексте модернизаций социума, осуществляемых в сравнительно короткий исторический период, когда наблюдается резкий рост новых «случайных» опасностей, являющихся, как правило, результатами *ненамеренных последствий* более или менее спланированных коллективных действий людей.

В европейские языки, прежде всего в итальянский и испанский слово «риск» входит вместе с *модернизацией эпизодического культурного взаимодействия* между народами, что связано с распространением мореплавания: увеличиваются разного рода несчастья, появляются риски морских разбоев и первые попытки управления рисками – зарождается страхование. «Риск» включается в словари немецкого и французского языков лишь начиная с середины XVI века, английского – только со второй половины XVII века. В Словаре В. И. Даля дается следующее определение: «Рискованье, риск – отвага, смелость,

решительность, предприимчивость, действие на авось, наудачу. Рисковое дело – неверное, отважное. Рискователь – рискующий... отважный человек»⁷. Как видно, наши предки с незапамятных времен, так или иначе, сталкивались с разного рода неопределенностями, что стимулировало *десакрализацию* риска: в определении речь идет о *решении* индивида *действовать*, что может принести как удачу, блага, так и, напротив, ущерб. Но в то время риск не был институализирован, касался весьма ограниченного круга людей, являясь побочным продуктом опасной деятельности.

Риск обретает принципиально новое содержание в процессе *индустриальной модернизации* в начале XX века, когда повсеместно в экономические практики, менеджерскую деятельность входит проблематика неопределенности как одного из возможных исходов. Для интерпретации феномена риска выдвигаются математические, экономико-социальные, статистические подходы. То было время веры в возможность исключительной рациональной деятельности человека, которая практически рассматривалась как панацея от всякого рода негативных неопределенностей и ущербов. Впервые проблему рационального поведения людей в условиях риска и неопределенности поднял американский экономист Фрэнк Найт в 20-е годы прошлого столетия. Ученый был убежден в том, что в большинстве случаев неопределенность можно измерять, калькулировать с помощью математических или статистических методов и тем самым создать рациональный механизм управления рисками⁸.

Содержание рисков существенно изменилось в процессе *послевоенных модернизаций*, когда научно-технические, социальные, политические инновации практически стали повседневную нормой, вошли в жизнь всех людей. Кроме того, возникли *принципиально новые* риски, определение качества которых выходит за пределы возможностей научного аппарата математики и статистики, ибо функционирование новейших технологий, развитие демократической и предпринимательской самоорганизации несут в себе *латентные* рискогенные факторы, которые нельзя оценить с помощью линейных каузальных связей. В самом деле, далеко не все риски (политические, экологические, медико-биологические, технологические и т.д.) можно выразить с помощью математического инструментария и в терминах страхования, прибегая к денежному эквиваленту. Кроме того, самостоятельную значимость приобретает человеческий фактор в рискованных ситуациях. Все эти моменты попытался учесть

французский ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике Морис Алле, который в 50-е годы прошлого века предложил *социально-психологический* подход к рискам, нацеленный на изучение *выбора альтернатив в условиях риска*, учет *субъективных, культурно обусловленных деформаций* объективных реалий (индивид рассматривает лишь те вероятности, которые он себе представляет в контексте своей культуры, приобретенных знаний, а не те, какие существуют в действительности). Грань между объективным содержанием риска и его субъективным восприятием крайне *подвижна в различных культурах и субкультурах*. Соответственно, разные социальные группы по-разному *социально конструируют* риск, исходя из специфики приобретенного *риск-опыта*. Сказанное касается даже *научного* знания о рисках. Каждая наука имеет свою предметную сферу исследования риска и дает ему *свое определение*.

С тех пор как ученые осознали сложную, динамичную, многоликую природу рисков, увеличивается, соответственно, и разнообразие теоретико-методологического инструментария его изучения. Риск стал предметом многих наук. Но если *отдельные типы* рисков в *конкретных сферах* жизнедеятельности изучаются специалистами соответствующих направлений научного знания, то сложные по структурам и функциям риски, глоболокальные риски, интерференция рисков – наложение друг на друга последствий технологических, экономических, социальных, политических, экологических, медицинских и иных рискогенных факторов – исследуются практически только *социологами-рискологами*, которые настаивают на введении *качественных, культурных* измерений новых рисков. В них важнейшими составляющими является изучение *латентных последствий* риска, фактор *социальной ответственности*: ныне все чаще представителям многих профессий – политикам, дипломатам, энергетикам, химикам, биологам, медикам и другим – подчас необходимо принимать весьма рискованные решения и действия, которые сулят прорывы к инновациям, в первом приближении, несут очевидные блага, но они же, *если выйдут за допустимый порог саморегуляции* той или иной сложной системы, могут привести к потере управляемости инновационными процессами и катастрофическим социальным последствиям. Достаточно вспомнить политические решения по освоению инновационных технологий, осуществлявшихся во имя престижа Отечества, которые принимались без учета взаимозависимости сложных систем, их потенциальной рискогенности. Риски проявили себя лишь через десятилетия.

Научные школы МГИМО

Д. А. Медведев в своем Послании конкретно обозначил их: это риск увольнения людей с предприятий, которые по тем или иным причинам перестали функционировать, – таких у нас более 1 миллиона человек, это и рискогенные социальные ситуации в моногородах, которых в России несколько сотен и в них живут более 16 миллионов человек⁹.

Если эта тенденция – *отложенных ненамеренных негативных последствий* – справедлива для рисков общества пятидесятилетней давности, то она тем более актуальна сегодня, когда содержание риска стало существенно более сложным. Эту тенденцию обязательно необходимо принять во внимание при проведении нынешней модернизации – она включает в себя потенциальные рискогенные вызовы. Создатель теории «Общества риска» немецкий социолог Ульрих Бек, говоря о сути современных рисков, отмечает: «Риски не исчерпываются уже наступившими следствиями и нанесенным ущербом. В них находит выражение существенная компонента *будущего*... В каком-то очень важном смысле они (риски) *реальны* и одновременно *нереальны*. С одной стороны, многие угрозы и разрушения уже реальны: загрязненные и умирающие воды, гибнущие леса, неизвестные ранее болезни и т.д. С другой стороны, социально направленная тяжесть аргументов риска приходится на *угрозы, ожидаемые в будущем*»¹⁰.

И еще один принципиальный момент. Если столетие назад за последствия рискованных действий отвечал сам рискующий или, в крайнем случае, социальная группа, к которой он принадлежал, то ныне решения принимаются коллективными акторами, которых, как правило, невозможно персонально идентифицировать, при этом последствия рискогенных решений ложатся на плечи всех членов общества. «От доиндустриальных природных бедствий риск отличается тем, что его истоки надо искать в решениях, которые принимаются не индивидами, но целыми организациями и политическими группами», – пишет У. Бек. – В «Обществе риска» за риски «ответственны люди, фирмы, государственные учреждения и политики»¹¹.

Обобщая сказанное, мы исходим из того, что *риск – динамичный феномен, постоянно усложняющийся под влиянием* социокультурной динамики, самоорганизации социума. Кроме того, субъективное восприятие риска может не отражать его объективное содержание, зависит от множества культурных факторов. К наиболее ныне значимым и проблемным для грядущей модернизации отнесем *социальную дистанцию – увеличения/уменьшения расстояния до рискогенного источника*. Классик социологии Георг Зиммель

отмечал «трагизм» массовой культуры, выражающийся в том, что человек становится «циничным», все более близоруким, «недалеко чувствующим». Так, риски вооруженного конфликта, идущего в другой стране, подчас, воспринимаются менее значимыми, по сравнению с рисками этнических конфликтов или экологическими рисками в собственной стране. Однако это *иллюзорный эффект*: фактически глобализация сокращает социальную дистанцию до источников риска, которые, в свою очередь, имеют тенденцию к пространственному расширению. Есть, конечно, риски, которые сохраняют свою значимость лишь в *локальном* контексте и *пока* практически не касаются национальной безопасности России (риски эпидемий ряда болезней, голода, сокращения запасов питьевой воды, энергетических ресурсов). Однако тенденции усложняющейся социокультурной динамики все более придают этим рискам *глобальный* контекст, значимый и для России. Умная внешняя и внутренняя политика, подчиненная прагматическим целям, за которую ратует Президент, предполагает, что россиянам должно быть дело до всех значимых источников риска, на какой бы дистанции они бы от нас не находились.

Таким образом, с учетом динамичной, многогранной природы риска мы предлагаем следующее его определение: риск есть возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия¹².

Подчеркнем, без *осознанного* принятия актором решения, без активного анализа опасности и осуществления действия *нет риска*. В таком случае речь идет лишь о наличии *опасности*. Из этого следует, хотя современных рисков вообще избежать невозможно, они имманентная составляющая современности, ими *можно и нужно управлять*, ибо риски – суть *осознанных* выборов альтернатив, осуществляемых людьми. От того, какие сделают выборы россияне в контексте ориентации на самоорганизацию, включают ли они в расчет явные и латентные факторы принимаемых решений, будут ли проанализированы как ожидаемые, так и их ненамеренные последствия, каково будет при этом соотношение интеллектуального, прагматического и гуманистического компонентов, будет, в конечном счете, аккумулирующий результат

модернизации. Эффективное управление рисками во многом зависит от демократически организованной борьбы идей за конкретные альтернативы. Здесь, очень уместны соображения Д. А. Медведева: важна «возможность для открытого обсуждения возникающих проблем, для честного соревнования идей, определяющих методы их решения»; необходимо создавать «дополнительные условия для свободной, справедливой и цивилизованной конкуренции между партиями»²³.

Рискогенность модернизации

Президент поставил вопрос «выживания нашей страны в мире», квинтэссенция которого в следующем: «Мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы».

Прежде всего, отметим, что грядущая модернизация разворачивается на очень неблагоприятном фоне *обновления ситуаций риска* в мировом сообществе. Они обязательно повлияют на характер нашей нынешней модернизации, привнеся *дополнительные*, в ряде случаев «чужие» нам риски. Назовем лишь некоторые из них. Это – риски современного глобального кризиса, который, по нашему мнению, вызван не только и даже не столько финансовыми и экономическими проблемами, сколько «устареванием», дисфункциональностью основополагающих форм западной культуры, включая идеологии, ценности, стили жизни²⁴. Примечательно, что новая Администрация США развернула борьбу с «культурой жадности», осознавая, что без этого не решить экономико-финансовые проблемы. Это – риски политических катаклизмов, связанные со становлением многополярного мира. Во многих странах Востока и Юга разворачиваются свои национальные модернизации, основанные на ценностях локальных культур, противостоящих западной культуре, что само по себе производит политические неопределенности. Это – риски, вызванные стремлением ряда политических лидеров обрести новые идентификации своих стран, подчас, ценой военных и технологических инноваций, рискогенных для всего мира, прибегая также к провоцированию всевозможных конфликтов. По существу, они оказались не готовыми к деятельности в условиях глобализирующегося мирового сообщества, продолжая видеть свои локальные проблемы через призму силового развития: наращивают потенциал для достижения собственной безопасности без оглядки на интересы и безопасность соседей, воспроизводя так или иначе риски прежнего противостояния «врагов» и «друзей». Это – риски новых заболеваний, причина

которых не столько в медицинских, сколько в разнообразных социокультурных факторах. К ним, частности, относятся: открытость глобализирующегося социума, что порождает невиданные ранее миграционные и туристические потоки, изменения в образе жизни, диетах, развитие культурно обусловленных синдромов и т.д.

Эти и другие риски мирового сообщества, конечно, должны быть учтены в процессе модернизации. Но главное – последствия технических и научных инноваций *амбивалентны*. Они несут не только *блага*, на которые изначально ориентированы, но и новые проблемы, а то и *беды*, являющиеся, как правило, *ненамеренным*, сопутствующим результатом. Нужно быть готовыми к тому, что *любые* инновации рискогенны по своей природе. Это значит, как считает американский социолог Ч. Перроу, что следует ожидать увеличения рисков «нормальных аварий»²⁵ – сложные технологические системы потенциально рискогенны, в них роль человеческого фактора возрастает. Ускоряющаяся и усложняющаяся динамика знания и жизнедеятельности приводит к тому, что даже рекомендации экспертов содержат весьма большой потенциал риска при их реализации. При этом к «нормальным авариям» необходимо относиться не как к неизбежной данности, а осуществлять *планомерный мониторинг* сложных систем, тем самым будут сэкономлены средства на борьбу с последствиями аварий техногенного толка, возможными политическими и экономическими кризисами.

Аналогично, сложные социальные системы, основанные на сетевом взаимодействии самоорганизованных акторов, также потенциально рискогенны, чему способствует и фактор стирания непосредственных каузальных связей между акторами, рисками и опасностями. Они обретают весьма сложный *неодетерминистский* характер: отклик рискогенного поведения самоорганизованного актора в ответ на проблемы/опасности, произведенные другими акторами, может быть не адекватен и даже противоположен тому, что ожидается. Президент считает, что социальные акторы, находящиеся в сетевом взаимодействии по всей стране, особенно *в разработке инноваций*, должны, соответственно, *разделять риски*: «Институты развития должны заниматься поиском и отбором перспективных проектов по всей территории страны, предоставлять финансовое содействие инновационным предприятиям, в том числе малым инновационным предприятиям, которые создаются сегодня по известному закону при вузах и научных учреждениях, при этом разделять риски и частными инвесторами».

Научные школы МГИМО

Следует также прогнозировать, что под влиянием модернизации получат распространение так называемые *эффекты неожиданных бифуркаций*. В точке бифуркации, согласно теории «динамического хаоса» И. Пригожина, разрывы социума, переходы в новое состояние происходят под влиянием даже малозначительных воздействий, что, естественно, рискогенно, влечет неопределенности, в частности, возможное *деление* конкретной рискогенной ситуации на ряд самостоятельных потенциальных опасностей, но, возможно, и прорывных эффектов, функционально приносящих блага людям.

При всем том, что риски модернизации, несомненно, поставят перед россиянами много неожиданных, возможно, даже экзистенциальных проблем, эти проблемы не сопоставимы с проблемами *риска демодернизации*. Российский социолог-рисколог О. Н. Яницкий подчеркивает архиважность решения проблемы *риска демодернизации* российского общества, что ведет к нефункциональности и дисфункциональности в экономике, социальной жизни, политической сфере. В частности, он отмечает возникновение рисков «теневизации» экономики, рост численности групп риска (безработные, бомжи, беспризорные дети и др.), политическую маргинализированность альтернативных общественных движений и оппозиционных партий⁴⁶. Крайней дисфункциональности общества, по его мнению, способствуют риски беспредела, превращающие общество в анτισообщество⁴⁷.

Модернизация за счет развития самоорганизации позволяет вывести страну на уровень качественно более высокого социального порядка. Как это не парадоксально, залогом тому являются неопределенности, обусловленные *плюрализмом возможностей* организации жизнедеятельности, и риски самотворения, самоорганизации. Президент Международной социологической ассоциации (1994—1998) И. Валлерстайн прямо рассматривает неопределенность, наличие альтернативных путей как фактор, позволяющий сделать общество качественно лучше: «Мы были бы мудрее, если бы рассматривали эту неопределенность не как нашу беду и временную слепоту, а как потрясающую возможность для воображения, созидания, поиска. Множественность становится не поблажкой для слабого или невежды, а рогом изобилия, помогающим сделать мир лучше»⁴⁸.

Отсюда следует, что нужно не противостоять, а принять факторы неопределенности, используя их для *общественно значимого* функционального развития, имея также в виду, чтобы они *в принципе были управляемы* институциональными

структурами. В связи с этим особо отметим потенциальные риски развития *самоорганизации*. Наш предыдущий негативный опыт по развитию общественных инициатив требует подойти к проблемам развития самоорганизации в контексте модернизации серьезно.

В условиях относительно закрытого социума административно-командная система управления была достаточно эффективной (по меркам той исторической эпохи). Однако ее судьба была предreshена усложняющейся социокультурной динамикой, появлением *самоорганизованных акторов* как индивидуальных, так и коллективных. И система была разрушена, но без создания новой системы управления, адекватной требованиям времени. Как отмечает академик Т. И. Заславская, к тому социальному порядку «более применимо понятие *спонтанной трансформации* общественного устройства, ни генеральное направление, ни конечные результаты которого не предreshены»⁴⁹. Спонтанная трансформация стала мощным фактором изменения структур и функций самого общества и, конечно, самих россиян, их мышления, идеалов и ценностей. *Государство утратило монополию на легитимное насилие* – спонтанно возникли вооруженные криминальные структуры и частные охранные предприятия, практически никому не подконтрольные. Также спонтанно шел процесс разгосударствления собственности, создания институтов рыночной экономики и параллельно – всевозможных финансовых пирамид. В итоге в стране возникли невиданные ранее риски хаотизации общественной жизни, проявляющейся буквально во всех сферах.

Подобная ситуация в значительной степени преодолена и в процессе модернизации ее можно в принципе еще улучшить. Для этого необходимо двигаться в направлении нахождения оптимального соотношения самоорганизации с государственным управлением как цивилизованного, рационального и гуманистического способа взаимодействия людей с их участием, предполагающего углубление разделения общественного труда, соответственно, превращение управления в *самостоятельный* механизм жизнедеятельности. «Социальное управление, в котором не участвуют те люди, для решения проблем которых оно создано, – отмечает известный российский специалист по социологии управления А. В. Тихонов, – просто перестает быть управлением и становится элементарной и беззастенчивой манипуляцией людьми, фактором отчуждения людей от общих задач, интересов»⁵⁰. В итоге производятся риски политической апатии и недоверия к ряду институтов демократии.

Инновационное управление, на которое ориентирована модернизация, не должно подавлять самоорганизацию и не потворствовать ее девиантной направленности, а всемерно развивать *общественно значимую* самоорганизацию. В противном случае общество столкнется с рисками «отложенных» опасностей в виде разного рода чрезвычайных ситуаций. Здесь необходим реализм, взвешенный учет возможностей: можно прогнозировать, что разные социальные группы россиян, объективно живущие в различных темпомирах, не смогут одновременно и быстро адаптироваться к требованиям современно понимаемых самоорганизации и управления. Но эти люди не должны стать «отбросами» модернизации, воспроизводя модернизационную маргинальность или девиантную самоорганизацию.

Инновации в безопасности: управление рисками

Содержание безопасности *многолико* и *динамично усложняется*, зависит от множества факторов, *значимость которых меняется во времени и пространстве*. Соответственно, появляются новые составляющие безопасности в контексте предстоящей модернизации. В Послании, как нам представляется, Президент дал *инновацию трактовку безопасности России*, которая органично, комплексно включает в себя следующие составляющие: *безопасность граждан*, основанная на переходе к *здоровому образу жизни*, *экологическая безопасность*, *общественная безопасность*, *безопасность России на международной арене*.

Если прежние модернизации страны осуществлялись *за счет* человеческих ресурсов, реальной жизни простых советских людей, которая зачастую приносилась в жертву Отечеству, то нынешняя модернизация осуществляется прежде всего *для* россиян, имеет цель обеспечение *безопасности*, включая *улучшение здоровья*. «Отечественная экономика, – отметил Президент, – должна, наконец, переориентироваться на реальные потребности людей, а они сегодня главным образом связаны с обеспечением безопасности, с улучшением здоровья, с доступом к энергии и с доступом к информации». В такой плоскости проблемы модернизации, по определению *рискогенные*, еще никогда не ставились.

Модернизация изменит соотношение между старыми и новыми рисками безопасности и здоровья. Несомненно, снизится доля определенных традиционных рисков, чему будут способствовать инновации науки и техники. Пожалуй, наиболее существенные перепады в профилях традиционных и новых рисков можно наблюдать

в медицине, что обусловлено существенными изменениями медицинских воззрений на патологию, внедрением инновационных методов лечения²¹. Если еще совсем недавно риски смертности от инфекционных болезней были наибольшими, то использование в медицинских практиках все новых, более совершенных антибиотиков радикальным образом изменило риски причин смертности – на первое место вышли риски смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и рака. Аналогично, если риск заболевания диабетом практически отсутствовал в бедных странах (изначально диабет трактовался как болезнь богатства), то ныне, как отмечает испанский социолог М. Л. Рей, риск заболеваний диабетом в развивающихся странах «драматически увеличивается»²².

Естественно, что и в России динамика рисков заболеваемости также изменяется. К сожалению, болезни усложняются и по мере инноваций в технике и образе жизни преподнесут еще много неприятных сюрпризов. Но и этими сложными рисками можно управлять. «Важнейшее для наших граждан направление работы, – отметил Д. А. Медведев, – развитие медицинской техники, технологий и фармацевтики. Мы обеспечим людей качественными и доступными лекарственными средствами, а также новыми технологиями профилактики и лечения заболеваний, в первую очередь тех, что являются наиболее распространенными причинами потери здоровья и смертности». Президент добавил, что это проблема не только российская, но и мировая, поэтому «нужно активнее развивать партнерство с ведущими зарубежными разработчиками и производителями, имея в виду и организацию в России передовых исследований в медицинской сфере»²³.

Важен и еще один принципиальный момент. Безопасность – это не только собственно здоровье человека, но и *здоровый образ жизни* нации в целом. Президент подчеркнул: «Наряду с внедрением новых технологий профилактики и лечения необходимо с особым вниманием относиться к созданию мотиваций и условий для здорового образа жизни»²⁴.

Составляющей безопасности страны является природная среда, в которой живут россияне. Проблема эта не только наша, но и мирового масштаба: экосистемы разрушаются и на глобальном и на локальном уровнях. С модернизацией, неизбежными новыми рискогенными вызовами природе, увеличивается значимость *экологической безопасности*: «Мы обязаны думать, – сказал Президент, – какие природные богатства сможем сохранить и передать будущим поколениям»²⁵.

Научные школы МГИМО

Проблемы общественной безопасности в стране за последние годы существенно осложнились. На наш взгляд, одна из важнейших причин тому – недооцененные *латентные риски открытого общества*. Открытое общество дает его членам новые, невиданные ранее преимущества для полноценной жизнедеятельности²⁶. Многие народы, включая россиян, стремятся жить в открытом обществе. Однако не все так просто. Наряду с очевидными благами открытое общество несет в себе *имманентные риски* общественной безопасности. Границы страны *перестают быть охранительными рубежами* в отношении иных культурных ценностей. Дело не в простом увеличении культурных артефактов, приходящих к нам по каналам глобализации, и не в возникшем разнообразии конкурирующих идей.

Важнейшей проблемой общественной безопасности становится *усложняющееся изменение само по себе*, к которому существующие институциональные структуры оказались не готовыми. Это не какое-то отдельное изменение, но сам по себе *рискогенный* образ жизни в условиях всеобщих перемен, когда *нормой* или, по крайней мере, *обыденностью* становится экспансия самых разных «чужих» контркультур, появление новых форм девиантного и криминального поведения, включая терроризм. Кроме того, увеличивается производство *новых* маргинальных групп – людей не временно безработных, а тех, которые вообще по культурным, психическим причинам не могут адаптироваться к усложняющейся социокультурной динамике, что неизбежно порождает все *новые социальные группы риска*. Все эти и другие «чужие» рискогенные факторы прямо влияют на характер нашей общественной безопасности, создают новые вызовы для здорового образа жизни, что не может не учитываться при модернизации общественной безопасности. Подчеркнем, *многие новые формы преступлений и девиаций не имеют корней в нашей культуре*.

Открытое общество привело к неизбежной конкуренции систем институционально организованных идеалов. Столкнулись разные представления о лучшей/нормальной жизнедеятельности, трактовки значимости прав и обязанностей и, соответственно, понимания безопасности (акцентирование личной или коллективной безопасности). По нашему мнению, одной из основных причин коррупции – ценностное безнормие, аномия, возникшая в конце 90-х годов прошлого столетия.

С такими рисками общественной безопасности страна еще не сталкивалась и *модернизация в принципе направлена на управление ими*. Комплекс возникших вызовов необычайно сложен.

Объективности ради отметим, что многие россияне предрасположены к *упрощенным* подходам к новым сложным проблемам безопасности. Социологические опросы свидетельствуют, что 63 % граждан согласны мириться с некоторыми ограничениями своих прав и свобод ради «интересов безопасности». Категорически не хотят поступиться свободой только 6 %, а остальные в раздумьях²⁷. Однако, дилемма свобода или безопасность – ложная дилемма. Без свобод и прав человека риски не исчезнут, качество общественной безопасности не изменится к лучшему. Конечно, возможна «частичная обратимость процессов эволюции в сложных системах»²⁸. Однако в принципе «убежать» от тенденций современности нельзя. Современное общество – *сложное, инновационное* общество, и жизнь в нем отнюдь не предполагает «райское наслаждение» и «блага полным потоком». «По-настоящему современным, – отметил Д. А. Медведев, – может считаться только общество, настроенное на непрерывное обновление, на постоянные эволюционные преобразования социальных практик, демократических институтов, представлений о будущем, оценок настоящего, на постепенные, но необратимые перемены в технологической, экономической, культурной областях, на неуклонное повышение качества жизни»²⁹. Соответственно, в таком обществе *не может быть простых решений сложных проблем*, к каким относится и проблема общественной безопасности. Основные тяготы ее решения легли на плечи правоохранительных органов. «Их работа, – отметил Президент, – сопряжена с риском для жизни. Они трудятся на передовой линии борьбы с преступностью, защищают основы конституционного строя»³⁰.

Вместе с тем, Д. А. Медведев отметил, что одними наказаниями ни проблемы коррупции, ни другие вызовы общественной безопасности не решить. Соответственно, модернизация предполагает сделать открытыми для общества все сферы государственного управления, создание апелляционных инстанций в судах общей юрисдикции, очищение рядов милиции и специальных служб от недостойных сотрудников, меры по решению социально-экономических проблем нуждающихся, по упорядочиванию трудовой миграции. Словом, россиянам, чтобы быть современными, придется *учиться управлять рисками* общественной безопасности, откуда бы они не исходили, *в условиях открытого общества, развития свобод и демократии* – нельзя больше отгораживаться от остального мира.

В свете модернизации *проблема безопасности России на международной арене* во многом

поставлена по-новому. Речь шла о том, чтобы проводить внешнюю политику, исходя из принципов *неделимости безопасности* для всех народов мира, *взаимозависимости экономической и военной безопасности*, *толерантного отношения* к культурному, политическому и экономическому разнообразию, в целях формирования *справедливых отношений*. «Мы уже сейчас вместе занимаемся реформированием мировой финансовой архитектуры и системы безопасности, – отметил Президент, – фактически модернизируем их для учета интересов как можно большего количества государств, для формирования справедливых отношений в мировой политике и экономике». Он прямо подчеркнул, что ради выполнения новых задач, обусловленных модернизацией, российское руководство готово к самоизменению, проявлению гибкости во внешней политике: «мы сами должны поменять свои подходы, больше думать о том, как выстраивать совместную работу». При этом Президент особо ориентировал дипломатическую работу на экономические интересы страны, чтобы к нам приходили инвестиции, новейшие научные и технологические разработки. «Ее результаты, – говорил он, – должны выражаться не только в конкретной помощи российским компаниям за рубежом, не только в усилиях по продвижению брендов отечественных товаров и услуг, хотя это все очень важно, но и в объемах привлеченных зарубежных инвестиций, а главное – в притоке в страну новейших технологий»³¹.

По существу, модернизация предполагает движение в направлении сетевой безопасности страны, в которой каждое звено безопасности *функционально самодостаточно* и вместе с тем *взаимозависимо с другими звеньями*. Ослабление любого звена – будь то здоровье нации или экологическая безопасность – может привести к дисфункциональности всей системы безопасности.

Мышление в терминах риска и гуманизма

Для каждой модернизации характерно *свое* общественное сознание, *свой*, определенный тип мышления. В эпоху *индустриальной модернизации* мышление основывалось на постулатах существования законов общественного развития, презумпции внешней причины, принудительной каузальности, логоцентризма и евроцентризма научного знания. По существу, обосновывался «универсальный» детерминизм разума и морали, характерный-де для всей человеческой цивилизации. С позиций сегодняшнего дня такой тип мышления выглядит исторически ограниченным, но, представляется, в том мышлении была непреходящая ценность – практически все преобразователи стремились сочетать модернизацию

общества с *возможностями его гуманизации*. По крайней мере, гуманизм декларировался.

В *послевоенных модернизациях* в мышлении все более доминируют компоненты прагматизма и голого рационализма. Как считал выдающийся социолог современности Роберт Мертон, недостатком этого типа мышления является то, что оно латентно осуществляет «обучение неспособности» к творческому мышлению. От себя добавим – и к гуманистическому мышлению тоже.

Под влиянием возникновения рискогенного социума, фрагментаций, дисперсий, разрывов социальной реальности в последние десятилетия активно формируется рефлексивный тип мышления, мышления в терминах риска, основанного на постулатах о крайнем динамизме современного мира, глобальности пространства, размывании культурных идентичностей, резком уменьшении масштабов долгоживущего социума и увеличении потенциала неравновесности, случайностей. У этого мышления появились новые весьма достойные характеристики – стремление к интегральному использованию достижений естественных, социальных и гуманитарных наук, к учету как мужского, так и женского видения социума.

Однако, при всех достоинствах данного мышления, на наш взгляд, оно недостаточно учитывает проблематику *гуманистического* потенциала социальных акторов. Полагаем, общество теряет многие свои качества, способствующие сотрудничеству и солидарности людей, из-за того, что и ученые, и даже деятели культуры за последнее время снизили интерес к собственно проблеме *гуманизации* человеческих отношений.

Модернизация *для человека, для здорового образа жизни*, как ее квинтэссенцию сформулировал наш Президент, побуждает начать движение к утверждению нового типа мышления, который мы обозначили как *нелинейно-гуманистическое мышление*. Предполагается, что оно учитывает не только парадоксы и разрывы в общественном развитии, особенности все более нелинейно развивающегося рискогенного социума, но и ставит во главу жизнедеятельности человека *поиск новых форм гуманизма*, ориентированных на его экзистенциальные потребности, цели наращивания гуманистического потенциала в обществе. В самом общем приближении этот тип мышления можно определить следующим образом. Это мышление, исходящее из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, синергично учитывает парадоксальные синтезы и разрывы рискогенного, дисперсионного социума, его объективные, субъективно сконструированные

Научные школы МГИМО

и виртуальные реалии, ставит во главу исследования жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности.

Если к мышлению в терминах рисков, представляется, россияне в принципе готовы – годы перестройки и «шоковой терапии» способствовали тому, хотя главным образом на *обыденном уровне* (профессиональные рискологи не готовились), – то с гуманистической составляющей не все так однозначно. Гуманизм общества во многом определяется *характером* нашей *виртуальной реальности*, формируемой масс-медиа. По существу, это все то, что россияне видят и слышат в повседневной жизни, особенно с экранов телевизоров. Виртуальная реальность не менее значима для *качества* образа жизни, чем реальность объективная или субъективная: безбрежный идейный и ценностный плюрализм вкупе с меркантильностью сделали ее рискогенной для национальной культуры, для ее гуманистической и интеллектуальной составляющих. Насколько удастся в рамках демократизма и открытости общества, восстановить гуманистический стержень российской культуры, нейтрализовав экспансию самых разных контркультур? Займут ли в ходе информационной модернизации *свое место* шоумейкеры, которые вытеснили с экранов передачи о трудовой этике и особенно образовательные программы? С телеэкранов активно исходят чувственные и потребительские ценности, столь характерные для жизни многих современных «звезд», которые зачастую не имеют *таланта*, предполагающего *созидательный труд*, а лишь *известность*, весьма легко создаваемую с помощью симулякров. А ведь без созидания как основополагающей формы социального действия модернизация не состоится. Заметим и то, что в русском языке слово «образование» имеет не только смысл обучения, но и формирования *образа* обучаемого, адекватного нашей культуре. Интеллектуализм и прагматизм без *органичного единства с гуманизмом*, по нашему мнению, не способствуют эффективной модернизации, а в некоторых случаях могут сами являться рискогенными факторами для здорового образа жизни.

При всех нынешних проблемах глубинные гуманистические корни нашей культуры, к счастью, не утрачены. Современные социологические исследования, проведенные сотрудниками Института социологии РАН, свидетельствует, что потенциал Добра и гуманизма в общественном сознании и поведении россиян сохраняется, хотя приобретает новые черты и качества. Социологический портрет современной России определяют Свобода

и Братство. Это огромный гуманистический потенциал успешности модернизации, хотя его отягощает невиданная ранее социальная дифференциация населения. Вместе с тем, результаты исследования свидетельствуют, что «идут внешне не очень заметные, но, тем не менее, достаточно интенсивные процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных сообществ... многие россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но к еще большей степени – готовность к такого рода участию в будущем»³². Отрадно и то, что 30 % представителей среднего класса самым главным в воспитании детей в современных условиях считают воспитание честности и доброты³³. Прямо скажем, не все ныне существующие общества, отягощенные ценностями потребительства и прагматизма, имеют такой гуманистический потенциал. Разумеется, в контексте давления меркантильных ценностей еще многое необходимо сделать, чтобы он обрел качество, адекватное требованиям нынешней модернизации.

Модернизация *для* человека просто не может не иметь гуманистической основы. «Инновационная экономика, – отметил Д. А. Медведев, – может сформироваться только в определенном социальном контексте как часть инновационной культуры, основанная на гуманистических идеалах, на творческой свободе, на стремлении к улучшению качества жизни. Именно закрепленные в национальной культуре нравственные установки, модели поведения предопределяют успешное развитие личности и нации в целом»³⁴.

Если не придать инновационным разработкам *гуманистическую направленность*, то многократно возрастают опасности *ненамеренных негативных последствий* для человека и общества. Но самое главное – необходимо добиться *единства мышления* в терминах риска, по существу, творческого мышления в контексте нынешних неопределенностей, и мышления в терминах гуманизма. Разумеется, движение к нелинейно-гуманистическому мышлению не осуществится спонтанно, без активных целенаправленных усилий. Принцип *laissez fair* здесь просто не сработает.

По нашему мнению, необходимы практические шаги в двух направлениях. Во-первых, начать профессиональную подготовку *риск-менеджеров*, ориентированных на решение, прежде всего, практических проблем, и *социологов-рискологов*, готовых к анализу сложных рискогенных проблем, затрагивающих одновременно несколько сфер жизнедеятельности людей. Полагаем, для успешной

модернизации такие специалисты просто жизненно необходимы. Думается, МГИМО-Университет, Кафедра социологии могла бы быть пионером в этом деле. С учетом увеличивающейся рискогенности внешнеполитической деятельности, о чем конкретно было сказано выше, такие специалисты, представляется, будут востребованы и в МИД России. Во-вторых, как отметил Президент, «главная задача современной школы – это раскрытие способностей каждого ученика, воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологическом, конкурентном мире»³⁵. Соответственно, необходимо предпринять конкретные усилия в направлении *огуманизирования* образования в стране в целом, что, естественно, предполагает обучение *творчеству*, ориентированному на *общественно значимую самоорганизацию*, на *самотворение* собственно *человеческого потенциала* в контексте любых рискогенных ситуаций. Тогда результирующей модернизации станет социологический портрет России, который будут определять Свобода, Братство, Гуманизм.

Sergey A. Kravchenko. The Risks of the would be Modernization of the Country: Sociologists-Riskologists are Required.

In the article the potential risks are discussed in connection with the programme of modernization put forward by the President of Russia D. A. Medvedev. The author argues that modern risk challenges are mainly due to the ambivalence of the process of innovations taking place in the development of science and technologists: their results are not only expected bringing the wealth to people but some of them contain unanticipated consequences with new dangers. The problem of innovative approaches to the national security is analyzed in connection with new possibilities of risk management. The author also states that it is possible to overcome these risk challenges only developing creative humanistic thinking and conducting the preparation of specialists that are sociologists-riskologists and risk-managers.

1. Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
2. Медведев Д. А. Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
3. Медведев Д. А. Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
4. См. например: Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008; Левада Ю. Человек обыкновенный в двух состояниях // Вестник общественного мнения, 2005, № 1.
5. Медведев Д. А. Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
6. См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001; Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и масштабы коэволюции. М.: КомКнига, 2007 и др.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великого русского языка. В 4-х т. М., 1955. Т. 1. С. 96.
8. См.: Найт Ф. Понятия риска и неопределенности. Альманах THESIS, 1994. № 5.
9. См.: Медведев Д. А. Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
10. Бек К. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 38, 39.
11. Бек У. От индустриального общества к обществу риска. Альманах THESIS, 1994. № 5. С. 162.
12. См.: Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009. С. 39.
13. Медведев Д. А. Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
14. См.: Кравченко С. А. Кризис нашего времени – неизбежная фаза перехода к новому социокультурному порядку (по мотивам работ П. А. Сорокина). Вестник МГИМО-Университета, № 3—4, 2009. С. 97.
15. См.: Perrow C. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.
16. См.: Яницкий О. Н. Социология риска. М.: Издательство LVS, 2003. С. 48—55.
17. См.: Яницкий О. Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2008. С. 377.
18. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. С. 326.
19. См.: Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 197.
20. Тихонов А. В. Социология управления. М.: «КАНОН+», 2007. С. 61.
21. См.: Health, Risk and Vulnerability. Ed. by A. Petersen and I. Wilkinson. London, N.Y.: Routledge, 2008.
22. The 8th Conference of the European Sociological Association. Conflict, Citizenship and Civil Society, Glasgow, 3rd—6th, September, 2007. Abstract Book. P. 229.
23. Медведев Д. А. Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
24. Медведев Д. А. Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
25. Медведев Д. А. Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
26. См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
27. См.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: ИИК

Научные школы МГИМО

- «Российская газета», 2007. С. 123.
28. *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007. С. 31.
29. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
30. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
31. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
32. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 444.
33. См.: Социологический портрет современной России... С. 305.
34. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
35. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

ЭЛИТОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Ашин Г. К.

Термин «элитология» – российская новация конца XX столетия. Она введена в научный оборот в ответ на потребность создания комплексной научной дисциплины, описывающей феномен элиты, интегрирующий достижения и методы философии, политологии, социологии, социальной психологии, социологии, исторической науки, культурологии. В данной статье подчеркивается роль философии как теоретического фундамента решения элитологических проблем.

Ключевые слова: элита, элитология, псевдоэлита, народные массы

Keywords: elite, elitology, pseudoelite, people masses

Для преподавателей и студентов элитного МГИМО (У), естественен интерес к элитологии – науке об элитах и элитном.

Предмет элитологии. XX век резко ускорил процесс дифференциации и интеграции наук, передав его, как эстафету, XXI веку. Причем новые научные дисциплины все чаще формируются не просто как специализированные области уже сложившихся научных дисциплин, а именно как дисциплины, интегрирующие достижения разных, главным образом, смежных наук (а порой и весьма далеких друг от друга)¹, причем часто методы и концепции одной науки оказываются эвристическими при решении проблем, возникающих перед другой научной дисциплиной. Именно такой комплексной научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус, является элитология². Она сформировалась в русле социальной и политической философии, но интегрировала в себя достижения и методы других, смежных дисциплин. Элитология сложилась как комплексное междисциплинарное знание, лежащее на стыке политологии, социальной философии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии.

Элитология – сравнительно новая социально-политическая дисциплина, хотя корни ее уходят в седую древность. *Это наука об элитах и элитном, о высшем слое в системе социально-политической*

стратификации. Являясь меньшинством общества, этот слой играет огромную, часто решающую роль в социальном процессе. Особая роль элиты обусловливается особой важностью управленческой деятельности. Судьбы миллионов людей напрямую зависят от решений, которые принимает это правящее меньшинство. Справедливо ли такое положение, является ли оно всеобщим законом общественного развития или это – историческое явление, возникающее на определенном этапе исторического процесса и, следовательно, преходящее, как формируются элиты, как они приходят к власти, а затем деградируют, уходят с исторической арены, как происходит трансформация и смена элит, можно ли повысить качество элиты, и если да, то какими методами – вот важнейшие проблемы, которые стремится решить эта научная дисциплина.

Но в предельно широком смысле элитология выходит за границы системности общественных наук, ее можно рассматривать как науку о дифференциации и иерархизации бытия, его упорядоченности, структурализации и эволюции, негэнтропийном процессе. Известно, что движение от хаоса к упорядоченности – содержание процесса развития – включает в себя дифференциацию бытия, с которой неразрывно связана его иерархизация (ключевая проблема для понимания феномена элиты и элитного). Как известно, особенность

Научные школы МГИМО

систем – их устойчивая способность к саморегуляции, предотвращению или минимизации возмущений, поддержание равновесия, гомеостаза. Общая теория систем имеет предельно широкую область применения. Любую систему можно представить как определенную целостность, состоящую из элементов, находящихся в отношениях, связях друг с другом, составляющих определенное единство; причем можно выявить иерархию этих отношений, их субординацию (каждый элемент системы может рассматриваться как подсистема, то есть система более низкого порядка, как компонент более широкой системы). Несомненно связь элитологии с синергетикой (которую можно рассматривать как пролегомены к элитологии или, точнее, как ее метатеорию). Синергетику, в развитие которой огромный вклад сделал И. Р. Пригожин, можно назвать наукой об универсальных закономерностях развития сложных динамических самоорганизующихся систем, причем последние претерпевают резкие изменения состояний в периоды нестабильности. В синергетической парадигме развитие есть смена стабильных состояний системы короткими хаотическими периодами (бифуркациями), обуславливающими переход к последующему стабильному состоянию, причем выбор носит вероятностный характер и происходит в точках бифуркации. *Именно в эти периоды в социальных системах наиболее вероятны элитогенез, а также смена элит.*

В предельно широком толковании элитология – это своего рода метатеория по отношению к социальной элитологии, которая, собственно, и есть предмет ее исследования. И последняя не есть экстраполяция на общество элитологии бытия, законов космоса или хотя бы биологической элитологии. Про социальную элитологию мало сказать, что она специфична, она существенно отличается от иерархизации в природе (макро- и микрокосмосе), ибо она – субъектна, ее законы реализуются через активную деятельность людей; законы общества не являются просто продолжением или частным случаем законов природы. Общество, с одной стороны, – часть материального мира, но это такая часть, которая не только отлична от природы, но в известном смысле также и противоположна ей, будучи продуктом деятельности людей.

Но не будем бесконечно расширять предмет элитологии, хотя бы потому, что вследствие этого она теряет свою специфику. Пожалуй, гораздо точнее будет сказать, что элитология в широком смысле основывается на учении о системности бытия, (а, следовательно, на общей теории систем), его дифференциации и иерархизации, на законах

термодинамики (энтропии и негэнтропии), синергетике. Разумеется, указанные области знания сами по себе не раскрывают специфики элитологии, они скорее указывают на те установки и принципы, от которых отталкивается элитология, на которых она основывается. Они в лучшем случае могут быть лишь предварительными замечаниями по поводу того, на какие методологические установки опирается элитология.

Отметим, что иерархичность свойственна не только морфологии определенной системы, но и ее функционированию: отдельные уровни системы ответственны за определенные аспекты ее поведения, функционирование системы как целого является результатом взаимодействия всех ее уровней, причем управление системой в целом осуществляется ее высшим уровнем. Таким образом, в сложных динамических системах можно выделить управляющую и управляемую подсистемы, зафиксировать явление субординации – важнейший момент, объясняющий проблему элиты и элитности. Среди наиболее сложных динамических систем особый интерес представляют биологические и, разумеется, социальные системы, причем последние, собственно, и являются специфическим предметом рассмотрения элитологов. Отметим, что одним из основателей подхода к обществу как к системе, находящейся в состоянии динамического равновесия, был признанный классик элитологии В. Парето. В этой связи хотелось бы отметить также разработку системного подхода в тектологии А. А. Богданова³ и праксиологии Т. Котарбинского⁴, которые особенно плодотворны применительно к пониманию функционирования политико-административной элиты.

Известно, что особенность систем – их способность к саморегуляции, предотвращение или минимизация возмущений, поддержание равновесия, гомеостаза. Другая особенность систем – их иерархическая структура, в которой качество целого несводимо к свойствам составляющих ее элементов. Система как иерархическая структура, как целостность «задает» программу функционирования ее элементов, (причем саморегуляция биологических систем, в частности, популяции, происходит не на уровне особей, составляющих популяцию, а на уровне популяции как целостности, а в обществе – не на уровне индивидов, а на уровне социума, причем выделение элиты – элемент эволюции социальных систем на определенном этапе их развития, направленный на уменьшение энтропии; главное качество элиты – удерживать социальную систему в состоянии равновесия, давать ей импульс к динамическому развитию).

Эволюционное изменение биологической популяции начинается со сдвига в условиях среды и ведет к увеличению частоты и разнообразия генетических и поведенческих отклонений от нормы. Особи, реализующие наиболее жизнеспособные отклонения от нормы, можно назвать элитными. Эти элитные особи выступают как бы разведчиками, а затем и авангардом в развитии популяции, наиболее полезные из них для популяции «отбираются» этой популяцией через закрепление оптимальных для популяции качеств в потомстве этих особей. Причем нужные для популяции изменения в элитных особях естественный (равно как и искусственный) отбор превращает в массовые (типичные) для популяции, в норму. Как отмечает видный российский палеонтолог М. А. Шишкин, «в ходе отбора структуры и функции организма вовлекаются в скоординированное изменение, которое распространяется в поколениях вплоть до уровня генома и в итоге превращает аберрацию в новую устойчивую норму»⁵.

Теперь сузим предмет элитологии до социальной элитологии⁶, которая и есть элитология в собственном смысле слова. Элитологию можно рассматривать как науку об основаниях социальной дифференциации и стратификации, точнее, как науку о высшей страте в любой системе социальной стратификации, об ее особых функциях, связанных с управлением системой в целом или тех или иных ее подсистем, с выработкой норм и ценностей, которые служат самоподдержанию системы и ее развитию, ориентируют ее на движение в определенном направлении, как правило, на совершенствование системы, на ее прогресс. Поэтому к элитам относятся наиболее динамичные, пассионарные элементы общества (или, если это относится к закрытым обществам, их высших классов или социальных страт). Таким образом, элита – часть общества, состоящая из наиболее авторитетных, влиятельных людей, которая занимает ведущие позиции в выработке норм и ценностей, определяющих функционирование и развитие социальной системы. Элита является той референтной группой, на ценности которой, считающиеся образцовыми, ориентируется общество. Это или носители традиций, скрепляющих, стабилизирующих общество, или, в иных социальных ситуациях, (обычно кризисных) – наиболее активные, элементы населения, являющиеся инновационными группами. Таким образом, элитология – это наука об элитах и элитном, наука об основаниях дифференциации общества, о критериях этой дифференциации, легитимности этой дифференциации, наука, исследующая политическое поведение элиты, систему ее ценностных

ориентаций, ее социальные характеристики. Разумеется, она нуждается в разработке соответствующего категориального аппарата, в том числе определения понятий «лучший», «избранный».

Наконец, часто (прежде всего, в политологии) об элите говорится в узком значении этого термина как о политико-административной, управленческой элите. Именно эта составная часть элитологии стала (может быть, без достаточных на это оснований) наиболее важной, распространенной, «прикладной» частью элитологии, хотя это – лишь одна из многих элитологических дисциплин. В этом узком смысле предметом элитологии (точнее говоря, политической элитологии) является исследование процесса социально-политического управления и, прежде всего, высшей страты политических акторов, выявление и описание того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом (или, во всяком случае, важнейшим структурным элементом этого субъекта), иначе говоря, исследование элиты, ее состава, законов ее функционирования, прихода элиты к власти, удержания ею этой власти, легитимизации элиты как правящего слоя, условием чего является признание ее ведущей роли массой последователей, изучение ее роли в социальном процессе, причин ее деградации (как правило, вследствие ее закрытости) и ухода с исторической арены как не отвечающей изменившимся историческим условиям, изучение законов трансформации и смены элит.

В структуру предмета элитологии непременно входит история развития знаний об элитах, то есть история элитологии⁷. В центре предмета элитологии находится исследование ее законов – законов структуры (строение элиты, связь между ее элементами, которые обычно являются подсистемами элиты как целостной системы – политическая, культурная, военная элиты и др.), законов функционирования элит, взаимодействия элементов системы, зависимостей между различными ее компонентами, роли, в которой каждый из этих компонентов выступает по отношению к элите как целостному феномену, законов связи и субординации элементов этой системы, наконец, законов развития этой системы, перехода ее с одного уровня на другой, обычно более высокий, к новому типу связей внутри этой системы. Подробнее об этом речь пойдет далее.

Российская школа элитологии. Термин «элитология» – российская новация. Он введен в научный оборот в 1980-х годах и получил широкое распространение в российских общественных науках, начиная со второй половины 1990-х годов, когда был опубликован ряд работ по этой проблематике⁸.

Научные школы МГИМО

Можно смело сказать, что сложилась российская школа элитологии. Одним из ее центров является МГИМО (У), где работают элитологи – профессора О. В. Гаман, Е. В. Охотский, Г. К. Ашин и др.

К сожалению, зарубежные коллеги не спешат (пока?) признавать необходимость и законность этого термина (не потому ли, что это именно российская новация?), однако, сами не предлагают его эквивалента. Можно вполне допустить, что термин «elitology» режет слух людям, для которых английский язык является родным. Не случайно, они предпочитают термин «political science» политологии и «cultural studies» – культурологии. Впрочем, мы отнюдь не цепляемся за термин⁹. Как говорится в русской поговорке: «Хоть горшком назови, только в печь не ставь».

За последние годы автор этой статьи посетил более 20 университетов США, Великобритании, ФРГ, во многих из них выступал с лекциями по элитологической проблематике, а также с докладами на всемирных философских, политологических, социологических конгрессах и конференциях. Причем в зарубежных вузах мне, как правило, предлагалось читать лекции и спецкурсы под традиционными для американцев и западных европейцев названиями: «Социология элиты» на социологических факультетах и «Политические элиты» – на политологических. Приходилось разъяснять, что социология элиты и проблемы политических элит – лишь части элитологии, пусть весьма важные. В самом деле, разве курсы «Политические элиты», «Социология элиты», «Теории элиты», читаемые в западных университетах, исчерпывают всю элитологическую проблематику? Их можно скорее рассматривать как отдельные разделы элитологии, которые описывают те или иные аспекты феномена элиты как целостного, системного объекта. При подобном фрагментарном подходе нельзя охватить предмет исследования – элиту – как определенную целостность, как некоторую систему, раскрыть законы функционирования и развития этого феномена, исчерпать все богатство отношений внутри элиты и отношений элиты и общества в целом. Именно на таком целостном, системном подходе к феномену элиты и элитного настаивает элитология, в частности, российская школа элитологии. Что касается самого термина «элитология», его значения нельзя преувеличивать, он, как и всякое научное понятие – всего лишь момент, пусть даже узловой момент, определенной концепции. Элитология – наиболее широкое понятие, включающее все науки об элитах, безотносительно к ценностной ориентации того или иного ученого, разрабатывающего эту проблематику, независимо

от того, является ли он апологетом, певцом элиты или же критиком общества, нуждающегося в элите для своего управления и ставящего элиту в привилегированное положение. Элитология стремится быть научной, а не идеологичной.

На многих конгрессах и конференциях приходилось выслушивать критику подхода к элитологии как к относительно самостоятельной научной дисциплине. Характерны и небезы兴тересны возражения западных коллег против самого термина «элитология» и против выделения ее в самостоятельную науку. Вот мнение одного из них: «Сам термин довольно неуклюжий, корявый, к тому же состоит из двух корней – латинского (элита) и греческого (логос), что уже говорит о его эклектичности». Я отвечал, что с этим аргументом можно согласиться, что я с большим удовольствием ввел бы термин «аристология», где оба корня были бы греческими, что греческое «aristos» представляется мне более предпочтительным, чем имеющее латинский корень «элита». Но все дело в том, что термин «элита», введенный в научный оборот В. Парето, является устоявшимся, прочно утвердившимся в науке, а термин «аристология» внес бы еще большую путаницу и без того непростую проблему.

Еще одно возражение против элитологии. Один из участников обсуждения этой проблемы сказал: «Плохо, когда увеличивается количество научных дисциплин» и призвал опереться на слова знаменитого средневекового схоласта У. Оккама о том, что «не следует умножать сущности». Отвечая коллеге, пришлось сослаться на то, что цитата из Оккама приведена им не полностью: философ говорил о том, что «не следует умножать сущности без особой на то надобности». А тут именно тот случай, когда существует «особая надобность». Слишком велика роль элит в историческом процессе вообще, и слишком натерпелась Россия от некавалифицированных, жестоких, порой нечистых на руку элит.

Но вернемся к курсам, читаемым в ряде западноевропейских и американских университетов, имеющих своим предметом ту или иную элиту, тот или иной аспект исследования элит. Курс «Теории элит» обычно носит лишь историко-политологический характер. Весьма интересный курс, читаемый Л. Филдом и Дж. Хигли «Элитизм» (и книга с таким же названием¹⁰) анализирует важную парадигму, непосредственно относящуюся к нашей проблематике, но это лишь одна из парадигм, не принимающая во внимание эгалитаристскую парадигму (и уже потому она не может претендовать на целостный анализ элитологии). Не могут нас удовлетворить и элитаристские концепции

в духе Ф. Ницше и Х. Ортеги-и-Гассета хотя бы потому, что все они безоговорочно принимают дихотомию элита—масса как аксиому, как норматив цивилизованного общества, игнорируя возможность изучения и интерпретации феномена элиты исследователями, исходящими из эгалитарной парадигмы и считающими наличие элиты вызовом демократии, оставляя в стороне возражения против увековечивания этого деления как неисторического подхода к самому факту существования элиты.

Еще меньше может претендовать на охват всей элитологической проблематики курс «Политическая элита». Нужно отметить, что подавляющее большинство современных исследователей признают плюрализм элит (политической, экономической, религиозной, культурной и т. д.). Но если в каком-либо контексте понятие «элита» используется без прилагательного, уточняющего, какая именно элита имеется в виду, можно быть уверенным, что речь идет о политической элите. Само это обстоятельство указывает на то, что в общественном сознании на первый план выступает именно политическая элита, которая оттирает на задний план иные, неполитические элиты (что, по нашему мнению, скорее плохо, чем хорошо, ибо по умолчанию предполагает примат политической элиты). Нам же представляется более справедливым, что в иерархии элит, социально-доминантных групп ведущее место должно по праву принадлежать культурной элите, творцам новых культурных, цивилизационных норм. Высшее место в иерархии элит и лидеров человечества следовало бы отдать не Александру Македонскому, Цезарю, Наполеону, Ленину или Черчиллю, но Будде, Сократу, Христу, Канту, А. Эйнштейну, А. Д. Сахарову, А. И. Солженицыну.

Если отвлечься от узкой, односторонней, можно сказать, несколько обывательской, трактовки элиты как группы политических лидеров, то ее можно трактовать как авангард любой социальной общности, будь то человечество, страна, нация (вплоть до малой группы), ее наиболее активная часть – это творцы культурных норм, зачинатели социальных преобразований, те, кто выполняют роль разведчиков социума. Между прочим, сказанное относится не только к элите человечества, но и в известной мере к элитам биологических популяций. Один из крупнейших российских психофизиологов П. В. Симонов, исследуя популяцию крыс, (которых он считал одними из наиболее умных представителей животного мира), выяснил, что в этой популяции можно выделить различные группы – одну, составляющую абсолютное большинство (назовем ее консервативной группой), а также небольшую, наиболее

активную группу новаторов, наиболее любознательных особей. Эксперимент состоял в том, что в определенном ограниченном пространстве, (хотя оно и имело выход наружу), крысы получали достаточное количество пищи и других «крысиных благ», и наиболее простым и безопасным способом их жизнедеятельности было не выходить наружу – в чистое поле, где невозможно было укрыться от врагов, (а среди них были хищные птицы); большинство так и поступало. Но в популяции был и определенный процент особей, достаточно любопытных, обуреваемых жадой знаний, чтобы «рискнуть», разведать новое пространство и постараться освоить его. Это и были элитные особи, объективно действовавшие для популяции.

Пожалуй, ближе всего к предмету элитологии подходит предмет социологии элиты. Однако, и предмет социологии элиты существенно уже, чем предмет элитологии. Социология элиты не исчерпывает все богатство содержания элитологии. На заседании Ученого Совета Института социологии РАН один из его членов, критикуя термин «элитология», сказал по этому поводу, что в социологии большое количество терминов, и при желании можно к каждому из них добавить слово «логия» и подобным образом создать множество новых наук. Думается, что в такой постановке вопроса можно разглядеть своего рода «социологический экспансионизм», уверенность в том, что все социальные проблемы можно разрешить в рамках социологии. Не является ли такой подход проявлением своего рода «детской болезни» сравнительно молодой науки, стремящейся «отвоевать» себе как можно большее пространство? Но ведь элитологические проблемы решали не одно тысячелетие лучшие умы человечества, начиная с Конфуция и Платона, тогда как социология существует лишь около двух столетий. Не следует абсолютизировать и социологические методы исследования; в элитологии они дополняются философскими, политологическими, культурологическими, психологическими. Социологический подход к выявлению элиты был предложен одним из основоположников и классиков элитологии конца XIX—начала XX вв. В. Парето. В различных сферах человеческой деятельности он выделял людей, осуществляющих эту деятельность наиболее успешно (им он ставил индекс 10, а далее – по нисходящей до нуля). Допустим, по критерию богатства следует поставить десятку миллиардерам, единицу – тому, кто едва держится на поверхности, зарезервировав о для нищего, бомжа (хотя, строго говоря, по Парето, всегда существует иерархизация, а, следовательно, элита нищих, бомжей и т. д.). Но можно ли использовать

Научные школы МГИМО

указанный критерий при определении, допустим, культурной элиты? Какой индекс мы присвоим Ван Гогу или Вермееру – гениям живописи, не оцененными по достоинству современниками, или И. С. Баху, гениальность которого в полной мере была оценена только его благодарными потомками? Очевидно, понадобятся специфически культурологические критерии. Социология элиты – важнейшая часть элитологии, но это все же только ее часть. Поэтому системный подход, предлагаемый российской элитологией, представляется нам более перспективным.

Российская школа элитологии сложилась в последние два десятилетия XX века. И это вполне объяснимо. Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а, значит, и цензурным) соображениям. В соответствии с официальной советской идеологией, элита – атрибут антагонистического общества, и ее не может быть в обществе социалистическом (хотя наличие элиты – привилегированного слоя в виде, прежде всего, верхушки партийно-советской бюрократии было секретом Полишинеля). Исторически элитологическая проблематика вошла в советскую науку с «черного хода» – через разрешенный жанр «критики буржуазной социологии» (разумеется, сам этот термин – такая же бессмыслица, как «буржуазная физика» или «буржуазная биология»).

И не случайно, что российская элитология сформировалась в годы демократического транзита России. Когда цензурные препоны были сняты, элитологические исследования в России стали осуществляться широким фронтом. Перефразируя слова непопулярного ныне классика, Россия «выстрадала» элитологию. Очень уж пострадала она от правления неквалифицированной, авторитарной (а тем более, тоталитарной), часто коррумпированной политической элиты, что вылилось в острую потребность в научной дисциплине, которая выявила бы оптимальные подходы к повышению качества элиты, принципам ее рекрутирования, демократического контроля над элитой, элитного образования.

К тому же были и другие важные предпосылки для формирования школы современной российской элитологии. Она могла опереться на мощные традиции русской дореволюционной и эмигрантской философии, политологии, правоведения, социологии, представленные такими выдающимися деятелями науки и культуры, как Н. А. Бердяев, М. Я. Острогорский, П. А. Сорокин, И. А. Ильин, Г. П. Федотов, внесших неоценимый вклад в развитие элитологии. А во второй половине XX века

к ним присоединились А. Авторханов, М. Восленский и др.

Российская школа элитологии бурно развивается в последние два десятилетия; ее представители опубликовали около ста монографий, тысячи статей по важнейшим аспектам элитологии¹¹. Школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит (еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов), но и по истории элитологии, элитологической регионалистике (где мы вышли на одно из первых мест в мире, если не на первое), по ряду общетеоретических проблем элитологии.

Элитологический тезаурус. Как всякая становящаяся наука, элитология нуждается в осмыслении и уточнении своего понятийного аппарата, разработке общей теории и методологии, переводе теоретических понятий на операциональный уровень, развороте эмпирических исследований элит, сравнительных элитологических исследований. Начнем с различения таких понятий, (которые до сих пор смешиваются), как элитология, элитизм, элитаризм. Смешение этих терминов – прежде всего, результат того, что элитология зарождалась как элитаризм, ибо ее теории были выразителями интересов тех слоев населения, из которых и рекрутировались члены элиты, и которые выступали идеологами (и тем самым апологетами) этих слоев.

Элитаризм – это концепция, исходящая из того, что разделение общества на элиту и массу – норматив социальной структуры, атрибут цивилизации (отсутствие такого разделения – признак дикости, неразвитости общества). Чем более аристократично общество, тем выше оно как общество (Ф. Ницше). Элита в этом понимании – страта, являющаяся в большей или меньшей степени закрытой, члены которой не принимают или презирают нуворишей. Таким образом, элитаризм – аристократическое и глубоко консервативное мировоззрение. Соответственно, сочинения его сторонников – рефлексия по поводу той самой высшей социальной страты, к которой они относятся или на ценности которой ориентируются.

Элитизм – явление, близкое к элитаризму, но не тождественное ему понятие. Принимая в качестве исходного постулата ту же дихотомию элита – масса, его сторонники, однако, не относятся к массе с презрением, они более либеральны, с уважением относятся к массе, признавая ее права на место «под солнцем». Во всяком случае, в их понимании элита не должна быть закрытой стратой общества, а, напротив, открыта для наиболее

способных выходцев из незлитных слоев, в том числе и из социальных низов. Признается законным и даже желательным высокий уровень социальной мобильности. Любое общество подвержено социальному расслоению, которое вызвано неравным распределением способностей; в конкурентной борьбе за элитные посты побеждают более подготовленные к управленческой деятельности. Для элитистов характерен меритократический подход к элите (впрочем, такой подход отнюдь не является монополией элитистов, он присущ как ряду умеренных элитаристов, так и умеренных эгалитаристов).

Элитология – наиболее широкое понятие, объединяющее всех исследователей элиты, независимо от их методологических установок и ценностных предпочтений, включая и сторонников эгалитарной парадигмы, для которой наличие элиты – вызов фундаментальной ценности общества – равенству. Среди эгалитаристов есть сторонники грубой уравнильности, вплоть до полного имущественного равенства, эгалитаристы, для которых невыносимо, чтобы среди «равных» находились такие люди, которые, по выражению Дж. Оруэлла, «более равны, чем другие» (радикальные эгалитаристы). Но значительно большее число эгалитаристов обосновывают допустимость определенной степени неравенства в соответствии со способностями и, главное, заслугами людей, их вкладом в развитие общества, то есть демонстрируют элементы меритократического подхода (умеренные эгалитаристы).

Большинство исследователей элиты исходят из того, что элита является определяющей силой исторического (в том числе политического) процесса, его субъектом. Такой подход таит в себе достаточно произвольное постулирование. Чтобы избежать смешения различных трактовок элиты и ее роли в развитии общества, мы и вводим различие таких понятий, как элитология, элитаризм, элитизм. Первое – более широкое понятие, чем второе и третье. Разумеется, все элитаристы и элитисты являются элитологами, но не все элитологи являются либо элитаристами, либо элитистами. Подобное различие помогает нам, в частности, избежать распространенной ошибки, особенно свойственной американским политологам, относящих выдающегося американского социолога Р. Миллса к элитаристам на том формальном основании, что он использовал дихотомию элита–масса для анализа политической системы США. Миллс не считал наличие властвующей элиты ни идеалом, ни нормой политической системы, справедливо полагая, что сосредоточение власти в руках этой элиты является свидетельством

недемократичности этой политической системы. Таким образом, являясь, несомненно, элитологом, причем выдающимся элитологом, Миллс не был ни элитистом, ни тем более элитаристом. Элитистская парадигма, (объединяющая элитистов и элитаристов), включает тех социологов и политологов, которые, как Л. Филд и Дж. Хигли, считают выделение элиты как субъекта социального управления и ее привилегированное положение законом общественного процесса, его нормативом. Но ведь элитолог, исследующий реально существующую элиту, может критически относиться к самому факту существования этого социального слоя, считая его угрозой для демократии (даже альтернативой демократии); его идеалом социальной организации может быть самоуправляющееся общество, общество без элиты, или же (что, в сущности, одно и то же), общество, все члены которого возвысятся до уровня элиты, будут реальным субъектом, творцами исторического процесса. Что же касается элитаристов и элитистов, то они считают подобные взгляды разновидностью социальной утопии, и наличие элиты для них – имманентный элемент цивилизованных обществ.

В последние годы возрос интерес к элитистской парадигме – прежде всего в политологии, (причем эта парадигма рассматривается обычно в соотношении с эгалитаристской, плюралистической и иными парадигмами). Именно эту проблематику – противостояние и смену различных парадигм в политологии с упором на элитистскую парадигму – и исследуют упомянутые выше Филд и Хигли. Вот схема, рисуемая ими. В первой четверти XX века возникает элитистская парадигма (этим термином они объединяют элитизм и элитаризм) и вытесняет эгалитаристскую парадигму, бросает вызов либеральной и марксистской парадигмам. При этом признается, что основатели элитизма не были полностью враждебны либеральной системе западных ценностей и основного противника видели в марксистской парадигме. Во второй и третьей четверти XX столетия наступает спад, стагнация элитистской парадигмы¹², и интерес к ней вновь возрастает в четвертой четверти столетия. Думается, что эта схема не совсем корректна: она не вполне учитывает, в частности, тот взрыв интереса к элитистской парадигме в 1950-х годах, который был вызван книгами Р. Миллса «Властвующая элита» и Ф. Хантера «Верховное лидерство в США», вызвавшими острую полемику в американской и западноевропейской политологии, направленную в целом на дискредитацию лево-радикальной концепции Миллса и его последователей и защиту плюралистической парадигмы. Эта схема к тому же не принимает во внимание

Научные школы МГИМО

консервативную и аристократическую парадигму, пришедшую в XX век из XIX-го. Короче говоря, эта схема сильно упрощает ситуацию, сложившуюся в XX веке. Положение Филда и Хигли о возрастании роли и значения элитистской парадигмы в третьей четверти XX века и далее в начале XXI века также оспаривается многими политологами и социологами. Впрочем, у них не меньшее число сторонников. К. Лэш пишет о «восстании элит» в Америке³³, Дж. Девлин – о революции элит в постсоветской России; близкую позицию занимают Д. Лейн, К. Росс, У. Циммерман³⁴. В пользу схемы Филда и Хигли говорит, в частности, возрастание влияния «неоэлитистов» Т. Дая, Х. Зайглера и др. (в том числе самого Дж. Хигли), в американской политологии.

Возрастание элитистских концепций в современной политологии отражает, прежде всего, возрастание роли элит в современном политическом процессе. Известный российский элитолог О. В. Гаман справедливо отмечает существенное возрастание влияния власти национальных и транснациональных элит по отношению к массовым группам. Пиком элитаризма она считает период после второй мировой войны и, в частности, период правления Дж. Буша старшего³⁵.

А подтверждается ли схема Филда и Хигли на примере российской политологии? В определенной мере, да. Ряд российских политологов пишет о радикальном повороте российской политологии и социологии от эгалитаритской, анти-элитистской парадигмы, безусловно превалявавшей в советский период, к элитистской парадигме. Но в России в конце XX века сложилась особая, уникальная политическая ситуация. И вряд ли на примере российских общественных наук можно проиллюстрировать мировую тенденцию роста влияния элитарной парадигмы. В России несомненный рост влияния элитистской парадигмы, на наш взгляд, не является результатом естественной эволюции научных взглядов, это скорее результат действия политических причин, это реакция на цензурные, идеологические гонения на элитизм, осуществлявшиеся в советские годы и десятилетия. Известно, что пружина, которая сжимается внешними силами, стремится распрямиться, стремится к колебательному движению в противоположную сторону.

И в России действительно состоялся поворот от эгалитаризма советского типа, эгалитаризма в большой мере фарисейского, отрицавшего наличие в СССР тоталитарной элиты, наделенной институциональными привилегиями и скрывавшего действительное неравенство правящей элиты и народных масс, иначе говоря, псевдоэгалитаризма, пропагандировавшегося апологетами

однопартийной системы, к элитистской парадигме. Этот поворот часто интерпретируется как часть общего поворота от тоталитаризма к демократии.

Думается, однако, что тут слишком много моментов, отражающих специфику именно российской ситуации конца XX века, чтобы можно было считать российский поворот к элитистской парадигме этого периода подтверждением правоты гипотезы Филда и Хигли об общемировой смене парадигм в политологии. В науке переход от одной парадигмы к другой (см.: Т. Кун, Структура научных революций, М., 1975) – результат последовательного накопления фактов и данных, не укладывающихся в общепринятую научным сообществом парадигму, и в результате накопление количественных изменений ведет к смене парадигм, (что тождественно революциям в науке). В российской ситуации конца XX века все происходило иначе. Во-первых, настораживает факт одномоментности и почти полного единодушия российских политологов при переходе от одной парадигмы к другой. Этот переход напоминает скорее не естественный процесс развития науки, а результат некоторой команды сверху (скорее, упреждение этой команды, готовность угадать и исполнить волю «нового начальства»). Это напоминает существовавшую в военно-морском флоте команду, когда эскадре кораблей, идущим в кильватере, адмирал командует: «Право (лево) руля!», – и добавляет: «Все вдруг!». Когда такой поворот имеет место в науке, это отнюдь не свидетельствует об атмосфере в ней свободы и демократии. Слишком уж это похоже на тоталитарные времена, когда «вся советская биология» дружно начинала бороться в менделизмом-морганизмом или все науки в стран – от математики до философии – боролись против кибернетики. Или когда лояльные нацистской Германии физики «опровергали» теорию относительности, созданную «неарийцем» Эйнштейном. Так может быть, учитывая исторический опыт, будет уместно предположить, что суждение о смене парадигм – определенное упрощение процесса развития современного российского сознания, может быть, подобный поворот – очередное шараханье из одной крайности в другую, столь характерное, к сожалению, для российской жизни в последнее столетие; может быть, такое резкое движение небезопасно, будучи движением между Сциллой эгалитаризма и Харибдой элитизма. Так, может быть, реальное движение политической мысли протекает между этими двумя крайностями, в их борьбе и, вместе с тем, их взаимопроникновении, при взаимном учете этих противоположностей. Человечество не одно столетие

мучительно ищет равновесия между федерализмом и унитаризмом, между административно-правовым и гражданско-правовым пространствами, между элитизмом и эгалитаризмом, ищет пути создания устойчивой ненасильственной гражданской власти, построения гражданского общества.

Элитология имеет сложную структуру. Она включает в себя философскую элитологию, социологию элиты, политическую элитологию, историю элитологии, элитологическую психологию (в том числе мотивацию власти, психологические особенности элитного слоя), культурологическую элитологию (элита как творческая часть общества, создающая культурные ценности, анализ элитарной и массовой культуры), сравнительную элитологию, исследующую общие закономерности и особенности функционирования элит в разных цивилизациях, разных странах, разных регионах мира, элитное образование и элитопедагогику. Разумеется, этот список элитологических дисциплин далеко не полон. *Философская элитология*¹⁶ представляет собой наиболее высокий уровень обобщения в элитологии. Она, в свою очередь, обладает сложной структурой. В ней можно выделить элитологическую онтологию, элитологическую гносеологию (включающую древнее тайноведение, эзотерическую гносеологию), элитологическую философскую антропологию, элитологический персонализм.

Элитологическая философская антропология и элитологический персонализм – традиция, идущая от Конфуция, Пифагора, Платона к Н. А. Бердяеву, М. Шелеру и Э. Мунье, обращающаяся к комплексному изучению проблем человека, уделяющая особое внимание вопросу о самосовершенствовании личности, восходящей по ступеням совершенства до уровня элитной личности. Модус человеческого существования есть возможность; человек – это проект (М. Хайдеггер), человек есть то, что он творит (А. Камю). Отсюда – его путь к самосовершенствованию, возможность выйти за свои пределы, возвыситься над ними (элитизация личности). Философскую антропологию можно рассматривать как выявление предельных значений, в которых может быть описана человеческая природа (равным образом может быть поставлен и вопрос об отсутствии этой фиксированной природы, то есть понимание ее как пластичности), возможности выхода за эти пределы (что и может пониматься как феномен элитизации личности). Из близких посылок исходит персонализм: личность – высший смысл цивилизации. Персонализм Н. Бердяева называют «эсхатологическим», но его можно по праву назвать и элитологическим

персонализмом: личность – подобие Бога, она приобретает черты богоподобия в процессе творчества, тем самым реализуя свое призвание. Бердяев утверждал, что важнейшая характеристика человека в том, что он не удовлетворен собой, стремится к преодолению своей ограниченности, к сверхчеловечности, к идеалу. Персонализм стремится создать педагогику, целью которой является пробуждение и развитие личностных начал в человеке, стимулирование самовозвышения личности, ее элитизации, т. е., элитопедагогику. В фокусе ее внимания не просто личность, но яркая личность, субъект творческой деятельности, инновационная личность.

Социально-философская элитология нацелена на поиск нормативного подхода к элите, который, пожалуй, наиболее соответствует этимологии термина «элита», требующего, чтобы к элите относились наиболее творческие, выдающиеся по своим моральным и интеллектуальным качествам люди. К этому подходу близка меритократическая концепция, исходящая из того, что подлинная элита – это не просто те, кто волей рождения или случая оказался «наверху», но элита заслуг, элита ума, образованности, интеллектуального и морального превосходства, эрудиции, творческого потенциала.

Нет сомнения в том, что важное, можно сказать даже центральное место в элитологии принадлежит *социологии элиты* (при этом напомним еще раз, что предмет элитологии шире, чем предмет социологии элиты, они соотносятся как целое и часть). В отличие от философско-социологического подхода, ориентированного преимущественно на нормативность, социология элиты делает упор на исследование реальных элит. Известно, сколь важное значение в социологии уделяется анализу социальной структуры и социальной мобильности (групповой и индивидуальной), причем особый интерес вызывает восходящая мобильность (прежде всего в элиту), изучение механизмов рекрутирования элиты. Для социологии характерен взгляд на элиту как на референтную группу, на ценности которой ориентируется общество. Отвлекаясь по возможности от морализаторских оценок, она выявляет элиту в обществе и в различных социальных группах по таким критериям, как имущественное положение, статус, место во властных отношениях. Упор обычно делается в традициях М. Вебера на статусный подход, связанный с притязаниями на престиж и привилегии, с распределением символического почета. Особый интерес для элитологии в этой связи имеет проблема предписанного статуса, связанного с унаследованными факторами, с социальным

Научные школы МГИМО

происхождением, расовой и национальной принадлежностью и статуса, основанного на личных достижениях. Первый играет определяющую роль в обществах с закрытой элитой, второй – с открытой. Среди социологических методов исследования элит важнейшее место занимает метод эмпирических исследований. В социологии широко применяется статистический метод выявления элиты, предложенный В. Парето.

Признавая важную роль социологии элиты в структуре элитологии, мы хотели бы вместе с тем возразить ряду социологов, которые считают, что элитология как самостоятельная дисциплина не нужна, так как, по их мнению, социология элиты покрывает элитологическую проблематику. Претендуя на решение всех проблем элитологии в рамках социологии, они демонстрируют таким образом своего рода «социологический экспансионизм». Будучи относительно молодой наукой (по сравнению с философией, историей) социология вынуждена была, выявляя свой объект и предмет исследования, «отвоевывать» себе территорию у других, уже сложившихся ранее дисциплин. Подобный «экспансионизм» социологии можно рассматривать как «детскую болезнь» развивающейся дисциплины. То, что существует и плодотворно развивается социология элиты, вовсе не означает, что элитология не нужна, подобно тому, как наличие социологии культуры не отрицает и не подменяет культурологию³⁷, равно как и наличие социологии политики не отменяет и не подменяет политологию.

Как показывает науковедческая статистика, из всех разделов элитологии наибольшее число исследователей привлекает политическая элитология. Внимание к этой проблематике – ответ на широкий общественный интерес к ней, на социальный заказ, на потребность понять, кто является основным субъектом политики – народные массы или же узкая элитная группа, понять, кто стоит за важнейшими стратегическими решениями, влияющими на судьбы миллионов людей, на вопросы войны и мира, кто эти люди, по праву ли они занимают свои позиции, насколько квалифицированно они решают политические проблемы. Используя данные политической социологии, они исследуют социальную принадлежность и происхождение членов политической элиты, возраст, уровень образования и профессиональной подготовленности, ценностные ориентации, основные типы политической элиты

(кастовые, сословные, классовые, номенклатурные, меритократические), группировки, кланы внутри элиты, вопросы формирования и смены элит, анализируют оппозиционные парадигмы: элитизм и эгалитаризм, элитизм и плюрализм, элитизм и демократия. Особый интерес вызывают компаративные исследования различных типов элит, анализ отношений политических элит и народных масс, возможности оптимизации этих отношений, проблемы политического лидерства. Значительной, причем растущей отраслью политической элитологии является исследование региональных политико-административных элит в различных странах мира (отметим в этой связи, что только в постсоветской России по этой проблематике проведено более ста исследований).

Определенные разделы элитологии – исследование экономических, культурных, религиозных, военных элит. Поскольку практически каждая сфера человеческой деятельности имеет свою элиту, если мы попытаемся даже только перечислить различные элиты, это нам не удастся, мы уйдем в бесконечность. В каждом из разделов элитологии наряду с их спецификой, можно вычленить определенные общие закономерности, создать общую теорию, методологию элитологии, которая «работает» во всех этих специфических областях, своеобразно в них преломляясь.

Мы начали обзор структурных элементов элитологии с тех, которые в последние десятилетия мало привлекают внимание исследователей (с философской элитологии), а закончили той, которая особенно интенсивно исследуется (политической элитологией). Хотелось бы несколько подправить этот дисбаланс, обратив внимание элитологов на слабо освещенную в литературе, причем фундаментальную проблематику философской элитологии, которая представляет собой ту основу, на которой строится общая теория элитологии, ее метатеорию.

Gennady K. Ashin. *Elitology in the Sistem of Social Sciencies.*

The term «elitology» is a Russian innovation of the end of the 20th century. It was introduced to meet the needs of a complex discipline dealing with the elite phenomenon which integrates the achievements and methods of philosophy, political science, sociology, history, psychology, cultural studies. The article emphasizes the role of philosophy as the theoretical basis for solving elitological problems.

1. «Дисциплинарно организованные науки, – пишет академик В. С. Степин, –... ставят проблему синтеза развиваемых в них представлений о мире... Различие междисциплинарных и дисциплинарных исследований состоит в масштабах обобщения... В междисциплинарных исследованиях связываются между собой казалось бы отдельные предметные области» (Саморазвиваю-

- щиеся системы и постнеклассическая рациональность) // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 13).
2. Впрочем, любая наука в определенном смысле элитарна, и ее развитие – это отбор лучшего из возможных вариантов; история науки в самом общем виде – это выявление и сохранение лучшего (и отбрасывание худшего, не оправдавшее себя). Это лучшее становится достигнутым на определенный момент уровня развития науки, на котором вновь выявляется, отбирается лучшее, новое, прогрессивное, то есть развитие науки и есть выбор элитного и, в известном смысле, она – практическое применение законов элитологии.
3. См.: Богданов А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х т. М., 1989.
4. См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975; Он же. Развитие праксиологии // Вестник международного института А. Богданова. 2000. № 2.
5. Шишкин М. А. Биологическая эволюция и природа нравственности // Шишкин А. Ф. МГИМО. 2003. С. 143. Интересны соображения профессора МГИМО (У) М. В. Ильина: «Биологической аналогией для человеческого сообщества являются природные «сообщества» в виде экосистем биосоциогенозов... различать можно и нужно не только биологическую и социальную эволюцию, но также эволюцию (инди)видов и ойкосов любых разновидностей от простейших биоценозов до мировой системы государств» // Полис. 2009. № 2. С. 188.
6. Элитология может выполнять методологические функции по отношению к частным наукам, выступать как метатеория (например, по отношению к такому важнейшему разделу политэкономии, как теория конкуренции).
7. Ашин Г. К. Курс истории элитологии. М, 2003.
8. Отметим следующие работы: Афанасьев М. Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.—Воронеж, 1996; Ашин Г. К. Современные теории элиты. М., 1985; (в этой книге впервые использован термин «элитология»). Отметим также: Ашин Г. Элитология: становление, основные направления. М., 1995; Основы элитологии. Алматы, 1996; Ашин Г., Бережная Л. Н., Карабущенко П., Резаков Р. Теоретические основы элитологии образования. Астрахань, 1998; Ашин Г., Охотский Е., Курс элитологии, М., 1999; Ашин Г., Понеделков А., Игнатьев В., Старостин А. Основы политической элитологии. М., 1999; Ашин Г. Элитология. Учебное пособие для гуманитарных вузов. М., 2005; Ашин Г. Мировое элитное образование. М., 2008; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. М., 1998 (2-е изд., 2006); Понеделков А. В. Политико-административные элиты России. Ростов-на-Дону, 2005; Карабущенко П. Элитология Платона. Астрахань, 1998; Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2003; Мохов В. П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации. СПб, 2001; Властные элиты и номенклатура. Аннотированная библиография российских изданий 1990—2000 гг., под ред. Дуки А. В. (В книге – аннотированный список из 460 изданий по этой проблематике); Властные элиты современной России. Ростов-на-Дону, 2004. Книга снабжена библиографией изданий по проблемам элитологии (716 названий). Современная библиография может содержать более 2000 названий.
9. Во всяком случае, автор хотел бы выразить свою признательность известному американскому социологу и политологу Дж. Хигли за то, что на съезде российских политологов в 2006 г. он использовал термин «elitology».
10. Fitld L. and Higley J. Elitism. L., Boston, 1980.
11. Свой вклад в российскую элитологию внесли московские элитологи М. Н. Афанасьев, Г. К. Ашин, О. В. Гаман, О. В. Крыштановская, Е. В. Охотский, А. Е. Чирикова, Н. В. Лапина и др., ростовские элитологи А. В. Понеделков, В. Г. Игнатов, С. Е. Кислицин, А. М. Старостин, петербуржцы А. В. Дука, В. Я. Гельман, астраханцы П. Л. Карабущенко, Н. Б. Карабущенко, пермяк В. П. Мохов, М. Х. Фарукшин (Казань), А. К. Магомедов (Ульяновск), элитологи Екатеринбурга, Саратова, Татарстана и многих других регионов России. Именно в России впервые в мире стали выходить элитологические журналы – «Элитологические исследования» (теоретический журнал, ныне выходящий в электронном виде), «Российская элита» (иллюстрированное популярное издание), «Элитное образование». В настоящее время российская элитология является одной из ведущих в мире. Это не просто набор каких-то отдельных теорий или концепций, а единая наука с общей методологической основой. За последние 20 лет число элитологов в России увеличилось на два порядка.
12. Field L. and Higley J. Elitism, L., 1980, Pp. 4, 117—130.
13. Книга К. Лэша (C. Lash, «The Revolt of Elites...»), NY—L, 1995.
14. Devline J. The Rise of the Russian Democracy. The Causes and Consequences of the Elite Revolution, 1995; Lane D. and Ross C., The Transition from Communism to Capitalism. Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin, N.Y., 1999; Zimmerman W., Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives 1993—2000. N.Y., 2002.
15. См.: Гаман-Голутвина О. В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт // Полис. 2008. № 6. С. 68—69.
16. Ашин Г. К. Философская составляющая элитологии // Вопросы философии. 2004. № 7.
17. См.: Kemple T. Culture and Society, L., Los Ang., 2007.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ФАКТОР НАРОЖДАЮЩЕЙСЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В МИРЕ. ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНИИ

Терехов В. П.

В статье анализируется развернувшаяся в ФРГ дискуссия вокруг предложения президента России Д. А. Медведева о формировании новой архитектуры европейской безопасности и заключении соответствующего договора. Рассматривается реакция официальных кругов и основных политических сил, влияющих на международную деятельность Германии и выработку ее позиции по актуальным международным проблемам.

Ключевые слова: Безопасность, договор о безопасности, предложения Д. А. Медведева, позиция ФРГ, евроатлантическое пространство, НАТО, ОБСЕ, ХДС/ХСС, СДПГ, Петербургский Диалог

Keywords: security, security treaty, proposals by D.A. Medvedev, position of FRG, euroatlantic area, NATO, OBSE, SDU, SDPG, Saint Petersburg's Dialogue

Предложения президента России Д. А. Медведева о формировании новой архитектуры европейской безопасности вызвали несомненный интерес в Германии, оживив дискуссию о возможностях, перспективах и путях решения этой проблемы. В этих предложениях увидели, помимо их основной целеустановки, признак некой «либерализации» российской внешней политики, желание успокоить Запад, встревоженный громким и решительным возвращением России на мировую политическую арену, о чем с озабоченностью заговорили после известного выступления В. В. Путина на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2007 года. Обсуждение этой темы приобрело тогда обостренный характер, в том числе и в Германии, вызвало немало острых и недружественных комментариев в адрес России.

Официальная реакция в Германии на инициативу российского президента была благожелательной, но осторожной и сдержанной. Руководство ФРГ, как и других государств, не торопилось втягиваться в конкретное обсуждение, предложив Москве подробно развернуть и аргументировать свои предложения в дополнительных разъяснениях по политическим и дипломатическим каналам. Такие разъяснения последовали, в том числе в ходе министерской конференции ОБСЕ в Хельсинки, конференции ОБСЕ в Вене по обзору проблем в области безопасности 23 июня 2009 г., на неформальной встрече министров иностранных дел стран ОБСЕ на Корфу 27—28 июня 2009 г., а также в ходе многочисленных двусторонних встреч российских руководителей со своими зарубежными партнерами.

Терехов Владислав Петрович - Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный работник дипломатической службы, профессор Кафедры дипломатии МГИМО-Университета, Член Координационного Комитета российско-германского Форума «Петербургский Диалог», e-mail: dipc@mgimo.ru.

Однако практическая переговорная работа все еще тормозится представителями Запада.

В принципе подобная реакция не выходит за пределы устоявшейся международной практики. Подготовительная работа, предшествующая переговорам, процесс длительный, требующий от всех сторон внимательного изучения обсуждаемой проблемы, связанных с ней интересов, возможных последствий, выгод и потерь. Такая работа только начинается.

В нынешних условиях выработка потенциальными участниками своих позиций осложняется рядом факторов:

Во-первых, в Евросоюзе и НАТО нет единого, общего для всех подхода к отношениям с Россией. Западное сообщество разделено на три лагеря.

Один из них включает государства, имеющие обширные экономические интересы в России, устойчивые политические связи, сохраняющие благоприятную в целом атмосферу двусторонних отношений и не обремененные грузом конфликтных проблем или иррациональными предубеждениями своих политических элит. Они открыты для поиска новых возможностей развития международного сотрудничества и укрепления общеевропейской и общемировой безопасности. В числе этих государств Германия, а также Франция, Италия, Испания, Греция и ряд других.

Во вторую группу государств входят Польша и республики Балтии, проводящие недружественную в отношении России политику, обусловленную историческим наследием и спецификой правящих политических классов, не желающих сбрасывать негативный балласт и искать новые возможности для стабилизации отношений с Россией. Враждебность к России они, кроме того, используют как разменный материал на переговорах в рамках ЕС и НАТО, выторговывая за деблокирование в этих организациях отдельных позитивных шагов в отношении нашей страны определенные экономические и финансовые уступки. В ряде случаев к этим странам примыкают другие бывшие члены ОВД, сменившие в конце 1980-х годов политическую ориентацию и лишь постепенно возвращающиеся к формированию нормальных, взаимовыгодных и эффективных отношений с Россией.

Действия второй группы государств контролируют и направляют США и, в известной мере, Великобритания, образующие ядро третьей группы и в значительной степени влияющие на общую политику блока НАТО и ЕС. Правда, в связи с решением США не размещать в Польше и Чехии элементы третьего позиционного района ПРО в отношениях США с этими странами возник определенный

диссонанс, что, однако, в долгосрочном плане едва ли ослабит их ориентацию на Вашингтон.

Различия в отношении этих групп государств к России определяют и характер реакции на предложение Д. А. Медведева, которая варьируется от благожелательной до негативной.

Во-вторых, за рубежом все еще не составили окончательного четкого представления о возможностях и последствиях реализации российских предложений. На евроатлантическом пространстве давно сложилась и функционирует система международных союзов и объединений, регулирующая отношения государств региона друг с другом и их совместные действия на международной арене. Регламент их деятельности тщательно выверен и согласован с учетом взаимных интересов и рассматривается ими как оптимальный, несмотря на возникающие временами противоречия и трения.

Отработанная система согласований и взаимодействия существует в рамках НАТО в сфере безопасности. Защищенность этой системой считается эффективной и высоко оценивается членами НАТО. Имеющиеся недостатки и сбои не служат поводом для серьезных сомнений на этот счет среди членов альянса, и, тем более, для выхода из этой организации. Именно поэтому альянс не испытывает недостатка в желающих вступить в него, а процесс его расширения был результатом не только втягивания в него новых членов, но и их собственным настойчивым стремлением получить такой статус.

В этих условиях в странах ЕС и НАТО пока не сложилось ясное представление относительно того, какие дополнительные преимущества даст им участие в новом договоре о европейской безопасности и даст ли вообще. Скорее можно ожидать сомнений на этот счет и опасений относительно ослабления гарантий безопасности в новой структуре. При проработке на Западе российских предложений рассмотрение возможных последствий в этой сфере, вероятно, займет центральное место.

В-третьих, дискуссия на Западе вокруг российских предложений, успев лишь начаться, была заторможена событиями на Кавказе, вызванными нападением Грузии на Южную Осетию. На отпор агрессору западная пропаганда, в том числе и немецкая, автоматически отреагировала антироссийски. Даже после некоторой корректировки позиция СМИ осталась остро критической и даже враждебной нашей стране. Официальная реакция и оценки последующих событий также носила антироссийский характер, с нюансами, обусловленными принадлежностью страны к той или иной из упомянутых групп.

Международные отношения

Германское руководство, как и французское, проявляло определенную сдержанность, но по главным позициям придерживались согласованных на Западе трактовок событий: Россия не полностью выполнила соглашение Медведева—Саркози об отводе войск, признание независимости Южной Осетии и Абхазии нарушает нормы международного права и должно быть отменено, а территориальная целостность Грузии восстановлена.

События на Кавказе использованы в Германии, как и в других странах, для выстраивания аргументации против российской идеи заключения нового договора о европейской безопасности. Утверждается, что действия России в отношении Грузии противоречат положениям, зафиксированным в переданных западу разъяснениях к такому договору. В частности, называется процедура урегулирования международных конфликтов, недопустимость нарушения территориальной целостности и уважение верховенства международного права.

Наиболее радикальные критики России поспешили сделать вывод, что после событий на Кавказе «все эти первые свидетельства разрядки между Западом и Россией превратились в макулатуру». Во всяком случае, потребуется время, чтобы преодолеть резко возросшее взаимное недоверие и вернуться к деловому рассмотрению предложения о формировании новой системы безопасности. Хотя в дальнейшем столь категоричные суждения звучали все реже, кавказская тема не снималась, оставаясь в «пропагандистском резерве».

В-четвертых, негативный фон для обсуждения проектов модернизации системы безопасности создает кризис международной финансовой и экономической системы. Никто не знает, каким и когда выйдет мир из этого кризиса, какие возникнут новые риски и вызовы, какие изменения произойдут в социально-экономических структурах государств, в их политической ориентации, какие корректировки предстоит произвести в деятельности существующих международных организаций? Распространено мнение, что без внесения определенной ясности во все эти вопросы бессмысленно и бесполезно вырабатывать некие виртуальные проекты переустройства мира и обеспечения его безопасности.

Тем не менее, дискуссия в Германии вокруг российских предложений не заглохла, а перешла в фазу критического анализа и оценки всего спектра вопросов, возникающих при рассмотрении этой идеи.

Пытаясь выявить сферы, взаимодействие в которых с Россией отвечало бы глубинным интересам

ФРГ, немецкие аналитики, прежде всего, обращают внимание на энергетику как на центральный вопрос российско-германских отношений. Признается, что благополучие Германии в силу объективных условий на долгие годы будет зависеть от бесперебойных поставок российских энергоресурсов. Этот непреложный факт диктует необходимость упорядоченного и надежного сотрудничества, как для ФРГ, так и для России, заинтересованной в устойчивом рынке энергоресурсов. Из этого делается вывод, что любые новые урегулирования в сфере безопасности не могут и не должны обходить энергетическую область, а включать ее в качестве одного из главных составляющих возможной договоренности. При этом подчеркивается, что доступ российских поставщиков к немецким газораспределительным сетям должен компенсироваться участием немецких (и других зарубежных) энергетических концернов в разработке газовых ресурсов России. Впрочем, эти условия должны обеспечиваться не только в случае выработки предлагаемого Россией договора, но и в переговорах о новом договоре России с ЕС. Поэтому особо указывается на необходимость формирования единой позиции ЕС на переговорах с Россией по газовым вопросам.

Повышенное внимание уделяется ситуации на постсоветском пространстве и политике России в этом регионе. После развала Советского Союза действия Запада в целом и ФРГ в частности были четко направлены на вытеснение России и ослабление ее влияния в бывших советских республиках. Инкриминируя России претензию на особые права в этом регионе, от нее требовали и продолжают требовать признания, что здесь не может быть никаких сфер ее влияния, и что все государства могут на равных соревноваться за предпочтительные отношения с отдельными странами региона. За рассуждениями на этот счет скрывается общая для Запада установка на противодействие консолидации на постсоветском пространстве под эгидой России и, тем более, ее институциональному оформлению. Можно ожидать, что при переходе к конкретному рассмотрению российских предложений о новой архитектуре европейской безопасности будут предприниматься попытки создания правовых барьеров на пути к такой консолидации, а практическая работа ведущих западных государств будет, как и прежде, нацелена на размежевание в лагере СНГ.

В предложенных Россией основах концепции новой системы безопасности в Германии усматривают попытку ослабить ту роль, которую в настоящее время играет НАТО, равно как и главенствующие позиции США в этой организации,

а, следовательно, и в Европе в целом. Вице-канцлер, министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер, выступая в феврале 2009 г. на конференции по безопасности в Мюнхене, заявил, что «работа по обновлению архитектуры безопасности не означает, что надо ставить под вопрос все то, что гарантировало нашу безопасность на протяжении десятилетий: наш трансатлантический союз, НАТО потребуются нам и в будущем»¹.

Неоднократно и еще более определенно высказывалась на этот счет канцлер ФРГ Ангела Меркель. Выступая 10 ноября 2008 г. в Немецком атлантическом обществе она подчеркивала, что «НАТО и трансатлантическое партнерство являются мощным краеугольным камнем нашей архитектуры безопасности» и ни в коем случае не может ставиться под сомнение. По ее словам, в беседах с русскими партнерами она постоянно указывала на то, что попытки внести раскол в структуру трансатлантического партнерства неоднократно терпели провал, и не будут иметь успеха в будущем².

В таком же духе Ангела Меркель выступила на конференции по безопасности в Мюнхене 7 февраля 2009 г. При этом, касаясь предложений президента России Д. А. Медведева, она дала понять, что речь может и должна идти о том, как **инкорпорировать Россию в существующую** архитектуру безопасности, без ущерба для имеющихся западных структур³.

В Берлине не готовы участвовать в продвижении идеи многополярности, во всяком случае, всячески избегают использования терминологии, способной создать впечатление приверженности ФРГ соответствующим устремлениям. Опасаются, что дискуссия о многополярности нанесет ущерб отношениям с США, которые лишь недавно, с приходом к власти Ангелы Меркель, стали выправляться после заметного охлаждения в период коллективной оппозиции Франции, Германии и России действиям США в Ираке. Нацеленность на солидарность с США сильнее проявляется в лагере ХДС/ХСС, однако и социал-демократы предпочитают открыто не противопоставлять себя политике Вашингтона.

В Германии по-прежнему ориентируются на сохранение ОБСЕ в качестве важного механизма воздействия на происходящие в Европе процессы. В то же время, в Берлине не могут не видеть, что эта организация не выполняет тех задач, которые формулировались при ее создании, и что критика со стороны России имеет веские основания. Тем не менее, для немецких аналитиков остается неясным, как сочетать предлагаемые Россией меры по строительству новой системы безопасности с ныне действующими (или бездействующими) механизмами

ОБСЕ. Официальная политическая культура Германии не позволяет отказаться от механизмов ОБСЕ как инструментов воздействия на внутривнутриполитические процессы в «недостаточно демократизированных» странах. В политических кругах все же понимают, что подобная односторонность деятельности ОБСЕ может окончательно скомпрометировать ее и обречь на политическое умирание. Поэтому проблема политической активизации ОБСЕ, насыщения ее новыми идеями, придания ей реальных функций конструктивного участника политических процессов в Европе в рамках новой архитектуры европейской безопасности остается важной интеллектуальной задачей для немецких (и не только) политиков, дипломатов и ученых.

Политические сигналы, поступающие из Вашингтона после вступления в должность нового президента США Барака Обамы, с энтузиазмом восприняты в Берлине как свидетельства готовности американской администрации всерьез заняться проблемами военной разрядки и поиском путей к реальным решениям в сфере разоружения. Прежде всего, ожидают позитивных сдвигов на российско-американских переговорах об ограничении стратегических наступательных вооружений, а также по проблеме ПРО. Прежняя линия администрации Буша, спровоцировавшая тупиковую ситуацию вокруг проекта создания в Европе третьего позиционного района американской ПРО, вызвала в Берлине глухое недовольство, хотя и не перераставшее в открытую оппозицию американским планам.

В Германии понимали, что такие действия США не могут не вызвать ответной реакции со стороны России, которая и последовала в виде предостережения о возможном размещении в Калининградской области ракет «Искандер». Все это было воспринято в Берлине с большой озабоченностью. Замаячила опасность повторения острой ситуации 1970—80 годов в связи с взаимным размещением на европейском театре американских и советских РСД. Поэтому в германских политических кругах с оптимизмом отреагировали на сигналы из Вашингтона о пересмотре американских планов размещения своих радаров и ракет в Польше и Чехии, а также на разъяснение России, что в таком случае в Калининградской области не появятся и ракеты «Искандер».

Комментируя решение США отказаться от прежних планов по ПРО министр иностранных дел ФРГ Штайнмайер заявил 17 сентября: «Я рад, что после сегодняшнего решения мы обретаем возможность заново обсудить со всеми партнерами тему ПРО в Европе. Я с самого начала предупреждал: в конечном счете, нам нужно больше,

Международные отношения

а не меньше совместной безопасности. Поэтому я всегда считал, что на общие угрозы мы должны находить общие ответы. Сегодняшний шаг администрации Обамы является сигналом для всех партнеров о том, что американское правительство стремится к таким совместным решениям. Это правильный путь»⁴.

Ангела Меркель была лаконичнее и связала решение американской администрации с перспективами достижения договоренностей в отношении Ирана. Она рассматривает это решение как обнадеживающий сигнал, направленный на преодоление трудностей с Россией, возникших в ходе выработки единой стратегии в отношении угрозы, исходящей от Ирана.

В дискуссии вокруг российских предложений по формированию новой архитектуры безопасности со стороны руководства ФРГ зазвучали и призывы реанимировать переговоры по ДОВСЕ. Штайнмайер говорил в феврале 2009 г. в Мюнхене, что проблема контроля над обычными вооружениями сегодня не менее, а даже более актуальна, чем 20 лет назад в связи с возросшей угрозой региональных конфликтов. Министр призвал «спасти» режим ДОВСЕ⁵.

В то же время, обращает на себя внимание, что в германских политических кругах склонны избегать прямой и четкой поддержки предложенного Россией формата укрепления европейской безопасности в виде создания некоей новой архитектуры. Штайнмайер выразил в Мюнхене опасение, что заключение нового, юридически обязывающего договора может оказаться неподъемной задачей, поскольку это может потребовать «многолетних переговоров с неясной перспективой ратификации парламентами более чем 50 государств». Он предложил вместо этого работать над «обновлением» существующей архитектуры, начав с конкретных проектов в сфере разоружения. Это, по его мнению, позволит создать «новое доверие» и «возродить дух сотрудничества»⁶.

Тема заключения Договора о европейской безопасности находилась в центре обсуждений в ходе состоявшейся 11—13 июля 2009 г. ежегодной конференции российско-германского форума общественности «Петербургский диалог». Российские представители использовали форум для детального развертывания нашей аргументации в пользу заключения Договора, стараясь перевести дискуссию с общеполитического на конкретно-практический уровень.

Можно констатировать, что идея заключения ДЕБ получает достаточно широкий, хотя и противоречивый резонанс. С одной стороны, немецкие участники форума отмечали очевидность

того, что «безопасность в Европе и для Европы может быть обеспечена только вместе с Россией, а не против России, которая является решающим партнером в обеспечении безопасности на евроатлантическом пространстве». В этом смысле российская инициатива является «важным импульсом», за которым должно, однако, последовать «наполнение идеи конкретными мерами по укреплению безопасности и доверия». Стандартная ссылка на потребность в конкретизации — это обычная отговорка во всех подобных случаях, когда уклоняются от конкретного разговора.

В то же время, настойчиво проводилась мысль, что существующие структуры безопасности, прежде всего НАТО, «не должны быть ограничены в своей дееспособности и возможности принятия решений». Обязательства в сфере безопасности, вытекающие из Устава ООН и Хельсинкского Заключительного Акта, сохраняют, дескать, свою действенность и нет необходимости заново формулировать их в каком-то новом документе. Только если в процессе сотрудничества будет достигнуто некое «наращивание безопасности», можно будет обсудить, следует ли подкреплять такое развитие новым политическим заявлением. Но и в этом случае речь шла именно о политическом, а не юридическом документе.

Из высказываний представителей ФРГ (а это были зам. председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге, уполномоченный правительства ФРГ по сотрудничеству с Россией Шокенхофф, бывшие внешнеполитические советники канцлера ФРГ Тельчик и Ишингер, бывший статс-секретарь МИД и посол ФРГ в Москве фон Плетц, депутаты бундестага от разных партий) следовало, что обсуждение с Россией вопросов безопасности ФРГ хотела бы вести лишь в рамках Совета НАТО, ОБСЕ и Совета Европы, а не в новом формате, который предлагается Россией в связи с новым Договором.

В то время как официальные представители ФРГ проявляют подчеркнутую сдержанность в четкой фиксации своей позиции в отношении ДЕБ, резервируя окончательный ответ на российскую инициативу, в близких к правительству кругах исследователей и политологов весьма откровенно говорят о неприемлемости для Запада нового договора. Фонд Конрада Аденауэра, работающий под эгидой ХДС опубликовал в последнее время ряд исследований, в которых раскрываются мотивы отрицательного отношения к российским предложениям.

Эти предложения рассматриваются в контексте ведущейся в Германии дискуссии о задачах и роли НАТО в современной международной политике. Отмечается, что евроатлантический альянс

вступил в третью фазу своего существования. Первая фаза относится к периоду холодной войны. Соответственно задачу НАТО видели в политике устрашения и обеспечении условий военно-стратегического противостояния с Советским Союзом. Содержанием второй фазы считают стабилизацию «новых рыночных демократий в Центральной и Восточной Европе» и расширение НАТО с целью предоставления этим «демократиям» надлежащих гарантий. Третья фаза наступила после 11 сентября 2001 г. и характеризуется появлением у НАТО новой функции – обеспечения безопасности в глобальном, общемировом масштабе путем использования вооруженных сил альянса в «критических регионах». Ослаблять возможности НАТО на этом направлении деятельности недопустимо.

В то же время, в странах НАТО, в том числе в Германии, нет единства в оценке современных угроз и задач альянса в этой связи. Далеко не все одобряют превращение НАТО в «глобального умиротворителя», учитывая связанные с этим риски и огромные расходы. Полагают, что задачи альянса надо ограничить первоначальными рамками – обеспечением безопасности самих его членов. Острые противоречия сопровождают в этой связи и участие ФРГ в военной акции в Афганистане.

Нет единства и в отношении политики дальнейшего расширения НАТО, политики в отношении России. Тем не менее, представление о «глобальной ответственности» НАТО преобладает в миропонимании политических элит Германии. Опасаются, что отказ от этой ответственности приведет к деградации альянса и утрате влияния на происходящие в мире процессы.

Отношение к России остается настороженным и в значительной мере негативным. Существует достаточно распространенное мнение, что Россия не враг НАТО, но и не стратегический партнер. Это великая держава, «управляемая авторитарными методами» и проводящая «реальную политику» образца XIX века, нацеленную исключительно на обеспечение собственных интересов. Претендуя на роль партнера, ведущего на равных диалог с США, Россия не имеет для этого достаточных оснований, являясь «великой державой на глиняных ногах» ввиду экономической слабости, деградации своей армии и демографического кризиса. На основе таких представлений о России делается вывод, что она не может быть для Запада равноценным партнером по новому договору о европейской безопасности и претендовать на право «вето» в решении вопросов в рамках НАТО, включая расширение альянса, чего, дескать, добивается Москва своими

предложениями. Тем не менее, диалог с Россией возможен, необходим и должен быть продолжен.

Для Запада такой диалог должен включать следующие принципиальные элементы:

- «Изменение путем сплетения (*Wandel durch Verflechtung*)» является в отношениях с Россией задачей стратегии западных государств и НАТО в целом. Понимая под «сплетением» воздействие на развитие демократических процессов в России и «модернизацию» ее внешней политики, авторы этого лозунга видят свою задачу в том, чтобы Россия соблюдала «общепринятые правила игры», особенно в части мирного разрешения конфликтов с соседями.

- Необходимо устранить «многоголосье» в вопросах отношений с Россией, которое раскалывает НАТО. Альянс должен говорить с Россией одним языком.

- Интересы и озабоченности «новых членов» альянса из Центральной и восточной Европы должны восприниматься серьезно. Солидарность должна проявляться, прежде всего, с ними, а не с Россией⁷.

Реакция в Германии (и не только) на предложения России дает достаточно оснований полагать, что на Западе не склонны идти на демонтаж или ослабление таких структур как НАТО и ЕС, образующих стеновой хребет евроатлантической системы безопасности и сотрудничества, и замену их некими новыми институтами, эффективность которых пока не может быть измерена и, тем более, доказана.

Вместе с тем, существует определенная готовность обсуждать возможность подключения к деятельности этих структур в сфере безопасности России и других не участвующих в них (кроме ОБСЕ) государств, используя уже наработанный формат сотрудничества и расширяя его (Совет Россия – НАТО, механизмы взаимодействия России и ЕС). Такая модель едва ли соответствует смыслу и духу российских предложений, поскольку не обеспечивает равного статуса всех участников, деля их на тех, «кто принимает» и тех, «кого принимают».

Тем не менее, последовательное развертывание нашей позиции по ДЕБ будут неизбежно побуждать правительства европейских государств к соответствующей политической реакции и оказывать позитивное воздействие на формирование более конструктивного подхода Запада к этим вопросам.

Определенные возможности дает переговорная площадка СБСЕ. Однако для «оживления» этой организации потребуются усиление политического компонента в ее деятельности и наделение ее полномочиями, обеспечивающими активное и эффективное воздействие на процессы в сфере безопасности. Вопрос о том, в какой мере это может быть

Международные отношения

связано с передачей ОБСЕ части функций НАТО остается открытым. А для НАТО это ключевой вопрос.

На нынешней стадии, если судить по заявлениям государственных деятелей ФРГ, приоритет отдается активизации работы на площадке ДОВСЕ, урегулированию разногласий между США и Россией по ПРО и российско-американским переговорам по СНВ. Дискуссия вокруг идеи формирования новой архитектуры европейской безопасности может продолжаться и продвигаться в направлении согласования Парижской Хартии – 2, если удастся договориться о достаточном политическом и правовом наполнении такого документа.

Состоявшиеся в ФРГ парламентские выборы, приведшие к формированию новой правящей коалиции, в которой СДПГ сменила либерально-демократическая партия, не предвещают существенного изменения политики правительства

в вопросах европейской безопасности. В Берлине предпочитают говорить о преемственности внешней политики, о стремлении последовательно продвигать идею широкого сотрудничества на всем евроатлантическом пространстве. Будущее покажет, какое для этого потребуется время.

Vladislav P. Terekhov. Creation of the new architecture of security as a factor of emerging multipolarity in the World. Position of Germany

The article represents analysis of debate opened up in Germany over the proposal made by the RF President D. Medvedev on the new security structure in Europe and conclusion of an appropriate agreement. The author reviews reaction to this proposal received from officials and main political forces which determine the course of foreign activity of Germany and elaborate its position on actual international issues.

-
1. <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Infoservice/Presse/Reden/2009/090206-BM>.
 2. http://www.bundestkanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/11/2008-11-10-rede-.
 3. http://www.bundestkanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/200902/2009-02-07-rede-.
 4. <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Infoservice/Presse/Reden/2009/090917-BM>.
 5. <http://www.auswaertigws-amt.de/diplo/de/Infoservice/Presse/Reden/2009/090206-BM>.
 6. Там же.
 7. Публикации Фонда им. Конрада Аденауэра. Analuesen und Argumente / Ausgabe 62 / Der NATO-Gipfel 2009: Zum 60.Geburtstag ein neues Strategisches Konzept?
 8. Analuesen und Argumente / Ausgabe 67 / Russland: eine einsame Weltmacht.

МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ (К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛАКБ)

Крылов С. А.

В данной статье раскрывается механизм функционирования многосторонней дипломатии стран Латинской Америки и Карибского бассейна на субрегиональном, региональном уровнях, а также в бирегиональном формате и анализируются перспективы интеграционных процессов в Западной полушарии в контексте формирования нового мироустройства XXI века.

Ключевые слова: Латинская Америка, многосторонняя дипломатия, интеграция, регионализация, глобализация

Keywords: Latin America, multilateral diplomacy, integration

1. Место Латинской Америки в мироустройстве XXI века и приоритеты ее многосторонней дипломатии

Фундаментальные и динамичные перемены глобального характера, которые переживает мировое сообщество на рубеже веков, оказывают существенное влияние на формирование нового мироустройства. Не осталась в стороне от этого процесса и Латинская Америка. Латиноамериканские государства выступают за утверждение многополярного мира и полагают, что миропорядок XXI века должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем и, прежде всего ООН, на верховенстве права и широкой демократизации международных отношений. В то же время, в условиях регионализации мировой политики, связанной с ускорением интеграционных процессов в Северной Америке, Западной Европе, Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), Латинская Америка активно ведет самостоятельный поиск адаптации к новым геополитическим реалиям. В действиях ее дипломатии на этом направлении четко прослеживаются две взаимообусловленные тенденции.

С одной стороны, латиноамериканские государства стремятся установить тесное сотрудничество с уже существующими в других регионах мира интеграционными структурами, с другой – создают основу для образования нового чисто латиноамериканского (или южноамериканского), экономического и политического союза, который бы смог стать самостоятельным центром силы, способным маневрировать в отношениях с мегаблоками будущего¹. В этом контексте неизмеримо возрастает роль многосторонней и коллективной дипломатии стран Латинской Америки, которые принимают полноформатное и равноправное участие в работе крупнейших мировых форумов, а также основных универсальных, региональных и субрегиональных международных организаций. В качестве приоритетов дипломатической деятельности латиноамериканских государств в многостороннем формате можно выделить следующие:

– обеспечение национальной безопасности, сохранение и укрепление суверенитета и территориальной целостности, приобретение прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе;

Крылов Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России, e-mail: dipc@mgimo.ru.

Международные отношения

– формирование системы региональной или континентальной безопасности стран Западного полушария;

– воздействие на общемировые процессы в целях установления стабильного, справедливого и демократического миропорядка, основанного на нормах международного права, принципах Устава ООН;

– углубление политической и экономической региональной и субрегиональной интеграции;

– укрепление межамериканского, иберо-американского, азиатско-тихоокеанского сотрудничества и расширение связей Латинская Америка – ЕС, Латинская Америка – Восточная Азия, Латинская Америка – Африка, Латинская Америка – Китай, Латинская Америка – Россия;

– либерализация внешней торговли, урегулирование проблем внешней задолженности и участие в разработке основных современных принципов функционирования мировой финансово-экономической системы в рамках международных институтов и механизмов (Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Всемирная торговая организация (ВТО) и др.);

– консолидация сотрудничества по линии Юг–Юг и развитие политического диалога Север–Юг.

2. Организация многосторонней дипломатии латиноамериканских государств в рамках региональных и субрегиональных международных организаций и форумов

Приоритетным направлением и целью дипломатии всех латиноамериканских государств, составной частью всего их внешнеполитического и экономического курса является укрепление многосторонних механизмов региональной и субрегиональной интеграции. Наиболее представительным и влиятельным политическим объединением латиноамериканских стран, играющим определяющую и катализирующую роль на этом направлении, стала Группа Рио (ГР)².

ГР представляет собой постоянно функционирующий дипломатический механизм политических консультаций для согласования единых латиноамериканских позиций по ключевым региональным и международным проблемам. Делегации государств-членов группы участвуют в ее ежегодных саммитах, а также периодических встречах на уровне министров иностранных дел и, в случае необходимости, других отраслевых министров (экономики, финансов, обороны и т.д.). Группа Рио не имеет устава, бюджета, постоянной штаб-квартиры. Функции временного секретаря (повседневная координация, оргвопросы, согласование документов, внешние контакты от имени

группы) выполняет страна, проводящая в рамках текущего календарного года очередное совещание президентов. Эта деятельность осуществляется в тесном контакте с государством, где проходил предыдущий саммит и страной, которая будет принимать этот форум в следующем году. Таким образом, на основе принципа ротации формируется координационная тройка, реализующая коллективную дипломатию ГР в ее связях с ЕС, Восточно-Азиатским регионом, Россией.

К основным целям и задачам деятельности группы относятся следующие: утверждение принципов представительной демократии и правового государства, защита прав человека, сотрудничество по укреплению мира, международной и региональной безопасности, продвижение разоруженческих процессов, повышение роли и эффективности деятельности ООН, повышение влияния латиноамериканских стран в ОАГ, реализация принципов устойчивого развития, либерализация международной торговли, ускорение региональной интеграции латиноамериканских государств во всех областях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и терроризмом.

Дипломатическое взаимодействие латиноамериканских государств в целях ускорения их экономического развития и углубления процессов региональной и субрегиональной интеграции осуществляется в рамках целого ряда международных организаций самого широкого профиля. Задачи наиболее общего характера решает учрежденная в соответствии с договором Монтевидео 1980 г. Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ)³, которая заменила собой Латиноамериканскую ассоциацию свободной торговли (ЛАСТ), образованную в 1960 г. Механизм функционирования ЛАИ включает в себя следующие элементы:

– Совет министров иностранных дел (собирается раз в год);

– Комитет представителей, действующий на постоянной основе на уровне экспертов;

– Конференция по оценке выполнения Договора Монтевидео, созываемая в случае необходимости;

– Генеральный секретариат, возглавляемый Генеральным секретарем организации (штаб-квартира в Монтевидео, Уругвай).

Основные направления в работе ЛАИ: расширение и регулирование двусторонней торговли, содействие взаимодополняемости национальных экономик, полномасштабное развитие экономического сотрудничества в целях расширения регионального рынка, создание общего рынка латиноамериканских стран.

Схожие задачи лежат в основе деятельности другой латиноамериканской межправительственной организации, созданной в 1975 г. на основе Панамского договора, – Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС)⁴. Однако, она выполняет еще одно важное назначение – выработку общих позиций и стратегии государств Латинской Америки по экономическим и социальным вопросам при рассмотрении их в международных организациях и форумах универсального характера, а также в переговорах с третьими странами и объединениями стран. Высший орган организации – Латиноамериканский совет, созываемый ежегодно на уровне министров иностранных дел. Координацию оперативной дипломатической работы осуществляют различные комитеты и комиссии, а также Постоянный секретариат со штаб-квартирой в Каракасе (Венесуэла).

Субрегиональная политическая и экономическая интеграция в Латинской Америке осуществляется посредством функционирования следующих основных структур: Общего рынка Южного конуса, Андского Сообщества, Центральноамериканского интеграционного сообщества, Ассоциации карибских государств, Карибского сообщества и Группы Трех. Крупнейшая из них и наиболее динамично развивающаяся и влиятельная – Общий рынок Южного конуса (МЕРКОСУР), созданный в 1991 г. на основе Асунсьонского договора⁵. В глобальном масштабе МЕРКОСУР представляет собой по размерам и экономическому потенциалу второй – после Европейского Союза (ЕС) – таможенный союз и третью – после ЕС и Североамериканской зоны свободной торговли (САЗСТ) – зону свободной торговли.

Организационная структура МЕРКОСУР выгодно отличается гибкостью, простотой и практичностью. Страны-участницы уже на начальном этапе оформления группировки поставили целью иметь несложную и недорогостоящую систему органов управления. Предусматривающая обязательное представительство в них правительства каждой из четырех стран-участниц, она не предполагает создания какого-либо наднационального органа. Все решения принимаются на основе консенсуса в присутствии стран-участниц.

Высшим руководящим органом МЕРКОСУР является Совет общего рынка, в который входят министры иностранных дел и экономики. Созывается он по мере необходимости, но не реже одного раза в 6 месяцев. Его встречи завершаются проведением саммитов, на которых утверждаются решения Совета. Исполнительным органом объединения является Группа общего рынка (ГОР). В ее составе по восемь членов от каждой из стран-участниц (четыре

полномочных представителя и четыре заместителя), назначаемых правительствами и включающих в обязательном порядке представителей министерств иностранных дел, экономики, а также центральных банков. Координация деятельности ГОР осуществляется МИДами стран-участниц. При Группе общего рынка действует десять рабочих групп по конкретным направлениям сотрудничества и Комиссия по торговле, которая призвана обеспечивать проведение общей торговой политики в рамках таможенного союза. Возглавляют Совет и Группу общего рынка страны-участницы поочередно каждые полгода.

В систему органов МЕРКОСУР входят также Совместная парламентская комиссия, включающая представителей национальных парламентов, и Консультативный социально-экономический форум, образованный с целью обеспечения участия представителей бизнеса и профсоюзов в подготовке решений путем выработки рекомендаций для ГОР. В состав форума входят представители наиболее влиятельных предпринимательских, профсоюзных и иных общественных организаций стран-участниц. Технические функции в МЕРКОСУР возложены на Административный секретариат, расположенный в Монтевидео (Уругвай).

Углубление экономической интеграции в Южном конусе сопровождается укреплением МЕРКОСУР как политического образования. В 1996 г. саммит в Сан-Луисе (Аргентина) принял обязательства участников проводить совместные консультации и осуществлять меры политического давления в случае возникновения угрозы демократическому строю в одном из государств-членов объединения.

МЕРКОСУР придает большое значение вопросам создания системы, гарантирующей выполнение взятых странами-участницами обязательств как неременного условия успешного продвижения интеграционных начинаний. В 1991 г. был принят Протокол Бразилиа, определяющий порядок разрешения споров по вопросам толкования, применения и исполнения положений Асунсьонского договора, заключенных в его рамках соглашений, а также решений руководящих органов группировки. Если обязательные прямые переговоры заинтересованных сторон не приводят к урегулированию спорного вопроса, он передается на рассмотрение ГОР, которая выступает посредником и вырабатывает рекомендации. В случае их неприятия сторонами образуется Арбитражный суд по данному вопросу, решение которого является окончательным. Однако, как свидетельствует практика функционирования МЕРКОСУР, урегулирование спорных вопросов,

Международные отношения

постоянно возникающих у его участников в результате столкновения интересов, осуществляется без Арбитражного суда путем достижения взаимных компромиссов, основывающихся на политической воле правительств всех стран-участниц Общего рынка Южного конуса к дальнейшему продвижению интеграционного процесса.

Другим крупным субрегиональным объединением в Латинской Америке является Андская система интеграции (АСИ), ранее именовавшаяся Андским пактом (АП). Договор о создании АП («Договор Картахены» или «Андский пакт») был подписан в 1969 г.⁶ В соответствии с решениями глав государств АП, принятыми на встрече в Трухильо (Перу) в 1996 г., эта организация преобразована в Андскую систему интеграции, которая также известна как Андское сообщество (АС). Основные цели АС: ускорение экономического развития стран-участниц, совместное финансирование общерегиональных проектов, координация экономической политики, введение единого таможенного режима, а в перспективе – общего рынка.

Высшим органом АС является Андский президентский совет, собирающийся ежегодно, а также Совет министров иностранных дел, созываемый по мере необходимости. Руководит многосторонней и коллективной дипломатией страна-координатор АС, принимающая на основе ротации его очередной саммит. В рамках Андского сообщества функционируют Андская корпорация развития, Андский резервный фонд, Ассоциация телекоммуникационных компаний, Андский институт труда и Союз предпринимателей АС. Штаб-квартира АС с техническим секретариатом находится в Лиме (Перу). С середины 1990-х годов страны Сообщества ведут активные переговоры с МЕРКОСУР (как в формате двух объединений, так и на двусторонней основе) о сближении двух субрегиональных структур с перспективой образования единого Южноамериканского общего рынка. В 1998 г. АС подписало с МЕРКОСУР рамочное соглашение о намерении продолжить работу над созданием единого объединения. В связи с тем, что в начале 10-х годов XXI века страны – члены АС интегрировались в МЕРКОСУР, работа Андского Сообщества в настоящее время парализована, и перспективы ее возрождения в силу внутренних разногласий пока не просматриваются.

В качестве третьего важного центра сосредоточения интеграционных процессов в Латинской Америке следует выделить регион бассейна Карибского моря и Центральной Америки. Здесь функционируют сразу четыре интеграционные группировки. Наиболее структурированной и дипломатически

организованной является Карибское сообщество (КАРИКОМ), учрежденное в 1973 г. согласно Договору Чагуарамас в качестве преемника Карибской ассоциации свободной торговли (КАРИФТА)⁷. Главными целями организации обозначены: достижение экономической интеграции через создание общего рынка; координация внешней политики государств-членов; сотрудничество в таких областях как образование, здравоохранение, культура, туризм и др.

Многосторонняя дипломатия КАРИКОМ организована следующим образом: высший орган – Конференция глав правительств, которая обычно проводится один раз в год. К ее компетенции относятся утверждение основных принципов и направлений деятельности сообщества, урегулирование конфликтов между членами, заключение от имени сообщества международных договоров и др. Решения принимаются единогласно. Государства-члены имеют право вето. Бюро конференции руководит организацией между сессиями конференции и контролирует созданные в 1992 г. силы быстрого реагирования.

Совет министров КАРИКОМ является вторым по значимости органом сообщества, который отвечает за развитие политического, экономического и финансового сотрудничества. В его структуре действуют четыре Совета министров: по торговле и экономическому развитию; по иностранным делам; по гуманитарному и социальному развитию; по финансам и планированию и 13 постоянных отраслевых комитетов.

Секретариат Карибского сообщества, возглавляемый генеральным секретарем, имеет пять департаментов (торговля и сельское хозяйство, экономика и промышленность, функциональное сотрудничество, правовые вопросы, общие вопросы и администрация). Наряду с организационной работой по проведению конференций и совещаний секретариат осуществляет контроль за реализацией принятых решений, проводит исследование по проблемам интеграции, выполняет поручения органов сообщества. Место пребывания Секретариата – Джорджтаун (Гайана).

В рамках КАРИКОМ действуют ассоциированные институты, к которым по Договору Чагуарамас относятся Карибский банк развития, Карибский инвестиционный фонд, Карибская метеорологическая организация, Совет правового образования, Вест-Индский университет и Вест-Индская судоходная компания, а также Ассамблея парламентариев Карибского сообщества и Карибский суд.

Вторая структура – Центральноамериканское интеграционное сообщество (ЦАИС)⁸ – действует

в Центральной Америке. Главные элементы этого дипломатического механизма – совещание глав государств и правительств (собирается 1 раз в год), совет министров, в т.ч. иностранных дел, который созывается по мере необходимости, исполнительный комитет, включающий представителей президентов стран-участниц, и Генеральный секретариат со штаб-квартирой в Гватемале. Основными задачами ЦАИС являются ускорение экономического развития стран Центральной Америки, координация экономической политики и укрепление политического диалога, устранение торгово-экономических и валютных ограничений и создание зоны свободной торговли.

В регионе бассейна Карибского моря и Центральной Америки номинально существует еще одно объединение латиноамериканских государств – Группа «трех» в составе Мексики, Венесуэлы и Колумбии, учрежденное в 1989 г. Его руководящие органы – совещание глав государств, созываемое ежегодно, совещание министров иностранных дел и других отраслевых министров, собирающихся по мере необходимости, и Временный секретариат, который возглавляют поочередно страны-участницы, сменяясь каждые два года. Секретариат должен работать в столице государства-координатора группы. Однако ее деятельность в настоящее время заморожена по причине острого противостояния между Колумбией и Венесуэлой и может быть восстановлена, как представляется, лишь в случае смены правящего режима в Каракасе.

Четвертой и самой представительной субрегиональной структурой бассейна Карибского моря, объединившей все государства и зависимые территории этого региона, включая Кубу, стала Ассоциация карибских государств (АКГ). Идея учреждения Ассоциации принадлежит КАРИКОМУ. Договор о ее создании был подписан в 1994 г. в Картахене (Колумбия). Официальный старт деятельности АКГ был дан на учредительной конференции глав государств-членов в Порт-оф-Спейн (Тринидад и Тобаго) в 1995 г.⁹ В соответствии с Договором Картахены организация создавалась как многофункциональный дипломатический механизм взаимодействия в политической, экономической, социальной и гуманитарной областях. Однако опыт первых пяти лет работы АКГ продемонстрировал, что основной акцент в ее деятельности делается на содействие экономическому сотрудничеству, устойчивому развитию и интеграции стран субрегиона.

Постоянным руководящим органом этой организации является Совет министров иностранных дел, председатель которого ежегодно ротируется.

Роль вспомогательных органов выполняют специализированные комитеты, в т.ч. по вопросам развития и торговли, окружающей среды и природных ресурсов, науки и техники, транспорта и туризма. Административные функции возложены на секретариат АКГ, возглавляемый Генеральным секретарем, с местом нахождения в Порт-оф-Спейн. Секретариат координирует внешние связи Ассоциации и распоряжается ее бюджетом, который формируется за счет фиксированных квот, установленных для независимых государств-членов на основе индекса их экономического развития и среднедушевых доходов.

Новым форматом многосторонней дипломатии латиноамериканских стран стало создание в 2004 г. в соответствии с декларацией Куско Южноамериканского сообщества наций (ЮАСН). В ней провозглашалась решимость всех 12 государств Южной Америки «развивать политическую, социальную, экономическую, экологическую и инфраструктурную интеграцию пространства Южной Америки и способствовать вместе с другими схемами региональной интеграции повышению роли государств Латинской Америки и Карибского бассейна в мире, укреплению их позиций на международных форумах»¹⁰. Инициатива создания сообщества принадлежала Бразилии и лежала в основе ее стратегической линии на укрепление своих лидирующих позиций в Латинской Америке и на превращение Южной Америки в новый центр силы и влияния не только на американском континенте, но и в мире в целом.

Высшим органом ЮАСН является ежегодный форум глав государств стран – членов, исполнительным – совещание министров иностранных дел, созываемое 1 раз в полгода. Возглавляет сообщество Председатель ЮАСН, избираемый на 1 год на ротационной основе, коим является глава государства, принимавшего очередной саммит. Работает координационная тройка Сообщества. Представляется, что важнейшей сферой дипломатии ЮАСН будет политическое сотрудничество, направленное на укрепление позиций стран региона в мире, совместную защиту их интересов. Однако на этом пути будут и проблемы, обусловленные социальной напряженностью и политической нестабильностью в большинстве государств региона, традиционным геополитическим соперничеством (Аргентина – Бразилия, Венесуэла – Колумбия, Чили – Боливия), асимметрией экономического развития.

Таким образом осуществляется многостороннее политическое и экономическое сотрудничество латиноамериканских государств в рамках региональной и субрегиональной интеграции. Остается

Международные отношения

добавить, что оперативное дипломатическое взаимодействие со всеми вышеперечисленными организациями и объединениями страны-участницы осуществляют через свои посольства по месту нахождения секретариатов (постоянных, временных, генеральных, технических) соответствующих структур. Посольства в данном случае по совместительству выполняют функции постоянных представительств государств при этих организациях. Их функционирование на постоянной основе позволяет решать главную задачу национальной дипломатии каждого государства-члена – достигать взаимопонимания и компромиссов по целому ряду ключевых региональных и международных проблем при соблюдении своих национальных интересов и формировать общие подходы и реализовывать их на международной арене, используя потенциал своей коллективной дипломатии.

3. Организация многосторонней межрегиональной дипломатии латиноамериканских государств

Многосторонняя дипломатия латиноамериканских стран в межрегиональном формате действует на трех основных направлениях: межамериканском, иберо-американском и азиатско-тихоокеанском.

Высшим форумом межамериканского политического диалога являются встречи глав государств и правительств стран Западного полушария или, как их еще называют, межамериканские Саммиты¹¹. Первая такая встреча состоялась в Майами (США) в декабре 1994 г., в ходе нее была достигнута договоренность о работе этого форума на постоянной основе. На второй встрече в Сантьяго-де-Чили в 1998 г. лидеры американских государств признали оптимальным созывать межамериканские саммиты примерно 1 раз в 4 года. Вся дипломатическая подготовка саммитов проходит в рамках Организации американских государств (ОАГ), которая по признанию форума в Сантьяго-де-Чили, является «зонтичной» организацией для проведения всех крупных мероприятий политического взаимодействия в «архитектуре» межамериканских отношений.

ОАГ создана в 1948 г. как преемница Международного союза американских республик, основанного в 1890 г.¹² Основные цели организации: поддержание континентального мира и безопасности, укрепление демократии и обеспечение прав человека, содействие устойчивому развитию, экономической интеграции и созданию Межамериканской зоны свободной торговли (МАЗСТ), борьба с коррупцией, терроризмом, незаконным оборотом наркотиков.

Высший орган ОАГ – проводимая ежегодно на основе ротации в столицах стран-участниц Генеральная Ассамблея министров иностранных дел. Для оперативного рассмотрения особо важных вопросов может быть созвано Консультативное совещание министров иностранных дел. Главным, постоянно действующим органом является Постоянный совет, состоящий из представителей-послов стран-участниц, аккредитованных при ОАГ¹³, и работающий в штаб-квартире ОАГ в Вашингтоне. В его структуру входят постоянные комиссии (по континентальной безопасности, политико-правовым, административно-бюджетным вопросам) и рабочие группы. В рамках ОАГ создан ряд специализированных органов: Межамериканский правовой комитет, Межамериканский совет по комплексному развитию (СИДИ), Комитет по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (СИКАД), Комитет по борьбе с терроризмом (СИКТЕ), Межамериканский банк развития (МАБР) и др. Административный орган ОАГ – Генеральный секретариат, подразделяющийся на департаменты. Его возглавляет Генеральный секретарь организации, который избирается Генассамблеей на 5-летний срок. ОАГ имеет Устав и бюджет, формирующийся из ежегодных взносов стран-участниц. С 1971 г. действует институт постоянных наблюдателей при ОАГ¹⁴.

В современных условиях государства-члены ОАГ стремятся найти новые направления и формы деятельности этой организации, оптимально адаптированные к внутриполитическим и международным реалиям постконфронтационного мира. Реформаторский настрой отчетливо прослеживается на различных форумах ОАГ последних лет, в частности, Межамериканском саммите по проблемам устойчивого развития (Боливия, 1996 г.), конференциях по мерам укрепления доверия и безопасности в Западном полушарии (Чили, 1995 г. и Сальвадор, 1998 г.), Межамериканских конференциях по борьбе с коррупцией (Аргентина, 1998 г.) и терроризмом (Лима, 1996 г.).

Вторым направлением многосторонней дипломатии латиноамериканских государств межрегионального формата стало иберо-американское. Здесь эффективно работает свой дипломатический механизм политического диалога – форум иберо-американского сотрудничества, в котором участвуют все испаноговорящие страны Латинской Америки, Бразилия, Португалия и Испания – всего 21 государство¹⁵. Его основная цель – согласование совместных подходов участвующих в нем государств к ключевым международным проблемам и вызовам современности.

Главным звеном этого механизма являются ежегодные встречи глав государств и правительств

стран-участниц – саммиты, которые проводятся на ротационной основе в государствах форума¹⁶. Созываются также совещания министров иностранных дел в ходе работы сессии Генеральной Ассамблеи.

ООН в Нью-Йорке и накануне очередной конференции в «верхах». В течение года государство, принимающее очередной саммит, как координатор иберо-американского сотрудничества организует различные мероприятия и встречи отраслевых министров (экономики, труда, сельского хозяйства, здравоохранения и т.д.), а также заседания различных комитетов и рабочих групп по отдельным проблемам сотрудничества.

IX встреча на высшем уровне в Гаване в 1999 г. одобрила протокол об учреждении Генерального Секретариата иберо-американского сотрудничества со штаб-квартирой в Мадриде, который начал функционировать в 2005 г. Его создание призвано содействовать превращению в перспективе иберо-американского форума в политические объединение наподобие Группы Рио. Глава Секретариата избирается сроком на 4 года и руководит работой небольшого аппарата (12 сотрудников). Основные расходы (80 %) по содержанию этого органа несет Испания. Посольства стран-участниц, аккредитованные в Мадриде, выполняют по совместительству функции постпредств при Форуме. Для упорядочения организационной деятельности по подготовке саммитов формируется координационная «тройка» в составе государств-организаторов саммитов текущего, прошлого и следующего годов. Работа форума обычно характеризуется конструктивным, деловым настроем, готовностью к компромиссу и стремлением к сохранению целостности иберо-американского процесса как такового в общем контексте становления многополярности современного мироустройства.

11 тихоокеанских стран Латинской Америки придают важное значение развитию политического взаимодействия и экономической интеграции с государствами азиатско-тихоокеанского региона (АТР). 3 латиноамериканские страны – Мексика, Чили и Перу – являются полноправными участниками крупнейшего объединения АТР, действующего на постоянной основе, – форума Азиатско-тихоокеанского сотрудничества (АТЭС)¹⁷. Участие делегаций этих латиноамериканских государств в двух ежегодных мероприятий форума – встрече министров иностранных дел и торговли стран участниц (проводится накануне встречи в «верхах»), а также его саммите и рабочих Комитетах и комиссиях – дает Латинской Америке возможность ощутить себя частью сообщества государств АТР, активно содействовать его превращению в один из центров

мирового экономического развития, а также в полной мере воспользоваться всеми преимуществами интеграционных процессов, протекающих в регионе.

4. Коллективная дипломатия латиноамериканских государств в бирегиональном формате

Расширяя горизонты своей многосторонней дипломатии страны Латинской Америки в лице Группы Рио установили постоянный политический диалог с внерегиональными государствами и их объединениями. В этом диалоге латиноамериканские страны выступают с единой, уже сформированной в рамках этой региональной структуры позицией по определенным в качестве предмета двустороннего обсуждения проблемам, представляющим взаимный интерес для обеих сторон. В соответствующем ключе действует и второй партнер по диалогу. Такой формат дипломатического взаимодействия получил название бирегионального, а дипломатия, реализуемая каждой переговаривающейся стороной, – коллективной¹⁸.

Наиболее активно и последовательно с точки зрения практической отдачи Группа Рио сотрудничает с ЕС. Приоритетные направления сотрудничества: координация совместных подходов к решению глобальных проблем и вызовов современности, укрепление экономических, торговых, культурных, гуманитарных и научно-технических связей. Главная цель – выход двустороннего сотрудничества на уровень стратегического партнерства. Сложился дипломатический механизм такого сотрудничества, функционирующий на постоянной основе и получивший название Форум Латинская Америка – Европейский Союз. Высшим звеном являются встречи глав государств и правительств Латинской Америки и ЕС¹⁹. Регулярно проводятся совещания министров иностранных дел форума (как правило, в ходе сессии ГА ООН, а также накануне саммитов). Для решения оперативных вопросов и координации действий, например в ООН, собираются «тройки» ЕС – Группа Рио на министерском или экспертном уровне. Работает также специальный комитет по организации различных мероприятий бирегионального характера.

Важное значение страны-участницы форума придают также вопросам экономической интеграции, либерализации торговли, реформам международно-финансовых институтов. В качестве практических шагов в решении этих проблем можно назвать начавшийся параллельный переговорный процесс в формате МЕРКОСУР-ЕС о либерализации взаимной торговли с целью создания в перспективе евролатиноамериканского единого торгового пространства.

Международные отношения

Другим крупнейшим форумом коллективной дипломатии латиноамериканских государств стал Восточно-азиатско-латиноамериканский форум (ВАЗЛАФ)²⁰. Инициатива его создания принадлежит Группе Рио и родилась в ходе встреч и консультаций министров иностранных дел стран-членов ГР с коллегами из АСЕАН, Японии и Китая в ходе сессий ГА ООН в конце 1990-х годов в Нью-Йорке. Высшим органом форума является конференция министров иностранных дел, созываемая один раз в два года, рабочим – ежегодная встреча старших должностных лиц. Функции координатора выполняет страна, принимающая очередную такую встречу. I конференция мининдел ВАЗЛАФ, состоявшаяся в Сантьяго (Чили, 2001 г.), определила основные цели форума: развитие политического диалога и сотрудничества в интересах сближения и налаживания партнерства двух регионов в политической, социально-экономической, культурной и гуманитарной сферах. Создание ВАЗЛАФ лежит в русле общего процесса глобализации и отвечает, прежде всего, потребностям бирегионального сотрудничества по линии Юг–Юг.

Наконец, третьим важным направлением развития бирегионального политического диалога латиноамериканских государств является Россия и СНГ. Впервые встреча в формате Группа Рио – СНГ состоялась в 1995 г. в Нью-Йорке во время работы 50-й сессии ГА ООН. Впоследствии, однако, многие страны СНГ заняли пассивную позицию в отношении связей с ГР, а последняя, со своей стороны, подтвердила заинтересованность в развитии постоянных контактов с Россией как наиболее авторитетным государством в СНГ, имеющим реальные интересы в Латинской Америке и проводящим активную внешнюю политику в регионе. В этой связи было принято совместное решение вести линию на расширение прямого постоянного диалога Группа Рио – Россия. По инициативе России в 1997 г. в рамках 52 сессии ГА ООН состоялась встреча министров иностранных дел России и координационной «тройки» ГР. Ее итогом стала договоренность о создании дипломатического механизма регулярных консультаций в таком формате, открытых в то же время и для участия других членов ГР на уровне министерств

и иностранных дел в период работы ежегодных сессий ГА ООН. Была также согласована возможность установления контактов на уровне национальных координаторов ГР и официальных представителей или экспертов России. В 1990 г. министры сформировали предметную повестку дня своей работы: международная безопасность и реформа ООН, борьба с наркобизнесом и организованной преступностью, мировая экономическая ситуация и глобальные вызовы современности.

Стратегическая линия на расширение бирегионального дипломатического взаимодействия Латинской Америки и России имеет хорошую перспективу, и будет носить долговременный и серьезный характер, поскольку отвечает национальным интересам участвующих в нем государств, а также интересам укрепления региональной стабильности, развития и международного мира. Развивается также сотрудничество Латиноамериканских стран в формате Латинская Америка – Китай, Латинская Америка – Африка, Латинская Америка – Лига арабских государств (ЛАГ).

Таким образом, многосторонняя и коллективная дипломатия Латинской Америки набирает обороты, целенаправленно работая по всем азимутам мировой политики. По ее инициативе и с ее участием на рубеже XXI века сформированы новые дипломатические механизмы бирегионального взаимодействия крупных центров влияния в международной системе координат. Создание таких механизмов, по признанию лидеров многих латиноамериканских стран, обусловлено крушением биполярного мироустройства и назревшей необходимостью уравновесить чрезмерное усиление роли одной державы – США в современном мире.

Sergey A. Krylov. Latin American States' Multilateral Diplomacy.

This article reveals the mechanism of functioning of the multilateral diplomacy of the Latin American and Caribbean States on the subregional, regional level as well as in the biregional format and analyzes the perspectives of the integrational processes in the Western hemisphere in the context of formation of a new world structure of the XXI century.

-
1. Свидетельством тому стали итоги состоявшейся в Бразилии в 2000 г. встречи глав государств Южной Америки (впервые в таком формате), продемонстрировавшие стремление латиноамериканских лидеров вести линию на превращение Латинской Америки во влиятельный центр формирующегося многополярного мира.
 2. Решение о создании ГР на основе Контадорской группы и группы ее поддержки (занимались поиском путей центральноамериканского урегулирования) было принято на совещании в Рио-де-Жанейро в декабре 1986 г. Первоначально в нее вошли Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Панама, Перу и Уругвай. В 1990 г. в состав группы включены Боливия, Парагвай, Чили, Эквадор, а также на основе ротации по одной стране от центральноамериканского и карибского субрегионов. В 1999 г. в группу были приняты на индивидуальной основе Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Сальвадор и Доминиканская Республика.
-

3. На 1 сентября 2009 г. членами организации являются 12 государств: Аргентина, Боливия, Бразилия, Колумбия, Чили, Эквадор, Мексика, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла и с августа 1999 г. Куба.
4. На 1 сентября 2009 г. в состав ЛАЭС входят 28 латиноамериканских государств: Аргентина, Багамы, Барбадос, Белиз, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гайана, Гватемала, Гондурас, Гренада, Доминиканская республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Суринам, Тринидад и Тобаго, Уругвай, Чили, Эквадор, Ямайка.
5. Первоначально включал в себя Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай. В 1996 г. Чили и Боливия подписали с ним соглашение о вхождении в зону свободной торговли. В 1997 г. Чили получила право голоса практически по всем вопросам, за исключением тех, что относятся к таможенному союзу. В 2003 г. ассоциированными членами МЕРКОСУР стали Перу, Колумбия и Эквадор. В 2006 г. в него вступила Венесуэла. О своем желании приобрести статус ассоциированного членства заявляют Мексика и Панама.
6. Членами АСИ являются: Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу и Эквадор.
7. На 1 сентября 2009 г. в его состав входят 15 государств: Антигуа и Барбуда, Содружество Багамских островов, Барбадос, Белиз, Гаити, Гайана, Гренада, Доминика, Монтсеррат, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Тринидад и Тобаго, Ямайка. На правах ассоциированных членов в КАРИКОМ приняты Ангилья, Британские Виргинские острова, Теркс и Кайкос.
8. Создано в 1960 г. в соответствии с Договором Манагуа как Центральноамериканский общий рынок, который в 1993 г. был преобразован в ЦАИС. На 1 сентября 2009 г. включает Гватемалу, Гондурас, Коста-Рику, Никарагуа, Сальвадор, Панаму и Белиз (с 2000 г.).
9. В ее состав на 1 сентября 2009 г. входят 25 государств: Антигуа и Барбуда, Багамские острова, Барбадос, Белиз, Венесуэла, Гаити, Гайана, Гватемала, Гондурас, Гренада, Доминика, Доминиканская республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Суринам, Тринидад и Тобаго, Ямайка, а также 12 ассоциированных членов – зависимые территории Карибского бассейна.
10. Declaracion del Cusco sobre la Comunidad Sudamericana de Naciones. Cusco 8 de diciembre de 2004, p. 1. В ЮАСН на 1 сентября 2009 г. входят 12 стран: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Чили, Эквадор.
11. В Межамериканских саммитах принимают участие делегации 34 из 35 независимых государств Западного полушария (Куба не допускается к работе форумов). III саммит прошел в Квебеке (Канада) в 2001 г., IV – в Маар-дель-Плата (Аргентина) в 2005 г., V – в Тринидаде и Тобаго в апреле 2009 г.
12. ОАГ объединяет все 35 американских государств, однако от участия в ее работе с 1962 г. было отстранено нынешнее правительство Кубы.
13. Возглавляют постпредства своих стран при ОАГ в Вашингтоне, осуществляющие оперативное дипломатическое взаимодействие с организацией. Постпредства аккредитованы почти всеми латиноамериканскими странами, за исключением малых карибских государств, у которых эти функции выполняют их посольства в США.
14. На 1 сентября 2009 г. этим статусом обладает более 50 государств, в т.ч. и Россия, а также ЕС.
15. В основе этого объединения лежит культурная и языковая идентичность стран-участниц.
16. Первый саммит состоялся по инициативе Группы Рио в 1991 г. в Гвадалахаре (Мексика).
17. Форум, созданный в 1989 г., объединяет на 1 сентября 2009 г. Гонконг и 20 государств региона: США, Японию, Австралию, Новую Зеландию, Южную Корею, Канаду, Индонезию, Тайланд, Малайзию, Филиппины, Сингапур, Бруней, Китай, Тайвань, Мексику, Папуа-Новую Гвинею, Чили, Россию, Перу и Вьетнам. После вступления трех последних участников в 1998 г. был провозглашен десятилетний мораторий на расширение АТЭС. Основные цели форума: содействие экономическому и техническому сотрудничеству стран-участниц, разработка единых региональных правил торговли и инвестиционной деятельности и др. Функционирует административно-технический секретариат АТЭС со штаб-квартирой в Сингапуре. Еще три латиноамериканские страны – Колумбия, Эквадор и Коста-Рика заявили о своем желании вступить в АТЭС после отмены моратория.
18. См. «Дипломатический вестник». 1999. № 8. С. 24.
19. Первый такой саммит 48 государств состоялся в Рио-де-Жанейро в 1999 г.
20. На 1 сентября 2009 г. в форуме участвуют 15 латиноамериканских государств (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Уругвай, Чили, Эквадор), 13 азиатских (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, КНР, Корея, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Тайланд, Филиппины, Япония) государств, а также Австралия и Новая Зеландия.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В 1920-Е ГОДЫ: БРИТАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К 90-летию основания Коминтерна

Прокопов А. Ю.

В статье автор показал определяющее влияние Коммунистического Интернационала и проводимой им тактики «единого рабочего фронта» (1921 – 1928 гг.) на политику Компартии Великобритании (КПВ) по отношению к Лейбористской партии, к Британскому конгрессу тред-юнионов и к первому лейбористскому правительству (1924 г.). Рассматривается также воздействие Коминтерна на деятельность КПВ в канун парламентских выборов 1922 г., 1923 г., 1924 г. и в период всеобщей стачки 1926 г.

Ключевые слова: Коммунистический Интернационал, Коммунистическая партия Великобритании (КПВ), тактика единого рабочего фронта (1921—1928 гг.), Лейбористская партия Великобритании, Британский конгресс тред-юнионов, всеобщая стачка 1926 г.

Keywords: Communist International, Communist Party of Great Britain (CPGB), tactic «the united workers front» (1921—1928), Labour Party, British Congress of Trade-Unions, General Strike of 1926

Девяносто лет назад в марте 1919 г. был основан Коммунистический Интернационал – организация, оказавшая большое влияние на развитие международного коммунистического движения в 1920—начале 1940-х годов. 2—6 марта 1919 г. по инициативе и под руководством В. И. Ленина в Москве прошла международная коммунистическая конференция, в которой приняли участие представители от 35 организаций из 21 страны Европы, Америки и Азии. Делегаты провозгласили создание III Интернационала, а конференция получила статус Первого (Учредительного) Конгресса

Коминтерна¹. В июле—августе 1920 г. в ходе работы II Конгресса Коминтерна был разработан устав этого международного объединения, в котором говорилось, что «Коммунистический Интернационал ставит себе целью борьбу всеми средствами, даже и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание международной советской республики»².

По уставу высшим органом Коминтерна был провозглашен Конгресс всех партий и организаций, входивших в Интернационал. Он избирал Исполнительный Комитет Коммунистического

Прокопов Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, e-mail: aup277@mail.ru.

Интернационала (ИККИ), который между конгрессами руководил работой этой международной организации. Первым председателем ИККИ стал видный российский большевик Григорий Зиновьев. В состав ИККИ в 1920 г. также вошли Н. Бухарин, К. Радек, М. Кобецкий, М. Томский, Г. Цыперович, кандидатами стали В. Ленин, И. Сталин, Я. Берзин и др.³ Несмотря на то, что формально все секции III Интернационала были равны, представители российских коммунистов играли решающую роль в принятии важнейших решений и определении основ политики этой международной организации.

III Интернационал был централизованной организацией, он представлял собой одновременно союз партий и единую всемирную коммунистическую партию⁴, секции которой были обязаны выполнять решения высших органов Коминтерна. В резолюции об условиях приема в Коминтерн говорилось, что «все постановления съездов Коминтерна, как и постановления его Исполнительного комитета, обязательны для всех партий, входящих в Коминтерн»⁵. Чтобы лучше понять положение национальных секций в III Интернационале и ту роль, какую российские большевики отводили им в деятельности Коминтерна, необходимо привести следующее высказывание Н. И. Бухарина, сделанное им в 1923 г. в ходе работы III пленума ИККИ: «Новый Интернационал ...должен представлять собой единую организацию, в которой национальный момент будет полностью подчинен международным, и тем самым национальные решения будут полностью подчинены международным решениям мировой организации пролетариата»⁶. К осени 1928 г. по официальным данным в Коминтерне состояло 57 партий и 9 организаций, в это время в мире насчитывалось почти 1,8 млн коммунистов⁷. Как будет показано ниже, далеко не всегда взаимоотношения между секциями и высшими органами Коминтерна определялись жестким подчинением национальных партий всем без исключения указаниям руководства Интернационала. Тем не менее, по мере бюрократизации аппарата Коминтерна контроль и вмешательство лидеров III Интернационала в работу и формирование руководящих органов различных коммунистических партий становился все более явным.

Основным проводником политики Коминтерна в Великобритании была английская компартия. С окончанием Первой мировой войны в Великобритании, как и во многих других европейских странах, заметно активизировали свою деятельность левые силы. В 1920 г. в стране была создана Коммунистическая партия Великобритании (КПВ), которая в этом же году стала секцией

Коммунистического Интернационала. Положение КПВ в Коминтерне определялась не только уставом и организационной структурой этой международной организации, но и тем, что КПВ (как и многие другие партии, входившие в Коминтерн) получала существенную финансовую поддержку из Москвы. По разным данным Коминтерн в 1921 г. передал Компартии Великобритании от 24 тыс. до 55 тыс. фунтов стерлингов⁸. В 1922 г. КПВ получила из Москвы 20 тыс. фунтов стерлингов⁹, в последующие годы финансирование КПВ со стороны Коминтерна не всегда регулярно, но, тем не менее, продолжалось¹⁰.

На протяжении всех 1920-х годов лидеры Коммунистического Интернационала уделяли немало внимания Великобритании, что было обусловлено рядом причин. Великобритания в 1920-е годы, несмотря на все трудности в социально-экономической сфере первых послевоенных лет, оставалась одной из наиболее промышленно развитых государств капиталистического мира. В сложных социально-экономических условиях первых лет после окончания мировой войны у власти в Британии находилось коалиционное правительство, которым руководил либерал Дэвид Ллойд Джордж, однако большинство других ключевых постов в его кабинете министров оставались у консерваторов. Страна играла значительную роль в европейской и мировой политике, ее представители занимали ведущие позиции в созданной в 1919 г. Лиге Наций. Великобритания обладала огромной колониальной империей, ее площадь в 1919 г. составляла около одной пятой всей земной суши, а население – приблизительно четверть всех жителей планеты¹¹. Кроме того, подавляющее большинство населения Британии были рабочими, что вызывало дополнительный интерес к этой стране со стороны руководителей Коминтерна и Советского государства.

На рубеже 1910—20-х годов среди части британских левых сил заметное распространение получили суждения, что не стоит участвовать в парламентской деятельности, в работе реформистских профсоюзов и в Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ). Во время проведения II Конгресса Коминтерна, в работе которого приняли участие десять представителей левых организаций Британии, В. И. Ленин и ряд других видных деятелей российского и международного коммунистического движения подвергли резкой критике отмеченные выше взгляды британцев и высказались за участие членов компартии в парламентской борьбе, за вхождение коммунистов в тред-юнионы и в состав Лейбористской партии. В. И. Ленин в выступлении на этом Конгрессе подчеркивал: «Только являясь членом буржуазного парламента

История

можно ...бороться против буржуазного общества и парламентаризма»¹². В резолюции II Конгресса Коминтерна говорилось следующее: «...Пока эта партия (ЛПВ – А. П.) сохраняет для входящих в ее состав организаций теперешнюю их свободу критики и свободу пропагандистской, агитационной и организационной деятельности за диктатуру пролетариата и Советскую власть, пока эта партия сохраняет свой характер объединения всех профессиональных организаций рабочего класса, коммунисты обязательно должны сделать все шаги и пойти на известные компромиссы, чтобы иметь возможность влиять на самые широкие рабочие массы, разоблачать их оппортунистических вождей...»¹³. Таким образом, главной целью вступления КПВ в Лейбористскую партию являлась стремление проводить коммунистическую агитацию среди рабочих масс и попытаться подорвать среди них влияние лидеров ЛПВ.

В начале 1920-х годов Лейбористская партия представляла собой массовую организацию, в которой состояло несколько миллионов рабочих. ЛПВ была образована в 1900 г. как Комитет рабочего представительства, в 1906 г. это объединение получило современное название. За годы мировой войны и первых послевоенных лет численный состав партии стремительно увеличился. В 1920 г. в рядах ЛПВ насчитывалось уже 4,3 млн человек, подавляющее большинство из них были членами тред-юнионов, которые на коллективной основе входили в состав партии. Кроме профсоюзов, объединенных в Британский конгресс тред-юнионов (БКТ), в Лейбористскую партию также входили три социалистические организации: Независимая рабочая партия, Фабианское общество и Социал-демократическая федерация. С 1918 г. в ЛПВ было введено и индивидуальное членство, это расширило социальную базу партии и позволило представителям мелкобуржуазных слоев и левой интеллигенции присоединиться к лейбористам. Руководители ЛПВ исповедовали умеренную реформистскую идеологию, были сторонниками государственного вмешательства в экономику страны, выступали за частичную национализацию промышленности. Добиваться поставленных целей они намеревались эволюционным парламентским путем, не прибегая к революции и насилию.

Планы лидеров Коминтерна направить усилия британских коммунистов на то, чтобы последние добивались вступления в Лейбористскую партию и активизировали работу в профсоюзах, получили с середины 1921 г. дополнительный импульс в связи с тем, что в это время в политике III Интернационала произошли существенные изменения. Иллюзии руководства Коминтерна, связанные

с надеждами на скорое свершение мировой революции, стали к 1921 г. развеиваться и уступили место более прагматичному взгляду на развитие событий в Западной Европе. Летом 1921 г. в Москве проходил III Конгресс Коминтерна, на котором отмечалось, что в условиях спада революционной волны в Европе, компартиям необходимо проводить политику, направленную на завоевание большинства рабочего класса и стремиться создать единый пролетарский фронт. Был выдвинут лозунг «В массы!». В декабре 1921 г. Президиум ИККИ разработал и утвердил тезисы о едином рабочем фронте, и на протяжении 1921—1928 гг. данная тактика была основной в деятельности III Интернационала¹⁴.

Принятие лидерами Коминтерна названной тактики отразилось и на политике КПВ. Применительно к британским условиям это означало, что английским коммунистам основное внимание следовало уделить завоеванию на свою сторону организованных рабочих и попытаться вступить в ЛПВ. Еще на первом учредительном съезде КПВ его участники большинством голосов поддержали идею добиваться вхождения КПВ в Лейбористскую партию. Вскоре после этого британские коммунисты впервые обратились в ЛПВ с подобным предложением. В их послании в Исполком Лейбористской партии были включены основные тезисы Учредительного съезда КПВ, в которых, в частности, говорилось, что коммунисты выступают за свержение капиталистического строя, за советскую власть и диктатуру пролетариата¹⁵. Представители лейбористского Исполкома посчитали, что подобные утверждения являются удобным предлогом, чтобы ответить отказом компартии. Комментируя эту неудачу КПВ, В. И. Ленин в беседе с английским коммунистом Уильямом Полом в октябре 1920 г. отмечал, что «буржуазно мыслящие вожди боятся иметь коммунистов в своей среде»¹⁶. По мнению вождя большевиков, решение ЛПВ свидетельствовало о том, что компартия «вовлекла в свои ряды действительно хороших революционных бойцов»¹⁷. Руководители КПВ не смирились с подобным развитием событий и призвали отделения КПВ активно добиваться вступления в местные лейбористские организации. Так началась многолетняя и безуспешная борьба британской секции Коминтерна за вхождение в состав ЛПВ¹⁸.

15 ноября 1922 г. КПВ впервые приняла участие во всеобщих выборах. В. И. Ленин пристально следил за политической жизнью Великобритании, и накануне голосования он призвал британских коммунистов вести активную агитацию не только в пользу кандидатов на место в парламент

от компартии, но и для того, чтобы «продвинуть вперед дело коммунизма»¹⁹. Вождь российского пролетариата считал, что необходимо поддерживать и лейбористов в надежде, что они дискредитируют себя перед массами, и это позволит в перспективе усилить влияние КПВ среди широких слоев населения страны²⁰.

Лидеры КПВ восприняли многие рекомендации Ленина и пожелания, высказанные в их адрес в ходе работы II и III Конгрессов Интернационала. Незадолго до всеобщих выборов 1922 г. руководство компартии Британии выпустило брошюру «Коммунистическая парламентская политика и предвыборная программа», в которой говорилось, что участие коммунистов в выборах преследует пропагандистские цели и позволит приблизиться к массам. «Коммунистическая партия намерена создать в парламенте группу коммунистов, – утверждали авторы брошюры, – с той целью, чтобы она могла оказывать вспомогательную поддержку массовым действиям рабочего класса»²¹. Главным для коммунистов в палате общин была не законодательная деятельность, а содействие выступлениям пролетариата вне стен парламента. Это полностью согласовывалось с позицией руководства Коминтерна и с теми принципами, которые коммунисты объявили основополагающими при вступлении в Коминтерн. Одним из них был тезис о том, что парламентская деятельность используется как средство революционной пропаганды и агитации²².

Касаясь намерений КПВ вступить в Лейбористскую партию, идеологи компартии в избирательной программе не скрывали своих истинных целей: «Мы стремимся показать рабочим, что реформистская тактика не может им помочь в их каждодневной борьбе за решение социальных проблем. Единственный выход состоит в том, чтобы средства производства были переданы в собственность рабочего класса и контролировались им»²³. Коммунисты выдвинули ряд привлекательных для трудящихся предложений. Компартия выступала против попыток увеличить рабочий день и сократить заработную плату, за улучшение жилищных условий и возможность получить бесплатное высшее образование для детей рабочих²⁴. Лидеры КПВ, пропагандируя опыт Советской России, считали, что британские рабочие должны взять под свой контроль фабрики, шахты и управлять ими; в КПВ полагали, что рабочие советы лучшая форма власти в условиях «деградации парламента»²⁵.

Осуществляя на практике коминтерновскую политику единого рабочего фронта, пропагандисты КПВ в агитационных листовках призывали избирателей «голосовать только за коммунистических и лейбористских кандидатов», выдвигали

лозунг «Рабочий единый фронт»²⁶. Видный деятель КПВ Гарри Поллитт в отчете о деятельности компартии во время выборов (который был направлен в Коминтерн) подчеркивал, что в канун голосования компартия мобилизовала ее членов на поддержку как коммунистических, так и лейбористских кандидатов в парламент²⁷. Подобные действия должны были продемонстрировать лейбористам, что КПВ готова совместно с ними проводить предвыборную агитацию.

Однако руководство ЛПВ не могло не осознавать того, что коммунисты стремились подорвать его влияние в рабочем движении и являются сторонниками радикальных идей переустройства общества, которые явно шли вразрез с их собственными взглядами. Лейбористские лидеры не поддержали ни одного из претендентов на место в парламенте от КПВ. Коммунисты выставили семь кандидатов, двое из них прошли в палату общин. Один из них – С. Саклатвала (индус по национальности) – получил поддержку от местной лейбористской партии и тред-юнионистского совета, другой – Дж. Т. Уолтон-Ньюболд выступал как коммунист, но в его округе не был выставлен кандидат от ЛПВ²⁸.

В ходе всеобщих выборов 1922 г. победили консерваторы. Лейбористы, хотя и не смогли завоевать большинство мест в парламенте, заметно упрочили свои позиции, впервые став крупнейшей оппозиционной политической силой в палате общин. До мая 1923 г. консервативное правительство возглавлял Э. Бонар Лоу, позднее – С. Болдуин. Последний полагал, что для решения социально-экономических проблем, стоявших перед страной, необходимо отойти от политики свободной торговли, защитить внутренний рынок страны от внешней конкуренции и для этого ввести протекционистские тарифы. Для осуществления этой политики консерваторы считали необходимым получить одобрение избирателей. 12 ноября 1923 г. парламент был распущен и на 6 декабря были назначены всеобщие выборы.

Подобное решение консерваторов оказалось для многих в Британии и за ее пределами неожиданным. В Коминтерне за этот короткий срок не успели дать детальных инструкций КПВ, и британские коммунисты проводили избирательную кампанию во многом по аналогии с выборами 1922 г. В предвыборном манифесте КПВ отмечалось, что налицо провал капитализма, и рабочие должны объединиться, чтобы покончить с ним. Коммунисты выступали за национализацию фабрик и земли, за государственный контроль над кредитной системой, требовали официального признания британским государством Советской России²⁹.

История

«Ни либеральное, ни консервативное правительство, а рабочее правительство — вот лозунг момента», «голосуйте за лейбористов и коммунистов» — говорилось в манифесте³⁰. Компартия выставляла на выборы девять кандидатов, но ни один из них не прошел в парламент³¹. По результатам выборов консерваторы получили 258 мест, потеряв 87 мест в парламенте. Вследствие этого партия тории лишилась абсолютного большинства в палате общин. Лейбористы завоевали 192 места, либералы — 155. Острые политические противоречия между консерваторами и либералами не позволили им создать коалиционный кабинет министров, и у государственного руля было предложено встать лейбористам, не обладавшим большинством в парламенте и вынужденным опираться на поддержку либералов.

В январе 1924 г. Рамзей Макдональд впервые в политической истории страны сформировал лейбористское правительство. Уже 2 февраля 1924 г. лейбористы установили официальные дипломатические отношения с СССР. Это было обусловлено не только требованием многих рядовых членов ЛПВ, но и чисто практическими причинами. В обстановке, когда экономика Великобритании испытывала значительные трудности, немало представителей деловых кругов Британии были заинтересованы в создании благоприятных условий для развития взаимовыгодных торгово-экономических связей с Советской Россией.

Помимо вопросов внешней политики кабинет Макдональда уделял немало внимания социальным проблемам внутри страны. Лейбористы несколько увеличили пособия по безработице, повысили пенсии по старости и инвалидности, снизили акцизный налог на чай, сахар и некоторые другие товары³². По инициативе министра здравоохранения Дж. Уитли был принят закон, позволивший расширить государственное субсидирование жилищного строительства. Вместе с тем, решить одну из наиболее острых проблем — проблему безработицы лейбористам не удалось. Число не имевших работы британцев в конце 1924 г., как и в начале года, составляло более миллиона человек. Ссылаясь на протесты либералов, лейбористы отказались национализировать шахты и железные дороги; не был введен и «налог на капитал», не удалось ликвидировать государственный долг. Во время, когда у власти находился Макдональд, число забастовок и количество их участников возросло по сравнению с предыдущим годом. При этом руководители ЛПВ неизменно выступали с осуждением стачечников.

Правительство Макдональда (как до него консерваторы) прилагало немало усилий для сохранения и укрепления власти метрополии в колониях

и зависимых странах. В Индии местная администрация применяла неоправданно жестокие репрессивные меры против бастовавших текстильщиков, а также сикхов. В Ираке лейбористы санкционировали подавление силой оружия массовых антибританских выступлений жителей этой страны. После того, как в Судане летом 1924 г. стало шириться движение протеста против власти Лондона, лейбористы начали стягивать в Египет и Судан войска и авиацию для возможного силового решения возникшей проблемы.

Формирование лейбористского правительства привлекло пристальное внимание в Коминтерне. Уже в начале февраля состоялось заседание Президиума ИККИ, а 6 числа этого месяца был утвержден документ «Английское рабочее правительство и Коммунистическая партия Великобритании», в котором была дана характеристика кабинету министров Макдональда и поставлен ряд задач для компартии в новых условиях, сложившихся с приходом ЛПВ к власти. В документе говорилось, что лейбористское правительство «стремится укрепить буржуазное государство путем реформ и классовой гармонии, вместо классовой борьбы»³³. «Нужно помочь большинству рабочего класса на опыте убедиться в полной несостоятельности вождей Рабочей партии, в их мелко-буржуазном и предательском характере и в неизбежности их банкротства», — утверждали лидеры Коминтерна³⁴. Они призвали коммунистов усилить критику в адрес руководства ЛПВ. 26 марта 1924 г. Г. Зиновьев направил в КПВ письмо, озаглавленное «О положении дел и важнейших задачах Английской компартии», в котором подчеркивалось, что «теперь задача компартии состоит ... в том, чтобы на каждом шагу разоблачать половинчатость и предательство т. н. «рабочего» правительства Макдональда»³⁵. Председатель Коминтерна призвал КПВ высмеивать лейбористский кабинет министров, выискивать его слабые места, разоблачать имперскую политику ЛПВ, направить в колонии своих представителей, чтобы там «поднять бешеную агитацию, не боясь пострадать за эту агитацию»³⁶. «Английские коммунисты должны теперь вести себя так, — писал Г. Зиновьев, — чтобы заставить т. н. рабочее правительство Макдональда прибегнуть к репрессиям, арестовывать коммунистов за то, что они становятся застрельщиками широких рабочих масс»³⁷.

Члены КПВ не всегда активно, но все же пытались выполнить подобные установки Коминтерна, целью которых было подорвать влияние лейбористских лидеров в широких массах и представить компартию, как истинного выразителя интересов трудящихся. Следуя указаниям Зиновьева, руководители КПВ

постарались в середине 1920-х годов активизировать свою деятельность в колониях. В конце 1924 г. в организационной структуре КПВ был создан комитет по колониям, в этом же году компартия попыталась направить Ньюболда в Индию, но властям удалось не допустить этого. В 1925 г. другой представитель КПВ планировал посетить Южную Африку, однако ему не была дана виза³⁸. Руководство страны старалось не допустить распространения влияния компартии и Коминтерна не только в колониальной империи, но и в самой Британии. Корреспонденция КПВ просматривалась, на коммунистических митингах присутствовали полицейские в штатском, нередко агенты Коминтерна задерживались и депортировались из страны, кроме того, как будет показано ниже, лидеры и функционеры КПВ порой подвергались аресту³⁹.

25 июля 1924 г. на страницах коммунистической газеты «Уоркерз Уикли», редактируемой Дж. Р. Кэмбеллом, была опубликована статья под заголовком «Открытое письмо борющимся силам», в которой автор призывал британских солдат не использовать оружие против рабочих в случае возможных промышленных конфликтов. Кэмбелл был арестован, против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Вскоре после этого Президиум ИККИ направил в ЦК Компартии Великобритании письмо, в котором осудили действия правительства, выразил поддержку коммунистам и призвал их «распространять влияние на широчайшие массы рабочих, солдат и матросов»⁴⁰. Тот факт, что в документе ИККИ, помимо традиционной рекомендации укреплять связи коммунистов с рабочими, содержался совет обратить внимание на солдат и матросов, свидетельствовал о стремлении коминтерновских лидеров добиваться углубления кризиса, возникшего в связи с публикацией в коммунистической газете. В Москве надеялись на то, что в подобных условиях компартия сможет усилить свои позиции среди рабочих масс. Этого не произошло, за период нахождения у власти правительства Макдональда и проведения в это время компартией пропагандистской кампании, направленной против лидеров ЛПВ, число сторонников КПВ увеличилось незначительно, и ее влияние на массы оставалось небольшим⁴¹. Несмотря на это, лидеры Коминтерна считали необходимым, чтобы коммунисты осенью 1924 г. активизировали деятельность, направленную против руководства ЛПВ. В сентябре этого года они передали в Политбюро КПВ письмо, где коммунистам предлагалось принять участие в любых объединениях и движениях, которые могут привести к созданию массовой оппозиции внутри Лейбористской партии⁴².

Лидеры ЛПВ предприняли ответные шаги. В октябре 1924 г. во время работы ежегодной лейбористской конференции большинство делегатов проголосовали против вступления компартии в ЛПВ, были приняты решения отказать коммунистам в праве выступать в роли лейбористских кандидатов, а также запретить членам КПВ находиться в рядах Лейбористской партии⁴³. В 1925 г. участники следующей конференции ЛПВ подтвердили положение о том, что коммунисты не могут состоять в рядах партии, а тред-юнионам было предписано не посылать членов КПВ в качестве их представителей на лейбористские конференции. Несмотря на подобное постановление, коммунисты пытались продолжить свою деятельность в ЛПВ и смогли добиться поддержки ряда местных отделений Лейбористских партий. Это привело к тому, что Исполком ЛПВ к лету 1927 г. исключил 23 местных лейбористских организаций из партии⁴⁴.

Возвращаясь к событиям 1924 г. необходимо отметить, что вскоре после ареста Кэмбелла летом этого года он был отпущен на свободу. Консерваторы посчитали, что прекращение уголовного дела против редактора коммунистической газеты обусловлено политическими мотивами. В парламенте представители партии тори и либералов проголосовали за создание специальной комиссии для расследования действий правительства. Макдональд расценил это как выражение недоверия кабинету и объявил о роспуске парламента. 9 октября лейбористский кабинет подал в отставку, и на 29 октября были назначены всеобщие выборы. Накануне этого события ИККИ направил руководству компартии Великобритании инструкции о том, как проводить избирательную кампанию. «Исполком (ИККИ – А. П.) сообщает следующие предвыборные директивы, – говорилось в этом документе. – Резкая принципиальная критика деятельности правительства Макдональда. Разоблачение его империалистического характера»⁴⁵. Представители Коминтерна предлагали КПВ осудить колониальную политику лейбористов, бороться за вхождение компартии в Лейбористскую партию и одновременно с этим содействовать избранию лейбористских кандидатов в ходе выборов⁴⁶. «Воззвания о поддержке Лейбур кандидатов, – подчеркивали лидеры ИККИ, – сопровождать резкой принципиальной критикой»⁴⁷. Несмотря на подобные рекомендации, британские коммунисты, осознавая, что новые выпады против ЛПВ лишь обостряют взаимоотношения с лейбористами, воздержались в предвыборном манифесте от резких обличительных характеристик руководства ЛПВ. Лидеры КПВ выступали за формирование нового

История

рабочего правительства, которое должно было бороться за интересы пролетариата⁴⁸. Наблюдавший за действиями КПВ во время выборов представитель французской компартии отмечал в своем сообщении в Коминтерн, что в большинстве выступлений кандидатов от КПВ отсутствовали критические замечания в адрес вождей ЛПВ⁴⁹. Кроме этого, британские коммунисты не вели агитацию, направленную на разоблачение «парламентских иллюзий», к чему также призывали в Коминтерне⁵⁰. Таким образом, несмотря на то, что КПВ формально обязана была следовать всем рекомендациям высших органов Коминтерна, на практике это осуществлялось далеко не всегда и не в полной мере.

Во время предвыборной кампании коммунисты выдвинули ряд заманчивых для рабочих предложений (ввести минимум заработной платы – 4 фунта в неделю, 44-часовую рабочую неделю и др.), планировалось также национализировать землю, банки, ряд отраслей промышленности⁵¹. Были затронуты и проблемы внешней и колониальной политики. Со страниц пропагандистских изданий КПВ звучали призывы предоставить независимость Ирландии, Индии, Бирме, Судану и другим колониям и зависимым странам⁵². Одновременно с этим коммунисты пытались оказать определенную поддержку Советской России. Как уже отмечалось, 2 февраля 1924 г. лейбористское правительство установило официальные дипломатические отношения с Советской Россией. В апреле 1924 г. начались переговоры между представителями Форин оффис и СССР по финансовым и торговым вопросам. Однако они вскоре зашли в тупик, и только вмешательство группы левых лейбористов членов парламента позволило возобновить переговоры. 8 августа Общий и Торговый договоры между СССР и Великобританией были подписаны, и они сразу вызвали критику со стороны консерваторов и либералов. Руководители партии тори обвинили правительство Макдональда в том, что оно поддавалось давлению представителей левого крыла партии. В результате противодействия правых сил британского общества и активной газетной кампании англо-советские Общий и Торговый договоры не были ратифицированы британским парламентом. В подобной обстановке КПВ выступила в ходе предвыборной кампании за ратификацию англо-советского договора и предоставление Советской России крупного займа⁵³.

Компартию Великобритании на выборах 1924 г. представляли восемь кандидатов, и только один из них (С. Саклатвала) смог пройти в парламент. Лейбористы проводили предвыборную кампанию под лозунгом «Мы были в правительстве,

но не у власти». За четыре дня до голосования газета «Дэйли Мэйл» опубликовала фальшивку – т. н. «Письмо Зиновьева» компартии Великобритании. В тексте, который приписывался Г. Зиновьеву, содержались инструкции по организации вооруженного восстания в Великобритании с целью свержения существовавшей власти в стране. Накануне выборов это вызвало волну антисоветской пропаганды и во многом повлияло на результаты голосования. Победу одержали консерваторы, они получили 415 мест в парламенте – т. е. абсолютное большинство, и в начале ноября сформировали правительство во главе с С. Болдуином. Лейбористы завоевали 151 место; либералы провели в парламент 40 своих представителей.

В декабре 1924 г. руководители Исполкома Коминтерна направили в КПВ документ, в котором была дана характеристика ситуации в Великобритании и сформулированы главные направления деятельности КПВ. Приход к власти в Великобритании «реакционного правительства» С. Болдуина, писали представители ИККИ, создает благоприятные условия для КПВ; членам компартии предлагалось продолжать работу в Лейбористской партии, стараться усилить там борьбу между правыми и левыми⁵⁴. Коммунистам была дана рекомендация организовать внутри ЛПВ оппозиционное левое крыло, которое бы формально не было связано с КПВ, но на деле выполняло бы все рекомендации компартии, а точнее Коминтерна⁵⁵. (К концу 1925 г. коммунисты начали осуществлять это пожелание на практике⁵⁶). Помимо этого в послании ИККИ давались и другие указания. «Сегодня основным вопросом для коммунистов, – говорилось в этом документе, – является борьба в тред-юнионах»⁵⁷.

Британские профсоюзы были самыми старыми и массовыми рабочими организациями в стране. За время мировой войны и в первые годы после ее завершения в Британии наблюдался стремительный рост численности тред-юнионов. С 1914 г. по 1918 г. состав профсоюзов увеличилась в полтора раза – с 4,1 млн до 6,5 млн человек, в 1920 г. в тред-юнионах состояло уже 8,3 млн. Это означало, что на рубеже 1910–20-х годов в рядах профсоюзов находилось почти половина всех работающих Британии, данный показатель был самым высоким за весь межвоенный период⁵⁸. Лидеры Коминтерна полагали, что британские коммунисты смогут расширить свое влияние и повести за собой рабочие массы, если членам КПВ удастся привлечь на свою сторону тред-юнионистов и подорвать среди них доверие к профсоюзным вождям. Еще в 1923 г. Г. Зиновьев и другие лидеры Коминтерна призывали британских коммунистов

активизировать их деятельность среди организованных пролетариев. По инициативе и при непосредственной поддержке Москвы английские коммунисты в августе 1924 г. провели в столице Великобритании конференцию, в которой участвовали более двух с половиной сотен делегатов от различных рабочих организаций, представлявших около 200 тыс. британцев. Собравшиеся провозгласили создание Национального движения меньшинства (НДМ), которое должно было объединить левые силы внутри тред-юнионистского движения страны «с целью превратить профсоюзы в подлинные боевые организации в классовой борьбе», как говорилось в уставе Движения⁵⁹. Создание в августе 1924 г. НДМ ознаменовало начало проведения коммунистами и стоявшими за ними руководителями Коминтерна активной наступательной политики в отношении организованного пролетариата Великобритании.

Формально НДМ было независимым объединением, но на практике им руководили из КПВ. Возглавил НДМ видный коммунист Гарри Поллитт, а почетным председателем стал другой член КПВ Том Манн. Вскоре после основания Движения меньшинства они объявили о вступлении этого объединения в Красный Интернационал профсоюзов. Эта организация, созданная при участии лидеров III Интернационала, объединяла левые профсоюзные объединения в различных странах. Профинтерн входил в III Интернационал, который фактически и направлял его деятельность. Это ни для кого в Британии не было секретом. В сентябре 1927 г. газета «Дейли Геральд» писала, что «Национальное движение меньшинства действует по инструкциям Коммунистического Интернационала и его промышленного подразделения – Профинтерна»⁶⁰. При этом НДМ не только получало указания из Москвы, но Красный Интернационал профсоюзов оказывал Движению и финансовую помощь, о чем свидетельствовала переписка Г. Поллитта с генеральным секретарем Профинтерна А. Лозовским⁶¹.

Лидеры Коминтерна полагали, что активисты НДМ должны были проявить себя внутри профсоюзного движения как альтернативное руководство⁶². Представители Движения меньшинства призывали своих сторонников добиться избрания на руководящие должности в местные, окружные и национальные исполкомы активистов НДМ⁶³.

В первые годы существования Движения меньшинства наиболее сильные позиции имело среди горняков, транспортников, металлистов, строителей. Официальным печатным органом Движения стала еженедельная газета «Уоркер». Заметное влияние НДМ оказывало на крупнейший

тред-юнион страны – Федерацию шахтеров, а также на Объединенный союз машиностроителей и Национальный союз железнодорожников⁶⁴. К августу 1926 г. по данным Движения меньшинства в его рядах состоял почти миллион организованных рабочих⁶⁵.

Контакты Коминтерна с НДМ и КПВ не были односторонними, они не ограничивались только директивами и советами руководителей III Интернационала в адрес названных объединений. Движение меньшинства и Компартия были теми каналами, через которые в Москву поступала различная информация об общественно-политической жизни Британии и о положении в рабочем движении. Ответственные работники КПВ направляли в Коминтерн обзоры важнейших событий в Британии, информацию об экономическом и политическом положении в стране, отчеты о проведении ежегодных лейбористских конференций. Представители Национального движения меньшинства регулярно посылали в Профинтерн данные о ситуации в британских профсоюзах и о деятельности Британского конгресса тред-юнионов. Таким образом, лидеры Коминтерна и стоявшее за ними большевистское руководство СССР, опираясь на эти и другие источники, формировать представление о ситуации в Великобритании.

Важным событием, оказавшим большое влияние на все британское общество и на положение рабочего класса, стала всеобщая стачка, которая началась в ночь с 3 на 4 мая 1926 г. и продолжалась девять дней до 12 мая. Забастовка, начатая в поддержку шахтеров, боровшихся против снижения жизненного уровня, охватила более 4 млн британцев. Жизнь в стране в эти майские дни фактически оказалась парализовала. Стачкой руководил Генеральный совет БКТ, чьи представители неоднократно подчеркивали, что забастовка имеет чисто экономический характер и не преследует никаких революционных целей.

События в Великобритании привлекли пристальное внимание советского и коминтерновского руководства. Уже в первый день забастовки состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), посвященное стачке в Британии. По его итогам было разработано «Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о мероприятиях Коминтерна и советских организаций в связи со стачкой английских горняков»⁶⁶. Уже название этого документа недвусмысленно говорило о том, что важнейшие резолюции Коммунистического Интернационала разрабатывались высшими руководителями российских большевиков. В Политбюро было принято решение о выделении советскими профсоюзами

История

крупной суммы денег бастующим, а также и о том, что английские коммунисты должны попытаться радикализировать ситуацию в стране и начать переводить забастовку на политические рельсы, добиваться смещения правительства консерваторов⁶⁷. Последнее свидетельствовало о том, что российские большевики явно переоценивали влияние коммунистов среди английских рабочих и плохо понимали социальное и политическое положение в Британии.

6 мая представители делегации ВКП(б) в Президиуме ИККИ постановили направить КПВ 20 тыс. рублей золотом для активизации ее деятельности во время забастовки⁶⁸. 7 мая 1926 г. лидеры Коминтерна (после рекомендации руководства российских большевиков) разработали воззвание, которое опубликовали в газете «Правда». Его авторы полагали, что в сложившейся ситуации коммунисты способны повести за собой массы трудящихся, одновременно выражалось опасение, что профсоюзные лидеры могут предать рабочих⁶⁹. На следующий день руководство Коминтерна направило в Британию «Закрытое письмо Центральному Комитету КПВ от Исполкома Коминтерна»⁷⁰. Оно было проникнуто революционными ожиданиями, английским коммунистам рекомендовалось попытаться еще больше дестабилизировать ситуацию в стране, добиваться роспуска парламента и ставить «в центр борьбы вопрос о власти»⁷¹. Одновременно с этим члены КПВ должны были упрочить позиции компартии на производстве, в профсоюзах, проникнуть во все органы, ответственные за проведение стачки⁷².

Британские коммунисты, следуя советам из Москвы, стремились вести разностороннюю активную деятельность, направленную на углубление социального кризиса в стране. Они выдвинули лозунг «Долой правительство Болдуина», издавали в нескольких городах страны периодические издания⁷³. Представители КПВ предприняли попытки войти в состав различных органов, которые руководили стачкой на местах, однако ни в одном стачечном комитете им не удалось составить большинство⁷⁴. По инициативе КПВ в 25 стачечных комитетах Лондона и некоторых других городах были созданы силы обороны забастовщиков⁷⁵.

Несмотря на подобные действия, коммунистам не удалось оказать существенного влияния на ход событий всеобщей стачки. Это было обусловлено не только слабостью КПВ и отсутствием прочных контактов и заметного влияния в рабочей среде, но и тем, что компартия подверглась накануне и во время стачки преследованиям со стороны официальных властей. Еще в октябре 1925 г. были арестованы и осуждены за «подстрекательство

к мятежу» 12 руководителей КПВ. Репрессии в отношении лидеров Национального движения меньшинства привели к тому, что деятельность этого движения во время стачки фактически была дезорганизована⁷⁶.

Хотя сразу после окончания всеобщей стачки численный состав КПВ несколько увеличился – с 6 тыс. членов в апреле этого года до 12 тыс. в октябре – вскоре начался отток из партии, и к 1929 г. в КПВ осталось только 3,5 тыс.⁷⁷ Таким образом, деятельность британской секции Коминтерна во время забастовки не вызвала широкой и долговременной поддержки со стороны рабочих.

Как уже отмечалось ранее, КПВ не удалось добиться вступления в Лейбористскую партию. Не было заметных успехов у коммунистов, членов Национального движения меньшинства и в тред-юнионах во второй половине 1920-х годов. Руководство профсоюзов сделало все возможное, чтобы не допустить роста влияния левых сил среди организованных рабочих. Еще в конце осени 1925 г. Генеральный совет БКТ рекомендовал профсоюзам⁷⁸ не присоединяться к Национальному движению меньшинства⁷⁹. В 1927 г. Генсовет в категорической форме объявил о том, что профсоюзы, которые сотрудничают с НДМ, не будут признаваться БКТ⁸⁰. В 1928–1929 гг. высшие органы Британского совета тред-юнионов приняли решение, запрещающее членам НДМ и КПВ занимать официальные посты в тред-юнионах и баллотироваться в качестве делегатов для участия в работе БКТ⁸¹. К концу 1920-х годов влияние НДМ среди рабочих заметно уменьшилось, сократилась численность НДМ и число входивших в него профсоюзных организаций; в начале 1930-х годов оно прекратило свое существование⁸².

Приведенные данные свидетельствуют о том, что организованное руководством Коминтерна в 1920-е годы наступление на рабочие объединения Британии с целью усилить там коммунистическое влияние не достигли своей цели. Не увенчалось успехом и участие коммунистов в нескольких всеобщих выборах, проходивших в стране в начале и в середине 1920-х годов. Причинами этих неудач левых радикалов были не только глубокие демократические традиции британского общества, доверие многих простых британцев профсоюзным и лейбористским лидерам, но и противоречивая политика Коминтерна, которая не всегда учитывала специфику британского общества и особенности социально-политической ситуации в стране в 1920-е годы.

Alexandr Y. Prokopov. Communist International in 1920-s: British direction of activity.

In this article the main attention of the author is devoted to the problem of the decisive influence of the Communist International and its tactic "the united workers front" (1921–1928) on the policy of the Communist Party

of Great Britain (CPGB) towards the Labour Party, the British Congress of Trade-Unions and the first Labour Government (1924). The author also examines the influence of Comintern on the activity of the CPGB before parliament elections of 1922, 1923, 1924 and during the General Strike of 1926.

1. О работе первого конгресса Коминтерна и о его участниках см.: *Ватлин А., Хедлер В.* Встреча представителей вселенной. Кто же основал Коминтерн // *Родина*. 2009. № 8. С. 112–115.
2. 2-ой конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг., 1921. С. 620.
3. *Адибеков Г., Шахназарова Э., Ширина К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 21. В 1921 г. В. Ленин и Л. Троцкий стали полноправными членами ИККИ.
4. *Ширина К.* Коминтерн: мировая партия и национальные секции // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Информационный бюллетень. Выпуск № 5. М., 1995. С. 77–78.
5. 2-ой конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. С. 565.
6. Цит. по: *Ундасынов И. Н., Яхимович Э. П.* Коммунистический Интернационал: достижения, просчеты, уроки. М., 1990. С. 36.
7. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 287.
8. *Макдермотт К., Агню Дж.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 38. Thorpe A. Comintern «Control» of the Communist Party of Great Britain, 1920–1943 // *English Historical Review*. Vol. 113. № 452. 1998. P. 648.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 495. Опись 100. Дело 69. Лист 68. (Далее: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 69. Л. 68.).
10. *Макдермотт К., Агню Дж.* Коминтерна. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. С. 72.
11. *Ерофеев Н.* Закат Британской империи. М., 1967. С. 7–8.
12. *Ленин В. И.* Речь о парламентаризме // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1969. С. 255.
13. 2-ой конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. С. 557.
14. Британские исследователи Кевин Макдермотт и Джереми Агню выявили, что имелось явное противоречие между внешней политикой Советской России, направленной в начале 1920-х годов на установление торгово-экономических связей с капиталистическими странами, и деятельностью Коминтерна, конечной целью которого, как уже отмечалось, была мировая революция. С изменением тактики Коминтерна в 1921 г. «неустойчивое равновесие между традиционной дипломатией НКИДа и коминтерновской революционной миссией начало медленно, но уверенно склоняться в пользу первого». Верно подмеченная британскими историками тенденция получила свое развитие и законченную форму в годы Второй мировой войны, когда деятельность Коминтерна была полностью подчинена сталинской внешней политике и ее маневрам. *Макдермотт К., Агню Дж.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 44. *Ширина К.* Коминтерн: мировая партия и национальные секции // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Информационный бюллетень. Вып. № 5. С. 90.
15. *Матюнин Э.* Уильям Галлахер и английская политика Коминтерна. 1919–1943 гг. М., 1992. С. 19.
16. Запись беседы с Уильямом Полом // *Ленинский сборник*. Т. 37. М., 1970. С. 248.
17. Там же.
18. В период с 1920 г. по 1946 г. лейбористские конференции семь раз отклоняли обращение компартии Великобритании в ЛПВ. *Матюнин Э.* Отношение к парламенту в стратегии и тактике Коммунистической партии Великобритании // *Проблемы мирового революционного процесса*. Вып. 6. М., 1986. С. 89.
19. Запись беседы с Уильямом Полом // *Ленинский сборник*. Т. 37. М., 1970. С. 250.
20. «В Англии ...теперь решающий бой». Письмо В. И. Ленина К. Б. Радеку. 1922 г. (И. Е. Горелов) // *Исторический архив*. № 1, 1995. Россия и Британия. XVI–XX вв. С. 4–5. Запись беседы с Уильямом Полом // *Ленинский сборник*. Т. 37. М., 1970. С. 250.
21. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 85. Л. 3. Communist Parliamentary Policy and Electoral Programme.
22. *Матюнин Э.* Отношение к парламенту в стратегии и тактике Коммунистической партии Великобритании // *Проблемы мирового революционного процесса*. Вып. 6. М., 1986. С. 87–88.
23. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 85. Л. 4. Communist Parliamentary Policy and Electoral Programme.
24. Там же. Л. 7–8.
25. Там же. Л. 4–6.
26. Там же. Л. 12, 9.
27. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 65. Л. 1. Коммунистическая партия и всеобщие выборы.
28. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 65. Л. 2. Pelling H. The British Communist Party. A Historical Profile. L., 1958. P. 25.
29. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 125. Л. 1–2. General Election 1923. Communist Party Manifesto.
30. Там же. Л. 2.
31. *Klugmann J.* History of the Communist Party of Great Britain. Vol. I. L., 1968. P. 242.

История

32. *Glegg H.A.* A History of British trade union since 1889. Vol. 2. 1911—1933. Oxford, 1987. P. 365.
33. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 134. Л. 60—61. Английское рабочее правительство и Коммунистическая партия Великобритании.
34. Там же. Л. 61.
35. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 135. Л. 47. Памятная записка. О положении дел и важнейших задачах Английской компартии.
36. Там же. Л. 49.
37. Там же. Л. 48—49.
38. *Thorpe A.* The British Communist Party and Moscow, 1920—1943. Manchester, 2000. P. 64.
39. Ibid. P. 70.
40. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 135. Л. 64. В ЦК компартии Великобритании.
41. С января по сентябрь 1924 г. численный состав КПВ увеличился с 3432 членов до 3960. *Thorpe A.* The British Communist Party... P. 284.
42. *Thorpe A.* The British Communist Party... P. 81.
43. Labour Party. Annual Report. 1924. P. 38—40, 123—131.
44. *Pelling H.* A Short History of the Labour Party. L., 1961. P. 54.
45. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 135. Л. 103. В ЦК КП Англии.
46. Там же.
47. Там же.
48. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 197. Л. 4—5. Communist Party of Great Britain. Election Manifesto.
49. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 182. Л. 12. Report on the Election Campaign of the Communist Party of Great Britain and criticism based on thesis of French Party.
50. Там же. Л. 13—14.
51. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 197. Л. 4—5. Communist Party of Great Britain. Election Manifesto.
52. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 197. Л. 11. Workers of Greenock Unite.
53. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 97. Л. 4—5. Communist Party of Great Britain. Election Manifesto.
54. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 135. Л. 105, 107, 108. To the Communist Party of Great Britain.
55. Там же. Л. 108.
56. *Thorpe A.* The British Communist Party... P. 83.
57. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 135. Л. 106. To the Communist Party of Great Britain.
58. *Cronin J.* Labour and Society in Britain. 1918—1979. N.-Y., 1984. P. 241. Следует, правда, отметить, что процент членов профсоюзов среди всех трудящихся в 1920—30 гг. заметно снизился по сравнению с 1920 г.
59. РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 41. Л. 1.
60. Daily Herald, September 8, 1927.
61. *Матюнин Э.* Уильям Галлахер... С. 127.
62. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 503. Л. 183.
63. РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 41. Л. 9. Красный интернационал профсоюзов. 1925. № 11. С. 114, 118.
64. Левое крыло в английском профсоюзном движении // Красный интернационал профсоюзов. 1924. № 12. С. 21.
65. *Зубок Л.* Третья годовичная конференция Движения меньшинства // Красный интернационал профсоюзов. 1926. № 9—10. С. 330.
66. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о мероприятиях Коминтерна и советских организаций в связи со стачкой английских горняков // Исторический архив. № 1, 1995. Россия и Британия. XVI—XX вв. С. 8—9.
67. Там же. Л. 8—9.
68. Там же. Л. 12.
69. Правда. 1926. 8 мая.
70. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 299. Л. 2—14. Судя по всему, это письмо было подготовлено Г. Зиновьевым.
71. Там же. Л. 6.
72. Там же. Л. 11.
73. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 310. Л. 93; Ф. 495. Оп. 100. Д. 333. Л. 1.
74. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 310. Л. 90.
75. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 310. Л. 91; Ф. 495. Оп. 100. Д. 333. Л. 3. Burns E. General Strike. Trades Councils in Action. L., 1975. P. 70.
76. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 333. Л. 11.
77. *Thorpe A.* The British Communist Party... P. 284.
78. Профсоветы объединяли территориальные отделения различных тред-юнионов и их организации.
79. Цит. по: Report of the Proceedings at the 59th Annual Trade Union Congress. Held at Edinburgh. Sep. 5—10. 1927. L., 1927. P. 151.
80. Report of the Proceedings at the 59th Annual Trade Union Congress. Held at Edinburgh. Sep. 5—10. 1927. L., 1927. P. 151.
81. РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 45. Л. 46. История профсоюзного движения за рубежом. Ч. 1. М., 1962. С. 352.
82. *Адибеков М.* Профинтерн. М., 1981. С. 91.

ПОЛТАВА И ФРИДРИХСГАМ. 1709 — 1809 ГОДЫ: ДВЕ ЭПОХАЛЬНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ РОССИИ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Рогинский В.В.

Статья посвящена анализу взаимосвязи двух ключевых событий в истории России XVIII–XIX вв. Автор показывает историческую связь между знаменитой Полтавской битвой 1709 года и подписанием Фридрихсгамского мира в 1809 году, поскольку эти два события коренным образом повлияли на перекройку политической карты Северной Европы.

Ключевые слова: Полтава, Фридрихсгам, Северная Европа, Россия, 1709—1809 гг.

Keywords: Poltava, Fredrikshamn, Northern Europe, Russia, 1709—1809

В 2009 году отмечались два знаменательных юбилея, прямо связанных с отношениями России со Швецией в новое время. Триста лет назад, 27(28) июня / 8 июля 1709 г. под украинским городом Полтава произошло знаменитое сражение, в котором была разгромлена армия шведского короля Карла XII. Через сто лет, два месяца и девять дней 5/17 сентября 1809 г. в финском городе Хамина (шведскоязычное название Фридрихсгам), тогда находившимся во владениях российского императора, был подписан мирный договор, завершивший последнюю в истории войну между Россией и Швецией 1808—1809 годов, известную в историографии стран Северной Европы как «финская война».

Обе эти даты исторически связаны друг с другом, несмотря на то, что их разделяет чуть больше столетия. Эти даты знаменовали этапы не только в истории двух стран — России и Швеции, но всей Европы, поскольку события, связанные с этими датами,

не только коренным образом перестроили всю политическую карту Северной Европы, но и изменили ход европейской истории.

К началу XVIII в. с начала XVI в. на Севере Европы существовала биполярная система двух многонациональных, полиэтнических государств, которые мы знаем под названиями «Швеция» и «Дания». В 1815 г., когда была подведена черта под бурной эпохой наполеоновских войн, политическая карта североевропейского региона существенно образом изменилась, и решающую роль в этом сыграли два события, трехсотлетний и двухсотлетний юбилеи которых мы отмечали в 2009 году.

Уже Полтавская победа фактически положила конец великодержавию Швеции, ее положению как европейской великой державы, диктовавшей положение дел, по крайней мере, в северной половине европейского континента. Этого положения великой державы Швеция начала добиваться

Рогинский Вадим Вадимович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела новой истории ИВИ РАН, e-mail: vadimroginskij@mail.ru. Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Формирование и эволюция международно-политических систем XIX – XX вв.: место и роль России» Грант № 09-01-00286 и/р.

История

с середины XVI в. после завоевания независимости от датской династии Ольденбургов, выхода из Кальмарской унии в 1521—1523 гг. и занявшего несколько десятилетий процесса внутренней консолидации при первом национальном короле нового времени Густаве I.

Шведская империя¹, в состав которой еще с XII в. входила завоеванная Финляндия, была создана к началу 1660-х годов благодаря присоединению Эстляндии и Ревеля в 1561 г., победам в Ливонской войне XVI в. и вмешательству в российскую смуту начала XVII в., когда по Столбовскому миру 1617 г. было упрочено владение Эстляндией и присоединены Карельский (Кексгольмский) уезд и Ингерманландия (Ингрия или Ижорская земля, ныне Ленинградская область)², победам Густава II Адольфа над Речью Посполитой, обеспечивших шведам по Альтмарскому перемирию 1629 г. владение значительной частью Лифляндии и самым большим портом Балтики – Ригой³. Эти завоевания были элементами обеспечения господства Швеции на Балтийском море, превращения Балтики в «шведское озеро», программа чего была сформулирована еще в середине XVI в. – «*Dominium Maris Baltici*». Суть этой программы состояла в том, чтобы взять под шведский контроль прибыльную торговлю Восточной и Центральной Европы со морскими странами Западной Европы – Англией, Францией, Нидерландами⁴.

Следующий этап формирования шведской империи пришелся уже на эпоху Тридцатилетней войны, точнее, на ее вторую половину, когда шведский король Густав II Адольф активно вмешался в эту войну. Победоносное участие шведов в Тридцатилетней войне принесло им по Вестфальскому миру 1648 г. – Верхнюю Померанию, часть Нижней Померании, острова Рюген, Узедом и Воллин, а также г. Висмар в Германии. Почти одновременно, в период завершения Тридцатилетней войны, когда Дания неудачно попыталась воспользоваться тем, что Швеция основательно втянулась в войну в Германии, в августе 1645 г. по условиям Бремсбурского мира с Данией в состав Швеции вошли бывшие норвежские провинции Емтланд и Херьедален, а также острова на Балтике – Готланд и Эзель (Сааремаа – ныне Эстония)⁵. В результате новых войн с Данией король Карл X Густав сумел к 1661 г. захватить и включить в состав Швеции датские провинции на юге Скандинавского полуострова – Сконе, Блекинге и Халланд, норвежскую провинцию Бохуслен. Это было максимальное расширение Шведской империи, которая в результате своей завоевательной политики оказалась окруженной жаждавшими реванша врагами – Россией, Данией, Речью

Посполитой, Бранденбургом (с 1701 г. – королевство Пруссия).

В самом конце XVII в. государи первых трех стран – российский царь Петр I, король Дании – Норвегии Фредерик IV и курфюрст Саксонии Август II Сильный, избранный королем Польши – заключили антишведский союз – «Северную Лигу», который в 1700 г. и начал против Швеции войну, продолжившуюся до 1721 г. и получившую потом название «Великой Северной». Союзники рассчитывали одновременным нападением на Швецию нанести ей быстрое поражение. Учитывалось и то, что Швеция не могла рассчитывать на серьезную поддержку западных держав – Франции и Англии, которые собирались схватиться друг с другом в войне за испанское наследство. Союзником Швеции был фактический вассал датского короля герцог Гольштейн-Готторпский Фридрих IV, мечтавшего о том, чтобы избавиться от зависимости от Швеции, для чего он укрепил свои связи с ней, женившись в 1698 г. на сестре Карла XII Хедвиге Софии.

Весной 1700 г. союзники не замедлили открыть военные действия. Польско-саксонские войска под командованием Августа вторглись в Лифляндию и осадили Ригу, датская армия напала на Теннинген, крепость построенную при помощи шведов на герцогской территории Гольштейна⁶. Петр срочно собирал огромную (по тем временам) армию, чтобы двинуться на Эстляндию. План казался безупречным. В расчет было принято и то, что во главе Швеции в тот момент встал юный король Карл XII.

Однако на первых порах события развернулись совсем не так, как намечали союзники.

Талантливый юный король – полководец Карл XII сумел по отдельности нанести поражение всем своим противникам – сначала датскому королю Фредерику IV, выведя Данию из войны, затем нанес сокрушительное поражение под Нарвой Петру I, а после этого повел военные действия против Августа Сильного, короля Польши и курфюрста Саксонского.

Гаранты Альтонского соглашения не замедлили вмешаться – англо-голландский флот помог запереть датский в копенгагенском порту, в то время как шведские войска под командованием молодого воителя Карла XII высадились на Зеландии. Напуганный Фредерик IV поспешил забить отбой и быстро заключить перемирие. В северогерманском городке близ Любека – Травентале 18 августа был подписан договор между датским королем и гольштейн-готторпским герцогом Фридрихом IV, за которым сохранялось право на армию и крепости. Трактат в основном подтверждал гарантийные положения Альтонского договора,

запрещая при этом Дании выступать против Швеции, которая однако теперь в состав гарантов не была включена⁷. Таким образом, Датско-Норвежское королевство вышло из Северной войны.

В 1706 г. после ряда поражений, смещения Августа с польского трона и воцарение на нем ставленника Карла XII Станислава Лещинского и вторжения шведов в Саксонию, второй главный участник «Северной лиги» был выведен из игры. Карл XII, казалось, не только устранил возможные угрозы положению Швеции как великой державы, но своими победами значительно упрочил его, выполнив давнюю мечту шведских королей – поставить под контроль Речь Посполитую, наследственного врага Швеции.

Однако дальнейшие события показали, сколь непрочны были шведские успехи. При всех своих дарованиях полководца и блестящего тактика, Карл XII оказался весьма посредственным стратегом и еще более посредственным государственным деятелем. Бесспорная личная храбрость часто перерастала в авантюризм. Отсутствие желания слушать умудренных опытом и трезво мыслящих советников, рекомендовавших искать мира дипломатическим путем, крайняя самоуверенность в принятии решений при сосредоточении всей власти в руках короля, повернули Карла XII на тот путь, который и привел к Полтаве. К тому же, у Карла XII была безудержная вера неистового протестанта в божий промысел, в покровительство Бога, в распростертую над ним длань божью, хранящую его в сражениях. Отсюда многие его известные экстравагантные поступки, как визит почти без охраны к Августу Сильному в Дрезден после унижения последнего в Альтранштедте или личное участие в захвате языка накануне Полтавы и ранение в стычке. Завоевательные амбиции Карла XII со временем расходились с реальными возможностями страны, вели к истощению людских и материальных ресурсов, к общему ее упадку.

В 1708 г. Карл XII начал свой роковой поход в Россию. События 1708—1709 гг. широко известны, и вряд ли здесь нужно пересказывать их.ход кампании привел шведскую армию под стены, вернее бастионы, небольшой крепости в восточной Украине – Полтавы, около которой и состоялось знаменитое сражение, сыгравшее столь важную роль в истории не только обеих противостоявших сторон – России и Швеции, не только всего северо-европейского региона, но и всей Европы. В результате сокрушительного поражения шведов произошла существенная перестройка всей системы международных отношений в Европе, которую обычно называют Вестфальской (по названию мирных договоров, завершивших

Тридцатилетнюю войну в 1648 г.) Во-первых, в одночасье Швеция утратила статус великой державы, и, фактически, гаранта Вестфальской системы. В европейскую систему включилась Россия, которая до этого занимала несколько маргинальное положение, и это новое положение было зафиксировано статусом империи, провозглашенной после заключения в 1721 г. Ништадтского мира, который подвел черту под Великой Северной войной.

В конце концов, через 11 лет, по Ништадтскому мирному договору с Россией, Швеция была вынуждена согласиться на утрату Эстляндии, Лифляндии и юго-восточной части Финляндии с г. Выборг. Положение великой державы было утрачено Швецией навсегда, что, как признается сегодня, оказало благоприятное воздействие на будущее развитие страны.

Парадокс истории состоял в том, что по своим масштабам Полтавская битва была довольно скромным столкновением между не столь уж значительными вооруженными силами. С обеих сторон, под Полтавой участвовали русская армия, численностью 42 тыс. чел., 72 орудия, и шведская – около 20 тыс. чел. и 4 орудия (28 орудий остались в обозе без боеприпасов), причем остальные войска Карла XII (до 10 тыс. чел.), в том числе часть запорожцев и украинских казаков гетмана И. С. Мазепы находились под Полтавой. В итоге сражения, включая и капитуляцию основных шведских сил под Переволочной, шведы потеряли свыше 9 тыс. убитыми и свыше 18 тыс. пленными, орудия и обоз; потери русских оказались значительно скромнее – 1 345 чел. убитых и 3 290 раненых. Цифры по тем временам уже довольно скромные.

Ведь параллельно с войной Швеции в Западной Европе шла гораздо более масштабная война великих держав того времени, т.н. «война за испанское наследство». Все крупные сражения этой войны по своим масштабам превосходили Полтавское сражение. Так в сражении 13 августа 1704 г. у Гохштедта соединенные армии австрийцев и англичан численностью в 60 тыс. человек разгромили франко-баварские войска (56 тыс. человек), переломив ход войны. В ходе этого сражения потери франко-баварских войск составили 28 тыс. человек, а англо-австрийской армии – 12,5 тыс. человек. 23 мая 1706 г. при Рамини, в Испанских Нидерландах (Бельгия) британская армия под командованием герцога Мальборо разгромила 80-тысячную французскую армию, потери которой составили 20 тыс. человек. В следующем сражении войны за испанское наследство, которое произошло в Италии, под Турином, 7 сентября 1706 г. 60 тыс. французов, осаждавшие город, были разгромлены австрийской армией численностью

в 36 тыс. человек, применившей тактику массированного, сосредоточенного удара по выстроенным в линейный боевой порядок французам. Французская армия потеряла в этом в сражении 40 тыс. человек, французы вынуждены были оставить Италию. И, наконец, в самом крупном сражении войны за испанское наследство, битве при Мальплаке, участвовало всего 207 тыс. солдат при 180 орудиях, было убито 44 тыс. человек.

Полтавское сражение стало апогеем Великой Северной войны, предопределившим ее окончательный исход, хотя завершивший войну мир будет подписан через двенадцать лет, в Ништадте (финское название города Уусикаупunki) в 1721 г. Теперь Россия вошла в систему великих европейских государств, что формально было закреплено присвоением в том же 1721 г. Петру I титула императора, что превращало Российское государство в Российскую империю. Швеция же утратила положение великой державы.

Однако осознание нового положения шведами пришло не далеко не сразу. На протяжении XVIII и даже XIX—начала XX века в Швеции были распространены реваншистские, антироссийские настроения, которые иногда приводили к новым конфликтам с Россией. С 1730-х годов носителями этих реваншистских настроений стала парламентская «партия шляп» в риксдаге, который после крушения самодержавия Карла XII стал фактически главным руководящим институтом страны, формировавшим правительство (т.н. «сословный парламентаризм» эры свобод 1719—1772 гг.). Попытки партии шляп добиться реванша в войнах с Россией 1741—1743 гг., и затем короля Густава III в 1788—1790 гг. оказались неудачными. Более того, в результате Абоского мирного договора 1743 г., подведшего итог войне, граница между Россией и Швецией в Финляндии была отодвинута еще западнее.

В историографии двух главных действующих акторов этой войны – России и Швеции изучение Великой Северной войны шло как бы параллельно. Историки обеих стран часто просто-напросто не владели языками своих бывших противников, русские – шведским языком, а шведы – русским. Поэтому одна сторона не учитывала результаты, которые делала другая сторона. Иногда даже создается впечатление, что речь у русских и у шведов идет как бы о двух разных войнах. Конечно, интерес в России к тому, что и как писали шведские историки, а в Швеции, что же писали в России об этой войне, существовал, но в силу указанной выше причины, лингвистической, труды и документальные издания бывших противников не исследовались. Очень часто война 1700—1721 г.

представлялась всего лишь как двусторонняя война между Россией и Швецией⁸, а то, что это была война, в которой участвовали и другие европейские государства, отодвигалось на задний план.

Пожалуй, удачным исключением из «изоляционистской» тенденции отечественных историков была фундаментальная работа Е. В. Тарле о Северной войне, точнее о ее первом периоде, подготовленная им на закате его дней, и вышедшая посмертно в 1958 г.⁹ При всех поправках на время, когда эта работа создавалась – конец 1940-х годов, когда в стране шла кампания борьбы с космополитизмом и с низкопоклонством перед Западом, и вынужденные экивоки на этот счет, в целом книга Тарле остается серьезнейшим, глубоким исследованием, где учтены и шведские работы, в том числе и документальные публикации, часто просто игнорируемые отечественными историками. В результате мы часто имеем две близкие по содержанию, но далеко не всегда совпадающие в трактовках истории Северной войны¹⁰. Однако активное преодоление лингвистического барьера имело место в прошлом (помимо Тарле работы и документальные публикации шведов использовали исследователи заключительного периода Великой Северной войны – С. А. Фейгина¹¹ и Л. А. Никифоров¹²).

Несколько раз предпринимались попытки довести до относительно широкой публики результаты исследований и выдвигавшиеся концепции путем переводов этих трудов со шведского на русский и наоборот. Например, в начале XX в. на русский язык было переведено исследование представителя новой школы Оке Стиле¹³. В конце века, в 1995 г. появился русский перевод нашумевшей в Швеции книги Петера Энглунда о Полтавской битве. Примерно тогда же, в 1999 г., на русском языке вышел под редакцией Сверкера Уредссона и в переводе доктора исторических наук В. Е. Возгина сборник статей подготовленный, в основном, шведскими историками «Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы». На русский язык, впрочем, как и на многие другие, была переведена и новаторская работа видного шведского историка Петера Энглунда о Полтавской битве, в которой делается однозначный вывод о вредоносности для Швеции милитаризма¹⁴. Сколь большой отклик получил вклад Энглунда отражает тот факт, что в 2002 г. он был избран членом Шведской Академии, сменив на кресле № 10 покойного патриарха шведской исторической науки Эрика Ленрута.

За последние десятилетия внимание российских историков было направлено не только к личности Петра Великого и его сподвижников (можно назвать

труды Н. И. Павленко¹⁵ и Е. В. Анисимова¹⁶), но к шведскому королю Карлу XII¹⁷ и его генералам, чего не было раньше. Здесь надо отметить работы военного историка А. В. Беспалова, который попытался посмотреть на события Великой Северной войны как бы со шведской стороны, с использованием шведских материалов¹⁸. Существенным вкладом и изучение дипломатической истории Великой Северной войны, внешней политики Дании и русско-датских отношений, стали работы Санкт-Петербургского историка-скандинависта В. Е. Возгрина¹⁹.

Уже в советское время в связи с развитием отечественной скандинавистики (нордистики) более объемный подход к истории Великой Северной войны стал характерен для общих трудов по истории стран Северной Европы, прежде всего, одного из патриархов скандинавистики А. С. Канна²⁰. Учитывали достижения отечественной и скандинавской историографии подготовленные в Институте всеобщей истории РАН коллективные труды по истории Швеции²¹, Норвегии²² и Дании²³. Полезным вкладом в изучение этой проблематики стала проведенная в декабре 2006 г. в Санкт-Петербурге международная научная конференция «Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.»²⁴ 300-летний юбилей способствовал появлению новых книг о Великой Северной войне, в частности, о Полтаве, проведение научных конференций. Новые интересные работы появились в юбилейном 2009 году.

В конце XX—начале XXI столетия события трехсотлетней давности, нашествие армии Карла XII на Россию и сражение под Полтавой, приобрели новый, хотя вполне ожидаемый оттенок. Дело в том, что основные события 1708—1709 гг. разворачивались на территории тогда России, а сегодня Украины, независимого государства, где происходят сложные, противоречивые процессы становления национального менталитета страны. Отсюда и противоречивость, иногда парадоксальность восприятия этих событий. Это происходит оттого, что, стремясь к национальной легитимизации, часть украинской элиты делает упор на те события прошлого, которые как бы отделяют историю Украины от истории России, и более того, противопоставляют одну страну другой, один народ другому. На первый план выдвигаются деятели прошлого, стремившиеся к созданию независимого украинского государства, в котором можно было бы видеть предшественника современной Украины. В нашем контексте это, конечно, знаменитый гетман Иван Мазепа с его сподвижниками. Для этой части украинской элиты история этих двух лет предстает совершенно в ином ракурсе. Создана довольно

стройная концепция событий этих нескольких лет Великой Северной войны. (Другой вопрос, насколько эта концепция адекватна, насколько она соответствует тогдашним историческим реалиям). В самом сжатом виде эта концепция выглядит следующим образом: Гетман Мазепа, глава Украины, в 1708 г. вступил в союз со Швецией, с ее королем Карлом XII, пришедшим со своей армией на Украину. Однако этот союз двух стран, суливший, якобы, Украине и украинцам независимость и процветание в будущем, был грубо разрушен русской армией Петра I, нанесшего жестокое поражение шведам под Полтавой.

Здесь мы присутствуем при возрождении исторического мифа, лишь частично совпадающего с исторической реальностью. Взаимоотношения Карла XII и Мазепы были прагматическими. Каждый хотел извлечь выгоды для себя, но их возлагавшиеся друг на друга надежды не оправдались.

На наш взгляд, одним из существенных факторов, предопределивших крушение надежд Мазепы, был тот, что основная масса украинского народа не пошла за ним, оставшись верной выбору, сделанному еще в 1654 году. Наблюдаемая ныне на Украине политизация событий трехсотлетнего юбилея Полтавы отвлекает от их серьезного научного анализа. С другой стороны, чересчур нервная, граничащая с истерикой, неадекватная реакция кое-кого в России на то, как освещаются эти события в Украине, также не способствует серьезному познанию прошлого и способна вызвать лишь взаимное отчуждение. Серьезную попытку осмыслить события на Украине начала XVIII в. предприняла Санкт-Петербургская исследовательница Т. Г. Таирова-Яковлева – руководитель Центра по изучению истории Украины при кафедре истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета, в ряде своих трудов²⁵.

Моделью преодоления этого отчуждения могут стать современные взгляды, господствующие в шведской историографии, даже шире – в шведском менталитете, когда события Великой Северной войны, король – полководец Карл XII, Полтавская баталия рассматриваются шведами не с националистическо-имперских, часто довольно узких позиций, как это часто бывало прежде, а в гораздо более широком ракурсе. Шведы усматривают в событиях эпохи Великой Северной войны исторический урок, который побудил шведов сменить вектор исторического развития, отказаться от имперских, великодержавных иллюзий. Сегодня Карл XII для шведов, жителей одной из самых благополучных стран мира, это лишь исторический персонаж, напоминающий о пагубности экспансионизма.

Дальнейшее серьезное изучение событий начала XVIII в., Великой Северной войны 1700—1721 гг., становлении России как великой европейской державы, пусть трудное, тяжелое, далеко не всегда однозначное, утрата Швецией своего великодержавия, возвращение ее к своей «естественной» территории, наконец, увязка Великой Северной войны с происходившей почти одновременно войной за «испанское наследство», в которой участвовали все ведущие державы Западной Европы, поможет лучше понять то сложное время, основным содержанием которого был постепенный переход от традиционного общества в его европейском варианте к современному.

В начале XIX века, когда вся Европа сотрясалась наполеоновскими войнами, наследие прошлого осложняло отношения между Россией и Швецией, хотя внешне обе страны оказывались в союзнических отношениях (Дроттнингольский договор 1791 г., Гатчинский договор 1799 г., участие России и Швеции в третьей и четвертой антинаполеоновских коалициях в 1805—1807 гг.) В 1805 г. на Севере Германии русские и шведские войска сражались против наполеоновских армий в составе совместного экспедиционного корпуса, которым командовал сам шведский король Густав IV Адольф. Однако проблемы оставались. В Швеции не угасли реваншистские настроения, в России, исходя из геостратегических взглядов, иногда мелькала мысль о возможном присоединении всей Финляндии для обеспечения безопасности северной столицы империи. В самой Финляндии у части элиты зрели настроения в пользу отделения от Финляндии с альтернативой либо присоединения к России с получением самой широкой автономии, либо даже независимости, также под покровительством России. Эти настроения проявились во время русско-шведской войны 1788—1790 гг. и продолжали существовать в Финляндии в самом конце XVIII—начале XIX вв. Самым видным представителем этих настроений был Ирье (Георг) Мауну (Магнус) Спрентгпортен, полковник шведской армии, в 1780-х гг. перешедший на службу в российскую армию после того, как он предложил Екатерине II коренным образом перекроить политическую карту Северной Европы. По идеям Спрентгпортена Финляндия должна стать или независимым государством под покровительством России, или вообще присоединиться к Российской империи, а Швеции в качестве компенсации должна быть отдана принадлежавшая датской короне Норвегия²⁶.

Коренной перелом в международной системе в Европе произошел летом 1807 г., когда Россия, потерпев серьезные поражения в войнах против Наполеона в 1805 и 1807 годах, перешла на его сторону.

Заклученный в Тильзите мир и союз между Александром I и Наполеоном вывел Северную Европу на авансцену международной политики. Перед Швецией оказалась дилемма: сохранить прежний антифранцузский курс, союз с Великобританией, или же последовать за Российской империей. После некоторых колебаний шведский король Густав IV Адольф предпочел сохранить прежний курс, что и стало причиной войны с Россией.

Новая, на этот раз последняя, русско-шведская война, начавшаяся в феврале 1808 г. и завершившаяся подписанием в сентябре 1809 г. мирного договора во Фридрихсгаме, лишила Швецию всей Финляндии, которая стала автономным Великим княжеством в составе Российской империи.

5/17 сентября 1809 г. в небольшом финляндском городе Фридрихсгам (финское название Хамина) высокопоставленные представители российского императора Александра I и короля Швеции Карла XIII были подписан договор, который подвел черту под последней в истории войной между Россией и Швецией, получившей в североευропейской исторической традиции название «финской».

В отечественной историографии пока нет обстоятельной работы, которая на современном уровне рассмотрела бы и предысторию Фридрихсгамского трактата, и проанализировала бы его содержание и значение. В российской дореволюционной историографии общие сведения о Фридрихсгамском мирном договоре и о предшествовавших ему подписанию переговоров писали историки консервативно-охранительного направления К. Ф. Ордин²⁷, а затем М. Бородин²⁸. В советское время о Фридрихсгамском мирном договоре информацию можно найти в предвоенной книжке 1940 г. полковника Г. Ф. Захарова (в будущем генерала армии), книге И. С. Киняпиной (1963)²⁹ и, наконец, в статье ленинградский историк-скандинавист Л. С. Смузина (1976)³⁰. В 1965 г. заключения этого договора коснулся, правда, в самых общих выражениях в связи с присоединением Финляндии к Российской империи в своей опубликованной докторской диссертации карельский историк, профессор Петрозаводского государственного университета И. И. Кяйвяряйнен³¹. Значительный источниковый материал опубликован в 1960-х годах в четвертом и пятом томах первой серии издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века»³².

Более обстоятельно дипломатическая предыстория и история войны 1808—1809 годов, включая заключение Фридрихсгамского мира, была освещена в шведской (Эрик Хамнстрем³³, Андерс Граде³⁴, военно-исторический труд шведского генштаба о русско-шведской войне 1808—1809 гг.³⁵, биография шведского дипломата Курта фон Стединга,

написанная Карлом Хенриком фон Платеном³⁶⁾ и финляндской историографии (Пявие Томила³⁷⁾). В этой литературе события рассматривались, как правило, только в перспективе всего лишь нескольких лет, 1807—1809 годов, и под углом зрения двусторонних российско-шведских отношений. Для историков это было событие лишь во взаимоотношениях двух государств России и Швеции. Весьма скупо говорилось о ходе дипломатических переговоров, предшествовавших заключению Фридрихсгамского договора. Иногда подчеркивалось его значение для судьбы Финляндии, но никогда не говорилось уже о последствиях Фридрихсгамского мира для становления новой архитектуры международных отношений во всем североевропейском регионе, имевшего первостепенное значение и для России.

В данной статье делается попытка проанализировать текст самого трактата, кратко показать ход переговоров, предшествовавших его подписанию, посмотреть, как трактат был встречен в России, прежде всего, с официальной стороны. Кроме того, по мнению автора, сам Фридрихсгамский мирный договор был первым, быть может, важнейшим, но не единственным блоком в строительстве новой международной системы в регионе, которая стала складываться в это время и которая определит курс российской внешней политики в североевропейском направлении на многие десятилетия вперед.

Переговоры о подписании договора шли чуть больше месяца. С российской стороны их вели сам министр иностранных дел Российской империи граф Николай Петрович Румянцев и видный российский дипломат Давид Михайлович Алопеус, с 1803 по 1808 г. посланник в Стокгольме, а со шведской — барон Курт фон Стединг, еще с 1792 г. вплоть до начала русско-шведской войны, занимавший пост шведского посла в Санкт-Петербурге, и полковник Андерс Фредрик Шельдебранд. 2/14 августа 1809 г. встретились шведские и российские уполномоченные. Официальные переговоры начались на следующий день, 3/15 августа. Переговоры шли интенсивно, их держал под контролем находившийся не очень далеко от места события, в Санкт-Петербурге император Александр I. С самого начала шведы согласились признать переход Финляндии под эгиду России и присоединиться к континентальной блокаде. Спорными оставались лишь два вопроса: судьба Аландских островов и точное определение будущей российско-шведской (финляндско-шведской) сухопутной границы на севере. Российское предложение состояло в том, чтобы установить эту границу по реке Каликс-эльв, впадавшей в Ботнический залив.

Шведы хотели провести ее гораздо восточнее, по реке Кеми-йоки, также впадавшей в Ботнический залив. После бурных препирательств пришли к компромиссу: остановились на реках Торнион-йоки и Муонио-йоки, протекавшим как раз между Каликс-эль и Кеми-йоки. В вопросе об Аландах, которые шведы считали ключом к Швеции, российская дипломатия была непреклонна, и под давлением не только дипломатическим, но и военным (российские войска были уже на территории собственно Швеции) шведские дипломаты были вынуждены отступить. В сентябре шведам, тщетно надеявшимся на поддержку Наполеона, стало ясно, что затягивание переговоров может дорого стоить Швеции, и они пошли на уступки, тем более что с российской стороны недвусмысленно дали понять, что готовы на смягчение условий присоединения к континентальной блокаде.

Итак, 5/17 сентября, повторяем, текст договора был подписан³⁸⁾.

Посмотрим, каковы же были условия этого важнейшего и в истории России, и в истории Швеции, да и всего североевропейского региона трактата (текст воспроизводится по современному официальному переводу на русский язык, откуда и некоторая его архаичность).

Первая статья договора прямо говорила о восстановлении мира между Россией и Швецией: «Мир, дружба и доброе согласие пребудут отныне между е. в-вом императором всероссийским и е. в-вом королем шведским; высокие договаривающиеся стороны приложат все свое старание о сохранении совершенного согласия между ими, их государствами и подданными, избегая рачительно всего того, что могло бы поколебать впредь соединение, счастливо ныне восстанавливаемое».

Вторая статья предусматривала посредничество российского императора в восстановлении мира Швеции с Францией и Данией: «самым формальным и наисильнейшим образом не упускать из виду ничего, что с его стороны может споспешествовать скорому заключению мира между ним и е. в-вом императором французским, королем итальянским и е. в-вом королем датским и норвежским с помощью переговоров, непосредственно с сими державами уже открывшихся».

Важнейшей статьей договора стала статья III, которая говорила о согласии Швеции присоединиться к континентальной системе: король шведский «обещает приступить к системе твердой земли (так в буквальном переводе с французского именовалась тогда континентальная блокада) с ограничениями, кои подробнее постановлены будут в переговорах, имеющих последовать между Швециею, Франциею и Даниею». Также шведский

История

король обещал закрыть порты страны для британских военных и торговых судов, однако тут же была сделана, естественно, с согласия России, весьма существенная оговорка, которая, как это ни парадоксально, во многом сводила на нет всю систему наполеоновской колониальной блокады. Весьма существенное исключение было сделано для «привоза соли и колониальных произведений, соделавшихся от употребления необходимыми для жителей шведских». Причем российская сторона заранее обещала поддержать эти изъятия на переговорах с Францией и Данией: «впредь принять за благо все ограничения, какие союзники его почтут справедливыми и приличными допустить в пользу Швеции относительно торговли и купеческого мореплавания».

Четвертая статья была посвящена оформлению отказа Швеции от Финляндии: «Е. в-во король шведский как за себя, так и за преемников его престола и Королевства Шведского отказывается неотменяемо и навсегда в пользу е. в-ва императора всероссийского и преемников его престола и Российской империи от всех своих прав и притязаний на губернии, ниже сего означенные, завоеванные оружием е. и. в-ва в нынешнюю войну от державы шведской, а именно: на губернии Кимменегардскую, Ниландскую и Тавастгускую, Абовскую и Биернеборгскую с островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть Западной Ботнии до реки Торнео, как то постановлено будет в следующей статье о назначении границ». Сразу же бросалось в глаза, что в трактате не говорилось о Финляндии, как чем-то целом, а перечислялись входившие в ее состав губернии.

Пятая статья договора устанавливала новую границу между двумя государствами по рекам Торнио-йоки и Муонио-йоки, причем подробно оговаривалась государственная принадлежность островов по течению этих рек. Кроме того, предусматривалось немедленное назначение инженеров «с одной и другой стороны, кои явятся на места для постановления границ вдоль рек Торнео и Муонио по вышеначертанной линии».

По шестой статье со стороны российского императора подтверждались обещанные ранее, в ходе войны, гарантии сохранения в Финляндии лютеранства и прежних шведских законов: «Поелику е. в-во император всероссийский самими несомненными опытами милосердия и правосудия ознаменовал уже образ правления своего жителям приобретенных им ныне областей, обеспечив по единственному побуждению великодушного своего соизволения свободное отправление их веры, права собственности и их преимущества,

то его шведское в-во тем самым освобождается от священного, впрочем, долга чинить о том в пользу прежних своих подданных какие-либо условия».

Седьмая и восьмая статья предусматривала прекращение всех военных действий, отвод российских войск со шведской территории. Девятая статья обстоятельно прописывала порядок обмена пленными.

Ряд статей обстоятельно рассматривал «технические» стороны присоединения Финляндии к России. Весьма важной для жителей Финляндии и ее уроженцев, оказавшихся в Швеции, была статья десятая, которая гарантировала для финляндцев право свободного возвращения в Финляндию, а также возможность выехать в Швецию для тех, кто хотел бы покинуть Финляндию. Предусматривался порядок продажи их владений в течение трех лет. Статья XI гарантировала полную амнистию для тех подданных шведского короля, кто перешел на сторону России: «Отныне будет вечное забвение прошедшего и всеобщее прощение обоюдным подданным, коих мнения или деяния в пользу той или другой из высоких договаривающихся сторон во время сей войны ввели их в подозрение или подвергнули суду». Двенадцатая статья предусматривала передачу российской стороне различных документов, касавшихся Финляндии, текстуально «Акты на владения, архивы и другие документы, общественные и частные, планы и карты крепостям, городам и землям, доставшимся по сему трактату е. в-ву императору всероссийскому, со включением карт и бумаг, какие могут сыскаться в Межевой конторе». Тринадцатая и четырнадцатая статьи устанавливали порядок урегулирования различных спорных вопросов, в том числе и финансовых, между жителями собственно Швеции и финляндцами, пятнадцатая статья предусматривала трехгодичный срок урегулирования возможных вопросов наследования имущества, которые могли возникнуть у подданных обеих стран.

Статья XVI предусматривала продление до 1/13 февраля 1813 года действия заключенного в 1801 г. российско-шведского торгового договора, срок действия которого заканчивался 17/29 октября 1811 г., но только в тех его положениях, которые не противоречили российской декларации от 1/13 января 1807 г., провозглашавшей присоединение России к континентальной системе.

Семнадцатая статья разрешена беспрепятственную торговлю между Швецией и Финляндией на тех же основаниях, на каких она производилась, когда Финляндия была частью Шведского королевства: «финляндцам позволяется из Швеции вывозить руды, железо в крицах,

известь, камни для строения плавильных печей и вообще всякие другие произведения земли сего королевства. Во взаимство того шведы могут из Финляндии вывозить скот, рыбу, хлеб, холст и смолу, доски, деревянную всякую посуду, строевой и дровяной лес и вообще все другие произведения земли сего великого княжества».

Статья XVIII повторяла положение, содержащееся во всех предыдущих, начиная с Ништадского (1721 г.) мирного трактата со Швецией, о разрешении шведов закупать в России и беспошлинно вывозить 50 тыс. четвертей хлеба.

Наконец, статья XIX обговаривала вопрос о взаимной «салютации» кораблей обеих стран. Статья XX предусматривала дружеское урегулирование могущих возникнуть проблем: «Если бы произошли затруднения по каким-либо пунктам, о которых не постановлено в сем трактате, то оные будут рассматриваемы и определяемы дружественно обоюдными послами или полномочными министрами с таким же миролюбивым расположением, на каковом основано заключение сего трактата». Заключительная XXI статья определила срок в четыре недели ратификации обеими сторонами договор и обмена ими в Санкт-Петербурге.

На следующий день сообщение о подписании мирного договора во Фридрихсгаме и его текст пришли в российскую столицу. Александр I написал по этому поводу сестре Екатерине Павловне: «Мир со Швецией, о котором я сообщаю, таков, как я и желал. Этот мир превосходит и полностью таков, как я хотел. Я не могу не возблагодарить Верховное существо. Полная уступка Финляндии до Торнео с Аландскими островами, присоединение к континентальной системе и закрытие портов для Англии, и, наконец, мир с союзниками России: все заключено без посредников»³⁹.

Сохранилось описание торжеств в Санкт-Петербурге по поводу заключения мира. 6(18) сентября мир со Швецией был «возвещен» жителям столицы пушечными выстрелами с Петропавловской крепости. В «Московских ведомостях» подчеркивалось, что «присоединение к Российской империи целого Великого княжества Финляндского и Аландских островов обеспечивает навсегда пределы России с сей стороны от неприятельских покушений»⁴⁰. На следующий день, как писала газета, было принесено «благодарственное Всемогущему Богу молебствие» в Исаакиевском соборе. «Для торжества сего собраны были войска, числом 15 089 человек со 104 орудиями, стоявшие в параде на площадях Дворцовой, Исаакиевской и Петровской, и по прилегающим к ним улицам». Командовал войсками великий

князь Константин Павлович. В торжественной процессии из Таврического дворца до Исаакиевского собора принимали участие император Александр I, императрицы Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна, великие князья. Перед храмом процессия была встречена митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Амвросием (Подобедовым). Во время молебствия, «при возгласении Тебе Бога хвалим, началась пальба с крепости и из всех бывших при параде орудий, а войсками пущен был ружейный огонь». После молебствия Александр I, остановившись перед памятником Петру I, «салютовал ему со всеми войсками своими, и тем воскрешал память великих дел Полтавского Победителя». В церквях весь день продолжался колокольный звон; а вечером весь город был иллюминирован⁴¹.

Оценку Александром I заключенного трактата можно найти в ряде документов. Так, например, в рескрипте главнокомандующему в Москве генерал-фельдмаршалу И. В. Гудовичу император писал: «Таким образом, положен конец войне, коей разные происшествия приобрели Российскому воинству незабвенную славу; а окончание ее, присоединив к Империи страну, населением народа трудолюбивого, успехами земледелия, торговыми пристанями, важными укреплениями и твердынями Свеаборга знаменитую, распространило и вместе с тем на вечные времена обеспечило пределы Отечества нашего»⁴².

Более развернутая оценка Фридрихсгамского мира и его значения для России была дана Александром I в обращенном к стране манифесте, который был подписан 1(13) октября. Автором текста манифеста, скорее всего, был Н. П. Румянцев, который контрассигновал документ⁴³. Манифест начинался со своеобразного краткого экскурса в историю взаимоотношений России со Швецией: «В течение семи столетий непрерывные почти войны потрясали спокойствие народов, предоставленных природою хранить доброе и мирное соседство. От самых отдаленнейших времен до дней наших, от славных побед благочестивого предка нашего святого и великого князя Александра Невского до настоящего мира редко проходило двадцать сряду лет, и никогда почти не протекало полвека, чтоб война между ими не возникла. Колькратно мир, кровью народов запечатленный, вскоре после того был по стечению обстоятельств снова расторгнут! Колькратно Финляндия, всегдашний предмет и позорище сей войны, страдала, истребляема огнем и мечом!» Далее Александр напоминал о событиях XVIII в., об итогах войн со Швецией 1700—1721 гг. и 1741—1743 гг.: «Успехами оружия славных наших предков, превозможением их

История

и твердостью духа троекратно присоединяемы были к России разные части пограничных шведских владений. Часто постановляемы и многократно подтверждаемы были мирные трактаты. Взаимные и ощутительные пользы делали для обоих народов мир драгоценным». «Но причины войны были неиссякаемы. Споры о границах беспрестанно возрождались, и среди мира Россия не обретала в них твердой ограды своему спокойствию. При сей нетвердости пределов, противоположность в видах политических всегда новую и непрерывную представляла войне пищу». Итогом, по мнению Александра, было то, что «Провидению угодно наконец было сию долготлетнюю и всегда возрождающуюся прю соседственных народов решить окончательно в дни наши».

Затем шло конкретное объяснение причин последней войны и позиции России: «Настоящий разрыв возник от причин, кои в существе своем были одинаковы со всеми предыдущими. Преклонность Швеции к державе нам неприязненной (имелась в виду Великобритания – В.Р.), и близкий пример пылающего Копенгагена, были явным предзнаменованием враждебных мер на нас совершаемых. Оружием надлежало положить преграду сим совещаниям. Но восприяв оружие, мы тогда же готовы были остановить его действие. Первое движение наше было обратить занятие Финляндии российскими войсками в простую меру осторожности. Но советы наши и самые сильные убеждения остались безуспешны. Война соделалась неизбежною и последствия ее показали, что правое наше дело было под сильною вышнего промысла защитою». Ход войны описывался в столь же возвышенных тонах: «По следам древних побед, в странах, где Петр Великий приучал россов к воинской славе, храброе наше воинство мужественно подвизаясь, преоборая все препятствия, по глыбам льда проникая в места непроходимые, от пределов к столице нашей близких, простерло славу российского оружия до самых отдаленных стран Севера: покорило Финляндию, завладело всеми ее провинциями, одержало знаменитые острова Аландские, и объяв Ботнический залив, прейдя западную Ботнию, на отдаленных пределах ее утвердило свое обладание. На сем великом пространстве все города, порты, укрепления, самые твердыни Свеаборга пали во власть его. Путь к победам, не взирая на все сопротивление, еще был отверзт; но как скоро надежда к прочному миру представилась возможною, мы, с удовольствием оставив все выгоды воинского нашего положения, обратились к миру».

Объяснение основ заключенного мира и его год было геополитическим, причем эта мысль по-

вторялась в манифесте неоднократно: «В основания его мы постановили оградить империю нашу естественными и твердыми пределами (здесь и далее в цитатах курсив мой – В.Р.), отдалить и пресечь раз навсегда причину и предлог браней, и вместе с тем утвердить единообразие политической системы, положению обоих народов свойственной и святости наших союзов приличной». Последствия заключенного мира, «утвердив доброе соседство на незыблемых началах, должны истребить и навсегда уничтожить все причины к опасениям и раздору». «Сею твердою надеждою, постановлением империи нашей непредложных и безопасных границ, измеряем мы наипаче выгоды сего мира. Новая владения наши, с одной стороны огражденные Свеаборгом и другими крепостями, обеспеченные весьма важным для морской силы положением Аландских островов, с другой окруженные Ботническим заливом и отделенные от соседей большими реками Торнео и Муонио, всегда будут составлять твердую и незыблемую ограду Империи Нашей».

Был также сделан реверанс в адрес присоединенных финнов и Финляндии: «При таковых существенных выгодах сего мира не может быть для сердца нашего равнодушно присоединение к числу верных наших подданных народа финского. Бедствиями войны доселе почти непрерывно обуреваемый, отныне станет он на чреде народов, под сенью престола нашего покоящихся в тишине и безопасности. Шесть губерний со всеми принадлежащими к ним городами и селениями приобретают сим новое бытие и благословляют уже промысл Вышнего, судьбу их тако устрояющий». Александр I, кстати, довольно прозорливо предвидел экономический подъем Финляндии в ее новом положении, в составе Российской империи: «Обладая всеми портами и пристанями в Финском заливе, на Аландских островах и во всей восточной части Ботнического залива до самого Торнео, в стране плодоносной, изобилующей лесами и разными произведениями земли, населенной народом трудолюбивым и к мореходной промышленности издревле приобыкшим, торговля наша воспримет новое расширение, купеческое мореплавание получит новую деятельность, с тем вместе и воинское наше морское ополчение приобретает новые силы».

Любопытна реакция Франции на заключенный договор. Проницательный французский посол в Санкт-Петербурге Арман де Коленкур заявил министру иностранных дел, что статьи трактата решены не в духе Тильзитского договора, так как в них не выполнены задачи, налагавшиеся на Россию в отношении Швеции. Швеция полностью

не присоединилась к континентальной блокаде и даже не обязалась объявить войну Англии⁴⁴. На это же самое, но уже как на пример прозорливости, намекнул Румянцеву такой видный специалист по международным отношениям, как бывший министр иностранных дел Франции Шарль-Морис Талейран, который после встречи в Эрфурте стал оказывать российскому правительству некоторые, иногда весьма щекотливые услуги, и которому Румянцев отправил текст договора «на экспертизу». Талейран весьма велемечиво поздравлял российского министра с этим договором: «Это прекрасный труд великого государственного деятеля. Вы обеспечиваете Вашему государю и Вашей стране большую провинцию, очень интересную для Вашей столицы. Вы утешаете тех, кто вам ее уступает, за жертвой, которую они делают весьма реальной выгодой, подходящей для того, чтобы польстить жителям городов, части менее многочисленной и менее рекомендуемой из наций, но единственной, которая говорит, которая слушает и которая делает то, что можно назвать общественным мнением. Выгода, которую Вы представляете Швеции, продлится столь долго, как другие государства не признают свои торговые интересы, или, будучи обязаны действовать, будучи вынуждены действовать, как будто они не признают их. Вы также делаете маленькую милость англичанам, она показывает, что ваша верность континентальной системе не исключает своего рода примирительного благоволения: этим вы приоткроете у других держав дверь к более либеральным идеям, и вы укажете, что ваш кабинет с удовольствием увидит, что к ним возвращаются. Все это принадлежит высокой и в значительной степени умелой политике, и Вы составили его на нашем языке как самый точный публицист и как самый элегантный и самый точный член Французской академии. Мое самолюбие могло быть от этого ревнивым. Но моя дружба к Вам, которая гораздо сильнее, живо этим затронута. Она отвечает той дружбе, которую Вы сохраняете ко мне, и доверию, которые Вы мне сообразовали засвидетельствовать»⁴⁵.

Информацию о заключении Фридрихсгамского мира Румянцев уже в день его подписания отправил на другой конец Европы, где шла война России с Османской империей, в ставку главнокомандующего Молдавской (Дунайской) армией, генерала от инфантерии П. И. Багратиона, в лагерь под Силистрией. Получив депешу министра иностранных дел, Багратион поспешил поблагодарить «за столь поспешное сообщение известия о благополучно совершившемся между Россией и Швецией славном и полезном для отечества нашего

мире». Полученное сообщение Багратион не преминул использовать в пропагандистских целях. Он писал Румянцеву: «Обнародовав известие сие в княжествах Молдавии и Валахии, я в то же время принял через посредство генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье, тайного советника и сенатора Кушников и коллежского советника Кирико все возможные меры, дабы помянутое известие, не яко от нас, но от лиц беспристрастных, или даже приемлющих участие в интересах Порты, происходящее, распространяемо было во внутренности Турецкой империи и дабы по мере возможности приличным образом внушаемо было туркам, что заключение мира со Швециею придает Империи неисчислимы новые силы и предоставляет распоряжению Его имп. в-ва многочисленную армию отборнейшего войска, которая весьма легко может быть обращена против Порты Оттоманской, если сия последняя не последует примеру древней ее союзницы Швеции и не поспешит просить о мире»⁴⁶.

Фридрихсгамский мирный договор, сколь важным ни было его заключение, не стал окончательным решением всего сложного комплекса проблем, связанных с новым геополитическим положением дел в регионе – переходом Финляндии в состав Российской империи. Отмечу несколько важных актов, которые как бы достраивали для России новую геополитическую структуру европейского Севера на ближайшее столетие. Первый акт – российско-шведская конвенция об окончательном разграничении и делимитации между Швецией и Россией (Финляндией), подписанная в Торнео 8(20) ноября 1810 г. после тщательной геодезической работы на местности⁴⁷. Это был чисто технический акт, реализация положений Фридрихсгамского договора. Этот договор и заключенная в его развитие конвенция установили ту границу, которая и сегодня проходит между Швецией и Финляндией.

Вторым важным актом, с которым выступил Санкт-Петербург, стало присоединение к Великому княжеству Финляндскому так называемой «старой Финляндии», то есть тех территорий, которые отошли к России по Ништадскому мирному договору 1721 г. и Абоскому мирному договору 1743 г.⁴⁸ 11(23) декабря 1811 г. Александр I издал указ «О присоединении к Финляндии Выборгской губернии» и выпустил манифест «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндией»⁴⁹. Первый пункт указа гласил: «По местному положению старой Финляндии, находя полезным присоединить оную к Великому княжеству Финляндии, признали Мы за благо постановить следующее: Финляндская губерния присоединяется к Великому

княжеству Финляндии, и в общем его составе будет именоваться губернией Выборгскою». Остальные девять пунктов указа детализировали порядок распространения на присоединяемую территорию норм, действовавших в Великом княжестве. Манифест же фактически повторял главные положения указа: «С присоединением новой Финляндии к Российской империи, различие между старой и новою Финляндиею, как в наименовании их, так и в самом образе управления, находя излишним и настоящему положению сего края не свойственным, вняв мнению Государственного Совета, признали Мы за благо постановить следующее: 1. Старую и новую Финляндию отныне совокупно именовать Финляндиею. 2. Прежняя Финляндская губерния наравне с губерниями, в Финляндии существующими, отныне будет состоять в главном управлении, для сей страны Нами учрежденном»⁵⁰. Лишь учреждения Православной церкви на территории Великого княжества Финляндского оставались под управлением общеимперских ведомств, Святейшего Синода и епархиального управления⁵¹.

Третьим важнейшим актом, закрепившим добрососедскую направленность отношений России и Швеции после Фридрихсгама, стал российско-шведский союзный договор, подписанный 5 апреля 1812 г. в Санкт-Петербурге⁵², и дополнившие и развившие его условия две конвенции: 3(15) июня 1812 г., подписанная в Вильно⁵³, и 18(30) августа, заключенная в Або (Турку), во время встречи императора Александра I со шведским наследным принцем Карлом Юханом (Бернадотом)⁵⁴. Главным условием было согласие России на присоединение Норвегии к Швеции. Швеция подтверждала окончательный отказ от Финляндии. Эти соглашения стабилизировали отношения со Швецией и положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи⁵⁵.

И, наконец, четвертый акт – торговый договор между Российской империей и Соединенными королевствами Швецией и Норвегией, заключенный в Санкт-Петербурге 29 августа (10 сентября) 1817 г., который не случайно именовался «Дополнительный акт к Фридрихсгамскому мирному договору между Россией и Швецией». Дело в том, что торговые отношения между двумя государствами регулировались специальным трактатом, подписанным под самый занавес царствования императора Павла I 1(13) марта 1801 г.⁵⁶ Фридрихсгамский договор своей 16-й статьей продлил срок действия этого торгового договора до 1(13) февраля 1813 г. После 1813 г. этот срок неоднократно продлевался особыми соглашениями. Однако изменение политической карты Северной

Европы – переход Финляндии к Российской империи и возникновение в 1814–1815 гг. шведско-норвежской унии – делали настоящей существенную переработку условий торговли между двумя государствами, переговоры о чем начались уже в 1815 г.⁵⁷

В этом и состояла та перекройка всей политической североευропейского региона, первым и важнейшим этапом которой и были война 1808–1809 гг. и Фридрихсгамский мир. Не случайно, в современной Финляндии события 1808–1809 гг. рассматриваются как становление финского государства.

Крайне важным результатом этих преобразований было то, что именно этот небольшой период подвел черту под многовековыми проблемами и конфликтами в регионе: в историю ушли войны между Россией и Швецией, которые регулярно вспыхивали, начиная с середины XVI столетия. Новая международная архитектура североευропейского региона, краеугольными камнями которой были переход Финляндии как автономного Великого княжества под власть Российских императоров, возникновение шведско-норвежской унии, прекращение шведского присутствия в Северной Германии (еще с Тридцатилетней войны и Вестфальских мирных договоров 1648 г.), результатом чего было становление шведской системы нейтралитета, полностью отвечала стратегическим внешнеполитическим интересам России на североευропейском направлении. По сути, грандиозные преобразования отражали сложный путь модернизации региона в направлении от традиционного к современному обществу, первый шаг к формированию современной системы международных отношений.

Фридрихсгамский мир стал первым этапом фундаментальной перестройки всей политической карты Северной Европы, которая с 1805 г. оказалась основательно втянута в серию войн, получивших название наполеоновских. В результате сложного развития событий в 1813–1814 г. Швеция, заключившая уже в апреле 1812 г. союзный трактат с Россией⁵⁸ и вовремя примкнувшая к антинаполеоновской коалиции, сумела при поддержке России, Великобритании и Пруссии отнять у короля Дании Фредерика VI, последнего союзника Наполеона, – Норвегию (Кильский мир 14 января 1814 г.). Однако сопротивление норвежцев, не пожелавших принять навязанные им условия, привело не к включению Норвегии в состав шведского государства, а к заключению осенью 1814 г. шведско-норвежской унии, носившей во многом личный характер. Норвегия сумела восстановить свою государственность, принять конституцию, которая оказалась

чуть ли не самой демократической по тем временам. Возникшее в результате компромисса, достигнутого при активном участии российской дипломатии, новое государственное образование, существовавшее до 1905 г., носило название «Соединенные королевства Швеция и Норвегия». Чуть позже Швеция избавилась и от последних владений на Севере Германии – Шведской Померании и острова Рюген, которые в результате сложных тайных трехсторонних переговоров на Венском конгрессе (Швеция, Дания и Пруссия) при посредничестве России в июне 1815 г., привели к тому, что они достались давно жаждавшей их получить Пруссии.

И Полтава, как своеобразная начальная точка процесса, и Фридрихсгам как промежуточная точка, оказались важнейшими звеньями перестройки политической карты всей Северной Европы, трансформации биполярной системы двух мини-империй – Швеции и Дании – к созданию более

современной системы национальных государств, что, в конечном счете, отвечало стратегическим интересам России. В историю ушли как войны между Швецией и Россией, так и внутрискандинавские войны. На многие годы Северная Европа перестала быть предметом заботы руководства России, и это стало результатом того процесса, начало которому было положено Полтавой в 1709 г. и продолжено Фридрихсгамским мирным договором 1809 г.

Vadim V. Roginsky. Poltava and Fredrikshamn, 1709 – 1809.

The two epic dates in Russian and Northern Europe history. The article dwells on the interconnection of the two key moments in 18 – 19 centuries Russian history. The author shows interdependence of battle near Poltava of 1709 and the Fredrikshamn peace treaty of 1809. The two drastically changed the Northern Europe political landscape.

1. Термин «империя», применительно к Швеции XVII—начала XVIII вв. широко используется в англоязычной историографии. См., например: Roberts, Michael. The Swedish Imperial Experience, 1560—1718. Cambridge. UP. 1979; Scott, Franklin D. Sweden. The Nation's History. Chicago. University of Minnesota. 1977.
2. Текст договора опубли.: Русско-шведские экономические отношения в XVII в.: Сб. документов. М. 1960. С. 25—27; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М. 1902. Ч. IV. С. 147—153; Литература: Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб. 1857; Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964; Его же. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998.
3. Опубли.: Sveriges Traktater med främmande magter jemte andra ditt hörande handlingar. Vol. 5. Hft. 1 (1572—1632). Stockholm, 1903. S. 347—358. Brulin H. Stilleståndet i Altmark 1629 // Historiska studier tillägnade Harald Hjärne. Uppsala, 1908.
4. Attman, Artur. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik i 1500-talets baltiska politik 1558—1595. Lund, 1944; Idem. The Russian and Polish Markets in International Trade 1500—1650. Göteborg, Kungälv, 1973; Idem. The Struggle for Baltic Markets. Powers in Conflicts 1558—1618. Göteborg. 1979; Idem. The Bullion Flow between Europe and the West 1000—1750. Göteborg, 1981; Idem. Swedish Aspiration and the Russian Market during the 17th Century. Göteborg. Kungl. Vetenskaps- och Vitterhets-Samhället. 1985.
5. Danmark-Norges traktater. B. IV. (1626—1649). København, 1917.
6. Военные и военно-дипломатические аспекты участия Дании в Великой Северной войне рассмотрены в восьмитомном фундаментальном исследовании, подготовленном датскими военными историками в конце прошлого—первых десятилетиях нашего столетия: Bidrag til den Store Nordiske Krigs Historie / Udg. af Generalstabens. B. 1—8. Kbh., 1899—1922.
7. Возгрин В. Е. Травентальский договор и его значение в истории Северной войны // Скандинавский сборник XX. Таллинн, 1975. С. 81—91; Jensen B. Dansk-russiske relationer, 1697—1709.
8. См., например: Исторический лексикон XVIII век. М., 1996. С. 603—606 (статья «Русско-шведские войны»).
9. Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958; Тарле Е. В. Сочинения. Т. 10. М., 1959. С. 361—841.
10. См. например: История Северной войны 1700—1721 гг. М.: Наука. 1987.
11. Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М. Изд-во АН СССР. 1959.
12. Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадский мир. М. Изд-во АН СССР. 1959.
13. Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг. Пер. со швед. А. Полторацкого. С предисл. С. Платонова. СПб. 1912.
14. Englund, Peter. Poltava. Berättelsen om en armés undergång. Stockholm. 1988. Энглунд, Петер. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М. Новое литературное обозрение. 1995. (В 2009 г. перевод этой книги на русский язык был переиздан).
15. См. неоднократно переиздававшиеся книги: Павленко Н. И. Петр Великий. М. «Мысль». 1994; Его же. Птенцы гнезда Петрова. М. «Мысль». 1994. 397 с.
16. Анисимов Е. В. Петр Великий. Личность и реформы. СПб. Питер. 2009.
17. Григорьев Б. Карл XII, или пять пуль для короля. М. Молодая Гвардия. 2006.; ил. (ЖЗЛ: Сер. биограф.; Вып. 998).
18. Беспалов А. В. Северная война. Карл XII и шведская армия. М. «Рейтарт». 2000; Его же. Сподвижники Карла XII. М. «Рейтарт». 2003; Его же. Битвы Великой Северной войны 1700—1721. М. «Рейтарт». 2005.
19. Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. (История дипломатических отношений в 1697—1710 гг.). Л. «Наука». 1986.

История

20. Кан А. С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). Учебн. пособие. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Высшая школа. 1980., илл.
21. История Швеции. М. 1974.
22. История Норвегии. М. 1980.
23. История Дании с древнейших времен до XX столетия. М. Наука. 1996.
24. Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой половине XVIII в. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 2007.
25. Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа. М., 2006. Яковлева Т. Г. Мазепа – гетман: в поисках исторической объективности. Новая и новейшая история. 2003. № 4.
26. Грот Я. К. Спренгтпортен, шведский эмигрант при Екатерине II // Журнал министерства народного просвещения. 1885. № 1. С. 1—34; № 5. С. 1—35. Ордин К. Ф. Спренгтпортен, герой Финляндии. Очерк его жизни по его бумагам и запискам // Русский архив. 1887. Т. 4. С. 469—502. Нарочницкий А. Л. Россия и Аньяльская конфедерация // Новая и новейшая история. 1967. № 3. С. 59—69. Kuusi, Sakari. Yrjö Maunu Sprengtporten. Jyväskylä. 1974. Keskinen T. Haavekuvani: Yrjö Sprengtportenin elämä, 1740—1819. Helsinki. 1983.
27. Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам: в 2 т. СПб. 1889. Т. 1.; Т. 2. Эта книга была переиздана к столетнему юбилею событий: Ордин К. Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1—3. СПб. 1908—1909.
28. Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб. 1909.; Его же. Краткая история Финляндии. СПб., 1911. VI.
29. Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М. «Высшая школа». 1963.
30. Смушин Л. С. Фридрихсгамский договор 1809 г. и деятельность русской дипломатии // Проблемы отечественной истории. Ч. 2. М.—Л.: Институт истории СССР АН СССР. 1976. С. 23—42.
31. Кайвьярйнен И. И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск. 1965.
32. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая 1801—1815 гг. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. Т. 1—8. М.: Политиздат. 1960—1972. Том четвертый. Июль 1807 г.—март 1809 г. 1965; Том пятый. Апрель 1809 г.—январь 1811 г. 1967.
33. Hamström, Erik. Freden i Fredrikshamn. Uppsala, 1902. VIII.
34. Grade, Anders. Sverige och Tilsit-alliansen (1807—1810). Lund, 1913.
35. Sveriges krig åren 1808 och 1809. Utg. af Generalstabens krigshistoriska afdelning. Del. I—IX. Stockholm. 1890—1922.
36. Platen, Carl Henrik von. Stedingk: Curt von Stedingk (1746—1837): kosmopolit, krigare och diplomat hos Ludvig XVI, Gustav III och Katarina den stora. Stockholm, 1995. Перевод на русский язык: Платен, Карл Хенрик фон. Стединк. Курт фон Стединк (1746—1837): космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. Перевел со шведского Ю. Н. Беспятых. СПб, 1999.
37. Tommila, Päiviö. La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, Lahti, 1962.
38. Подлинник договора был составлен по-французски в двух экземплярах, которые хранятся, соответственно, в России в Архиве внешней политики Российской Империи МИД РФ (Ф. Трактаты) и в Швеции, в Государственном архиве (Riksarkivet, Traktater). Тогда же он был опубликован в обеих странах, в России с официальным переводом на русский язык, в Швеции – с официальным переводом на шведский. Затем, текст договора неоднократно воспроизводился на языке подлинника в различных публикация международных трактатов (например: Martens G. Nouveau recueil de traité. Gottingue. 1817. P. 19—29). Русский перевод публиковался в «Полном собрании законов Российской империи» (СПб, 1835. Т. 30. № 23883; С. 1188—1193) и в приложениях к вышеупомянутой книги Ордина (см.: Ордин К. Ф. Собр. соч. Т. 1. СПб, 1908. С. 293—301). В 1965 г. текст договора на французском языке и проверенным переводом на русский язык был воспроизведен в издании «Внешняя политика России XIX—начала XX века» (М. Серия первая. Т. 5. Док. 106.) В 1985 г. текст Фридрихсгамского договора открыл совместную советско-шведскую публикацию документов об отношениях между Россией и Швецией в 1809—1818 гг. В Москве был опубликован перевод на русский язык, в Швеции – на французском. (Россия и Швеция 1809—1818 гг. Документы и материалы. М., 1985. Док. 1; La Suède et la Russie. Documents et matériaux 1809—1818. Rédacteurs : Johnson Seved, Dubin V.V., Roginskij V.V. Upsal—Stockholm, 1985).
39. Александр I – великой княгине Екатерине Павловне. 6(18) сентября 1809 г. // Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 25.
40. Московские ведомости. 22 сентября 1809 г. № 76. С. 1643—1644.
41. Там же.
42. Московские ведомости. 15 сентября 1809 г. № 74. С. 1610.
43. АВП РИ, ф. Санкт-Петербургский Главный архив (далее – СПб. ГА). I—10, оп. 28, 1809 г., д. 482, л. 1—2 об.; ПСЗ-I. Т. 30. № 23883. С. 1186—1188; Ордин К. Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 290—293.
44. Коленкур—Шампани. Санкт-Петербург, 25 сентября 1809 г. // Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. 4. СПб., 1906. С. 93—101.
45. АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 3743, л. 4—5.
46. Багратион – Румянцеву, № 1039. Лагерь под Силистрией, 1(13) октября 1809 г. // АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 1931, л. 85—87.

47. АВП РИ, ф. СПб. ГА. I—10, оп. 28, 1810 г., д. 480, л. 1—6 об; Исторический, статистический и географический журнал. 1811. Июнь. С. 221—235; Сборник пограничных договоров. СПб., 1891. С. 10—17; ПСЗ-I. Т. 31. № 24413. С. 429—433.
48. О присоединении «Старой Финляндии» к Великому княжеству Финляндскому в конце 1811 г. см. подробнее: *Paaskoski Jyrki*. G. M. Armfelt och Gamla Finland // *Historisk Tidskrift för Finland*. 82. 1997. № 3. S. 302—317.
49. ПСЗ-I. Т. 31. № 24907; Манифест 5 июня 1808 г. о присоединении Великого княжества Финляндского к России. Манифест 11 декабря 1811 г. о присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндии. Постановление 31 декабря 1811 г. относительно преобразования Выборгской губернии. СПб., 1900; *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 137—138.
50. ПСЗ-I. Т. 31. № 24907. С. 923; Манифест 5 июня 1808 г. о присоединении Великого Княжества Финляндского к России...; *Шиловский П.* Указ. соч. С. 129—130.
51. *Шиловский П.* Указ. соч. С. 130.
52. Русско-шведский союзный договор. Санкт-Петербург, 24 марта (5 апреля) 1812 г. // АВП РИ, ф. Трактаты, д. 1587/671, л. 539—558; *SRA Traktater. British and Foreign State Papers. V. I (1812—1814)*. P. I. London, 1841. P. 306—313; ВПР. Серия 1. Т. 6. Док. 130.
53. Дополнительная конвенция к русско-шведскому союзному договору от 24 марта (5 апреля) 1812 г. Вильно, 3(15) июня 1812 г. // ВПР. Серия 1. Т. 6. Док. 171.
54. Вторая дополнительная конвенция (секретная) к русско-шведскому союзному договору от 24 марта (5 апреля) 1812 г. Або, 18(30) августа 1812 г. // АВПРИ, ф. Трактаты, д. 1593/671, л. 2—9; ВПР. Т. 6. Док. 230.
55. Подробнее об отношениях России со Швецией в 1812 г. см.: Россия и Швеция 1809—1818. Документы и материалы...; *Рогинский В. В.* Союз Швеции и России: 1812 год. М., 1978; *Tommila P.* Op. cit.
56. ПСЗ-I. Т. 26. № 19767. С. 549—565; *Martens G.* Recueil des principaux traités. T. 7. Gottingue, 1831. P. 315—335; *Martens G.* Supplement. T. 2. Gottingue, 1802. P. 307—327.
57. АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 12959. л. 1816—1817. № 1—37. 5 папок; ВПР. Серия 2. Т. 1(9)—2(10).
58. О российско-шведских отношениях на заключительной стадии наполеоновских войн см. публикацию документов: Россия и Швеция 1809—1818. Документы и материалы. М., 1985.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Никифоров Ю. А.

Статья анализирует как состояние российской исторической науки при изучении проблем Второй мировой войны, так и показывает научную несостоятельность попыток ее «нового прочтения». Автор подчеркивает, что перед профессиональными историками стоит задача выработки четких критериев научности, которые помогли бы людям отличить добросовестную работу историка от фальшивки, отстаивать за историей статус науки, не позволив средствам массовой информации создать в обществе обратное впечатление.

Ключевые слова: Вторая мировая война, история, фальсификация

Keywords: World War II, history, falsification

Через неделю после празднования очередного Дня Победы, 15 мая 2009 г., Президент России Д. А. Медведев подписал Указ о создании комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России¹. Этот Указ выражает давно назревшую необходимость борьбы с «переписыванием» отечественной истории, которое за последние два десятилетия приобрело немалый размах. Создание Комиссии не в последнюю очередь связано с непрекращающимся потоком недостоверных публикаций о Великой Отечественной войне, история которой в современной России остается одним из краеугольных камней национальной памяти. Образ войны и Победы в современной России остается символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. Осознание этого обстоятельства заставляет с особой ответственностью относиться к постоянно повторяющимся попыткам предложить обществу «новое прочтение», пересмотр устоявшихся представлений относительно происхождения Второй мировой войны, обстоятельств ее

развязывания, роли и места Великой Отечественной войны («Восточного фронта») в истории XX века.

Вместе с тем, Указ имеет и более глубокий смысл: он заставляет задуматься над природой и функциями исторического знания.

Прежде всего, следует осознать, что если мы говорим о фальсификации истории, то этот разговор имеет смысл лишь в том случае, если мы считаем историю наукой, способной получить истинное знание о прошлых событиях.

Научное познание стремится к получению знания, дающего нам адекватное представление об окружающем мире. Когда химики говорят, что молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода, они убеждены, что это действительно так, и могут обосновать свои утверждения. Историки, как и представители любой другой науки, стремятся высказывать истинные утверждения о прошлой реальности и также способны обосновать свои утверждения. Что из того, что эта реальность недоступна непосредственному наблюдению или эксперименту? В конце концов,

Никифоров Юрий Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, работает в Центре истории войн и геополитики ИВИ РАН, e-mail: 9035038012@mail.ru. Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 08-01-00464а.

и астрономы судят о свойствах звезд и далеких галактик только на основе доходящего до Земли света. В распоряжении же историков имеются материальные следы прошедших эпох, вполне доступные для наблюдения и анализа.

Безусловно, существуют определенные границы при реконструкции прошлого, поскольку в распоряжении историка никогда не будет достаточного количества эмпирических свидетельств (источников), что делает неизбежной неполноту любых исторических описаний. Тем не менее, наука вырабатывает все более совершенный методологический аппарат критики исторических источников, который позволяет воссоздавать все более многогранную и объективную картину прошлого.

Разница между естественными науками и историей проявляется, главным образом, при изложении результатов научного исследования. В отличие от естествоиспытателя, констатирующего факты, формулирующего законы или описывающего некий процесс, используя общепризнанный язык своей научной дисциплины, историк описывает события, связанные, главным образом, с деятельностью людей. Поскольку человеческая деятельность интенциональна, т.е. направляется идеями, целями, желаниями, историк не может ограничиться только описанием внешней физической активности, – он вынужден стремиться понять и реконструировать мотивы, которыми руководствовались его герои. Представление о мотивах и целях оказывается неизбежно включено в установление причинно-следственных связей между событиями, и оказывает существенное влияние на отбор фактов, включаемых в историческое повествование. При осуществлении этих процедур неизбежно проявляются мировоззренческие, национальные, социальные предпочтения историка, придающие его повествованию эмоциональную окраску и определенную идеологическую нагруженность. В результатах представителей естественных наук нет личности ученого: в законах классической механики нет личности Ньютона, в уравнениях электродинамики – личности Максвелла, в законах генетики – личности Менделя. Сочинения же историков всегда идеологически (в самом широком смысле) нагружены, и историк никогда не может быть полностью беспристрастным.

Осознание этого обстоятельства привело со второй половины XX в. к распространению в западной философии и методологии истории рассмотрения ее как некоей разновидности литературного творчества. С данной точки зрения, историк «творит историю», создает рассказ о прошлых событиях и может строить этот рассказ в жанре

трагедии, комедии, сатиры и т.п. Этот подход к истории стал весьма распространенным в западной историографии с момента выхода в свет монографии Хейдена Уайта «Метаистория» (1973 г.). Отождествление истории с литературой снимает вопрос о фальсификации: каждый историк волен создавать свой образ прошлого, и мы не имеем права требовать от него объективности или правдоподобности.

Таким образом, вопрос стоит так: либо мы считаем историю наукой, и тогда имеет смысл говорить о фальсификации истории, либо же мы считаем историю жанром литературы – тогда ни о какой фальсификации речи быть не может. Поэтому выработка и осмысление критериев научности и объективности в историческом познании, которые позволили бы отличить добросовестные исследования от подделок, приобретают важнейшее значение. Второй вывод, который можно сделать, касается терминологии: «фальсификация истории», «фальсификатор» – это не просто бранные слова, используемые в пылу полемики применительно к оппонентам. Это – термины, которые должны иметь достаточно определенное содержание.

Указ Президента России от 15 мая 2009 г., очевидно, исходит из того, что целью исторической науки является дать обществу адекватное представление о собственном прошлом, и историки располагают необходимым инструментарием для создания его правдивого описания. Несмотря на то, что труд историка связан с необходимостью литературного изложения, нельзя абсолютизировать эту сторону исторических сочинений. В конце концов, и теорию биологической эволюции, и теорию происхождения Вселенной можно излагать как комедию или драму. Суть дела не сводится к форме изложения, важно содержание повествования. И если естествознание претендует на получение и изложение истинного знания о мире и обладает методами получения этого знания, то и история с самого начала своего возникновения претендовала на истинное описание прошлого и выработала методы получения такого знания. История является, прежде всего, наукой, и противодействие фальсификации истории должно рассматриваться в русле той борьбы, которую ведет Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований Российской Академии наук. Организованная при Президиуме Российской Академии наук в 1998 г. под председательством академика Э. П. Круглякова, комиссия разоблачает многочисленных шарлатанов, которые, пользуясь невежеством и доверчивостью государственных чиновников и населения, выкачивают средства из госбюджета

История

и обирают людей, обещая им создание новых технологий или предлагая средства исцеления от всех болезней, – т.е. в основном, занята разоблачением лжеученых в области физики, биологии и медицины². Несомненно, способы излечения различных заболеваний и медицинские приборы, навязываемые населению с помощью средств массовой информации и недобросовестной рекламы, способны причинить здоровью людей огромный вред. Однако не менее, а возможно, и более опасны для общества шарлатаны, подвизающиеся в сфере общественных наук. Воздействие на сознание и память людей в этой сфере осуществляется не столько с корыстными целями, как это в большинстве случаев происходит в области техники и медицины, но стимулируется определенными политическими интересами. В области истории фальсификации могут преследовать цели разрушения исторической памяти, подрыва национальной идентичности, внушения таких представлений о прошлом, которые позволяют тем или иным силам достигнуть определенных политических целей в настоящем.

Можно предположить, что псевдонаучные построения в области истории должны иметь ряд сходных черт с приемами фальсификации в других областях научного знания, технике и медицине. И действительно, уже в первом приближении можно заметить несколько существенных общих признаков.

Во-первых, чаще всего подобные работы написаны научно-популярным языком, а их авторы, явно или неявно ощущая слабость своих профессиональных позиций, стремятся уйти от внутрицеховой полемики и апеллируют к массовому читателю, преподнося свое сочинение как раскрытие очередной «тайны» истории. Как правило, в них сообщаются малоизвестные или вовсе неизвестные широкой публике исторические факты, что придает этим трудам необходимую респектабельность. В то же время для критики общепринятых научных концепций здесь используются не столько научные, сколько идеологические аргументы. Общим местом является негативное отношение к «официальной» науке, якобы препятствующей путем «догматических запретов» развитию новых актуальных и перспективных научных направлений. Эта идея неизменно присутствует в построениях «альтернативных» историков, обещающих читателям раскрыть тайны истории, тщательно скрываемые официальной наукой, и пафосно обличающих ее мнимую неспособность предложить обществу сколько-нибудь правдивую версию национальной истории. Учитывая то, что в недавнем прошлом историческая наука действительно находилась

под идеологическим надзором, подобные выпады укрепляют доверие читателей к содержанию таких работ.

Способы сокрытия правды могут представляться по-разному: А. Фоменко, например, апеллирует к заговору против «русской истории» западноевропейцев. Мурад Аджи (Аджиев) – к заговору европейцев против «тюрок-степняков», результатом которого стало целенаправленное уничтожение в течение столетий исторической памяти о великой цивилизации тюрок и их государстве Дешт-и-Кипчак. Обличая российскую академическую науку, М. Аджи утверждает, что «официальным историкам» по идеологическим причинам запрещалось в своих работах называть тюрок турками, поэтому они использовали эвфемизм «скифы»³. Аналогичным образом В. Суворов-Резун и его последователи обличают «коммунистических» и современных российских «казенных» историков, которые якобы «душат и топят слишком любознательных исследователей» и «скрывают от народа его собственную историю»⁴.

Характерной также является реакция этих авторов на критику в свой адрес. А. Фоменко и Г. Носовский, приводя в одной из своих книг перечень рецензий и откликов на свои работы, снабжают их краткими комментариями вроде: «доброжелательная статья, верно излагающая суть проблемы», либо же: «статья отрицательная, содержательных аргументов нет, одни эмоции, стиль развязный», и т.п.⁵ Полемика с оппонентами по существу, таким образом, отсутствует. Между тем, критики «новой хронологии» в целом ряде работ продемонстрировали ошибочность астрономических расчетов Фоменко, на конкретных примерах анализа летописных текстов показали нелепость предложенной им методики выявления статистически зависимых текстов, уличили в невежестве по целому ряду сюжетов отечественной и мировой истории⁶. В ответ со стороны «фоменковцев» раздается: «никаких содержательных аргументов нет», «повода отвергать новую хронологию нет», и т.п. утверждения, рассчитанные, как представляется, в первую очередь на собственную паству: спокойно, мол, официальная наука ничего противопоставить нам не может.

Таким же образом реагируют на критику «резунисты». Ю. Цурганов, напечатавший в поддержку В. Суворова несколько статей в журнале «Посев», например, пишет: «В 2002 г. издательство «Вече» в Москве выпустило книгу Александра Помогайбо... Это очередная попытка опровергнуть концепцию о подготовке Сталина к нападению на Европу в 1941 году. Прежние попытки отличались беспомощностью. Главный

аргумент критиков был идеологический – «книгой «Ледокол» Суворов оскорбил чувства ветеранов Великой Отечественной войны». Текст книги не анализировал никто, в том числе главный критик – Габриэль Городецкий. ...Суворов любит острить, но делает это талантливо, а Помогайбо – бездарно... Читать тяжело и неприятно. Второе – мелочность придирок»⁷.

Критиками Суворова была показана ущербность его аргументации, основанной на подлогах, нарушении логики и банальном невежестве⁸. Соответственно, изложенная в «Ледоколе» и «Дне М» альтернативная традиционной «версия» происхождения Второй мировой войны отвергнута как несостоятельная. В ответ популяризаторы Суворова твердят об «идеологизированности» и «мелочности придирок», настаивая, что «официальным» историкам не удалось ничего им противопоставить.

Такая позиция делает невозможной какой-либо продуктивный диалог между историками и авторами «альтернативных» концепций, поскольку основные усилия фоменковцев и резунистов направлены вовсе не на споры по существу, а на дискредитацию своих оппонентов как ангажированных «официальной идеологией» или прямо находящихся «на службе» у государства. Аргументы против их теорий представляются публике, таким образом, не просто как ложные, а как лживые и мошеннические.

Кроме того, бросается в глаза выраженное стремление переложить бремя доказательств на оппонентов. Отвечая критикам «новой хронологии», отвергающим предлагаемые А. Фоменко датировки исторических событий, его сторонники требуют от оппонентов дать развернутое описание того, каким образом получены общепринятые датировки. Со стороны резунистов также постоянно раздаются призывы к историкам доказать, что Сталин не готовил нападение на Германию: пока, мол, они этого не сделали, правота Суворова остается непоколебимой.

Как представляется, использование вышеописанных приемов – представление оппонентов некой теории людьми заведомо необъективными, сочетаемое со стремлением на них же переложить бремя доказательства, – уже является достаточным основанием для того, чтобы признать ее ненаучной. Об этом же свидетельствует то бросающееся в глаза обстоятельство, что авторы и защитники псевдонаучных концепций избегают их обсуждения в научных журналах или на научных конференциях. Они обращаются к широкой публике, которой, конечно, трудно разобраться в обрушиваемом на нее ворохе фактов, цифр, статистических данных

и т.п. Поэтому эти концепции могут пользоваться широкой популярностью, раздуваемой средствами массовой информации, в то время как профессиональные историки относятся к ним с пренебрежением и иронией.

Все науки прогрессируют в процессе своего развития. Прогресс научных знаний – одно из наиболее ярких и несомненных проявлений развития человечества. С течением времени та или иная область науки дает нам все более полное и точное знание об изучаемом фрагменте реальности. Но научный прогресс означает, что всякая следующая ступень в развитии той или иной дисциплины опирается на предшествующие достижения. Научное знание увеличивается, накапливается с течением времени. Новые теории, концепции не уничтожают прежнего знания, они его перерабатывают, уточняют, устанавливают сферу его применимости и верности. Даже научные революции, связанные с кардинальным пересмотром прежних представлений, не отбрасывают достижений прошлого. Теория относительности и квантовая механика не отбросили классическую механику, а лишь показали ее ограниченный характер. Химия Лавуазье, электродинамика Максвелла, теория эволюции Дарвина – все они выросли на материале предшествующих теорий, полученных ими результатов, и ассимилировали эти результаты. Преемственность в развитии научного знания нашла выражение в известном принципе соответствия Н. Бора, получившим статус общеметодологического принципа: новая теория, гипотеза, идея должна согласоваться с фундаментальными результатами прежних теорий.

Это имеет прямое отношение к историческому знанию. Новые идеи и открытия не могут существенно изменить картину прошлого, сложившуюся в результате развития исторической науки. Если же новая историческая концепция кардинально противоречит общепринятым представлениям, она лежит вне науки. Поэтому когда автор исторического сочинения обещает нам очередной «принципиально новый» взгляд на события прошлого, можно с уверенностью сказать: перед нами – псевдонаучное мифотворчество.

В то же время термин «фальсификация» несет дополнительную смысловую нагрузку: говоря о фальсификации, мы чаще всего имеем в виду сознательный отказ от стремления к истинному описанию прошлого. Для фальсификатора главными оказываются вненаучные цели: внушение читателю каких-то идеологических или политических идей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а вовсе не поиск истины и объективности.

История

Методология исторического познания указывает на большие трудности и проблемы, имеющиеся как в области установления эмпирических фактов прошлого (неполнота сохранившихся свидетельств и сложность процедур установления их достоверности), так и в области исторического синтеза (множественность способов интерпретации взаимозависимости исторических фактов, зависимость теоретических реконструкций от мировоззрения историка). Спекулирование на этих трудностях и проблемах порождает множество возможностей для возникновения псевдонаучных теорий (фальсификации).

Во-первых, воспользовавшись неполнотой эмпирических сведений о прошлом, можно предложить некоторую общую гипотезу, объясняющую систематическое отсутствие сведений о том или ином периоде истории, а затем, опираясь на некоторые другие источники, перетолковать тот или иной отрезок истории в нужном ключе. Другая возможность заключается в переинтерпретации некоторых известных исторических сведений (переустановлении исторических фактов) и в построении на этом основании альтернативных версий объяснения тех или иных событий и процессов. Наконец, третья возможность – выдвинуть некоторую умозрительную гипотезу, на основании которой произвести перетолкование всего эмпирического исторического материала.

С точки зрения историков, придерживающихся существующей научной традиции, эти способы будут основываться на результатах некорректной работы с источниками. В первом случае производится отбор подходящих свидетельств, вместо того, чтобы учитывать всю их совокупность. Во втором случае будет осуществляться искажение и подтасовка исторических фактов (будут выбираться либо недопустимые, либо менее вероятные по сравнению с общепринятыми интерпретации сведений, содержащихся в исторических источниках). В третьем случае, опора на источники вообще может отсутствовать, поскольку переистолкованию будет подвергаться тот или иной отрезок истории в целом. Конечно, отдельные цитаты или факты из источников могут быть избирательно привлечены для придания убедительности новой версии или теории, но их роль будет носить исключительно иллюстративный характер. При этом в зависимости от предмета рассмотрения, могут быть использованы различные сочетания методологических нарушений, в том числе и не упомянутых нами.

Анализ попыток «переосмысления» истории Великой Отечественной войны приводит к выводу, что чаще всего оно оказывается возможным лишь

за счет игнорирования или даже демонстративного отказа от соблюдения общих принципов и методов исторического исследования, соответствующих тем критериями научности, которые выработаны сообществом историков и философов науки.

Так, в исторической науке выработаны и постоянно совершенствуются методы критики исторических свидетельств, и критическое отношение к источникам – необходимая предпосылка любого претендующего на научность исторического построения. Однако, что касается многих современных авторов, то предлагаемые ими объяснения и интерпретации основаны на использовании источников, аутентичность которых либо крайне сомнительна, либо это – прямые подлоги. В частности, это относится к так называемому тексту речи Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г., которому некоторые авторы пытались придать статус «решающего доказательства» в пользу тезиса о совиновности Советского Союза в развязывании Второй мировой войны⁹. Еще один пример – внедрение в общественное сознание мифа о сотрудничестве НКВД и гестапо перед войной в целях борьбы с «мировым еврейством», осуществляемое путем публикации очевидных фальшивок, подаваемых как «совершенно секретные» документы, якобы до сих пор скрываемые «официальными» историками в недрах архивов¹⁰.

Еще одним приемом фальсификации можно считать выстраивание ложных причинно-следственных связей путем произвольного вырывания каких-то фактов из сложного исторического контекста. Например, приписывание советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. решающего значения с точки зрения обстоятельств развязывания Второй мировой войны основано на рассмотрении факта его подписания не как одного из звеньев причинно-следственной цепи, а изолированно, вне связи с Мюнхенскими соглашениями 1938 г. и другими предшествующими событиями. Произвольно разрывая ткань исторического повествования, непосредственное изложение обстоятельств развязывания Второй мировой войны начинают с 1939 г.; события предшествующего периода, в первую очередь Мюнхенский сговор, опускаются. В результате в общественном сознании утверждается мысль об отсутствии связи между Мюнхенскими соглашениями и началом Второй мировой войны.

К числу способов фальсификации следует также отнести введение без должного научного обоснования новых понятий. Например, в современной российской исторической литературе происходит постепенное утверждение термина «Ржевская битва» для обозначения сражений

1942—1943 гг., которые вели войска Западного и Калининского фронтов против немецкой группы армий «Центр». Собственно, с художественной точки зрения можно образно назвать битвой и столкновение двух взводов. Однако в последнее время усилиями ряда авторов сражениям в районе Ржевского выступа приписывается самостоятельное значение, предпринимаются попытки отделить «Ржевскую битву» от Московской и Сталинградской и поставить ее в один ряд с ними. Наиболее последовательно данная точка зрения высказывается региональными исследователями, краеведами г. Ржева — Кондратьевым и Герасимовой. Их старания ведут к тому, что постепенно термин Ржевская битва закрепляется в общественном сознании и входит составной частью в военно-исторические исследования, о чем свидетельствует создание тематической экспозиции в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, появление статей в интернет-энциклопедиях, создание документальных фильмов, в основу сценария которых положено соответствующее осмысление темы (показанный 23 февраля 2009 г. фильм А. Пивоварова, вызвавший оживленную дискуссию в СМИ). Внедрение термина Ржевская битва происходит без полемики на военно-теоретическом уровне, где понятия «битва», «сражение», «бой» имеют вполне определенный смысл, и решает, как представляется, исключительно идеологические задачи: навязать общественному сознанию образ «Ржевской мясорубки» как символа бездарности советского командования и его пренебрежения к сбережению жизни солдат, единственной битвы Великой Отечественной войны, в которой Красная Армия якобы не смогла одержать решительной победы.

Помимо вышеизложенного, можно обратить внимание на манипуляции вокруг исторического значения отдельных событий или личностей. Примером является современная историографическая судьба генерала А. Власова, который, вопреки своей реальной роли марионетки спецслужб Третьего рейха, усилиями ряда публицистов и историков из третьестепенной фигуры сегодня чуть ли не превращен в одного из ведущих деятелей российской истории XX века¹¹.

Широкие возможности для выдвижения псевдонаучных версий скрываются за попытками свести объяснение к субъективному фактору — намерениям, замыслам, мотивам отдельных лиц, — поскольку таят опасность подмены объяснения суждениями оценочного характера. Приписав историческому деятелю некоторую совокупность личностных черт (и, соответственно, определив свое, положительное или отрицательное, к ним отношение),

фальсификатор начинает выстраивать на этой основе объяснение мотивов тех или иных его действий или поступков. Затем эти психические феномены — намерения, чувства, эмоциональные переживания — вставляются в описание реально происходившей в физическом мире цепочки событий. Например, И. В. Сталину приписываются некоторые намерения, а затем, исходя из них, как из факта, выстраиваются фантастические причинно-следственные связи. Именно так выглядит ситуация с теми публицистами, кто считает возможным обвинять советское руководство в сознательном содействии развязыванию Второй мировой войны исходя из желания «раздуть революционный пожар в Европе», или же пытается обосновать тезис о подготовке Советским Союзом нападения на Германию на основе общих рассуждений о верности И. В. Сталина «ленинскому завету» сокрушить капитализм военным путем¹².

Наконец, в этом же ряду следует рассматривать ведущуюся с конца 1980-х гг. кампанию по «демифологизации» истории, целью которой является подрыв символов социальной памяти. Примером может служить попытка поставить под сомнение достоверность ряда хрестоматийных фактов, в первую очередь связанных с подвигами Н. Гастелло, З. Космодемьянской, 28-ми героев-панфиловцев, А. Матросова и др. Так, в ходе поисков места предполагаемой гибели экипажа Н. Ф. Гастелло было высказано предположение, что известный всем подвиг совершил экипаж другого бомбардировщика под командованием капитана Маслова, чья могила была обнаружена на месте знаменитого «огненного тарана». С точки зрения историка, это не может служить основанием для того, чтобы поставить под сомнение каноническую версию¹³. Но это и не главное. История существует как бы в двух измерениях: с одной стороны, как некое объективное знание о прошлом, добытанием которого занимаются профессионалы-историки, и с другой стороны — как память народа, коллективный миф, в котором воплощаются народные идеалы и представления о высоком и низком, прекрасном и безобразном, героическом и трагическом. Существование такого мифа нисколько не противоречит тому, что можно назвать «правдой истории». С точки зрения народной памяти, не имеет серьезного значения, чей именно самолет разбился на шоссе под Минском 26 июня 1941 г. Сохраняя в своей памяти подвиг Гастелло и его экипажа, мы чтим в его лице десятки, сотни подлинных героев войны, чьи имена нам, быть может, и неизвестны. С этой точки зрения миф о подвиге Гастелло — правда более высокого уровня, чем правда отдельно взятого факта.

«Горькая» правда, которой непременно потчуют обывателя накануне и в дни празднования

История

9 мая, в течение уже ряда лет непременно подразумевает рассказы о «зверствах» советских военнослужащих в побежденной Германии. Сам факт того, что военнослужащими советской и других союзных армий совершались убийства, грабежи, насилия над женщинами, никто из историков не отрицает. В нашей стране опубликованы документы, содержание которых не оставляет сомнений: неизбежные спутники любой войны, преступления против мирных жителей имели место. Проблемы связаны с интерпретацией этих фактов, оценками и выводами, которые делаются на их основе. Мы постоянно сталкиваемся с нарочитым стремлением ряда авторов к обличению именно воинов Красной Армии, благодаря чему создается впечатление, что бесчинства в отношении мирных жителей – чуть ли характерная черта поведения советских военнослужащих, объяснить которую можно лишь ссылками на искаленные «сталинским тоталитаризмом» души или особое «азиатское варварство». Именно так подается эта проблема в книге британского историка Э. Бивора, по логике которого символом советской армии-освободительницы должен был стать солдат с горящим факелом, выбирающий себе жертву среди укрывшихся в темном бункере немецких женщин. В качестве иллюстрации приводится один, два, три, десять почерпнутых из источников фактов. Но правомерно ли подавать их как проявление чего-то особенного, исключительного, характеризующего поведение в первую очередь советских военнослужащих? Нетрудно убедиться, что в западных зонах оккупации командованию американской армии также приходилось прилагать усилия для предотвращения и пресечения бесчинств своих военнослужащих в отношении мирного населения. Конечно, общей картины составить нельзя: имеющиеся в литературе данные фрагментарны, однако при должном рвении можно подобрать несколько криминальных эпизодов с участием американских военных и нарисовать для обывателя ужасающую картину вакханалии насилия, захлестнувшей американскую зону оккупации. В добросовестном историческом исследовании использование такого метода противопоказано, а в пропаганде – почему бы и нет?

На основе «клиповой» подборки образов современные русофобствующие идеологи делают выводы, лживые от начала и до конца. Известный публицист М. Солонин, например, заявляет: «Сталин принял решение изгнать немцев... Сталин решил создать на подлежащих аннексии территориях такую обстановку террора и ужаса, чтобы немцы сами... бежали, ползли на запад»¹⁴. Эту «гипотезу» нельзя подкрепить документальными

доказательствами: таких документов нет. Напротив, существуют другие документы за подписью Сталина: например, директива Ставки ВГК от 20 апреля 1945 г., в которой содержался приказ «изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше». На основании этого приказа были приняты меры для предупреждения бесчинств в отношении мирного населения. Документы военных советов фронтов и армий свидетельствуют, что наряду с разъяснительной работой в частях советское командование широко использовало и карательные меры, виновные привлекались к ответственности. Добросовестный ученый мог бы сравнить, сопоставить содержание приказов гитлеровцев, провоцировавших и прямо предписывавших бесчеловечное отношение солдат вермахта к советским людям, и приказы советского командования. Но это, по-видимому, солониным неинтересно.

Признание научного результата научным сообществом (как в физике, так и в истории) является важным показателем его корректности и обоснованности. Наука – саморегулирующаяся система, и любая подделка рано или поздно будет разоблачена. Историки и астрономы достаточно быстро показали несостоятельность «новой хронологии» А. Фоменко, основанной на примитивном подлоге – произвольной выборке всего 8 звезд из 1 022, чьи координаты приведены в каталоге Птолемея «Альмагест»¹⁵. Специалисты полагают, что Фоменко первоначально отобрал именно те звезды, широты (угловые расстояния от небесного экватора) которых, измеренные в древности недостаточно точно, позволяли построить теорию о более позднем создании каталога, а затем придумал обоснования для исключения из рассмотрения остальных¹⁶. Аналогичным образом обстоит дело с наиболее ярким фальсификаторским проектом в области истории Второй мировой войны – «версией» В. Суворова-Резуна: историки взвесили его аргументы и признали их ничего не стоящими.

Именно поэтому зубодробительная и громогласная критика «казенной» или «официальной» науки оказывается необходимой составной частью любой псевдонаучной концепции, не имеющей возможности конкурировать со специалистами в рамках общепринятого в науке дискурса. Нетрудно заметить, что основные усилия сторонников «альтернативных» версий истории носят своего рода маркетинговый характер, т.е. направлены на продвижение и пропаганду своих идей в средствах массовой информации, поскольку доступ на страницы рецензируемых научных журналов

или в академические конференц-залы для них сопряжен со значительными трудностями или попросту закрыт.

«Переосмысление» истории Второй мировой войны в настоящее время существует главным образом как проект, реализуемый средствами, характерными для пропаганды или рекламного бизнеса. Ярким примером может служить издание сборника документов под названием «Фашистский меч ковался в СССР»³⁷. Несмотря на усилия авторов предисловия, Ю. Дьякова и Т. Бушуевой, обвинить «сталинизм» в ремилитаризации Германии, содержание сборника никоим образом не соответствует его названию; более того, непредвзятый анализ собранных там документов приводит к совершенно противоположному выводу — немецкие специалисты в 1920-х гг. помогли создать в нашей стране базу для танковой и авиационной промышленности³⁸. Материалов же, указывающих на содействие Советского Союза Гитлеру и НСДАП, в книге вообще нет. Это не мешает «резунистам», однако, регулярно ссылаться на материалы этого сборника для придания убедительности идее о том, что Сталин содействовал приходу «ледокола революции» — Гитлера — к власти и развязыванию им Второй мировой войны. Расчет, очевидно, строится на том, что большинство читателей не станут разыскивать изданный довольно давно сборник и удовлетворятся «говорящим» названием.

После того, как «ледокольная» концепция была отвергнута научным сообществом, а авторитет «бренда» В. Суворова в глазах читающей публики был в значительной степени поколеблен, внедрение ее в общественное сознание осуществлялось путем «клонирования», а именно публикации сочинений, авторы которых (В. Бешанов, М. Солонин, В. Кольковский, В. Плешаков) повторяли и развивали основные «идеи» В. Суворова. В результате как сам Резун-Суворов, так и его популяризаторы (например, Д. Хмельницкий) в настоящее время имеют возможность заявлять, что «независимых» историков, способных «непредвзято» взглянуть на историю войны, становится в России все больше, а взгляды «а-ля Суворов» получают все более широкое признание в научном мире. Аналогичную задачу решает издательский проект ООО «Язуа-пресс», в рамках которого опубликована серия книг под общим названием «Правда Виктора Суворова» («Правда Виктора Суворова-1», «Правда Виктора

Суворова-2» и т.д.), включающих наряду с апологетической публицистикой ряд статей российских и зарубежных историков (написанных в разное время и попросту перепечатанных здесь), материалы которых могут якобы подтвердить правоту Резуна. С другой стороны, публикуется серия книг под названием «Неправда Виктора Суворова», где представлены работы его критиков. Таким образом, создается впечатление, что «дискуссия продолжается», и вокруг выдвинутых Резуном тезисов до сих пор ведется научная полемика; между тем борьба ведется исключительно в сфере общественного сознания — за влияние на умы далеких от исторической науки людей, в первую очередь молодежи.

Постоянные претензии ревизионистов к «официальной науке», поставленной якобы современным российским государством «на службу» патристическому воспитанию, жалобы на невозможность свободного научного поиска в атмосфере «нарастающей волны лжи»³⁹ являются составной частью этой борьбы. Логика понятна: без подрыва доверия к науке и ее представителям рассчитывать на успех внедрения в общественное сознание мифологизированных псевдонаучных представлений и навязать соответствующие идеологические предпочтения крайне трудно.

Поэтому историки, популяризаторы науки, публицисты должны поставить преграду на пути потока лжи о нашем прошлом — потока, который вот уже два десятилетия изливают на людей средства массовой информации. Перед профессиональными историками и методологами истории стоит задача выработки четких критериев научности, которые помогли бы людям отличить добросовестную работу историка от фальшивки, сочиненной сторонником очередной «нетрадиционной версии» и, в конечном счете, отстоять за историей статус науки, не позволив средствам массовой информации создать в обществе обратное впечатление.

Yury A. Nikiforov. Falsification of history: to the problem.

The author analyses state of the Russian study of WWII and shows the scientific unfoundedness of the so-called "new approach to the history". As author underlines, historians are to work out the scientific criteria to help the reader define scientific study and false, to defend history as a science, to prevent mass-media to do the contrary.

1. http://text.document.kremlin.ru/SESSION/S_hSOZQkat/PILOT/main.html.

2. См.: В защиту науки; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. М.: Наука, 2006—2009. Бюллетень № 1—5.

3. Аджи (Аджиев) М. Европа, тюрки, Великая степь. М., 1998. С. 128—129.

4. Правда Виктора Суворова. Окончательное решение. М., 2009. С. 17.

История

5. Носовский Г., Фоменко А. Библейская Русь. Русско-ордынская империя и Библия. В 2-х т. М., 1998. Т. 2. С. 570.
6. См., напр.: Володихин Д. М. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005. С. 12—104.
7. Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008. С. 67—68.
8. Помогайбо А. Псевдоисторик Суворов и загадки второй мировой войны. М.: Вече, 2002; Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; Исаев А. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004; Суворов В. Ледокол 2. М., 2003; Веселов В. Новый антиСуворов. М., 2009; Неправда Виктора Суворова-2. М., 2008; и др.
9. См.: Случа С. З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113—139.
10. См.: Дюков А. «The Soviet Story»: Механизм лжи. 2-е изд. М., 2008. С. 20—25.
11. Подробнее см.: Никифоров Ю. А. Лавровая петля генерал-лейтенанта А. Власова // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 3—7.
12. См., напр., критику тезисов С. З. Случа германским историком Б. Бонвечем в предисловии к сборнику документов «Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР—Германия: 1933—1941» (М., 2009. С. 17). «Тезисы подобных авторов (т.е., С. З. Случа – Ю.Н.) представляют собой никоим образом не обязательную модель интерпретации мышления и побудительных мотивов Сталина. – Пишет Б. Бонвеч. – Отдельные его действия подгоняются исследователями под эту модель. Из самих же действий модель никак не явствует».
13. См.: Бабусенко Г. Д. Гастелло и Маслов: новое об известном // Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Вып. 1. Минск, 1999. С. 8—19.
14. Солонин М. Весна Победы. Забытое преступление Сталина // Персональный сайт историка Марка Солонина. <http://www.solonin.org/full.php?show=content&id=212&type=stat>.
15. См.: Астрономия против «новой хронологии». М., 2001.
16. Ефремов Ю. Н. Календарь, хронология и лженаука // В защиту науки. М., 2007. Бюлл. № 2. С. 108.
17. Дьяков Ю., Бушуева Т. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992.
18. См., напр.: Байков А. Военно-промышленное сотрудничество СССР и Германии – кто ковал советский меч? // Неправда Виктора Суворова-2. М., 2008. С. 220—304; Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2005. Гл. 1. С. 9—42.
19. Эта позиция регулярно озвучивается на страницах журнала «Посев», см.: Цурганов Ю. Как читать постсоветских историков? // Посев. 2004. № 6; См. также: Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПРАВОМ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬЮ

Фельдман Д. М.

Автор рассматривает несоответствие действующих норм и принципов международного права требованиям целесообразности и эффективности поведения участников международного конфликта. Выявляется взаимосвязь стабильности отдельных международных систем и общепланетарной государственно-центричной мировой системы с конфликтами между акторами и сценариями их взаимодействия в международных конфликтах.

Ключевые слова: конфликт, целесообразность, право, сценарий, система международных отношений, правило, победа, участие, актор, государство

Keywords: conflict, expediency, law, scenario, system of international relations, rule, victory, participation, actor, state

Отмеченная внимательным читателем двусмысленность заголовка довольно точно отражает суть проблемы, содержание которой не исчерпывается констатацией того, что международные конфликты были и остаются атрибутом мировой политики, эффективным инструментом решения многообразных внутри- и внешнеполитических проблем. Политическая практика взаимодействия на мировой арене в первое десятилетие XXI века убеждает в ошибочности представлений об исчезновении конфликта как явления имманентного международным отношениям или хотя бы об уменьшении их интенсивности и значимости. Они не только существуют, но и по-прежнему являются той «фокальной точкой» (от лат. focus – очаг) мировой политической системы, в которой сходятся и ярко обнаруживаются характерные для нее тенденции и противоречия.

Кроме того, в современных международных конфликтах, в утверждающихся формах их разрешения (урегулирования) находит свое отражение еще один существенный компонент обозначенной в заголовке проблемы. Сегодня уже вполне отчетливо проявилось несоответствие общепризнанных норм и принципов международного

права, являющихся «правилами участия» во взаимодействии (включающем как противоборство, так и сотрудничество) на мировой арене, действующим в международном конфликте «правилам победы». В качестве этих правил выступают требования соответствия конфликтного поведения критериям его целесообразности и эффективности, задачам успешного достижения поставленных целей.

Масштаб и политическое значение столкновения между двумя этими типами императивов дают весомые основания рассматривать его как глобальный международно-политический конфликт, игнорируя при этом парадигмальную разногласию и прочий «когнитивный» камуфляж. Важно подчеркнуть, что само по себе столкновение правил и императивов разного типа не означает перерастания международно-политического конфликта в неконвенциональную войну, поскольку далеко не неизбежно ведет к его эскалации до стадии вооруженного противоборства. Констатация столкновения между правилами победы в международном конфликте, определяемыми политической целесообразностью, с одной стороны, и правилами (нормами) участия в современной системе международных отношений, –

с другой, может показаться вполне тривиальной. Однако, несмотря на это, она фиксирует глубокое внутреннее различие природы этих правил.

Международно-правовые нормы участия в данной системе международных отношений признаются акторами мировой политики как относящиеся к данному пространственно-временному континууму. Они отличаются от норм и правил, действовавших когда-либо в других системах международных отношений, не говоря уже о правилах, присущих различным сферам общественных отношений внутри национально-государственных границ. Но все эти нормы и правила формулируются, устанавливаются и признаются не только как отражение реального взаимодействия, но и как представление о том, каким оно должно быть. Применительно к нормам современного международного права – какой должна быть определяемая ими система взаимодействия государств на мировой арене. Среди прочего, это проявляется в наличии и общем признании, если и не взаимоисключающих, то имманентно противоречащих друг другу (но не интересам каждого из государств-участников международных отношений) норм и принципов международного права. В качестве примера чаще всего указывают на принципы суверенитета, невмешательства во внутренние дела, нерушимости границ и территориальной целостности, с одной стороны, и равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, уважения прав человека и основных свобод – с другой.

Хотя подобные правила признаются государствами-акторами современной системы международных отношений как идеальная модель их взаимодействия, однако следуют им избирательно, в зависимости от меняющегося содержания конкретных интересов каждого из этих акторов, изменений внутривнутриполитической ситуации, обстановки на мировой арене и т.д. Важно иметь в виду, что признание каким-либо государством «правил участия», действующих в данной международной системе, фиксируя его принадлежность к ней, отнюдь не предопределяет его успех в конфликтах с другими акторами той же системы.

Сценарии достижения успеха в их противостоянии предполагают или, по крайней мере, допускают отход от этих правил, а чаще – нарушение хотя бы некоторых из них. Термин «сценарий» в данном контексте обозначает сознательно выбранную или построенную схему поведения в ситуации международного конфликта, определяющую средства и действия, последовательность и порядок их применения в зависимости от избранной стратегии и достигнутых промежуточных

результатов. Сценарии достижения успеха в международных конфликтах не сводятся к выработке и реализации той или иной стратегии, но каждый из таких сценариев предполагает осознанную, целесообразную деятельность, основывающуюся на том, что выше названо «правилами победы».

Не стремясь дать исчерпывающе полный перечень этих правил, можно в виде иллюстраций указать на издавна известную целесообразность поддержки врагов своего противника или на нестареющее правило, согласно которому рост авторитета власти, укрепление политической стабильности общества требует хотя бы «маленькой победы» над (пусть даже придуманным) внешним врагом. Многократно опровергнуто морализаторами, но неизменно реализуется в политической практике правило, по которому «разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание»¹.

Этот перечень легче продолжить, чем завершить, но трудно удержаться и не напомнить о еще одном, если можно так сказать, военно-прикладном, а точнее – практическом использовании «правил победы». Речь идет о правиле, которое А. В. Суворов сформулировал с «простотой солдатского сердца» и выразил в известном афоризме: «удивить – победить». М. А. Хрусталив указал на связь этого правила с решением задачи изменения неблагоприятного соотношения сил, военным искусством и личностью полководца². Представляется, что как политическая теория, так и практика международного конфликта не исключают ни более широкого значения этого правила, ни его использования штатскими лицами в гражданских практиках.

Действительно, сценарии абсолютного большинства успешно (для победителя) завершившихся конфликтов исходят из целесообразности более или менее неожиданного и грубого нарушения «правил участия», состоящего в отказе от следования общепризнанным нормам, принятым процедурам и приверженности утвердившимся принципам взаимодействия на мировой арене. «Правила участия» почти столь же изменчивы и подвижны, как формы их закрепления³. Однако само их существование, позволяя декларировать свою верность этим нормам и принципам, помогает действовать согласно «правилам победы».

Не составляя в своей совокупности аналог суворовской «Науки побеждать», «правила победы» весьма многообразны, а их успешное воплощение на практике опосредовано множеством различных обстоятельств. Практика их применения

в ходе международных конфликтов свидетельствует, что они столь же далеки от неизменно верных рецептов достижения победы, как его знаменитое «пуля – дура, штык – молодец» от издавна принятого государствами правила наносить удары по досадившим им антагонистам, расположившимся на территории других суверенных государств без согласия этих государств.

Хотя «правила победы» не гарантируют достижения конечного и полного успеха, но они эффективны как правила достижения в ходе конфликта пусть временного, но благоприятного результата. Именно поэтому ими неизменно руководствуются в самых многообразных конфликтных ситуациях. Среди них – нападения британского военного флота на суда и порты других государств в XIX веке, предпринятые после введения Великобританией одностороннего и далеко не сразу принятого международным сообществом запрета на трансграничную торговлю невольниками⁴, агрессия нацистской Германии против Советского Союза и действия Грузии против Южной Осетии в августе 2008 г. Сценарии достижения победы в ходе конфликтного противоборства, успеха или хотя бы приемлемого результата в урегулировании конфликта, зачастую предполагают если не вероломство, то совершение действий, которых противник не ожидает, полагаясь на заключенные договора и обоюдную приверженность сторон соблюдению взаимно признанных норм и правил.

Искушению победой, которую обещает целесообразность подобных действий, поддаются не только «вероломные», «беспринципные» и «агрессивные» участники конфликта. Ведь международный конфликт коварен по самой сущности противоборства. Часто он стремится стать непохожим на другие конфликты для того, чтобы «уйти» от предписаний и норм, закрепляемых как теорией⁵, так и утвердившимися в данном пространственно-временном континууме нормами и принципами участия в трансграничном взаимодействии. В этом своем качестве он похож на игру, участники которой знают, что противник в ответ на их действия постарается ответить наилучшим образом, и стремятся заранее найти, заготовить неожиданные, непредсказуемые ходы и комбинации, часто ставящие в тупик не только соперника, но и тех, кто следит за игрой и анализирует ее.

Если продолжить наше широкое распространение (хотя и не вполне точное) сравнение международного противоборства со спортом, принадлежащее Р. Арону⁶, то для претендента на звание чемпиона, действующего согласно правилам победы, крайне затруднена (если вообще существует) возможность получения приза «fair

play». Вместе с тем, международные конфликты – это совсем не та вольная борьба, которую имел в виду Р. Арон. Пожалуй, ближе к реальной действительности противоборства на мировой арене был его современник Т. Шеллинг. Примерно в те же годы он, отмечая, что гангстерская война имеет много общего с войной между государствами, писал: «И там, и там, в конечном счете, все решает насилие. Интерес и тех, и других состоит в том, чтобы избегать применения силы, но угроза применения силы наготове и у тех, и у других. Любопытно, что рэкетеры, как и преступные банды, участвуют в ограниченной войне, в разоружении и в отводе сил, внезапно атакуют, используют возмездие и угрозу возмездия; они беспокоятся об «умиротворении» и потере лица; они заключают союзы и соглашения и точно так же, как страны, не могут апеллировать к высшей власти, чтобы заставить исполнить договор»⁷.

Обращение к суждениям мэтров мировой общественной науки вызвано не столько стремлением показать, что рассматриваемая проблема не нова (она, как известно, существует тысячелетия), сколько ее очередным обострением. Выступая 15 июля 2008 г. на Совещании послов и постоянных представителей России при международных организациях и давая оценку соблюдению важнейших принципов межгосударственных отношений, Президент России Д. А. Медведев говорил: «Современный переломный этап мирового развития требует содержательных, если хотите, философских подходов. Нам необходимо и к истории обращаться регулярно, иначе по понятным причинам, будем ее повторять, причем в самых негативных сценариях»⁸. Сегодня, в обстановке все более уверенно ощущаемого кануна глубоких перемен, ясно: скрупулезное соблюдение «правил участия» (при всех их внутренних противоречиях и «нестыковках»), способствует поддержанию стабильности международной системы. Во всех иных случаях само их существование, позволяя заявить о своей верности принятым нормам и призывать к этому других, увеличивает если не вероятность, то эффективность реализации сценариев окончания и урегулирования международного конфликта, построенных на «правилах победы». Успешное воплощение этих сценариев в практике развития и урегулирования международных конфликтов, ставит под вопрос универсальность и действенность международно-правовых принципов и норм.

Откровенное признание этого обстоятельства нашло свое место, как в научной и учебной литературе, так и на политическом уровне. Президент России Д. А. Медведев в данной связи отмечал: «Если эти принципы сохраняют свое универсальное

значение, то надо честно ответить, почему они перестают также универсально применяться, посмотреть, насколько они адекватны новым условиям жизни, или же думать о чем-то принципиально новом»⁹.

Международные отношения без правил, зафиксированных международным правом, – такой же фантом, как международные отношения без политики, без экономики или без идеологии. Именно поэтому, выступая в МГИМО (У) МИД России, уже после событий не только в Косово, но и на Южном Кавказе, министр иностранных дел С. В. Лавров подчеркивал: «Мы никогда не согласимся с правовым нигилизмом в мировых делах, с отношением к международному праву как к «дышлу» и «уделу слабых», с любыми попытками «срезать углы» в ущерб международной законности, являющейся воплощением нравственного начала в отношениях между государствами. Действительно, международное право – наша идеология в международных делах»¹⁰. Важно подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о вошедшей в учебники констатации того факта, что «правила поведения таких неправительственных акторов, как, например, транснациональные корпорации или террористические организации между собой и с государством отличаются от норм межгосударственных отношений»¹¹. Более остро и интересно другое утверждение, высказанное В. М. Кулагиным. По его мнению, для науки о международном праве «резонно рассмотрение правил поведения его субъектов не только под легалистским углом зрения, очень важным и плодотворным, но и в более широком синтезированном контексте связей права и мировых политических процессов»¹².

Правовая основа международных отношений постоянно меняется. Можно спорить об исходном историческом пункте формирования современной правовой основы архитектоники системы международных отношений, усматривая его то ли в окончании эпохи решающего влияния западных обществ на западную цивилизацию, связанного с неудачей второй оттоманской осады Вены в 1683 г.¹³, то ли в заключении Вестфальских соглашений 1648 года, то ли в каких-то более близких нам во времени событиях и документах¹⁴. Однако спорящие согласны в том, что более трех последних столетий постоянно растущая часть человечества строила и развивала международные связи в рамках государственно-центричной мировой системы.

Сегодня благодаря формированию общемирового рынка, мировым войнам и всему тому, что охватывается понятием «глобализация» эта система

стала не просто мировой, а всемирной. В ходе чередования на протяжении нескольких веков господства отдельных экономически автономных регионов¹⁵, было покончено с полицентричным миром, в котором существовало несколько культурно, хозяйственно и политически изолированных ойкумен. Формирование всемирной (общепланетарной) политической системы сопровождалось неоднократной сменой «правил участия» входивших в нее государств, сохраняя за ними роль доминирующих акторов – основных элементов данной системы. Именно изменение этих правил, происходившее внутри нее в результате крупномасштабных международных конфликтов, зафиксировало переход от «Венского концерта» к «Версальско-Вашингтонской», а затем и к «Ялтинско-Потсдамской» системе международных отношений. И хотя «правила участия» менялись, сценарий, основанный на «правилах победы» в своих существенных чертах воспроизводится. Он неизменно включает в себя сначала нарушение, а затем конвенционально принятый международным сообществом отказ (иногда в форме модификации) от «правил участия», действовавших в каждой из предшествующих систем. Утверждение новых и, как показывает исторический опыт, всегда временных норм международного права, фиксирующих новые «правила участия» в сменяющих друг друга системах международных отношений, неизменно происходит при определяющей роли тех, кто победил в создавшем новую международную систему конфликте.

«Правила победы» более долговечны, чем «правила участия», и отличаясь от них по своей природе, неизменно присущи конфликтам как в рамках государственно-центричной (Вестфальской) мировой системы, так и вообще в международной сфере общественных отношений. При всей своей многоликости, они постоянно воспроизводятся в различных исторических условиях, действуя со столь мощной принудительной силой, что позволяют предположить наличие в их основе объективной естественноисторической сущности. Если это так, то ее нельзя отменить или запретить, но, быть может, удастся «зарегулировать».

Стремясь следовать широко известному, хотя и мало популярному, завету В. Оккама: «не умножать сущностей без необходимости», необходимо выявить практическое значение сделанного вывода. Это значение, в частности, состоит в том, что он позволяет ответить на актуальный в научно-экспертном сообществе специалистов-международников вопрос: «по каким правилам и в какой мировой (международной) системе будут происходить, урегулироваться и оканчиваться международные конфликты ближайшего будущего?»

Конфликты в Косово и в Южной Осетии еще раз показали реальную эффективность международно-правовых норм установившихся в Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений и закрепленных в Уставе ООН. Отвергая претензии США на то, чтобы управлять миром, Президент России Д. А. Медведев (впрочем, так же, как и Дж. Буш-младший) ни разу не сказал, что конфликт на Южном Кавказе отрицает принципы территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела или отменяет правило, согласно которому решение о применении силы может принять только Совет Безопасности ООН. Вместе с тем, вслед за многими другими политическими деятелями Израиля, Турции, США и РФ, он заявил, что Россия имеет право применять силу по отношению к тем государствам, к которым она считает это необходимым. Список причин, определяющих эту необходимость известен (борьба с терроризмом, защита своих граждан, гуманитарная катастрофа, принуждение к миру), но не закрыт.

Конечно, нельзя исключить попытки внесения соответствующих изменений в трактовку международно-правовых норм, закрепленных в документах ООН. Так, на фоне критики ее СБ и утверждений, что международное право «угасает» была принята резолюция № 1846 об усилении борьбы с пиратством. В совокупности с другими документами, в частности конвенцией по морскому праву, она помогает решить ставшую остро актуальной, но далеко не новую задачу определения юрисдикции и полномочий военноморских сил различных государств, участвующих в этой борьбе. Вместе с тем, как отмечает один из ведущих специалистов по международному праву Б. Тузмухамедов, решения ООН регламентируют применение норм только в данном конкретном случае. Речь не идет о создании общего прецедента. «Это конкретная ситуация, требующая конкретных и пока уникальных решений»¹⁶.

Как бы высоко ни оценивать роль ООН в упрочении правовых основ взаимодействия государств, международные конфликты сегодняшнего дня убеждают: правила, организации и институты, просуществовавшие последние десятилетия нуждаются в коренном совершенствовании. Ясно и то, что оно не может быть результатом навязанных силой «поствестфальских» соглашений, призванных упразднить или заменить существующие сегодня правила и нормы участия в государственно-центричной мировой политической системе. Это еще раз подтвердила очередная тщетная попытка заменить их правилами и нормами, продиктованными одной державой. Ее

конечная неизбежная неудача ясна всем, кроме весьма узко мыслящих и/или наиболее искренних патриотов Америки. Ведь и в международной сфере «право является наивысшей точкой активного дискурса, обладающего властью вызывать реальные последствия. Не будет преувеличением сказать, что оно создает социальный мир, но при этом не следует забывать, что само оно является его порождением»¹⁷.

Переход к нормам и принципам, устанавливающим правила взаимодействия всех акторов мировой политики, не может быть уподоблен, например, переходу на новые конвенционально принятые международным сообществом единицы и эталоны измерения. Вместе с тем, не получает широкого распространения имеющаяся в отдельных странах практика передачи государственных функций и правовых полномочий негосударственным акторам¹⁸.

Не очень многочисленные, но вызывающие международный резонанс, примеры вторжения национального судопроизводства в международные конфликты также заставляют усомниться в широкой востребованности такого рода правовых действий. Среди них – решение Городищинского районного суда Пензенской области о признании духовного завещания аятоллы Хомейни документом экстремистского содержания, а также признание хозяйственным судом г. Киева 8 января 2009 г. недействительным соглашения, заключенного в 2007 г. «Нафтогазом» Украины и «Газпромом» по ставке за транзит газа.

Хотя не только многие юристы, но и политологи считают легитимность подобных решений весьма сомнительной, все же содержание подобных документов имеет территориальную общеобязательность. История права знает немало случаев, когда, казалось бы, конкретные правовые решения, локальные акты и/или прецеденты, имеющие отношения к конкретным людям и отдельным ситуациям (например, запрос рядового англичанина Стюарта о необходимости проведения референдума по поводу присоединения Великобритании к Лиссабонскому меморандуму, решения Страсбургского суда по правам человека, решения-фетвы мусульманских правоведов¹⁹) приобретают гораздо большее значение, чем традиционные для международного права источники нормообразования. «Благодаря своей практике, напрямую связанной с разрешением конфликтов и постоянно обновляемым юридическим заказом, судьи несут функцию адаптации к реальности в системе, которая в противном случае рисковала бы закоснеть в рациональном ригоризме профессоров. Обладая большей или меньшей свободой

в трактовке законов, они вводят необходимые для выживания системы изменения и инновации, которые затем принимаются теоретиками»²⁰.

Конечно, в сфере международно-политических отношений взаимодействие права и социально-политической реальности, также испытывая неумещающее влияние конфликтов и практики их урегулирования, не укладывается в схему, нарисованную П. Бурдые. Но это не мешает констатировать, что в рамках мировой государственно-центричной Вестфальской системы идет процесс формирования новой, иной, чем Ятинско-Потсдамская, международной системы, развивающейся в условиях растущего числа государственных и негосударственных акторов, противоборства и столкновения их интересов, отказа от старых и отсутствия новых правил ведения и урегулирования международных конфликтов.

Так называемый «многополярный мир», стремление к которому характерно для вербальной активности ученых, политиков и дипломатов многих стран, по сути, означает не более чем попытку институционализации хаоса, идущего на смену «плюралистической однополярности», агония которой не менее опасна, чем стремление к установлению «*Rex Americana*». Даже элементарное знакомство с основными положениями, определяющими современную естественнонаучную картину мира, приводит к убеждению в том, что многополярный мир противоестественен. В свою очередь, история, без обращения к которой мы не только обречены на ее повторение, но и на непонимание будущего, свидетельствует, что многополярный мир если и возможен, то непрочен, а правила участия в нем задаются, определяются и действуют в зависимости от силы акторов. На практике это ведет к регулярным «пробам сил» в форме международных конфликтов. В результате подобный «мир» не только строится на насилии, но и гибнет вследствие торжества «правил победы» над «правилами участия». Примеры этого, в частности, легко обнаружить при анализе международных конфликтов 1930-х годов. Попытка внедрить нормы, принципы и правила международного взаимодействия, выработанные при оформлении Версальско-Вашингтонской системы, завершилась самой разрушительной в истории человечества мировой войной, подытоживающей краткий период многополярности²¹.

Принципиально иной вариант изменения «правил участия» предусматривает позиция тех отечественных и зарубежных ученых, которые задумываются о правилах и нормах, которые, по их мнению, должны существовать в новой, более широкой

(и как хотелось бы надеяться – более стабильной, чем Вестфальская – *Д. Ф.*) мировой системе. Отличия в деталях не колеблют вывода, согласно которому «потенциал старой системы исчерпан»²².

У части отечественных исследователей вывод об обветшалости Вестфали также не вызывает сомнений. Исходя из этого, М. М. Лебедева ставит вопрос: можем ли мы ограничиться «ремонт» Вестфальской системы и ее совершенствованием или она «отжила» свой век и надо создавать новую всемирную политическую систему?²³ Последовательным приверженцам «либерального проекта» ответ на этот вопрос давно известен. Конечно, реальный ход истории не может не оказывать влияния на их взгляды, но уже после И. Канта этот ответ, по сути, остается практически неизменным. Недавно его еще раз четко сформулировал В. М. Кулагин: не только логика современного взаимодействия большинства акторов, как государственных, так и негосударственных, но и рельефная материализация либерального проекта, в частности, на поле Европейского союза делает «закат Вестфальской системы» по существу неминуемым. Мы являемся свидетелями несколько затянувшегося «конца истории» этой системы»²⁴.

Рассуждая в масштабах реальных политических процессов, трудно поверить в стабильность и эффективность новых, общепризнанных правил участия, предназначенных для всех акторов действующих в, казалось бы, вот-вот формирующейся поствестфальской мировой политической системе. Ведь в ее составе, как минимум, будут: 1) более 200 признанных государств, 2) три-четыре десятка непризнанных государств, 3) по крайней мере, несколько сотен ТНК, часть из которых по своей экономической, финансовой, политической и даже военной мощи будет превосходить многие, как признанные, так и непризнанные государства, 4) несколько тысяч НПО, включая имеющие взаимоотношения религиозные, этнополитические интересы, затрагивающие решение экологических, климатологических, сырьевых и прочих более мелких, но не менее острых проблем, неизбежно отражающихся на сфере мировой политики, 5) десятки, если не сотни тысяч организаций, фирм и разного рода объединений (включая криминальные), получивших прямой (т.е. без государственного «фильтра») выход на мировую арену. Шестой, седьмой и многие последующие типы негосударственных акторов этой системы легко назовет любой, принявший эту логику формирования «поствестфали».

Важно при этом подчеркнуть, что речь идет не просто о негосударственных акторах мировой политики – они были, есть и будут всегда, а о новых правилах участия в мировой политике,

действительных для всех них. Разумеется, только при условии, что сама «поствестфальская система» отношений на мировой арене, сложившаяся в рамках глобального социума, сохранит свою обособленность и отличия от внутриобщественных отношений и внутренней политики. В варианте смены не только правил, но и мировых политических систем нас ждет если не торжество хаоса, то неизбежный рост полиархии. Правда, происходить все это будет уже в системе поствестфальских всемирных отношений.

«Ремонт» Вестфальской системы также не может не сопровождаться растущей хаотизацией международных отношений, проявления которой отчетливо фиксируются уже сегодня, в частности, в форме столкновения императивных требований права и целесообразности. Но сможет ли он предотвратить крах Вестфальской государственно-центричной мировой системы, через рутинную, обычную и в каком-то смысле привычную смену одной системы международных отношений другой, очередной? Еще один возможный ответ – «да». Ведь сохранение того, что можно было бы назвать «Вестфальским гомеостазом», как раз и состоит в поддержании динамичного постоянства взаимодействия государств как основных элементов этой системы. До сих пор этот гомеостаз исправно обеспечивал функционирование мировой политической системы в условиях смены (иногда весьма резкой) как внутренних, так и внешних условий ее существования.

Однако и в этом в этом варианте нарастание хаотичности будет обнаруживаться в растущей полиархии (при желании ее можно назвать многополярностью) международных отношений. Но это не всемирный, почти первозданный хаос, вызванный крахом Вестфальской мировой системы, а относительно более легкий и «в принципе» быстрее устранимый беспорядок, вызванный очередным изменением «правил участия», взаимодействия всех тех же акторов. Сдвиги в их влиянии и удельном весе на мировой арене найдут свое отражение в очередной, следующей за современной мировой системе, но не разрушающей, а сохраняющей «Вестфальский» гомеостаз.

Итак, «биполярный» мир завершился крахом, «монополярный», если и возможен, то так и не может утвердиться, а «многополярный» чреват войной всех против всех. Поствестфальская, не государственно-центричная система остается мечтой, одним из проектов на будущее, осуществление которого неизбежно встретит активное сопротивление предназначенного для воплощения этого проекта материала. Реальность при всех вариантах чревата приближающейся хаотизацией.

Акторы мировой политики разыгрывают известные на протяжении тысячелетий сценарии по правилам, относительно которых у них нет согласия.

Но хаос (и это известно не только из древнегреческой мифологии, но и доказано наукой²⁵) – не только беспорядок, но и состояние, обладающее созидательным потенциалом, способностью генерировать новые формы и организационные возможности. В этом своем значении он является столь же необходимой основой человеческой деятельности, говоря шире – социальности, как и порядок. Для раскрытия этого тезиса (доказательство истинности которого никак не укладывается ни в объем, ни в основное содержание этой статьи) в данном случае достаточно привести суждения Г. А. Сатарова, ставшие, по его словам, плодом совместных размышлений с А. М. Салминым: «Хаос (случайность, непредсказуемость, неопределенность и т.п.) не досадное недоразумение, вредная аномалия или синоним нашей ограниченной осведомленности. ...Хаос – столь же естественная и необходимая часть природы (физической, биологической, социальной), как его более удачливый и популярный антипод – порядок»²⁶.

Подводя итог размышлениям об обозначенной в заголовке проблеме, можно предположить, что одним из важнейших показателей устойчивости любой мировой системы как среды, включающей в себя и правовой, и политический контекст международных конфликтов, может быть мера соотношения изменчивых «правил участия» и относительно неизменных «правил победы». Сегодня баланс смещен в пользу прагматичной целесообразности. Будущее той системы, которая идет на смену нынешней, будет зависеть от того, насколько полно в ней будет реализовано правило, противоречащее самому смыслу спортивных соревнований (но не международных отношений!): «главное – не победа, а участие». Современная действительность, реальный ход и конкретный опыт урегулирования международных конфликтов не оставляют больших сомнений в том, какие изменения в мировой политике приближает каждый очередной конфликт между правом и целесообразностью.

Dmitry M. Fel'dman. International Conflict between Law and Expediency

The author examines the inconsistency between regulations currently in force and international law principles on the one hand and requirements of expediency and effectiveness of behavior of participants of international conflicts – on the other. The author reveals interconnections between the stability of individual international systems' and global state-centric world system and conflicts and scenarios of interactions among actors of international conflicts.

1. Николо Макиавелли. Государь. М., 1990. С. 52.
2. См. Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М., 2008. С. 119.
3. Оно может происходить как в «нерушимых договорах», так и в совместном питье из чаши с вином, разбавленным кровью высоких договаривающихся сторон, обмене заложниками, браках представителей царствующих домов, совместных жертвоприношениях и молитвах, клятвах верности богам, догматам «единственно-правильного учения» и т. д. и т. п. и т. д.
4. Подробнее об этом нарушении международного права, в немалой степени способствовавшему его гуманизации см. Goldsmith J., Posner E. *The Limits of International Law*. N. Y., Oxford, 2005. P. 117. и В. Иноземцев. «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность // МЭМО. 2008. № 3. С. 8.
5. Пытаясь формализовать «теорию конфликта» схожие и до сих пор не нашедшие должной оценки суждения высказывал В. А. Лефевр (См. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М., 1973).
6. Это сопоставление, несколько «затертое» за прошедшие полвека, было сделано в книге: Raymond Aron. «Paix et Guerre entre les nations», вышедшей в свет в 1962 г. и сразу ставшей широко известной. В переводе на русский язык она была издана в 2000 г. (См. Раймон Арон. «Мир и война между народами». М., 2000. С. 58—60).
7. Работа Schelling T. C. «The Strategy of Conflict», вышедшая в свет в 1960 г. была переведена на русский язык в 2007 г. (См. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007. С. 25).
8. Цит. по: «Международная жизнь». 2008. № 8—9. С. 69.
9. Там же. С. 70.
10. Цит. по Н. Г. Дипкурьер. 2008 г. 16 сент.
11. Кулагин В. М. Политико-правовое измерение международных отношений и мировой политики // Современные международные отношения и мировая политика. М., 2004. С. 166.
12. Там же.
13. Эта точка зрения, в частности, высказывалась и обосновывалась А. Тойнби. См.: Toynbee A. J. *Civilization on Trial and the World and the West*. Cleveland—N. Y., 1963. P. 233.
14. В развитом виде эти позиции были неоднократно представлены и в зарубежной (см., например, Krasner St. D. *Sovereignty: organized Hypocrisy*. Princeton University Press. 1999. Etzioni A. *From Empire to Community. A New Approach to International Relations*. Houndmills. N. Y., 2004), и в отечественной литературе (Космополис, Альманах 1999; Материалы 4-го Конвента РАМИ «Пространство и время в мировой политике и международных отношениях» // Под ред. А. Ю. Мельвиля в 10-ти томах // 1-й том. Актеры в пространстве и времени мировой политики // Под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО—РАМИ, 2007; «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты // Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Голден Би, 2008; Барабанов О. Н., Фельдман Д. М. «Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв» // Международные процессы. 2007. Т. 5 № 3(15), сентябрь—декабрь; Вестфальский мир: межкафедральный «круглый стол» в МГИМО (У) МИД России 27 февраля 2008 года // Вестник МГИМО-университета. 2008. № 1; Суверенитет, трансформация понятий и практик. Под ред. М. В. Ильина и И. В. Кудряшовой. М., 2008.
15. См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. В 3-х т. Т. 3. М., 1991.
16. См. «Независимая газета». 18 декабря 2008 г.
17. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практика. М., СПб, 2007. С. 104.
18. См., например, Wilson I. D. *Continuity and Change: The Changing Contours of Organized Violence in Post-New Order Indonesia* // Critical Asian Studies. V. 38. June 2006. № 2. P. 265—297.
19. См. Сигалов К. Е. Синергетическая организация права // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. Выпуск X. М., 2008. С. 42—66.
20. Бурдые П. Цит. раб. С. 88.
21. Развернутое и очень интересное изложение важных размышлений о последствиях многополярности см. в статье В. Л. Иноземцева «Мечты о многополярном мире» // Независимая газета. 2008. 18 сентября.
22. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004. С. 193—196. Обзор литературы, отражающей основные подходы к этой проблеме за рубежом см. Krasner Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 1999; Reus-Smit Christian. *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 1999; Philpott Daniel. *Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 2001; Brown Chris. *Sovereignty, Rights and Justice*, Cambridge: Polity, 2002.
23. См. материалы «Круглого стола», опубликованные в указанном выше «Вестнике МГИМО-университета». С. 85.
24. Там же. С. 83.
25. Прежде всего, благодаря трудам лауреата Нобелевской премии И. Пригожина, положившим начало только термодинамике неравновесных процессов, но и многообразным исследованиям на основе «синергетической парадигмы». См.: Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*. М., 1986, а также: Синергетическая парадигма. Кн. 1—3. М., 2000—2002 гг.
26. Сатаров Г. А. Институты хаоса: проблема узнавания // Полития. 2008. № 3(50). С. 51.

МЕХАНИЗМ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В США

Истомин И. А.

Интеллектуальное лидерство США в ряде областей в настоящее время редко подвергается сомнению. В то же время оно достигается не только за счет способности формулировать значительное число новых, в том числе принципиально новых идей, но и, возможно, даже в большей степени – благодаря отлаженным системам интеграции интеллектуальных наработок в практическую деятельность. Данная проблематика редко попадает в поле зрения отечественных исследователей. В статье предпринимается попытка проследить структуру и особенности функционирования институтов и каналов, посредством которых американское научно-аналитическое сообщество оказывает влияние на формирование внешнеполитического курса.

Ключевые слова: внешняя политика США, принятие внешнеполитических решений, экспертное сообщество, мозговые центры

Keywords: U.S. foreign policy, foreign policy decision-making, expert community, think tanks

В современных условиях процесс принятия политических решений существенно осложняется целым рядом факторов. К ним можно отнести все более комплексный и одновременно специальный характер вопросов, с которыми сталкиваются политики, усложнение международной системы в результате расширения круга действующих субъектов и взаимосвязей между ними, развитие процессов глобализации и взаимозависимости. Необходимость повышения эффективности государственной политики привела к расширению и повышению профессиональной компетентности бюрократического аппарата, призванного ответить на все эти вызовы¹. В его функции входит не только исполнение решений, принятых на политическом уровне, но и мониторинг рисков и вызовов, поиск альтернатив, делегированное решение отдельных аспектов проблем. Бюрократическая организация предполагает относительно длительную специализацию отдельных ее членов на ограниченном круге проблем.

В результате госслужащие, как правило, обладают гораздо более глубокими представлениями о ситуации в своей области, чем политические лидеры². Это позволяет им выступать в качестве экспертов по тем или иным вопросам.

В то же время проводившиеся с 1970-х гг. исследования внешнеполитического процесса выявляют целый ряд слабостей бюрократического аппарата. Установлено, что он не всегда в состоянии корректно идентифицировать национальные интересы, формулировать и достигать цели на их основе. Более того, процессы внутри государственного аппарата приводят к тому, что принимаемые решения зачастую далеки от оптимальных и диктуются внутренней логикой бюрократии. Показательной в данной связи стала работа Г. Аллисона «Сущность решения»³. В ней автор отмечает, что государственные служащие, как правило, действуют в условиях дефицита времени и поэтому ведется поиск не лучшего, а первого приемлемого решения. Также с целью экономии

Истомин Игорь Александрович – аспирант, преподаватель Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО-Университета, сотрудник Кафедры политики и функционирования ЕС и Совета Европы Европейского учебного института при МГИМО-Университете, e-mail: lslw@yandex.ru.

временного ресурса государственные органы стремятся к унификации своей деятельности, опираясь на свой предыдущий опыт при рассмотрении проблем, т.е. действуя по аналогии. Как следствие, они могут упустить из виду существенные аспекты ситуации, обуславливающие ее уникальность. Одновременно решения принимаются не только исходя из государственных интересов, но приоритетное значение отдается ведомственным интересам различных государственных агентств, а также личным интересам их сотрудников (в первую очередь руководящих).

В этих условиях негосударственная экспертиза становится значимым источником независимой информации, позволяющей политикам избежать монополии бюрократии на формулирование повестки дня и оценку имеющихся альтернатив. Сочетание инициированной правительством и независимой от него аналитики позволяет расширить информационно-аналитическую базу и тем самым повысить качество государственной политики на международной арене⁴. Лица, принимающие решения, сталкиваются с необходимостью все более активного привлечения исследователей к решению стоящих перед ними проблем. Значимой предпосылкой осознания такой необходимости, как правило, становятся провалы проводимого внешнеполитического курса и связанные с ними кризисы. В этих условиях политики осознают ограниченность собственных знаний, пределы возможностей государственного аппарата и потребность в получении дополнительной информации⁵. Для американской внешней политики крупнейшим подобным кризисом стал провал во Вьетнаме, который внес значительный вклад в трансформацию всей американской политической системы на рубеже 1960—1970-х гг. В результате выросла открытость к привлечению внешней экспертизы⁶.

В последние десятилетия рост востребованности негосударственной экспертизы можно проследить на примере расширения в США сообщества «мозговых центров» (think tanks; это выражение часто переводят на русский язык как «фабрики мысли»). Они представляют собой организации, призванные стать своеобразным мостом между миром науки и миром политики⁷. Первые подобные организации возникли в США в начале XX в., но до 1960-х гг. их количество оставалось небольшим⁸. За последние сорок лет их число выросло на порядок. Как отмечал американский исследователь А. Рич, из 306 независимых аналитических центров, существовавших в 1996 г., 80,7 % возникли после 1970 г. и только 59 центров функционировали более 25 лет назад⁹. Как показывают исследования ведущего

американского специалиста Дж. МакГанна, хотя на протяжении последних семи лет количество «мозговых трестов» уменьшалось, США продолжают оставаться неоспоримым мировым лидером по числу и размерам подобных организаций. Некоторое снижение представляется естественной коррекцией вслед за взрывным ростом 1980—1990-х гг., когда их количество удвоилось. Наблюдаемая коррекция не затрагивает ведущие центры, которые успешно развиваются, а их финансовые возможности по-прежнему сохраняют тенденцию к росту¹⁰.

Тесная связь международно-политических исследований с практической деятельностью государств на мировой арене закономерна. Появление международных отношений как дисциплины было реакцией на становление феномена тотальной войны, в которой делается ставка на физическое уничтожение населения противника¹¹. В данной связи активизировались поиски невоенных способов обеспечения международной безопасности. С самого начала новая научная область имела ярко выраженный практико-ориентированный характер. Хотя впоследствии на Западе и, в первую очередь, в США произошла определенная специализация и разделение между теоретиками и специалистами в области прикладного анализа, граница между ними остается проницаемой. Полезность для политики остается одним из важнейших критериев оценки теорий международных отношений¹². О проницаемости границы между теорией и практикой свидетельствует и опыт рекрутирования ученых государственными органами. Среди наиболее крупных фигур можно привести примеры экономиста Уолта Ростоу, историка дипломатии Генри Киссинджера, советолога Збигнева Бжезинского или недавний опыт политолога Стивена Краснера¹³. Подобное явление получило в американской литературе название «принцип вращающихся дверей». Он заключается в том, что с приходом к власти нового президента многие политические и экспертные позиции в правительстве занимают представители университетов и ведущих аналитических центров. После окончания срока контракта или смены администрации они возвращаются обратно к исследовательской работе¹⁴.

Результаты научной деятельности воздействуют на политический процесс по-разному. Как правило, сам исследователь способен лишь отчасти определять характер этого влияния. В большинстве случаев политические решения принимаются на основе определенной интерпретации научной информации (систематически полученных данных, специальных концепций и т.п.). Она проходит через призму критического восприятия

лиц, принимающих решения, в основе которого лежат определенные устойчивые убеждения, основанные на аналогиях с их прежним опытом, проще говоря, на их мировоззрении¹⁵. Более того, исследователь, осуществляющий анализ, также является носителем определенных устойчивых убеждений. Он может лишь отчасти исключить их путем сознательного самоконтроля, строгой методологии или института рецензирования¹⁶. Таким образом, применение научных аргументов в политическом процессе ограничено идеологическими рамками¹⁷.

Возможность подобной интерпретации обеспечивается, в том числе, спецификой самого социального знания как знания ограниченного. В настоящее время социальные науки, к которым относятся и международные отношения, не способны гарантировать корректный учет в анализе всех факторов, влияющих на ситуацию. Следовательно, и предлагаемые прогнозы имеют вероятностный характер, а их реализация зависит от множества условий. В результате исследователи изначально оставляют за политиками окончательное решение о том, как будет развиваться ситуация. Приходится констатировать, что специалисты-международники работают над тем, чтобы снизить уровень неопределенности в ситуации политического выбора, а не исключить неопределенность вовсе. К тому же эксперты ревностно отстаивают свое право на ошибку.

Принимая во внимание указанные ограничения, большинство исследователей, тем не менее, сходятся на том, что эксперты неким образом влияют на политический процесс¹⁸. При этом следует выделить два существенно различных, хотя и взаимосвязанных типа влияния.

Первый и наиболее очевидный тип влияния выражается в том, что экспертам удается найти решение некоей стоящей перед государством задачи или внести существенный вклад в ее решение. В этом случае их рекомендации берутся на вооружение. Стоит отметить четыре основных типа экспертной работы: информационный, аналитический, прогностический и операционный (выработка предложений относительно возможных действий и стратегий поведения). Каждый последующий тип работы строится на основе предыдущего. На практике исследование может содержать в качестве компонентов различные типы, но один из них обязательно становится доминирующим¹⁹. Исследование может проводиться как по инициативе самих аналитиков, так и на основе определенного заказа. Наибольшие шансы принятия результатов работы появляются, если заказ исходит от правительства.

В то же время специфика неправительственной экспертизы такова, что в ходе поиска решения может быть переформулирована сама исходная задача. Классический пример такой ситуации дает опыт корпорации РЭНД²⁰. В 1951 г., получив правительственный заказ на определение оптимальной конфигурации передового базирования стратегической авиации вблизи границ Советского Союза, она разработала концепцию «второго удара». Концепция полностью изменила подходы не только к передовому базированию, но и к стратегическим вооружениям в целом. Она была взята на вооружение и произвела переворот в военно-политическом планировании США²¹.

Наряду с влиянием на конкретные действия и операции, исследователи оказывают и более долгосрочное воздействие на политический процесс (второй тип влияния). Как уже отмечалось выше, лица, принимающие решения, в значительной степени опираются в своей работе на ценности, убеждения, идеологемы. Кроме того, как показал в своих работах философ Л. Витгенштейн, мышление существует только в пределах определенного языка²². Теоретические концепции, формулируемые исследователями, становятся одним из источников формирования и утверждения долгосрочных когнитивных структур и профессиональной терминологии, в которой описываются политические явления. Наиболее последовательно феномен идеологии, претендующей на обладание научным фундаментом, воплощен в традиционном марксизме.

Подробный анализ воздействия теоретических концепций на мировоззрение политических субъектов провел израильский исследователь П. Иш-Шалом²³. Он предложил трехступенчатый подход к объяснению влияния политической науки на внешнюю политику. Первоначально теоретическая концепция (например, т.н. «теория демократического мира») определенным образом интерпретирует многозначные понятия «демократия», «мир», «война», придавая им внутренне непротиворечивую логическую значимость и связывая в единый комплекс. После этого в течение нескольких лет сложившаяся концепция проникает в общественный дискурс, при этом теряя строго научный характер. Границы ее применения зачастую существенно расширяются или смещаются. Постепенно она превращается в постулат обыденного сознания. Наконец, уже в существенно измененном и примитивизированном виде она подхватывается одной из политических сил (в случае с «теорией демократического мира» неоконсерваторами) и используется для отстаивания собственной позиции. При этом было бы упрощением

считать, что концепция становится исключительно инструментом манипулирования. Она входит в мировоззрение самих субъектов, обосновывающих ею свои действия. В США за последние десятилетия был сформулирован целый ряд концепций, которые потом превратились в модные клише и стали частью американского видения мира. Это и уже упоминавшаяся «теория демократического мира», и «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона²⁴. После прихода к власти администрации Б. Обамы в заявлениях американского руководства все настойчивее провозглашается концепция «умной силы», разрабатываемая Дж. Наем²⁵.

Во многом существование двух типов влияния научного и экспертного знания на внешнюю политику отражает разделение между фундаментальными исследованиями, ориентированными на поиск общих закономерностей, и прикладными исследованиями, нацеленными на анализ конкретной ситуации. В то же время эти уровни научного знания тесно связаны между собой и взаимно дополняют друг друга. Фундаментальные исследования базируются на концептуализации множества прикладных работ, а при анализе конкретных ситуаций эксперты компенсируют естественную нехватку информации опорой на более общие закономерности и модели. Более того, в англосаксонской традиции написания научных работ всячески поощряется формулирование концепций и моделей при анализе отдельных ситуаций (case-study). Таким образом, очень часто теоретический и прикладной аспекты сочетаются в рамках одной научной работы.

Механизм научного обеспечения внешней политики для успешного выполнения стоящих перед ним задач должен иметь характер сформировавшейся системы, обеспечивающей как выработку аналитического продукта, так и доведение его до лиц, принимающих решения. Это особенно важно в отношении исследований, способствующих решению какой-либо конкретной проблемы, так как внешнеполитическая повестка дня имеет динамичный характер. В свою очередь теоретические концепции годами могут оставаться в тени, пока их не заметят СМИ или какая-либо группа интересов. Наряду с внедрением экспертного знания в политический процесс, система должна выполнять и не менее важную функцию исключения псевдоэкспертизы. В данном случае речь идет не только о выявлении некомпетентных мнений, маскирующихся под профессиональную аналитику, но и о тех ситуациях, когда аналитики стремятся брать на себя большую роль, чем им отведена. То есть когда они перестают выступать как эксперты

и начинают лоббировать определенный курс, соответствующий их личным убеждениям, идеологии и т.д.²⁶ Тем самым они пытаются подменить лиц, принимающих решения. Таким образом, на систему научного обеспечения внешней политики ложатся разнообразные, трудно совместимые друг с другом функции, для эффективного выполнения которых требуется сложное сочетание организационных структур и инструментов. Хотя процесс эволюции системы научного обеспечения внешней политики определялся характером трансформации американской политической системы, он лишь отчасти имел сознательно регулируемый характер²⁷.

В отличие от технических и естественных наук в международных и региональных исследованиях, а также во внешнеполитической аналитике по-прежнему доминирует индивид, опирающийся на логико-интуитивные подходы. Аналитический продукт, как правило, является результатом независимого труда отдельных авторов или плодом сотрудничества небольшого числа аналитиков. В последнем случае эксперты строго разграничивают между собой аспекты общей работы и сферы ответственности. То есть зачастую опять же имеет место не групповая, а индивидуальная работа. Более строгие и сложные исследовательские подходы (в большей степени стимулирующие групповую работу), связанные с моделированием, квантификацией и статистической обработкой больших массивов информации, казались чрезвычайно перспективными в 1960-х гг. Однако в последние десятилетия они не продемонстрировали результаты, на которые надеялись их последователи, и по-прежнему играют второстепенную роль, по крайней мере, в прикладных работах. Даже в США, где модернистская методология широко пропагандируется такими авторитетными научными журналами, как «International Organization» и «Journal of Conflict Resolution», она не способна вытеснить работы исследователей, придерживающихся более традиционных подходов. Результаты моделирования оказываются зачастую тривиальными и могут быть достигнуты более простыми способами.

Несмотря на индивидуальный характер интеллектуального труда, в большинстве случаев исследователи и эксперты работают в рамках различного рода организаций. К ним относятся университеты, «мозговые центры» или правительственные органы. Подобная ситуация обусловлена внеаучными факторами и, в первую очередь, проблемой поиска потребителей интеллектуальных продуктов.

Современные науки, в том числе социальные, достигли столь высокого уровня, при котором

непрофессионалу чрезвычайно сложно установить, насколько то или иное отдельное исследование аналитически и методологически корректно. Даже профессиональные исследователи оказываются не в состоянии отслеживать все публикации, выходящие в области их научных интересов. Система степеней и званий, рецензирования научных журналов и научного цитирования, специальная терминология и методология направлены на создание фильтров, которые позволили бы отграничить научные исследования от работ публицистического, журналистского и других жанров. Подобная система имеет формальный характер и далеко не идеальна. Однако в настоящее время не существует сколько-нибудь удовлетворительной альтернативы установления научности тех или иных концепций и анализа. В то же время она создает своеобразную «башню из слоновой кости», в которую исследователи заточают сами себя. Соблюдение всех требований, предъявляемых к научному исследованию, отдаляет его от практики. Лица, принимающие решения, слишком перегружены обязанностями и информацией для того, чтобы знакомиться с особенностями методологии научных работ, читать многостраничные монографии или даже более скромные по объему публикации в научных журналах²⁸. Кроме того, информация и анализ по какой-либо проблеме актуальны для лиц, принимающих решения, в определенный момент времени, когда вопрос стоит на повестке дня. Так как внешнеполитический процесс имеет достаточно закрытый характер, исследователю самому достаточно сложно угадать, когда такой момент наступит. В результате он может подготовить анализ слишком рано, и он устареет, или слишком поздно, и он не успеет повлиять на решение²⁹.

Поэтому наряду с задачей объединения аналитиков, обеспечения условий для их работы, исследовательские организации берут на себя функции маркетологов и лоббистов продуктов исследовательской деятельности. Сложившаяся в США конкурентная политическая среда способствовала формированию рынка идей. Он, как и любые другие рынки, требует работы с потребителями: чтобы исследование было востребовано, необходима активная работа по его продвижению. Можно провести условное разделение между университетами, обычно не включающимися в «борьбу идей» и в большей степени ориентированными на академические исследования и разработку теоретических концепций, и другими организациями, которые стремятся, чтобы их аналитика влияла на политический процесс. В данной связи они не только содержат собственный штат экспертов,

но одновременно работают в качестве ретрансляторов, то есть обеспечивают перевод научного знания на язык политики и его распространение среди лиц, принимающих решения. В некоторых случаях они даже не столько проводят собственные исследования, сколько переформулируют и распространяют уже существующие чужие идеи³⁰. Тем самым они выполняют дуалистическую функциональную роль, являясь и источниками экспертной информации для политики, и политическими субъектами, заинтересованными в продвижении тех или иных предложений³¹.

Подобные организации многочисленны и разнообразны. Тем не менее, возможно провести их классификацию, опираясь на анализ характера отношений с основным потребителем внешнеполитической экспертизы – государством. Наибольшее распространение в США получили уже упоминавшиеся «мозговые центры». Исследованию их особенностей и влияния посвящен значительный пласт литературы как в самих США, так и в других странах³². Они выполняют центральную роль в интеграции научного знания в политическую практику, способствуя формированию единого политико-академического комплекса³³, включающего политиков, государственных служащих, независимых экспертов и бизнес.

Относительно определения понятия «мозговые центры» уже на протяжении длительного времени продолжают неурядицы споры. В то же время существует устойчивый консенсус относительно их некоторых характерных черт. Они представляют собой негосударственные, некоммерческие, относительно автономные организации, основной функцией которых является проведение политических исследований с целью влияния на политику государства³⁴. В среде мозговых центров выделяется небольшая, но весьма влиятельная группа организаций, которые специализируются на контрактных исследованиях по заказу министерств и ведомств (например, корпорация РЭНД, Институт аналитических исследований в области обороны, Центр военно-морского анализа и Центр исследования социальных систем). Результатом такой специализации становится зависимость центров от воли и возможностей заказчика, а это ставит под сомнение как их репутацию в качестве источника независимого анализа, так и их способность к устойчивому существованию. С целью снижения зависимости центры прибегают к диверсификации пакета заказов. Пример такого подхода с 1960-х гг. демонстрирует корпорация РЭНД. Изначально она была создана по инициативе ВВС США для разработок в военной области, но достаточно быстро расширила сферу своих

компетенций, предоставляя аналитические материалы в области городского планирования, здравоохранения, образования и т.д. различным ведомствам³⁵. Другие «мозговые центры», такие как Институт Брукинса или Фонд Карнеги за международный мир, намеренно ограничивают или даже полностью отказываются от выполнения правительственных заказов с целью сохранения собственной репутации в качестве источников независимых исследований. Существование негосударственных исследовательских структур открывает американской внешней политике доступ к экспертизе, не требуя при этом финансовых затрат на ее проведение.

В то же время независимые центры конкурируют с государственными аналитическими центрами (преимущественно при Министерстве обороны) и экспертными подразделениями ведомств и органов власти (такими, как Группа политического планирования Государственного департамента³⁶ или Исследовательская служба Конгресса³⁷), коммерческими консалтинговыми компаниями, а также теми группами интересов и бизнес-структурами, которые пытаются использовать научные исследования для объективизации собственных позиций и интересов как рационально оправданных. Таким образом, система экспертного обеспечения внешней политики США включает организации, в различной степени зависимые от правительства страны. Наряду с организациями, созданными по инициативе ведомств и функционирующими внутри или вне рамок государственного аппарата, большое значение имеют центры, финансово зависящие от временных государственных контрактов, а также формально независимые организации.

Важной характеристикой исследований, проводимых экспертами, является их статус – открытый или закрытый. Результаты открытых исследований публикуются в форме монографий,

Характер организаций/ статус исследований	организационно и финансово зависимые	финансово зависимые	формально независимые
открытые			
закрытые			

статей в научных журналах или в интернете. В той или иной форме они доступны если не для широкой публики (ей они, как правило, не особенно интересны), то для экспертного сообщества и представителей СМИ. В свою очередь результаты закрытых исследований предоставляются исключительно их заказчикам и имеют конфиденциальный характер. Доступность открытых исследований упрощает их верификацию с помощью

сторонней критики. В то же время они зачастую содержат элемент пропаганды, то есть выполняют не только когнитивную функцию, но и являются инструментом продвижения интересов их заказчика среди лиц, принимающих решения, представителей экспертного сообщества, СМИ и др. В противовес им закрытые исследования выполняются исключительно с целью выяснения особенностей определенной политической ситуации или анализа возможных сценариев на будущее и стратегий поведения.

Экспертные разработки и исследования по внешнеполитической проблематике можно классифицировать при помощи следующей схемы:

В группу организационно и финансово зависимых от государства входят подразделения анализа и планирования государственных ведомств, нанимающие экспертов и университетских профессоров, а также создаваемые государственными структурами аналитические центры. Группу финансово зависимых составляют некоммерческие исследовательские центры, работающие по контракту, а также многочисленные консалтинговые компании. Организации, объединенные в первые две группы, обслуживают интересы отдельных правительственных ведомств или Конгресса. Определение «формально независимые исследовательские структуры» включает разнообразные организации, которые редко идентифицируются в качестве принадлежащих к одной категории: независимые аналитические центры, центры при университетах, эксперты, работающие на различные группы интересов, бизнес-ассоциации и крупнейшие корпорации. Их объединяет одно: они не имеют формальных связей с потребителем своего интеллектуального продукта и не получают от него денежные средства. В результате в качестве заказчика исследования³⁸ и его потенциального потребителя выступают различные субъекты. Правительственные ведомства не иницируют эти исследования, а наоборот, одной из задач этих организаций, как правило, становится донесение полученных результатов до государства через разнообразные каналы. По этой причине они выполняют только открытые работы. Такие организации, как университетские и независимые аналитические центры, способны проводить закрытые исследования, но исключительно по контракту, и, тем самым, они перемещают себя в группу финансово зависимых, по крайней мере, в отношении данной конкретной разработки.

Важной проблемой становится также определение степени независимости экспертов в рамках последней группы. Не получая средств от государства, они, тем не менее, финансово несамостоятельны.

Аффилированность экспертов, работающих на группы интересов и бизнес-ассоциации, очевидна, но и те, кого принято называть «независимыми», не являются такими в полной мере. Некоторые исследовательские центры располагают крупными целевыми фондами³⁹, среди них особенно выделяются Фонд Карнеги за международный мир и Институт Брукинса, но даже им приходится прибегать к стороннему финансированию⁴⁰. Еще один дополнительный источник доходов – поступления от продажи журналов и монографий. Тем не менее, основные средства центры получают от корпораций, фондов (подобных фондам Форда и Рокфеллера) и несколько реже от частных лиц. Значительную услугу в этом случае экспертам оказывает фискальная система США, предусматривающая налоговые скидки для лиц и компаний, осуществляющих пожертвования⁴¹. Другой значимый фактор мотивации спонсоров – укрепление собственной репутации. Пребывание в руководящем или наблюдательном совете известного центра престижно. Наконец, еще одной причиной поддержки центров со стороны корпораций может стать стремление поддержать значимого союзника, чьи разработки и публикации способствуют подтверждению позиций и взглядов, которые соответствуют интересам бизнеса или других групп интересов.

В то же время нельзя говорить, что корпорации просто «покупают» экспертов. Основной актив «мозговых центров» – их авторитет в качестве источников надежной и независимой информации, поэтому взаимоотношения между экспертами и донорами имеют сложный, неоднозначный характер. Как подчеркивал американский политолог М. Виденбаум, центр, как правило, занимает определенную идейную позицию, а потом начинает искать партнеров, согласных с этой позицией и готовых оплатить его функционирование, а также экспертов, ведущих работу в соответствующем ключе⁴². В то же время было бы некорректно утверждать, что исследователи полностью независимы от доноров. Широкую известность приобрел случай, когда в 1980-х гг. один из наиболее авторитетных центров – Американский институт предпринимательства (АИП) – оказался на грани банкротства после того, как большинство корпораций, поддерживавших его, отказались выделять средства. Лишь путем назначения нового руководства и кардинального изменения политики АИП удалось спасти.

Подобные примеры возвращают нас к идее о зависимости социальных исследований от мировоззрения и идеологических установок заказчиков. Однако стоит отметить, что задача исследователей,

работающих в центрах, состоит не в ретрансляции существующих идеологем, а в нахождении рационального обоснования определенных шагов и действий, которые они априори считают верными и необходимыми. Виденбаум в своей монографии продемонстрировал, как ориентация американских центров проявляется на примере такого серьезного внутривнутриполитического вопроса, как изменения в налогообложении: Институт Брукинса скорее всего проанализирует, как изменения отразятся на сбалансированности бюджета, Фонд наследия – их последствия для компаний, а Центр стратегических и международных исследований – влияние на позиции США в международной торговле⁴³.

Зависимый характер всех исследовательских организаций определяет многообразие их видов. Конкуренция между организациями, тем или иным образом аффилированными с различными ведомствами и ветвями власти и центрами, существующими на частные средства, способствует повышению качества анализа, препятствует доминированию псевдоэкспертных заключений. В борьбе за принятие того или иного решения аналитическая информация становится одним из средств победы. С ее помощью политические субъекты стремятся отстаивать собственные интересы, зачастую выдавая их за национальные. Эксперты при различных ведомствах и министерствах, вне зависимости от того, работают ли они в подразделениях самих этих ведомств или в рамках проектов, осуществляемых на контрактной основе, имеют тенденцию предоставлять сведения в первую очередь укрепляющие позиции этих ведомств. В противовес им центры, не связанные с государственным аппаратом, имеют возможность проводить исследования без учета ведомственных интересов. В то же время, как отмечалось выше, они исходят в своих оценках из определенных идейных предпочтений. В результате, большинство экспертных заключений строятся на анализе ситуации с определенного угла зрения. Даже выполненные корректно, они зачастую упускают из виду более широкий контекст, в котором принимается решение. Многообразие исследовательских организаций позволяет приблизиться к объективному взгляду на стоящие перед государством проблемы.

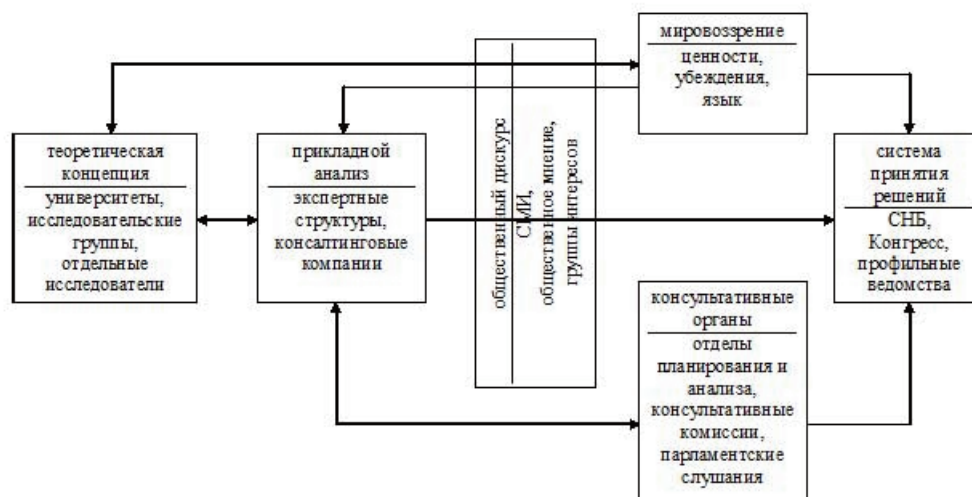
Наряду с экспертными организациями, нацеленными на внедрение продукта исследовательской деятельности в политический процесс, механизм научного обеспечения внешней политики США включает целый ряд структур в рамках государственного аппарата, играющих схожую роль, но уже со стороны государства и его ведомств.

Политология

Различного рода консультативные органы абсорбируют экспертные разработки и передают их лицам, принимающим решения, либо непосредственно, либо включая их в текст уже ведомственных аналитических справок. Подобные подразделения могут выполнять как чисто посредническую роль, так и проводить собственные исследования. Например, в рамках Государственного департамента, наряду с уже упоминавшимся Отделом политического планирования, действующим скорее как экспертное подразделение⁴⁴, существует Отдел по внешним исследованиям Департамента исследований и разведки Госдепартамента, призванный работать с различными аналитическими центрами и академическими институтами и привлекать их наработки к решению государственных задач⁴⁵. Причем сам Отдел выполняет преимущественно организационные функции. Примером обратного подхода является Национальный разведывательный совет, в состав которого входят не только карьерные разведчики, но и эксперты-аналитики из негосударственных организаций, которые привлекаются на срок нескольких лет. Одновременно он реализует инициативу, получившую название «Программа ассоциации». Она позволяет привлекать дополнительно внештатных исследователей⁴⁶. Обширные и разнообразные каналы сотрудничества с экспертами поддерживают ЦРУ и другие разведывательные структуры. Наряду с Государственным департаментом и разведывательным сообществом услугами внешнеполитических экспертов активно пользуются Совет национальной безопасности, Министерство обороны, Конгресс. Среди инструментов, позволяющих привлекать экспертов к выработке американской внешней политики, достаточно часто используется механизм создания консультативных групп по отдельным вопросам при президенте или каком-то ведомстве, приглашения аналитиков на слушания в комитеты

обеих палат Конгресса, проведение конференций и семинаров, а также государственное финансирование отдельных исследовательских проектов. С другой стороны, представители соответствующих ведомств и помощники конгрессменов – нередкие гости на мероприятиях, которые регулярно проводят исследовательские организации, особенно независимые «мозговые центры».

Одновременно с официальными органами, занимающимися привлечением экспертного знания, не меньшую роль играет его опосредованное влияние через СМИ, общественное мнение, группы интересов. Как и все другие каналы воздействия, во многих случаях они искажают первоначальную идею, вырывая ее из контекста. Тем не менее, тенденция последних десятилетий заключается в стремлении аналитиков максимально использовать эти каналы. Большинство публикаций в качественной американской прессе сопровождаются ссылками на представителей ведущих исследовательских центров, их мнения публикуют в качестве авторских колонок в газетах и журналах, а также приглашают в различные программы на телевидении. Большинство центров поощряет и порой даже требует от своих сотрудников подобной активности, так как она приносит известность организации и повышает ее репутацию. Крупнейшие независимые центры, такие как Фонд Карнеги, даже публикуют собственные аналитические издания, например «Форейн полиси». А Институт Брукинга оборудовал собственную телестудию, чтобы его эксперты могли давать комментарии телеканалам, не выходя из здания⁴⁷. Практически все центры также стремятся максимально использовать возможности интернета, заполняя свои электронные страницы регулярно обновляемыми статьями и записями с проводимых семинаров и конференций или организуя рассылку новостей подписчикам. Воздействие через все эти

каналы позволяет экспертным организациям влиять на политическую элиту и общество. Влияние на СМИ, общественное мнение и группы интересов имеет особое значение для того, чтобы поднять некую новую проблему, сформулировать первоначальное отношение к ней или дискурс, в рамках которого она будет обсуждаться⁴⁸.

В то же время немалое значение имеют и неформальные, частные каналы. Система «вращающихся дверей» способствует укреплению широких связей между неправительственными экспертами и государственными служащими, особенно работающими по одному кругу проблем⁴⁹. Более того, экспертные организации зачастую специально нанимают отставных высокопоставленных чиновников или политиков не столько из-за качества суждений, которые они могут высказать, сколько из-за их обширных контактов. В результате частные беседы между практиками и аналитиками способствуют перетеканию информации между ними.

Таким образом, политико-академический комплекс стягивается множеством формальных и неформальных каналов, ни один из которых не идеален и не позволяет самостоятельно обеспечить внешнюю политику экспертизой должного уровня. Ключевым фактором успеха американской модели становится конкуренция между различными источниками анализа, их борьба за внимание лиц, принимающих решения. Конкуренция заставляет экспертные организации постоянно заботиться о собственной репутации в качестве авторитетных источников полезной информации. Конкуренция между центрами различных типов способствует преодолению системных слабостей различных типов организаций.

В то же время подобная модель не лишена определенных проблем и спорных сторон. В первую очередь она не позволяет исключить произвола лиц, принимающих решения, а даже, наоборот, в определенной степени его поощряет. Если политикам не нравятся выводы каких-то исследований, они вполне могут обратиться к другим источникам сведений. Характерным примером подобной ситуации стало решение о применении силы против Ирака в 2003 г. Все голоса протеста, раздававшиеся со стороны экспертов, были проигнорированы лидерами США, а для обоснования действий были использованы разведданные, сфабрикованные под давлением тех же самых лидеров⁵⁰. Таким образом, сколь бы ни был хорош механизм научного обеспечения, пока решение зависит от политиков, они обладают значительными возможностями манипулировать информацией. В долгосрочной и даже среднесрочной перспективе

такое манипулирование грозит фатальными ошибками и колоссальным ущербом, но в рамках конкретной ситуации исключить его невозможно.

Наряду с признанием того, что конкуренция не предотвращает, следует отметить и то, что она делает. В настоящее время американское политическое пространство настолько переполнено информацией, что в конкурентной борьбе за внимание политиков зачастую выигрывают не только самые знающие и глубоко анализирующие, но и самые активные и заметные, что не всегда одно и то же. Например, наряду с такими исследовательскими центрами как Институт Брукинга или Корпорация Рэнд, известными благодаря высокому интеллектуальному уровню, в последние десятилетия большое влияние на политический истеблишмент в Вашингтоне получил Фонд наследие, в первую очередь за счет эффективного маркетинга и часто благодаря успешному компилированию чужих идей⁵¹. Фонд наследие и похожие организации создали новый стандарт представления материалов, ежедневно публикуя релизы на одну-две страницы по актуальным проблемам. В рамках подобных справок невозможно полностью описать и проанализировать сложные комплексные проблемы, поэтому они фокусируются на предлагаемом решении и отдельных подтверждающих его аргументах. В результате читатель получает лишь фрагментарную, неполную информацию, не позволяющую оценить ситуацию самому и составить квалифицированное мнение. Не всегда глубокие и зачастую идеологизированные публикации Фонда, сопровождаемые агрессивным продвижением, могут привести к маргинализации и профанации политической экспертизы. В данной связи симптоматичны замечания отдельных американских исследователей, что хотя количество экспертов за последние десятилетия существенно выросло, доверие к ним во многих случаях упало⁵².

Исторически конкуренция стала одним из основных факторов способствующих политизации экспертных организаций и их сотрудников. Без активного продвижения даже у лучших работ и рекомендаций нет перспектив оказать влияние на принимаемые решения. Вместе с тем, подобная деятельность превращает экспертов в субъектов политического процесса. Но если в основе исследовательской работы со времен Декарта лежит сомнение, то от политических субъектов требуется твердость и уверенность в собственной позиции, в ином случае с их точкой зрения перестанут считаться. В результате политизации вовлеченность исследователей в политические споры и борьбу ставит под сомнение их беспристрастность

и объективность, возникает противоречие между двумя взаимосвязанными аспектами работы по обеспечению внешней политики экспертизой.

С другой стороны, политизация играет и позитивную роль: общение с практиками дает экспертам возможность получать информацию из первых рук, быть в курсе особенностей функционирования бюрократического аппарата и даже знакомиться с закрытыми сведениями, то есть для исследователей открываются особенности политического процесса и политического сознания, которые зачастую принципиально отличны от того, с чем они сталкиваются в своей среде⁵³. Все это обогащает их понимание ситуации и позволяет давать более точные рекомендации.

Механизм научного обеспечения внешней политики США не идеален, у него, как и у всякой другой цельной системы, есть свои сильные и слабые стороны. К сильным сторонам стоит отнести высокую креативность и продуктивность, междисциплинарность, практическую ориентированность, относительную независимость от ведомственного и других лобби. Слабые стороны также заметны, включая восприимчивость к идеологическому давлению и частую оторванность прикладных исследований от фундаментальных. В конечном счете, как положительный, так и отрицательный результат применения экспертных разработок зависит от качества политической элиты, которая ими пользуется и непосредственно принимает решения. Просчеты американского политико-академического комплекса в течение последних десятилетий неоднократно приводили

к катастрофическим последствиям – Сомали, Ирак, политика в отношении Грузии.

Тем не менее, американский истеблишмент признает в целом положительную роль исследователей в формулировании политики. Это в полной мере подтверждает тот факт, что политико-академический комплекс не демонтируется, наоборот, бюджет ведущих исследовательских институтов продолжает расти, в том числе и за счет средств бюджета, а лидеры страны признают заслуги экспертов в формулировании политики страны⁵⁴. Экспертные наработки активно применяются в процессе выработки внешней политики США⁵⁵. Анализ внешнеполитической стратегии и отдельных акций США требует адекватного учета возможностей и ограничений, характеризующих вклад исследовательского сообщества в их подготовку и реализацию.

Igor A. Istomin. Analytical and scientific support mechanism of the US foreign policy process

The U.S. intellectual leadership in many spheres is rarely challenged nowadays. However it is secured not only through the ability to formulate a great amount of new ideas, including fundamental innovations, but perhaps even more due to the effective system for integration of intellectual products into practice. Nevertheless this is hardly a research issue for Russian scholars. The article is an attempt to take a closer look on design and behavior of principal channels and institutions, employed by American scholars and experts for participation in shaping national foreign policy.

-
1. Во введении к специальному номеру журнала «International Organization» 1992 г., посвященному роли экспертов в международной политической координации, П. Хаас отмечал существенное увеличение в США числа министерств и ведомств, количества государственных служащих и уровня их профессиональной подготовки с 1940-х гг. по середину 1980-х гг. (См.: *Haas P. M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. 1992. Vol. 46, № 1, Knowledge, Power and International Policy Coordination, P. 8—9*). Хотя после окончания холодной войны расходы на проведение внешней политики были урезаны, а некоторые структуры упразднены (в частности, Агентство международной информации США), в отношении последних 20 лет также имеются многочисленные свидетельства растущего уровня требований к образовательному уровню и компетентности представителей государственного аппарата. В частности, под руководством государственного секретаря К. Пауэлла была разработана и осуществлена Инициатива повышения готовности дипломатических служащих, которая позволила увеличить число сотрудников, проходящих переподготовку в специализированном учебном заведении Госдепа с 2000 по 2007 гг. на 62 % (См.: *Nakamura K. N., Epstein S. B. Diplomacy for the 21st Century: Transformational Diplomacy // Congress Research Service Report. August 23, 2007. <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL34141.pdf>*). Повышение профессиональной компетентности сотрудников Государственного департамента было также заявлено в качестве одной из задач инициативы «Преобразовательная дипломатия», провозглашенной госсекретарем К. Райс в 2006 г.
 2. Процесс формирования основ современной бюрократии и ее функциональной роли прослежен в: *Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: 1990. С. 644—706*.
 3. Подробнее см.: *Allison G. T. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis // Graham T. Allison. Boston: Little, Brown and Company, 1971. P. 67—100, 144—182*.
 4. *Кортунов С. В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности // С. В. Кортунов. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2009. С. 160*.
-

5. Haas R. M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. 1992. Vol. 46, № 1, Knowledge, Power and International Policy Coordination, P. 14.
6. Анализ возрастания значения аналитических центров в результате общего изменения американской политической системы (для которого провал во Вьетнаме стал лишь одним из факторов, наряду со множеством других, преимущественно внутривластных причин) см.: Ricci D. M. The Transformation of American Politics. The New Washington and the Rise of Think Tanks // David M. Ricci. New Haven, London: Yale University Press, 1993.
7. Thinking the Unthinkable / Bratislava: UNDP Regional Buro for Europe and the Commonwealth of Independent States. 2003.
8. Изучению процесса становления и развития американских аналитических центров посвящено достаточно много исследований. В их числе следует отметить монографию, специально посвященную их влиянию на внешнюю политику: Abelson D. E. Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy / D. E. Abelson. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006. Среди российских публикаций на эту тему необходимо выделить: Войтоловский Ф. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2006. Том 4. № 2.
9. Rich A. Think Tanks, Public Policy and the Politics of Expertise / A. Rich NY: Cambridge University Press, 2004. P. 15. В своем исследовании А. Рич не учитывал аналитические центры, аффилированные с университетами (хотя указал их общее число – 625) или государственными органами. Кроме того, проведенное исследование не может считаться вполне точным в отношении изменения числа центров, так как за прошедшие тридцать лет они не только появлялись, но и исчезали. Однако оно достаточно хорошо отражает общую тенденцию самого роста.
10. McGann J. The Global «Go-To Think Tanks»: The Leading Public Policy Research Organisations in the World // http://www.foreign-policy.com/files/2008_Global_Go_To_Think_Tanks.pdf. P. 11. В данном случае можно говорить о процессе растущей консолидации экспертизы.
11. Подробнее о типологии войн см.: Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии // М. А. Хрусталева. М.: НОФМО, 2008. С. 24–27.
12. Более подробно о практической ориентации теории международных отношений см.: Chernoff F. Conventionalism as an Adequate Basis for Policy-Relevant IR Theory // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15. № 1.
13. Биографии исследователей, перешедших на работу в Белый дом в качестве советников по национальной безопасности, см.: Кокошин А. А. Серые кардиналы Белого дома // А. А. Кокошин. М.: АПН, 1986. Кроме того, подробный анализ участия ученых, представляющих реалистическую парадигму американской политической науки, см.: Победаш Д. Профессура правит миром: политический реализм и правящая элита США // Свободная мысль. 2006. № 7–8. Необходимо отметить, что хотя представители реализма наиболее часто рекрутируются в политическую элиту, сторонники других парадигм также периодически оказываются на высших правительственных должностях.
14. Аналогичным образом «вращающиеся двери» позволяют и кадровым чиновникам поработать в университетах, аналитических центрах, бизнесе. В специальном номере Электронного журнала Госдепа, посвященном «мозговым трестам», приведена краткая информация о наиболее известных лицах, мигрировавших между государственной службой и аналитическими центрами (Внешняя политика США. Электронный журнал Госдепартамента США. 2002. Том 7. № 3. С. 46–48).
15. Значение убеждений в политическом процессе было концептуализировано в работах П. Сабатьера и Г. Дженкинса-Смита, посвященных феномену «идейных коалиций» (см.: Sabatier P. A., Weible C. M. The Advocacy Coalition Framework: Innovations and Clarifications // Theories of the Policy Process, Second Edition // ed. Paul A. Sabatier Boulder, CO: Westview Press, 2007).
16. О пределах рационального мышления см. статьи британского философа М. Оукшота: Рационализм в политике и Рациональное поведение в сборнике Рационализм в политике и другие статьи // М. Оукшот. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 7–64.
17. Подробный анализ соотношения идеологии и науки см.: Войтоловский Ф. Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е гг. / Ф. Г. Войтоловский. М.: Крафт+, 2007. С. 42–48. Автор монографии противопоставляет экспертно-идеологический комплекс США строго научным исследованиям. Сложно не согласиться с точкой зрения автора, что идеологический компонент почти всегда присутствует в политических разработках американских авторов. В то же время стоит избегать его абсолютизации. В различных работах идеологические факторы влияют в различной степени, поэтому встает вопрос о степени влияния идеологии (подробнее см.: Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии // М. А. Хрусталева. М.: НОФМО, 2008. С. 34–35). Политическую экспертизу следует рассматривать скорее как синтетическое явление на стыке научной и идеологической деятельности. В отсутствии баланса между этими аспектами она теряет свою полезность для процесса принятия решений.
18. Это вовсе не означает, что исследователи сходятся относительно характера и степени влияния (см.: Abelson D. E. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes // D. E. Abelson Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. P. 49–57).
19. Подробнее о различных типах экспертно-аналитической работы см.: Богданов Р. Г. США: информация и внешняя политика / Р. Г. Богданов и А. А. Кокошин М.: Наука, 1979. С. 67; Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии / М. А. Хрусталева. М.: НОФМО, 2008. С. 94–95.

20. Один из крупнейших исследовательских центров в США.
21. Диксон П. Фабрики мысли / П. Диксон. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 88—89.
22. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Tractatus logico-philosophicus / Л. Витгенштейн. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008.
23. Ish-Shalom P. Theory as a Hermeneutical Mechanism: The Democratic-Peace Thesis and the Politics of Democratization // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, № 4.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М.: 2003.
25. Понятие «умной силы» появилось в американской публицистике в статье С. Носсель (подробнее см.: Nossel S. Smart Power // Foreign Affairs. 2004. № 2) как сочетание «жесткой силы» и «мягкого влияния». Теоретическая разработка этой проблематики осуществлялась Дж. Наем: Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone / Joseph S. Nye. Oxford: Oxford University Press, 2002; Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / Joseph S. Nye. N.Y.: PublicAffairs, 2004. Первым официальным представителем американского руководства, публично заявившим о приверженности американской дипломатии идее «умной силы», стала Х. Клинтон в ходе рассмотрения ее кандидатуры на пост госсекретаря (см.: Statement of Senator Hillary Rodham Clinton. Nominee for Secretary of State. Senate Foreign Relations Committee. January 13, 2009 // <http://foreign.senate.gov/testimony/2009/ClintonTestimony090113a.pdf>). В действительности диалектика «мягкой» и «жесткой» силы представляет собой заново сформулированную идею о различных, в том числе невоенных путях влияния, ведущую отсчет с самых истоков международно-политических исследований, в том числе зафиксированной Г. Моргантау на заре изучения международных отношений. В своем описании шести принципов политического реализма он пишет: «Власть включает в себя все, что устанавливает и удерживает контроль человека над человеком. Таким образом, власть включает в себя все социальные отношения, которые служат этой цели от физического насилия до самых незаметных психологических связей, с помощью которых один ум контролирует другой» (Morgenthau H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace / Hans J. Morgenthau: revised Kenneth W. Thompson. McGraw Hill, 1993. P. 9).
26. Похожая проблема была зафиксирована даже в отношении менее искушенных в политических вопросах исследователей, представляющих естественнонаучные дисциплины. См.: Schilling W. Scientists, Foreign Policy and Politics // The American Political Science Review. 1962. № 2. P. 289.
27. В становлении экспертно-аналитической индустрии отмечают социально-политические (Ricci D. M. The Transformation of American Politics. The New Washington and the Rise of Think Tanks // David M. Ricci. New Haven, London: Yale University Press, 1993), экономические (Rich A. Think Tanks, Public Policy and the Politics of Expertise / A. Rich NY: Cambridge University Press, 2004) и идеолого-политические (советские авторы, в первую очередь Кобринская И. Я.: «Мозговые тресты» и внешняя политика США / И. Я. Кобринская. М.: Международные отношения, 1986. С. 5) факторы.
28. Представление о степени загруженности государственного аппарата дает, например: Shear M. D. In West Wing: Grueling Schedules, Bleary Eyes // Washington Post 13.07.2009. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/07/12/AR2009071202081.html>. В данной связи любопытно замечание авторитетного исследователя «мозговых трестов» Дж. МакГанна относительно эволюции среды, в которой оперируют лица, принимающие решения: если в начале XX в. эксперты были нужны, так как политикам не хватало информации, то сейчас они необходимы, так как информации слишком много (см.: МакГанн Дж. Г. «Мозговые тресты» и транснационализация внешней политики // Внешняя политика США. Электронный журнал Госдепартамента США. 2002. Том 7. № 3. С. 15).
29. В своей монографии Д. Абельсон описывает историю 1970-х гг., когда аппарат Конгресса получил исследование Американского института предпринимательства по вопросу, который обсуждался за неделю до этого. Уверенность, что появление его вовремя повлияло бы на итог голосования, предопределило решение П. Вейриха и Э. Фелнера создать Фонд наследия – центр, который отслеживает текущую повестку дня в постоянном режиме и предоставляет анализ вовремя (Abelson D. E. Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy / D. E. Abelson. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006. P. 85).
30. Stone D. Think Tanks beyond Nation States // Think Tanks Traditions. Policy Research and the Politics of Ideas / Diane Stone, Andrew Denham, Eds. Manchester, NY: Manchester University Press, 2004. P. 45.
31. Отечественный исследователь Д. Г. Зайцев предложил понятие субъектно-институционального дуализма для описания этого феномена. См.: Зайцев Д. Г. Аналитические центры как субъекты политического процесса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Д. Г. Зайцев. М.: 2009. С. 8.
32. См., в частности: Ricci D. M. The Transformation of American Politics: The New Washington and the Rise of Think Tanks / D. M. Ricci. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1993; McGann J. G. The Competition for Dollars, Scholars, and Influence in the Public Policy Research Industry / J. G. McGann. N.Y.: University Press of America, 1995; Abelson D. E. American Think Tanks and their Role in U.S. Foreign Policy / D. E. Abelson. N.Y.: St. Martin's Press, 1996; Stone D. Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process / D. Stone. Portland, Ore.: Frank Cass, 1996; Abelson D. E. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes / D. E. Abelson. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002; Rich A. Think Tanks, Public Policy and the Politics of Expertise / A. Rich. N.Y.: Cambridge University Press, 2004; Abelson D. E. A Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy / D. E. Abelson Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006. Среди отечественных работ по данной тематике стоит выделить следующие: Кобринская И. Я. «Мозговые

- тресты» и внешняя политика США / И. Я. Кобринская. М.: Международные отношения, 1986; *Петровский В. Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. Критический обзор организации, методов и содержания буржуазных исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики / В. Ф. Петровский. М.: «Международные отношения», 1976; *Шейдина И. Л.* США: «фабрики мысли» на службе стратегии / И. Л. Шейдина. М.: Наука, 1973; *Макарычев А. С.* Идеи для политики: Эволюция системы внешнеполитической экспертизы в США (середина 1940-х—начало 1990-х годов) / А. С. Макарычев. Н. Новгород: ННГУ, 1998.
33. Отечественные исследователи датируют его появление 1960-ми гг. (*Кобринская И. Я.* «Мозговые тресты» и внешняя политика США / И. Я. Кобринская. М.: Международные отношения, 1986. С. 5).
 34. В отечественной научной литературе и особенно публицистике сложился резко критический взгляд на «мозговые тресты» исключительно как на инструменты пропаганды (см., например: *Нарочницкая Н.* «Аналитические институты» – глаза, уши и мозг Америки // <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2004&n=3&id=2>). Подобный подход слабо отражает противоречивость положения «мозговых трестов», находящихся на стыке политики и экспертизы. Наиболее глубоко подобная противоречивость проанализирована в работах молодого американского социолога Т. Медветца (см.: *Medvetz T.* Terra Obscura: «Think Tanks» in the U.S. Field of Power // Paper prepared for Junior Theorists Symposium, sponsored by the Theory section of the American Sociological Association, Harvard University, July 31, 2008).
 35. В ежегодном отчете корпорации РЭНД за 2008 г. сообщается, что количество клиентов организации превысило 800. В 2008 финансовом году 78 % бюджета корпорации было получено за счет контрактов, грантов и выплат различных агентств правительства США (Setting Politics Aside. The RAND Corporation Annual Report 2008 // http://www.rand.org/about/annual_report/2008/ Р. 23, 38–39, 45).
 36. Существенной проблемой экспертных подразделений исполнительной власти, которые должны обеспечивать не только анализ, но и планирование, является их приближенность к лицам, принимающим решения, и, соответственно, к их приоритетам. Учитывая ориентацию политиков в первую очередь на текущую ситуацию, подобные подразделения перегружены работой над конъюнктурными проблемами и существует опасность потери способности к стратегическому видению. Подробнее о дискуссии по этому поводу см.: *Madar D.* Patronage, Position and Policy Planning: S/P and Secretary Kissinger // *Journal of Politics*. November 1980. Р. 1073. О том, что эта проблема остается актуальной, свидетельствует ее прикладная постановка в: *Friedberg A. L.* Strengthening U.S. Strategic Planning // *The Washington Quarterly*. Winter 2007—2008.
 37. Специальное исследование, посвященное этому аналитическому институту Конгресса, было проведено отечественным исследователем О. В. Сафроновой (см.: *Сафронова О. В.* Исследовательская служба Конгресса США: история создания и анализ основных аспектов деятельности. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2002).
 38. Как будет показано ниже, заказчика исследований независимых аналитических центров зачастую вообще сложно выявить, они обслуживают социальный заказ.
 39. В английском языке они именуются «endowment», то есть фонды, чьи средства вкладываются в ценные бумаги, прибыль от операций с которыми идет на финансирование организации.
 40. В частности, средства, полученные благодаря целевому фонду Института Брукинга, в 2008 финансовом году составили лишь 13 % от доходной части его бюджета (см.: *Brookings Institute* 2008 Annual Report // http://www.brookings.edu/about/-/media/Files/about/annualreport/2008/2008_complete.pdf. Р. 39). Подробнее об источниках финансирования мозговых трестов см.: *Wiarda H. J.* The New Powerhouses: Think Tanks and Foreign Policy // *American Foreign Policy Interests*. 2008. № 2. Р. 115.
 41. Юридическое основание: U.S. Internal Revenue Code § 170 // <http://www.law.cornell.edu/uscode/26/170.html>.
 42. *Weidenbaum M.* The Competition of Ideas: The World of Washington Think Tanks // *Murray Weidenbaum*. Washington: Transaction Publishers, 2008.
 43. Ibid.
 44. В 1947 г. при создании Отдела перед ним были поставлены следующие цели: формулирование долгосрочных программ, прогнозирование проблем, проведение исследований по широким военно-политическим темам и оценка адекватности текущего курса (*Bloomfield L. P.* Planning Foreign Policy: Can It Be done? // *Political Science Quarterly*. 1978. Vol. 93. № 3. Р. 371).
 45. *Кобринская И. Я.* «Мозговые тресты» и внешняя политика США / И. Я. Кобринская. М.: Международные отношения, 1986. С. 7.
 46. IC Associates Programme // http://www.dni.gov/nic/IC_associates.html.
 47. The Studio at Brookings // <http://www.brookings.edu/media/Broadcast-Studio.aspx>.
 48. *Stone D.* Introduction: Think Tanks, Policy Advice and Governance // *Think Tank Traditions: Policy Research and The Politics of Ideas*. Manchester, N.Y.: Manchester University Press, 2004. Р. 13.
 49. Точнее, между тем, кто в данный момент является экспертом, и тем, кто в данный момент – чиновником.
 50. *Murden S. W.* The Problem of Force: Grappling with the Global Battlefield / *Simon W. Murden*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2009. Р. 120—121.
 51. О значимости маркетинговой составляющей деятельности Фонда свидетельствует структура его бюджета. Согласно ежегодному отчету в 2008 г., на работу с прессой и государственными органами было потрачено более 14 млн долларов, что составило почти 22 % от всех расходов. Для сравнения: на исследовательскую работу было затрачено всего 37 % средств. Более того, наряду с исследованиями Фонд реализует масштабную образовательную программу для государственных служащих

и сотрудников аппарата Конгресса. Естественно, в рамках этих программ он получает дополнительные возможности продвигать идеи и предложения своих экспертов. Подробнее см.: The Heritage Foundation 2008 Annual Report. Leadership for America // http://www.heritage.org/About/upload/THF_o8_Annual_Report.pdf.

52. Рич Э., Уивер К. Р. Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro et Contra. 2003. Том 8. № 2. С. 84. Подобная ситуация соответствует парадоксу, сформулированному отечественным публицистом А. Ашкером: «Чем более скоростными и насыщенными становятся информационные потоки, тем меньше возможностей получения нового знания и тем сомнительнее статус новизны информационных продуктов» (Ашкер А. Экспертотократия. Управление знаниями. Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма / Андрей Ашкер. М.: Европа, 2009. С. 8).
53. О различиях окружения ученых и сферы политики см.: Макарычев А. С. Идеи для политики. Эволюция системы внешнеполитической экспертизы в США (середина 1940-х—начало 1990-х гг.) / А. С. Макарычев. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. С. 220—221.
54. Одним из последних примеров подобного признания стало выступление Государственного секретаря Х. Клинтон в Совете по внешней политике (см.: Clinton H. R. Foreign Policy Address at the Council on Foreign Relations // <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/july/126071.htm>).
55. Количественное исследование американских политологов Л. Якобса и Б. Пейджа (см.: Jacobs L. R., Page B. I. Who Influences U.S. Foreign Policy? // The American Political Science Review. 2005. Vol. 99. № 1) демонстрирует, что существует большая зависимость между публикациями экспертов и внешнеполитическими действиями правительства по сравнению с корреляциями группы интересов — действия правительства и общественное мнение — действия правительства. В то же время они не смогли установить вектор такой зависимости: влияют ли рекомендации экспертов на решения политиков или политики используют их для легитимизации собственных шагов.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ АВСТРИИ В ЕС ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАКОН «О ВСТУПЛЕНИИ АВСТРИИ В ЕС»

Водяницкая Е. А.

1 января 1995 года вступил в силу Договор о вступлении Австрии в Европейский Союз. Перед ратификацией данного договора в соответствии с конституционно-правовыми предписаниями был принят соответствующий конституционный закон, который был одобрен на всенародном референдуме 12 июня 1994 года большинством голосов. Основными этапами заключения Договора о вступлении Австрии в ЕС были: принятие ФКЗ о вступлении Национальным советом с одобрения Федерального совета, проведение референдума по данному закону, подписание и обнародование ФКЗ о вступлении, подписание Договора о вступлении, одобрение Договора квалифицированным большинством Национального совета и Федерального совета.

Завершающим этапом данного процесса явилось то, что незадолго до вступления в силу Договора о вступлении Австрии в ЕС в Конституцию были внесены изменения – в первый раздел Конституции была добавлена новая глава В «Европейский Союз». Новые статьи (23а – 23ф) содержат положения о выборах австрийских депутатов в Европейский парламент, о баллотировании и осуществлении полномочий депутата служащими публичных учреждений, о назначении австрийских представителей в органы ЕС, об участии земель, законодательных органов Федерации и Федерального правительства в делах ЕС, а также особое регулирование участия Австрии в совместной внешней политике и политике безопасности.

Ключевые слова: Австрийская республика; Договор о вступлении Австрии в ЕС; конституционный закон о вступлении Австрии в ЕС; конституционная реформа; конституционно-правовые принципы; участие Австрии в делах ЕС; Европейский Союз; приоритет права ЕС; представительство Австрии в Европарламенте

Keywords: Austrian Republic, Treaty on accession to the EU; constitutional bill on accession to the EU; constitutional amendment; constitutional principles; participation of Austrian organs in the EU; European Union; supremacy of Community law; election of Austrian members to the European Parliament

1 января 1995 года вступил в силу Договор о вступлении Австрии в Европейский Союз. Перед ратификацией данного договора в соответствии с конституционно-правовыми предписаниями был принят соответствующий конституционный закон, который был одобрен на всенародном референдуме 12 июня 1994 года

большинством голосов. Данный закон уполномочил компетентные органы на заключение Договора. После одобрения Договора о вступлении Национальным советом и Федеральным советом и после сдачи ратификационной грамоты в ноябре 1994 года Австрия осуществила все необходимые для заключения договора

шаги. В последнюю очередь требовалось внести изменения в Конституцию в связи с участием Австрии в ЕС.

В рамках конституционно-правовых дебатов накануне вступления встал вопрос, влечет ли за собой связанное со вступлением в ЕС принятие права сообществ в национальную правовую систему полный пересмотр Конституции. «Полным пересмотром» считается любое изменение, посредством которого существенно ограничивается или полностью отменяется один из основных принципов Конституции¹. Основными принципами австрийской Конституции принято считать демократический, федеративный, республиканский принципы, принцип правового государства, а также принцип разделения властей и принцип либерализма². Согласно ст. 44 п. 3 Федерального конституционного закона Австрии (далее – ФКЗ) пересмотр всей федеральной Конституции должен быть поставлен на голосование народа Федерации. Вопрос заключался в том, существенно ли вступление Австрии в ЕС затрагивает основные принципы Конституции, и необходима ли процедура ее пересмотра согласно ст. 44 п. 3 ФКЗ. В итоге вступление Австрии в ЕС было рассмотрено как полное изменение федеральной Конституции в смысле ст. 44 п. 3 ФКЗ, поскольку такие конституционно-правовые принципы, как парламентская демократия, федерализм и правовое государство, были в значительной степени затронуты вступлением Австрии в ЕС. Эта точка зрения полностью победила незадолго до вступления³.

Конфликт членства в ЕС с демократическим принципом усматривался в передаче органам ЕС обширных полномочий и суверенных прав. Правотворчество на уровне ЕС осуществляется органами ЕС, которые не легитимированы напрямую австрийским народом. Кроме того, прямое действие и приоритет права сообществ нарушает законодательную монополию государственных представительных органов⁴.

Умаление федеративного принципа вытекало из передачи отдельных полномочий законодательной и исполнительной ветвей власти органам ЕС. При этом земли потеряли часть полномочий в сфере их собственного ведения не только из-за такой передачи, но и по причине того, что они лишены возможности через своих представителей непосредственно участвовать в законотворчестве на уровне ЕС⁵.

Принцип правового государства представлялся ущемленным из-за обширного наложения на национальный правопорядок европейского права, которое значительно отличается от австрийского по своим источникам и правовой технике.

Вследствие своего прямого действия право сообществ подлежит применению австрийскими органами в том случае, если оно соответствует критериям необходимости и достаточной точности. Эти критерии, однако, являются менее жесткими, чем требования Конституционного суда к достаточной определенности законов в смысле принципа законности согласно ст. 18 ФКЗ. Кроме того, данный принцип был затронут также изменением положения судов, в особенности высших судов. По причине приоритета европейского права над национальным только Суд ЕС компетентен толковать его и решать вопрос о законности нормативно-правовых актов. Вторичное право ЕС не подлежит контролю ни одного австрийского суда или административного учреждения. Таким образом, Конституционный суд потерял монополию контроля за законностью правовых норм⁶.

Кроме того, вступление в ЕС изменило и правовой статус Конституции: в силу приоритета права сообществ перед национальным правом австрийская Конституция потеряла верховенство во внутригосударственном праве. Примечательно, что в отличие от большинства государств-участников ЕС в Австрии приоритет европейского права перед конституционным правом является неоспоримым и вытекает из текста ФКЗ о вступлении Австрии в ЕС, но при этом существуют оговорки в отношении основных принципов Конституции⁷.

Другим важным вопросом накануне вступления Австрии в ЕС стал вопрос о том, может ли в принципе государственный договор (в австрийском праве «государственными договорами» именуются международные договоры), которым являлся Договор о вступлении Австрии в ЕС, содержать изменяющие основные принципы Конституции положения и тем самым повлечь за собой процедуру пересмотра Конституции согласно ст. 44 п. 3 ФКЗ, то есть, необходим ли и возможен ли в этом случае всенародный референдум. В австрийской доктрине существовало три точки зрения на данную проблему. Согласно первой точке зрения, ст. 44 п. 3 ФКЗ вообще не может применяться к государственным договорам, и поэтому нет необходимости проводить всенародный референдум⁸. Вторая точка зрения склонялась к тому, что пересмотр Конституции посредством заключения государственного договора исключен и возможен только путем принятия соответствующего конституционного закона. Поэтому государственный договор, который содержит изменяющие основные принципы Конституции положения, может быть заключен только после принятия конституционного закона, уполномочивающего

на заключение такого договора и, соответственно, на пересмотр Конституции⁹. Третья точка зрения исходит из того, что пересмотр Конституции посредством заключения государственного договора является возможным и влечет за собой процедуру согласно ст. 44 п. 3 ФКЗ, то есть проведение всенародного референдума¹⁰.

В результате был принят Федеральный конституционный закон «О вступлении Австрии в Европейский Союз», уполномочивающий компетентные органы Федерации на заключение Договора о вступлении¹¹. Данный ФКЗ в статье I уполномочил Федерального президента на заключение Договора о вступлении Австрии в ЕС по предложению Федерального правительства и при последующем одобрении договора Национальным советом и Федеральным советом — однако при условии, что население Федерации должно одобрить данный ФКЗ путем референдума. Статья II предусматривает необходимость одобрения Договора о вступлении Национальным советом и Федеральным советом большинством в две трети голосов в присутствии, по меньшей мере, половины членов палат. Закон полностью основывался на тексте Договора. Данный закон был вынесен на всенародный референдум и одобрен большинством в 64,5 % голосов избирателей. На основании данного ФКЗ был заключен Договор о вступлении Австрии в ЕС, который впоследствии был одобрен Национальным советом.

Таким образом, конституционную основу вступления Австрии в ЕС образует, прежде всего, ФКЗ о вступлении Австрии в ЕС, который был принят с целью привести акт присоединения к Евросоюзу в соответствие с конституционным правом. Несмотря на то, что это прямо не вытекает из текста данного ФКЗ, австрийская правовая доктрина едина во мнении, что осуществленные в связи со вступлением Австрии в ЕС изменения основных принципов Конституции были произведены правомерно. В силу состоявшегося референдума по вопросу принятия конституционного закона, уполномочивающего компетентные органы Федерации на заключение Договора о вступлении Австрии в ЕС, данное вступление рассматривается как правомерно осуществленная процедура полного пересмотра Конституции¹².

Конституционно-правовые основы участия Австрии в ЕС не ограничиваются ФКЗ о вступлении Австрии в ЕС. В связи со вступлением были внесены изменения в Конституцию: незадолго до вступления в силу Договора о вступлении Австрии в ЕС в первый раздел Конституции была добавлена новая глава В «Европейский Союз»¹³. Новые статьи (23a—23f) содержат положения о выборах

австрийских депутатов в Европейский парламент, о баллотировании и осуществлении полномочий депутата служащими публичных учреждений, о назначении австрийских представителей в органы ЕС, об участии земель, законодательных органов Федерации и Федерального правительства в делах ЕС, а также особое регулирование участия Австрии в совместной внешней политике и политике безопасности¹⁴.

Кроме того, многие существующие конституционные положения были адаптированы к членству Австрии в ЕС (например, ст. 117 п. 2 ФКЗ об избирательных правах граждан ЕС на выборах в органы общин; ст. 73 п. 2 ФКЗ, согласно которой компетентный федеральный министр может без вмешательства Федерального президента передавать другому федеральному министру или государственному секретарю полномочие принимать участие в заседаниях Совета ЕС). Некоторые изменения были внесены позже: так, ст. 73 п. 1 и 3 ФКЗ, согласно которой пребывание федерального министра в одном из государств-членов ЕС не рассматривается в качестве препятствия для осуществления его деятельности, и такой министр может осуществлять свою деятельность в Национальном совете или Федеральном совете посредством подчиненного ему государственного секретаря или одного из федеральных министров¹⁵. Данные положения являются следствием увеличения числа государств-членов ЕС. Территория ЕС с конституционно-правовой точки зрения более не является границей в полном смысле данного понятия, а европейскую политику нельзя назвать собственно внешней политикой¹⁶.

Применительно к вышеперечисленным нормам австрийская правовая доктрина выработала понятие «союзное конституционное право» (*Unionverfassungsrecht*)¹⁷. Нормы, образующие «союзное конституционное право», по свидетельству самих австрийских конституционалистов, особенно подробно детализированы. Данная совокупность норм находится на стыке между национальной Конституцией и конституцией ЕС в широком смысле, которая образует первичное право, и вместе они составляют совокупность конституционных норм, характеризующих конституционно-правовое положение Австрии в ЕС. В каждом государстве-участнике ЕС действуют в настоящее время две конституции, нормы которых тесно переплетены между собой¹⁸.

В связи с конституционными новеллами, которые повлекло и вступление Австрии в ЕС, необходимо также упомянуть запланированную еще до вступления, но так и не состоявшуюся федеративную реформу. Участие Австрии в ЕС поставило

под вопрос само федеративное устройство государства, поскольку ЕС создал новый уровень принятия решений, что сделало излишним наличие двух уровней внутри государства – федерального и земельного. Встает вопрос, насколько еще актуально разграничение компетенции между Федерацией и землями ввиду участия Австрии в ЕС. Существующие нормы о разграничении полномочий часто вызывают проблемы при реализации права сообществ внутри государства, в особенности при проведении в жизнь директив, так как многие директивы требуют трансформации во внутригосударственное право путем принятия 10 законов – одного федерального и 9 земельных, а многие вообще не могут быть трансформированы без принятия конституционного закона¹⁹. Данная проблема в настоящее время пока не решена.

Представительство Австрии в Европейском парламенте

Депутаты Европейского парламента с 1996 года избираются на основе всеобщих прямых выборов сроком на пять лет в соответствии с действующим избирательным правом Австрии. При этом австрийские граждане, как и все граждане государств-членов ЕС, вправе избирать и быть избранными в Европейский парламент как в своем родном государстве, так и в любом другом государстве-члене, в котором они имеют место жительства (ст. 19 Договора о ЕС). Общее число депутатов Европейского парламента после последнего расширения Союза достигло 732 (ранее – 626). Количество депутатов, избираемых на территории разных государств, определяется квотами, закрепленными непосредственно в Договоре о ЕС (ст. 190)²⁰. Согласно этой статье Австрия избирала 21 депутата. В связи с последним расширением ЕС в данную статью Договором о присоединении 2003 г. были внесены изменения, в результате которых количество депутатов, избираемых от Австрии, снизилось с 21 до 18 (на период 2004–2009 гг.)²¹.

Статья 23а регулирует активное и пассивное избирательное право в Европейский парламент и порядок проведения выборов, причем не только для австрийских граждан, но и для граждан других государств-участников ЕС.

Каждый гражданин Союза, проживающий в государстве-члене, гражданином которого он не является, имеет право участвовать в голосовании и баллотироваться в качестве кандидата на выборах в Европейский парламент в государстве-члене, в котором он проживает, на тех же условиях, что и граждане этого государства (ст. 19 Договора о ЕС в редакции Ниццкого договора²²).

Условия обладания активным и пассивным избирательным правом во многом соответствуют аналогичным условиям для выборов в Национальный совет. Направляемые в Европейский парламент от Австрии депутаты избираются на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права путем лично осуществляемого тайного голосования мужчин и женщин, которым ко дню выборов исполнилось полных 16 лет (с 2007 года) и которые обладают на день выборов или австрийским гражданством и в соответствии с правом ЕС не лишены избирательного права, или гражданством другого государства-члена ЕС и в соответствии с правом ЕС имеют право избирать (ст. 23а п. 1 ФКЗ). В отношении лиц, обладающих гражданством другого государства-члена ЕС, существует также запрет двойного голосования.

Конституционно-правовые требования к пассивному избирательному праву соответствуют требованиям к активному избирательному праву, с тем отличием, что возрастной ценз составляет 18 лет (с 2007 года). Лишение права избирать и быть избранным возможно только на основании судебного приговора (ст. 26 п. 5 ФКЗ). Территория Австрии образует на выборах в Европейский парламент единую избирательную единицу (ст. 23а п. 2 ФКЗ).

По примеру соответствующего регулирования для выборов в Национальный совет (ст. 59а ФКЗ) баллотирование и осуществление мандата служащими публичных учреждений закреплено особенно в ст. 23b ФКЗ. Служащим публичных учреждений, если они баллотируются на выборах в Европейский парламент, гарантируется предоставление свободного времени, необходимого для участия в баллотировке. Служащие публичных учреждений, которые избираются членами Европейского парламента, должны оставить на время осуществления мандата место службы с потерей жалования. Преподаватели высших учебных заведений могут продолжать исследовательскую работу, преподавание и прием экзаменов и во время вхождения в состав Европейского парламента.

Относительно несовместимости функций депутата в Европарламенте с какой-либо иной деятельностью, ст. 23b ФКЗ указывает на соответствующее положение касательно Национального совета. Согласно ст. 59 ФКЗ ни один член Национального совета, Федерального совета или Европейского парламента не может одновременно входить в состав одного из двух других представительных органов.

Юрисдикция Конституционного суда Австрии была распространена на контроль за выборами в Европарламент. Конституционный суд рассматривает дела об опротестовании выборов

в Европейский парламент и о лишении мандата депутата Европарламента от Австрии (по ходатайству не менее 11 депутатов Европейского парламента от Австрии) (ст. 141 п. 1 ФКЗ). При этом юрисдикция Конституционного суда распространяется только на депутатов Европарламента, избранных от Республики Австрия.

Участие в формировании органов ЕС

Право на участие Австрии в формировании перечисленных в ст. 23с п. 1 ФКЗ органов ЕС принадлежит Федеральному правительству. При осуществлении данного полномочия, однако, оно тесно взаимодействует с другими органами.

При назначении членов Комиссии, Суда ЕС, Суда первой инстанции, Счетной палаты, Административного совета Европейского инвестиционного банка Федеральное правительство обязано провести согласование с Главным комитетом Национального совета. Федеральное правительство обязано сообщить одновременно Главному комитету Национального совета и Федеральному президенту о своем предполагаемом решении. В отношении 12 австрийских членов Комитета регионов девяти австрийским землям принадлежит право предлагать по одному представителю от каждой земли. На основании таких предложений в Комитет были назначены девять губернаторов земель. Оставшиеся три представителя назначаются по совместному предложению Австрийского союза городов и Австрийского союза общин (ст. 23с п. 3 ФКЗ). Двенадцать представителей Экономического и социального комитета назначаются на основании предложений «действующих на основании закона и прочих профессиональных представительств различных экономических и социальных групп»²³ (ст. 23с п. 2 ФКЗ). Федеральное правительство обязано информировать Национальный совет и Федеральный совет о членах, назначенных согласно вышеуказанным положениям.

Участие земель в делах ЕС

Уже с начала переговоров о вступлении Австрии в ЕС было понятно, что членство в ЕС отразится на федерализме в целом и на правовом положении земель в частности. Поэтому земли заранее выдвинули требование о возможности участия в интеграционной политике. В 1992 году в ходе конституционной реформы им были предоставлены особые права участия, которые были конкретизированы в двух соглашениях согласно ст. 15а ФКЗ – вертикальном (Интеграционном соглашении между Федерацией и землями)²⁴ и горизонтальном (между землями)²⁵.

После вступления Австрии в ЕС данная процедура участия земель в мероприятиях европейской

интеграции была включена в ст. 23d ФКЗ как часть конституционной реформы 1994 года и дополнена нормами о правовом статусе земель в рамках участия Австрии в ЕС. При этом согласно ст. 23d п. 4 ФКЗ более подробное регулирование данной процедуры устанавливается и далее соглашениями 1992 года.

Согласно ст. 23d п. 1 ФКЗ Федерация обязана информировать земли обо всех планируемых мероприятиях в рамках ЕС, которые могут касаться сферы их собственной компетенции или могут быть интересны для них помимо этого, и дать им возможность выразить собственное мнение. Равным образом это действует в отношении общин, если касается сферы собственной компетенции или прочих важных интересов общин. Если Федерации представлено единое мнение земель по поводу планируемого мероприятия ЕС, касающегося вопросов, законодательство в которых является делом земель, то Федерация становится связанной этим мнением при обсуждении и голосовании по данному делу в ЕС. Федерация может не принять во внимание это мнение только в силу вынужденных обстоятельств внешнеполитического и интеграционного характера, при этом она должна немедленно сообщить об этих обстоятельствах землям (ст. 23d п. 2 ФКЗ). При этом под единым мнением земель понимается мнение специально для этого созываемой так называемой интеграционной конференции земель²⁶. Этот орган состоит из губернаторов земель и президентов ландтагов²⁷. Согласно ст. 3 Соглашения земель 1992 года, для выражения единого мнения земель достаточно 5 голосов «за» при отсутствии голосов «против», то есть единое мнение не предполагает единогласия земель по конкретному вопросу. Отступление от единого мнения земель по причине вынужденных обстоятельств внешнеполитического и интеграционного характера допустимо только в случае, если это неизбежно для соблюдения важных австрийских интересов в ЕС. Для данного случая не предусмотрена процедура консультаций.

В мероприятиях, которые не затрагивают законодательную компетенцию земель, земли – в том числе отдельные земли – могут высказывать так называемое «общее мнение»²⁸. Данное мнение должно быть принято во внимание при изложении позиции Австрии в компетентных органах европейской интеграции. Уведомление земель Федерацией происходит, прежде всего, путем передачи относящихся к обсуждаемому вопросу документов, отчетов и сведений²⁹. Города и общины информируются через Австрийский союз городов

и Австрийский союз общин, которые должны незамедлительно передать полученную информацию заинтересованным территориальным корпорациям³⁰.

Наряду с данной процедурой косвенного участия земель в интеграционных процессах их положение было укреплено возможностью непосредственного участия в принятии решений на уровне ЕС согласно ст. 23d п. 3 ФКЗ. Если планируемое мероприятие в рамках ЕС касается вопросов, законодательство в которых является делом земель, то Федеральное правительство может передать назначенному представителю земли право на участие в принятии решения в Совете ЕС. Это может привести к тому, что такой представитель земли при участии в рассмотрении конкретного вопроса представляет также и интересы всей Федерации. Однако согласно ст. 23d п. 3 ФКЗ, осуществление данного права происходит при участии уполномоченного члена Федерального правительства и при согласовании с ним. Форма такого участия не конкретизируется. В комментариях к ФКЗ указано только, что земли должны находиться в тесном контакте с Федеральным правительством³¹. При наличии единого мнения земель такие представители земель также связаны этим мнением при обсуждении и голосовании в ЕС и могут отклониться от этого мнения только в силу вынужденных обстоятельств внешнеполитического и интеграционного характера, причем они должны немедленно сообщить об этих обстоятельствах землям (ст. 23d п. 3 ФКЗ). Поскольку представители в Совете ЕС должны обладать рангом министра, то таким представителем земли может быть только губернатор земли и члены земельного правительства. Однако на практике данная возможность участия земель в принятии решений в Совете ЕС до сих пор не была использована³².

Согласно ст. 23d п. 5 ФКЗ земли обязаны принимать меры, которые в сфере их собственной компетенции необходимы для реализации правовых актов в рамках европейской интеграции. Компетенция по исполнению правовых актов ЕС при этом распределяется соответственно конституционно-правовому разграничению компетенции между Федерацией и землями. Если какая-либо земля своевременно не выполняет эту обязанность и если это будет установлено в отношении Австрии Судом ЕС, то полномочие по принятию таких мер, в частности, по изданию необходимых законов, переходит к Федерации. Принятая в соответствии с этим положением мера, в частности, изданные закон или постановление такого рода, теряет силу, как только земля примет необходимые меры³³.

Участие Национального совета и Федерального совета в делах ЕС

В рамках конституционной новеллы 1994 года были предусмотрены также права участия Национального совета и Федерального совета в правотворчестве на уровне ЕС. Согласно ст. 23e п. 1 ФКЗ полномочный член Федерального правительства (в Совете ЕС) обязан немедленно сообщать Национальному совету и Федеральному совету обо всех планируемых мероприятиях в рамках ЕС и давать им возможность высказать свое мнение. Термин «планируемые мероприятия» австрийская доктрина склонна понимать расширительно³⁴. Кроме мнения относительно всех законодательных актов ЕС, Национальный совет и Федеральный совет могут выражать свое мнение также и в отношении решений в рамках совместной внешней политики и политики безопасности и в рамках сотрудничества в области полиции и юстиции по уголовным делам согласно ст. 23f п. 2 ФКЗ.

Если полномочному члену Федерального правительства высказано мнение Национального совета по поводу планируемого мероприятия в рамках ЕС, которое должно быть реализовано посредством федерального закона или направлено на издание подлежащего непосредственному применению правового акта, который касается вопросов, требующих урегулирования федеральным законом, то этот член Федерального правительства связан данным мнением при обсуждении и голосовании в ЕС. Он может не принять во внимание это мнение только в силу вынужденных обстоятельств внешнеполитического и интеграционного характера. Если полномочный член Федерального правительства хочет отклониться от мнения Национального совета, то он обязан в короткое время поставить в известность об этом Национальный совет. Если находящийся в процессе разработки правовой акт ЕС предполагает изменение в действующем конституционном праве, то такое отклонение возможно лишь тогда, когда Национальный совет не возражает против этого в течение определенного времени. Если Национальный совет высказал свое мнение, то полномочный член Федерального правительства обязан представить Национальному совету доклад о результатах голосования в ЕС. В частности, в случае отклонения от мнения Национального совета полномочный член Федерального правительства обязан немедленно сообщить ему причины этого (ст. 23e п. 2—4 ФКЗ)³⁵.

Связанность мнением Федерального совета при обсуждении и голосовании в Европейском Союзе возникает согласно ст. 23e п. 6 ФКЗ в случае, если полномочному члену Федерального

правительства высказано мнение Федерального совета по поводу планируемого мероприятия в рамках ЕС, которое должно быть реализовано посредством принятия федерального конституционного закона, требующего согласно ст. 44 п. 2 ФКЗ одобрения Федерального совета. Этим положением охватываются только те мероприятия, которые влекут за собой ограничение компетенции земель в пользу Федерации. Отклонение от этого мнения возможно опять же лишь в силу вынужденных обстоятельств внешнеполитического и интеграционного характера. При этом не существует специальной процедуры консультаций или отчетов полномочного члена Федерального правительства в Федеральном совете.

Участие в совместной внешней политике и политике безопасности

Поскольку Австрия вступила в ЕС без специальной оговорки о ее нейтральном статусе, а, напротив, в совместном заявлении к Договору о вступлении выразила готовность к принятию на себя и осуществлению вытекающих из присоединения обязательств, то возникла необходимость в конституционно-правовом регулировании, чтобы согласовать обязательства Австрии как нейтрального государства с требованиями участия страны в ЕС. Соответствующие нормы были включены статьей 23f ФКЗ³⁶.

Содержание данной нормы было адаптировано к дальнейшему развитию совместной внешней политики и политики безопасности в контексте изменений Договора о ЕС в редакции Амстердамского и Ниццкого договоров. В ст. 23f п. 1 ФКЗ закреплено принципиальное участие Австрии в совместной внешней политике и политике по обеспечению безопасности ЕС в соответствии с главой V Договора о ЕС в редакции Амстердамского договора. Кроме того, Австрия в полном объеме участвует также и в так называемых Петербургских задачах, которые были включены в Договор о ЕС Амстердамским договором 10 ноября 1997 года (ст. 17 Договора о ЕС), а также в мероприятиях, посредством которых экономические отношения с одной или многими третьими странами поддерживаются, ограничиваются или полностью прекращаются³⁷. Ввиду этого некоторые австрийские конституционалисты склоняются к тому, что ст. 23f ФКЗ в объеме сферы своего применения с материальной точки зрения отменила положения ФКЗ о постоянном нейтралитете³⁸.

Таким образом, со вступлением в ЕС конституционно-правовое обязательство постоянного нейтралитета было ограничено военной сферой. С распространением ст. 23f ФКЗ на возможность участия в Петербургских задачах, в особенности

в «задачах боевых подразделений в целях урегулирования кризисов, в том числе, задачах по восстановлению мира»³⁹, оказывается затронутой также и военная сфера. В связи с этим некоторые австрийские конституционалисты склонны считать Австрию утратившей свой статус постоянно нейтрального государства⁴⁰.

Приоритет права ЕС

С вступлением Австрии в ЕС право сообществ было включено в национальную правовую систему как ее составная часть, обладающая приоритетом и действующая непосредственно на всей территории государства. Если какой-либо административный орган в конкретном случае не применяет подлежащее применению в приоритетном порядке право сообществ и не обосновывает в достаточной мере свои действия, то его решение необходимо рассматривать как противоправное на основании нарушения процедурных предписаний⁴¹. Согласно ст. 234 Договора об учреждении ЕС 1957 г. (в редакции Ниццкого договора), в случае, если суд имеет сомнения относительно толкования или законности права сообществ и сочтет необходимым иметь соответствующее разъясняющее решение Суда ЕС, чтобы принять собственное решение по данному вопросу, он может обратиться в Суд ЕС с просьбой вынести требующееся ему на этот счет решение. Если один из этих вопросов возникает в деле, находящемся на рассмотрении в судебной инстанции Австрии, решения которой в соответствии с национальным правом не подлежат обжалованию, то в этом случае обращение данной судебной инстанции в Суд ЕС является обязательным⁴².

Таким образом, приоритет права сообществ в отношении конституционного права был признан Конституционным судом. Это проявляется как в запросах Конституционного суда в Суд ЕС, так и в решении, где Конституционный суд признал конституционную норму о подсудности Административного суда «вытесненной» директивой ЕС⁴³.

В связи с этим также необходимо упомянуть явление в австрийском конституционном праве несвойственного ему института ответственности государства за ущерб, возникший вследствие действия законодательных органов или высших судов. Действующие процедурные правила судов общей юрисдикции и Конституционного суда рассматриваются как правовая основа для предъявления соответствующей претензии⁴⁴.

Изменения Договора о ЕС амстердамской и ницкой редакциями, а также договорами о присоединении к ЕС центрально- и восточноевропейских государств не потребовали проведения нового референдума, так как не затронули основные

принципы Конституции Австрии. Вопрос о проведении всенародного голосования встал только в 2005 году в связи с ратификацией Договора, устанавливающего Конституцию для Европы. Однако в правительственном законопроекте к закону о ратификации данного договора говорилось, что «одобрение данного Договора не означает существенного качественного изменения в соотношении конституционного права Австрии и права сообществ»⁴⁵. Соответственно, ратификация данного договора не выходила за пределы изменений, не влекущих за собой полный пересмотр Конституции согласно ст. 44 п. 3 ФКЗ. Таким образом, Договор, устанавливающий Конституцию для Европы, был ратифицирован путем аналогичной процедуры, что и предыдущие изменения Договора о ЕС⁴⁶.

Новым этапом реформ в рамках ЕС стал Лиссабонский договор, который вступил в силу с 1 декабря 2009 года после его ратификации в парламентах всех государств-участников ЕС. Этот документ, одобренный в декабре 2007 года на саммите ЕС в Лиссабоне, заменил непринятую Конституцию ЕС, унаследовав от нее всю содержательную часть реформы руководящих институтов сообщества. Данный договор так же, как и Конституция ЕС в 2005 году, не потребовал проведения всенародного референдума согласно ст. 44 п. 3 ФКЗ, и Австрийский парламент ратифициро-

вал его 9 апреля 2008 года. Таким образом, Австрия стала восьмой страной ЕС, которая одобрила Лиссабонский договор.

Elena A. Vodyanitskaya. Constitutional basis of Austria's accession to the European Union.

On 1 January 1995 Austria became a member of the European Union. Austria's accession to the EU constituted the most important transfer of jurisdiction in the history of the Federal Constitution. On this occasion the Austrian legislature passed an amendment to the Federal Constitution which provides for the participation of Austrian organs in the decision-making process of the European Union. The legal basis of Austria's membership in the EU is the treaty on accession to the European Union and the special constitutional bill authorizing the competent authorities to ratify the treaty on accession.

First of all, provisions on the election of Austrian members to the European Parliament were introduced by the amendment into the Constitution. Secondly, the amendment contains a procedure for participation of the Austrian lands and local governments in the decisions of the European Union. Thirdly, the legislative bodies on the central government level (National Council and Federal Council) are also accorded the right to participate in decision-making of the EU. Finally, a special provision confirming Austria's participation in the Common Foreign and Security Policy of the Union was introduced.

-
1. Walter R. / Mayer H. Bundesverfassungsrecht. Wien, 2000. § 146.
 2. Там же. С. 146.
 3. См.: Kunnert. Österreichs Weg in die Europäische Union (1993), S. 136 ff.
 4. Funk B.-Ch. Einführung in das österreichische Verfassungsrecht. Wien, 2003. § 117.
 5. Müller B. Verfassungsrechtliche Aspekte eines EU-Beitritts. Ecolex, 1994. С. 298.
 6. Öhlinger T. Verfassungsrecht. Wien, 2003. § 135.
 7. Öhlinger T. Verfassungsrechtliche Aspekte der Übernahme von Gemeinschaftsrecht und Unionsrechts in die österreichische Rechtsordnung, in: Hummer / Schweitzer (Hrsg.), Österreich und das Recht der Europäischen Union. Wien, 1996. С. 169.
 8. Walter R. / Mayer H. Bundesverfassungsrecht. Wien, 2000. § 230.
 9. Griller S. Gesamtänderung durch das EWR-Abkommen? Ecolex, 1992. С. 539, 544.
 10. Öhlinger T. Verfassungsrechtliche Aspekte eines Beitritts Österreichs zu den EG. Wien, 1988. С. 48.
 11. Bundesverfassungsgesetz über den Beitritt Österreichs zur Europäischen Union, BGBl 1994/744.
 12. Öhlinger T. Verfassungsrechtliche Grundlagen der EU-Mitgliedschaft, in: Hummer / Obwexer (Hrsg.). 10 Jahre EU-Mitgliedschaft Österreichs. Springer Wien—New York. 2006. С. 23.
 13. BGBl 1994/1013.
 14. Kodex des österreichischen Rechts. Verfassungsrecht 2008/09. 28 Aufl., Stand 1.9.2008. С. 55—58.
 15. Kodex des österreichischen Rechts. Verfassungsrecht 2008/09. 28 Aufl., Stand 1.9.2008. С. 82.
 16. Там же. С. 28.
 17. Grabenwarter Ch. Staatliches Unionsverfassungsrecht, in: von Bogdandy (Hrsg.), Europäisches Verfassungsrecht. 2003. С. 283.
 18. Pernthaler P. Die neue Doppelverfassung Österreichs, FS Winkler. 1997. С. 773.
 19. Öhlinger T. Verfassungsrechtliche Grundlagen der EU-Mitgliedschaft, in: Hummer / Obwexer (Hrsg.). 10 Jahre EU-Mitgliedschaft Österreichs. Springer Wien—New York. 2006. С. 30.
 20. Там же.
 21. http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/uchred_docs/dogovor_prisoed.htm.
 22. http://www.eulaw.edu.ru/documents/legislation/uchred_docs/evr_soob_nice.htm.

23. Kodex des österreichischen Rechts. Verfassungsrecht 2008/09. 28 Aufl., Stand 1.9.2008. С. 56.
24. Vereinbarung zwischen dem Bund und den Ländern vom 12.03.1992 gemäß Art. 15a B-VG über die Mitwirkungsrechte der Länder und Gemeinden in Angelegenheiten der europäischen Integration, BGBl. 1992/775.
25. Vereinbarung zwischen den Ländern vom 18.11.1992 gemäß Art. 15a B-VG über die gemeinsame Willensbildung der Länder in Angelegenheiten der europäischen Integration, LGBl. Wien, 1992/29.
26. Ст. 4 Соглашения земель 1992 г. (Ländervereinbarung, LGBl. Wien, 1992/29).
27. Ст. 2 Соглашения земель 1992 г. (Ländervereinbarung, LGBl. Wien, 1992/29).
28. Ст. 5 Интеграционного соглашения между Федерацией и землями 1992 г. (Integrationsvereinbarung, BGBl. 1992/775).
29. Ст. 1 п. 2, там же.
30. Ст. 2, там же.
31. 27 Приложение к стенографическим протоколам заседаний Национального совета, 19-й законодательный период. С. 10.
32. *Grabenwarter Ch.* Offene Staatlichkeit: Österreich. Handbuch Ius Publicum Europaeum. 2008. С. 228.
33. Kodex des österreichischen Rechts. Verfassungsrecht 2008/09. 28 Aufl., Stand 1.9.2008. С. 57.
34. *Öhlinger T.* in: Korinek/Holoubek (Hg.), Österreichisches Bundesverfassungsrecht, Textsammlung und Kommentar Bd. I/1, Stand: EL 5/2002. Ст. 23е ФКЗ, § 7.
35. Kodex des österreichischen Rechts. Verfassungsrecht 2008/09. 28 Aufl., Stand 1.9.2008. С. 57.
36. BGBl 1994/1013.
37. Kodex des österreichischen Rechts. Verfassungsrecht 2008/09. 28 Aufl., Stand 1.9.2008. С. 58.
38. *Öhlinger T.* Art. 23f B-VG, in: Korinek/Holoubek (Hg.), Österreichisches Bundesverfassungsrecht, Textsammlung und Kommentar Bd. I/1, Stand: EL 5/2002.
39. http://www.eulaw.edu.ru/documents/legislation/uchred_docs/evr_soizuz_nice.htm.
40. *Hummer W.* Solidarität versus Neutralität – Die immerwährende Neutralität Österreichs vor und nach Nizza. ÖMZ 2001. С. 162.
41. Решение Административного суда от 21.06.1999, F 97/17/0501, 0502, 0503.
42. http://www.eulaw.edu.ru/documents/legislation/uchred_docs/evr_soob_nice.htm.
43. Решение Конституционного суда 15427/1999 о вытеснении предписания ст. 133 п. 4 ФКЗ директивой ЕС.
44. Подробнее: Dossi H. Geltendmachung der EU-Staatshaftung in Österreich: die Praxis in einem System unvollständiger Rechtsgrundlagen. Ecollex 2000. С. 337.
45. 789 Приложение к стенографическим протоколам заседаний Национального совета, 22-й законодательный период. С. 8.
46. Bundesverfassungsgesetz über den Abschluss des Vertrages über eine Verfassung für Europa, BGBl. I2005/12.

ОБУЧАЮЩАЯ ИГРА В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ- МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Литвинова Т. Н.

В статье представлена обучающая игра «Внешняя политика государства», разработанная автором в 2002 году; рассматривается методика и практика ее использования в преподавании специальных дисциплин студентам-международникам в Дальневосточном государственном техническом университете (г. Владивосток) и Институте бизнеса и права (г. Москва). Автор подходит к анализу данных проведенного им педагогического эксперимента с позиции компетентностного подхода в образовании, пытается обозначить перспективы более широкого использования игры «Внешняя политика государства» для развития профессиональных компетенций у будущих специалистов и бакалавров в области международных отношений.

Ключевые слова: преподавание политологии и международных отношений, профессиональные компетенции, обучающие ролевые игры, модель мира, внешняя политика

Keywords: teaching of political science and international relations, professional competences, role-playing games, simulated world model, foreign policy

Современные образовательные стандарты предъявляют новые требования к качеству подготовки специалиста. Эффективность профессионального образования зависит от того, в какой мере оно ориентировано на развитие творческой инициативы, коммуникативных навыков, конкурентоспособности, самостоятельности и мобильности выпускников вузов. В связи с этим в российском образовании особое значение начинает приобретать компетентностный подход. Он подразумевает не только освоение знаний, умений и навыков, которые пригодятся молодому

специалисту, но и формирование мотивационного, этического, поведенческого и психологического компонентов профессиональной подготовки¹.

Новый подход ставит еще более серьезные задачи перед преподавателем, рождает необходимость поиска им способов развития у обучаемых соответствующих компетенций. Важным методическим приемом овладения студентами моделей профессионального поведения, на наш взгляд, является обучающая игра, способная воссоздать и смоделировать систему отношений, характерных для определенного вида деятельности.

Литвинова Татьяна Николаевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института социологии РАН, e-mail: sociol@mgimo.ru.

В отечественной педагогической практике игры уже давно стали востребованным методом образования, в том числе профессионального. В одном учебно-методическом пособии по использованию деловых игр в обучении, изданном более двадцати лет назад, игра определяется как создание ситуации выбора и принятия решения, где, с одной стороны, воспроизводятся условия более или менее близкие к реальным, а с другой, предполагаются такие роли участников, которые позволяют им осмыслить, пережить и освоить новые функции². Применение дидактических игр в высшей школе рассматривалось такими известными авторами, как М. М. Бирштейн, А. А. Вербицкий, М. В. Кларин, Д. Н. Кавтарадзе, А. М. Князев и И. В. Одицова³. В последние годы появилось немало популярных работ по организации игр в обучении экономике, менеджменту, психологии, иностранному языку⁴.

Применение игровых форм, на наш взгляд, также может оказаться полезным и эффективным в освоении до недавнего времени редкой, а ныне очень распространенной специальности «Международные отношения». Флагманом в профессиональной подготовке в области международных отношений остается МГИМО – главный поставщик кадров для Министерства иностранных дел России. В МГИМО уже несколько лет ежегодно проводится ролевая игра Московская международная модель ООН, имитирующая работу различных органов ООН: Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, Международного Суда, Экономического и Социального Совета. На несколько дней студенты забывают о том, кто они на самом деле и перевоплощаются в послов различных государств, которые собрались для обсуждения вопросов, которые стоят в повестке дня ООН с применением принятых в Организации правил процедуры. Участие в игре позволяет студентам приобрести новые знания, умения и навыки в сфере публичной политики и многосторонней дипломатии⁵. В последние годы специалистов в области международных отношений стали готовить и другие государственные и негосударственные вузы Москвы; профильные факультеты начали открываться во многих регионах России. Широкое распространение специальности, необходимость поддержания ее престижа и качества профессиональной подготовки актуализирует внедрение в учебный процесс новых активных методов, способствующих приобретению студентами необходимых компетенций.

Цель настоящей статьи представить авторскую игру «Внешняя политика государства» и результаты ее апробации в учебном процессе,

оценить возможности использования игры в развитии профессиональных компетенций студентов-международников с учетом современных образовательных стандартов и подходов.

Государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности «Международные отношения», утвержденный в 2000 г., требует от будущих специалистов умения детально разбираться в важнейших международных проблемах, применять полученные знания при анализе и прогнозе развития внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов. Специалист в области международных отношений должен быть способен правильно и логично выражать свои мысли в устной и письменной форме, участвовать в дискуссиях по профессиональным проблемам, находить и принимать управленческие решения⁶.

В 2003 году, в связи с заявлением о присоединении России к Болонскому процессу, были приняты государственные образовательные стандарты, предполагающие двухуровневую систему подготовки по направлению 522900 «Международные отношения» – бакалавр и магистр в области международных отношений. Создатели стандартов нового поколения уже ориентируются на компетентностный подход, согласно которому в процессе обучения студент должен овладеть не только специальными компетенциями, но и быть способным к осмыслению и рефлексии, самоактуализации и развитию профессиональных способностей. Так, проект образовательного стандарта, разработанный Учебно-методическим объединением вузов РФ по образованию в области международных отношений, определяет компетенцию как способность применять знания, умения и личностные качества для успешной профессиональной деятельности⁷. В документе выделяются два блока компетенций, которыми должен обладать бакалавр в области международных отношений:

а) блок универсальных компетенций:

- общенаучные (знание общих гуманитарных, социально-экономических и специальных дисциплин и готовность использовать эти знания в профессиональной деятельности);

- инструментальные (знание и активное владение иностранными языками, профессиональной терминологией, политически корректной письменной и устной речью и др.);

- социально-личностные и общекультурные (владение культурой международного общения, методами делового общения, эмоциональной саморегуляцией и т.д.).

б) блок профессиональных компетенций:

- общие профессиональные компетенции (готовность практически использовать свои знания,

умение применять компьютерные технологии и иностранные языки для решения профессиональных задач);

- деятельностно-специализированные компетенции (способность осуществлять организационно-административную, проектную, исследовательско-аналитическую и учебно-организационную деятельности);

- профессионально-дисциплинарные компетенции (знание и понимание основных теорий международных отношений, владение навыками прикладного анализа международных ситуаций, умение ориентироваться в основных современных тенденциях глобальных политических процессов, понимание их перспектив и др.).

Высокие требования к качеству подготовки студентов заставляют преподавателя выйти из рамок носителя информации и теоретических знаний, искать новые подходы к проведению практических занятий. Задавшись целью развить у студентов необходимые умения и способности, повысить познавательную мотивацию и интерес к специальным дисциплинам, автор настоящей статьи еще в 2002 г. приступил к разработке и апробации игры «Внешняя политика государства».

Прибегая к игровой форме обучения, мы ставили следующие дидактические задачи:

– закрепление системы знаний в области международных отношений и приобретение опыта практических действий;

– совершенствование навыков принятия коллективных решений;

– развитие творческого мышления;

– развитие коммуникативных умений, воспитание индивидуального стиля поведения в процессе взаимодействия с людьми.

В основание разработки игры легла теория политического реализма, отводящая основную роль на международной арене суверенным государствам⁸. Каждое государство в своей внешней политике озабочено обеспечением собственной безопасности и защитой национальных интересов. Однако ввиду того, что это стремление свойственно всем государствам, их интересы неизбежно сталкиваются, а намерение одного государства усилить свою безопасность порождает опасения других участников международных отношений и приводит к гонке вооружений, конфликтам и войнам. Имитация «Внешняя политика государства» призвана показать бесперспективность агрессивной внешней политики государств. Предметом игры выступает процесс поиска и принятия внешнеполитического решения.

Игра носит междисциплинарный характер и апробировалась на практических занятиях по специальным дисциплинам «Основы теории международных отношений», «Внешняя политика России», «Процесс принятия внешнеполитического решения в РФ» в Дальневосточном государственном техническом университете (ДВПИ им. В. В. Куйбышева) и Институте бизнеса и права (г. Москва).

Цель игры – разработать и провести внешнеполитический курс государства при максимальном учете своих национально-государственных интересов.

Сценарий и характеристика участников игры. «Внешняя политика государства» представляет имитационную модель, где на международной арене действуют пять независимых государств (группа студентов делится на пять команд). Каждое из государств стремится обеспечить свою национальную безопасность и сохранить экономический потенциал, достаточный для осуществления самостоятельной внешней политики. Причем, как и в реальной жизни, государства различаются по своей территории, численности населения, природным ресурсам, экономическому и военному потенциалу, идеологическим ресурсам и степени сплоченности нации, то есть обладают неодинаковой мощностью. Каждая команда получает характеристику своего государства по отношению к «общемировым» данным и список должностных лиц, осуществляющих политическое руководство страной.

Характеристика каждого государства включает следующие параметры⁹:

1. Ресурсы:

1.1. Территория (качественные и количественные особенности);

1.2. Население (структура и динамика);

1.3. Природные ресурсы.

2. Общие экономические и социальные показатели:

2.1. Степень вовлеченности страны в международное разделение труда (показатели экспортной и импортной квоты);

2.2. Валовый внутренний продукт и показатель ВВП на душу населения;

2.3. Национальный доход и показатель дохода на душу населения;

2.4. Добыча полезных ископаемых (в %, по видам):

- стратегические виды сырья;

- дефицитные виды сырья.

2.5. Отраслевая структура ВВП (%):

- сельское хозяйство;

- промышленность (в том числе обрабатывающая);

- услуги.

Рис. 1. Карта мира – поле взаимодействия команд в игре «Внешняя политика государства».

- 2.6. Транспорт (железнодорожный, воздушный, торговый флот);
- 2.7. Индекс человеческого развития;
- 2.8. Индекс бедности.
3. Интегрирующие (системообразующие) характеристики:
 - 3.1. Элементы социальной системы (классовые, этнические и т.д.);
 - 3.2. Духовные и идеологические ресурсы (степень сплоченности нации);
 - 3.3. Информация и формы ее функционирования (свобода обмена или наличие ограничений и цензуры).
4. Политическая система:
 - 4.1. Форма государства (унитарное, федеративное);
 - 4.2. Режим (демократический, авторитарный, тоталитарный, теократический);
 - 4.3. Социальный состав и экономические позиции правящих группировок.
5. Вооруженные силы:
 - 5.1. Численность военного персонала;
 - 5.2. Доля военных во взрослом мужском населении;
 - 5.3. Численность военного персонала по родам войск (сухопутные силы, морские силы, военная авиация);
 - 5.4. Подготовка и обученность рядового и командного состава;
 - 5.5. Опыт ведения военных действий;
 - 5.6. Количество вооружений;
 - 5.7. Наличие ядерного и (или) других видов оружия массового уничтожения (ОМУ);
 - 5.8. Состояние военно-промышленного комплекса;
 - 5.9. Доля расходов на вооруженные силы в ВВП.

В зависимости от уровня подготовленности студентов можно использовать разный набор характеристик – от самых общих и упрощенных до детально описывающих ресурсы и положение страны на международной арене. Студенты должны понять, какое государство они представляют, в чем его сила и уязвимость. Анализ собственных ресурсов поможет им выработать соответствующую стратегию поведения в игре. Каждое государство на начало игры располагает бюджетом, выраженным в условных единицах (у.е.).

В нашей игре Государство 1 является великой державой¹⁰, опережающей всех других акторов по основным экономическим показателям: ВВП, уровню национального дохода на душу, уровню промышленного производства и развитию сферы услуг, наличию и уровню добычи дефицитных и стратегических ресурсов. Вместе с тем, так как в стране достаточно емкий внутренний рынок (большая территория и значительная доля населения, обладающая платежеспособным спросом), степень вовлеченности страны в международное разделение труда невелика (экспортная квота составляет всего 20 % ВВП). По индексу человеческого развития, учитывающему среднедушевой доход, грамотность взрослого населения и ожидаемую продолжительность жизни населения, Государство 1 также превосходит все остальные государства (0,95)¹¹. Таким образом, ему присуще все, что отличает современное постиндустриальное государство. Оно обладает ядерным (тактическим и стратегическим) и другими видами ОМУ. Военное могущество Государства 1 делает невозможным для него потерпеть поражение от любого другого актора и даже альянса двух других сильных «государств». Бюджет Государства 1 составляет 40 у.е.

Государство 2 значительно уступает первому по размеру территории и количеству населения, а также по большинству социально-экономических показателей. Вместе с тем оно располагает разнообразными природными ресурсами, в том числе стратегическими и дефицитными, добычей которых активно занимается. Степень вовлеченности страны в международное разделение труда относительно высокая (показатель экспортной квоты 65 % ВВП). Отраслевая структура экономики Государства 2 должна показать студентам, что оно относится к числу богатых развивающихся стран, поэтому в характеристике государства мы приводим следующие цифры: сельское хозяйство – 14 % ВВП, промышленность – 39 % (обрабатывающая – 14 %), сфера услуг – 47 %. Морские силы и военная авиация по количеству и качеству превосходят сухопутные силы, страна не обладает ядерным оружием. Бюджет Государства 2 на начало игры составляет 18 у.е.

Государство 3 отличается скромными размерами территории. Неудобное географическое положение (отсутствие выхода к морю) ставит его в наименее выгодное положение на момент начала игры. В его характеристике указывается, что оно обладает дефицитными полезными ископаемыми. Уровень дохода на душу населения ниже среднего, ориентируясь на классификацию стран в мировой экономике, мы приводим показатель 800 долл. США, а индекса человеческого развития – 0,61 (согласно данным международной статистики, это средний показатель). Степень вовлеченности страны в международное разделение труда (экспортная квота – 18 % ВВП) при ее размерах должна заставить студентов задуматься о качестве жизни в Государстве 3. В его характеристике мы сознательно указываем значительную долю военных расходов в ВВП и тот факт, что государство стоит на пороге создания собственного ядерного оружия. Бюджет Государства 3 на начало игры 12 у.е.

Государство 4 самое маленькое по размерам территории, зато опережает своих соседей по многим социально-экономическим показателям. Национальный доход на душу населения составляет свыше 10 тыс. долл. США. Отраслевая структура ВВП также указывает на то, что это государство экономически развито: сельское хозяйство – 3 %, промышленность – 26 % (в том числе обрабатывающая – 16 %), услуги – 71 %. Показатель экспортной квоты составляет 39 % ВВП, что говорит о достаточно высокой степени вовлеченности страны в международное разделение труда. Индекс человеческого развития также довольно высок – 0,91. Военный персонал не многочисленный, но хорошо подготовлен и обучен. Страна обладает тактическим ядерным

оружием, а научно-технический уровень и объемы финансовых отчислений на военные расходы позволяют ей создать и собственное стратегическое оружие. Бюджет Государства 4 на начало игры 16 у.е.

Наконец, Государство 5 самое большое по размерам территории. Оно богато разнообразными природными ресурсами, которые активно разрабатываются. Его характеризует средний уровень национального дохода на душу населения 3,2 тыс. долл. США. Отраслевую структуру ВВП представляют: сельское хозяйство (11 %), промышленность 55 % (в том числе обрабатывающая – 14 %), услуги – 35 %. Экспортная квота – 45 % ВВП. Индекс человеческого развития – 0,74. Сухопутные силы по численности персонала преобладают над морскими и воздушными. Страна имеет собственное ядерное (тактическое и стратегическое) оружие. Бюджет Государства 5 на начало игры 14 у.е.

К характеристике каждого государства прилагаются роли должностных лиц (глав государств, министров, председателей парламентских (законодательных) структур), которые играющие распределяют между собой. Государствами 2 и 4 управляют короли, остальными – президенты. Списки высшего руководства для каждого государства составлены таким образом, чтобы дать студентам возможность отследить взаимодействие трех ветвей власти и механизм принятия внешнеполитического решения в условиях различных режимов: демократических (Государство 1 и 4), теократических (Государство 2), тоталитарных (Государство 3), авторитарных (Государство 5). Все это задает определенный порядок для обсуждения тех или иных политических действий и решений руководителей государств в ходе игры. Игроки сами придумывают названия своим государствам¹².

Методическое и техническое обеспечение игры «Внешняя политика государства» включает prospect игры, в котором обозначены ее цели, описание игровой ситуации и правила; карта (модель) мира, где фиксируются изменения в международных отношениях (Рис. 1); характеристика всех государств; список внешнеполитических и внутриполитических акций и формы для подсчета результатов ходов.

Правила игры:

1. На обдумывание каждого хода отводится 10 минут. В течение этого времени должностные лица каждого государства обсуждают свое следующее политическое действие. После обсуждения каждое государство делает ход по очереди согласно порядковому номеру, обозначенному в prospectе.

2. За один ход можно выбрать только один вид политической акции (список прилагается) (См. фрагмент списка в Таблице 1). Для принятия обдуманного решения необходимо учесть политические последствия своих действий. Например, не установив с другим государством дипломатических отношений, невозможно развивать с ним дальнейших политических и экономических отношений.

3. Каждая политическая акция приносит команде определенное количество баллов и доход (или влечет за собой расход) государственного бюджета (у.е). Политическая инициатива приносит баллы и экономические последствия только в случае согласия испрашиваемой стороны. Если на предложение сотрудничать откликнулись сразу несколько государств, количество баллов не умножается на число государств, которые с Вами сотрудничают.

4. Объявление войны или захват территории другого государства могут повлечь за собой коллективные действия со стороны международного сообщества против агрессора. Нельзя начать войну против государства, значительно превосходящего Вас по мощи, так как война дорогостоящее мероприятие, и Ваш бюджет быстро сократится без поддержки союзников или надежных источников перекрытия военных расходов.

5. При созыве международной конференции в ее работе участвуют представители от каждого из заинтересованных государств, а при подписании многосторонней конвенции участвующие в ней государства лишаются самостоятельного хода.

6. При сокращении бюджета государства до 5 условных единиц, оно теряет возможность самостоятельно действовать на международной арене, и команда выходит из игры.

Карта мира является полем взаимодействия игроков. Во время первых игр, которые мы провели в 2002—2003 учебном году, вместе с проспектом игры каждой команде выдавалась маленькая карта. То есть студенты играли почти «вслепую», не всегда могли вспомнить и учесть содержание предыдущих ходов, не успевали отследить, какие политические альянсы или торгово-экономические связи складываются без участия их команды. Поэтому была сделана большая карта на ватмане, на которой все политические инициативы и действия можно отмечать по ходу игры цветными маркерами. Она размещается в середине аудитории на сдвинутых партах, а все студенты рассаживаются вокруг.

Список внешнеполитических и внутриполитических акций представляет 50 возможных действий для игроков. Акции с 1 по 35 включают

односторонние внешнеполитические действия от предложения установить дипломатические отношения до объявления войны и захвата части территории соседнего государства. Акции с 36 по 42 представляют многосторонние политические решения, которые могут быть приняты на международной конференции. Они содержат инициативу созыва конференции, исходящую от одного или нескольких государств и возможные решения конференции (подписание многосторонней конвенции об охране окружающей среды, подписание многостороннего торгового соглашения и т.д.). Акции с 43 по 50 предлагают список возможных внутригосударственных преобразований от социально-экономических (рыночная реформа, развитие промышленности, реформа образования) до реорганизации или перевооружения армии и государственного переворота. Каждая внешне- или внутриполитическая акция приносит государству определенное количество баллов и доход (расход) государственного бюджета, измеряемого в условных единицах. В списке внешнеполитических и внутриполитических акций делается различие между инициативой (предложением подписать какое-либо соглашение, совместно разрабатывать ресурсы, предоставить инвестиции или развивать двусторонние торговые отношения) и ее воплощением в жизнь, которое происходит после того, как предложение принято другой стороной. Нет никаких ограничений по поводу того, скольким странам играющая команда может сразу предложить сотрудничество. Однако, как и в жизни, многие инициативы и проекты остаются не реализованными. Поэтому предложение о сотрудничестве, не встретившее положительного ответа, не приносит команде очков до тех пор, пока одно из государств, получивших его, не ответит согласием (см. Табл. 1).

Каждой команде раздается форма для фиксации и подсчета игровых результатов (см. Табл. 2).

Порядок проведения игры построен с учетом рекомендаций по разработке и организации активных методов обучения, опубликованных в специальной литературе¹³. Игра занимает 4 аудиторных часа и включает четыре этапа:

1. Ориентация. Преподаватель (координатор игры) представляет изучаемую тему: напоминает основные положения современных теорий международных отношений, акцентирует внимание на целях и средствах внешней политики государства, структуре внешнеполитического механизма (государственные институты и органы внешних сношений) и ресурсов (военная мощь, экономический потенциал, размер территории, характеристика населения, идеологические ресурсы). Затем

Социология

Таблица 1. Фрагмент списка возможных внешнеполитических и внутриполитических акций в игре «Внешняя политика государства»

№ п/п	Вид внешнеполитической (внутриполитической) акции	Баллы	Доходы и расходы (у.е.)
1	Предложение установить дипломатические отношения	2 балла	при положительном ответе испрашиваемой стороны, - 0,5 у.е.
2	Согласие установить дипломатические отношения	2 балла	- 0,5 у.е.
3	Предложение подписать торговый договор (предмет соглашения на усмотрение сторон)	2 балла	при положительном ответе испрашиваемой стороны, +1 у.е.
4	Согласие подписать торговый договор	2 балла	+1 у.е.
5	Предложение создать зону свободной торговли (договор о снижении либо отмене таможенных пошлин во взаимной торговле)	3 балла	при положительном ответе испрашиваемой стороны, - 2 у.е., затем +2 у.е. через каждый ход
6	Согласие...	3 балла	-2 у.е., затем +2 у.е. через каждый ход
...
30	Предложение заключить политический союз (оборонительный или наступательный)	6 баллов	при положительном ответе испрашиваемой стороны, - 2 у.е.
31	Согласие заключить политический союз	5 баллов	2 у.е.
32	Объявление войны	15 баллов	- 4 у.е./ +2 у.е. через 2 хода за счет противника при отсутствии его активных действий
33	Захват части территории соседнего государства без объявления войны (100 кв. км за один ход)	20 баллов	- 4 у.е./ +2 у.е. через 2 хода за счет противника при отсутствии его активных действий

Таблица 2. Форма подсчета результатов ходов в игре «Внешняя политика государства»
Государство 1

Ход №	1	2	3	4	5	6	7	8	9
баллы									
итого с начала игры									
у.е.									
итого с начала игры									

Таблица 3. Форма подсчета игровых результатов для координатора¹⁴.

Ход №	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Государство 1									
Государство 2									
Государство 3									
Государство 4									
Государство 5									
Итого баллов									

описывает игровую ситуацию и доводит до студентов правила игры (15—20 минут).

2. Подготовка к проведению. Координатор излагает сценарий и задачи игры, правила подсчета очков; внутри команд распределяются роли, проводится «прогон» первого хода. В игре «Внешняя политика государства» принята двухуровневая система оценивания: на уровне команды игроков (оцениваются результаты внешней политики конкретного государства) и на уровне координатора игры (оценивается совокупность всех политических действий государств на мировой арене) (см. Табл. 3).

3. Основная часть: проведение игры. Дальнейший ход игры во многом зависит от темперамента и азарта игроков, и от взаимоотношений в учебной группе. Хотя в политической практике легче совместить интересы соседних государств, близких по характеру политического режима, в играх, которые мы проводили с различными контингентами студентов, складывались самые неожиданные альянсы и торговые союзы. Студенты выбирали самые разнообразные внешнеполитические стратегии — от наступательной до оборонительной, от экспансии до политики невмешательства. Развязывание войны вовсе не непременное условие игры. Вместе с тем, за всю недолгую историю апробации игры в учебном процессе (12 прогонов со студентами 2—5 курсов¹⁵), автор не припомнит ни одного случая, чтобы игра обошлась без войны.

Игра останавливается координатором, когда сумма действий всех государств, измеряемая в баллах, достигнет 200, или совокупный прирост экономического потенциала всех государств достигнет 200 условных единиц. В систему оценивания действий игроков заложен принцип, согласно которому, более агрессивные политические акции государств приносят им больше баллов, а наиболее вредные для окружающей среды экономические проекты способствуют быстрому экономическому росту. Когда сумма политических акций действующих на международной арене государств достигнет 200 баллов, это означает, что агрессивная политика, гонка вооружений и война, которая неизбежно затрагивает все государства (так как мы имеем дело всего с пятью участниками международных отношений) погубили «мир». А если совокупная прибыль государств составит 200 условных единиц, это означает, что государства вычерпали все ресурсы «планеты» и привели ее к экологической катастрофе.

Момент, когда игра остановится, с самого начала скрыт от игроков. Координатор следит за развитием событий и подсчитывает результаты (сумму

баллов) всех команд после каждого хода. Как правило, игру приходится останавливать, когда накал политической борьбы достигает своего пика, игроки уже забыли об осторожности, о необходимости продумывать каждый ход, ими овладевает азарт, жажда военной наживы, погоня за прибылью. В игре «Внешняя политика государства» нет ни победителей, ни побежденных. В процессе взаимодействия в уголке «мира», где действуют всего пять государств, студенты убеждаются в том, что есть объективные пределы необдуманных политических действий и рискованных экономических проектов. По количеству баллов и условных единиц, набранных каждой командой, можно вычислить вклад каждого государства в гибель «планеты».

4. Послеигровое обсуждение (25—35 минут). Оно начинается с разъяснения принципа оценивания результатов игры, координатор объясняет, почему игра закончилась так неожиданно. После этого начинается дискуссия, во время которой каждой команде и каждому игроку предоставляется возможность высказаться. В ходе игры накапливается особая психологическая энергия, которая требует выхода. Неожиданное окончание игры, когда игроки были охвачены новыми идеями и планами по реализации разработанного внешнеполитического курса, становится потрясением для игроков. Осознание того, что гибель «мира» стала следствием захватнической войны, которую развязала одна команда при попустительстве остальных участников, и непомерного обогащения другой команды за счет концессий в разных точках «планеты», производит переворот в сознании студентов. Ограниченность игровой модели воспроизводит пределы военных действий с использованием современного оружия и неконтролируемой добычи полезных ископаемых на Земле. Все это ставит игроков перед необходимостью проанализировать и осмыслить сделанные ошибки и просчеты. Задача координатора в процессе обсуждения направить студентов на осознание своих действий. Здесь уместны наводящие вопросы: «Какой стратегии вы придерживались?», «В чем, как Вам кажется, заключались Ваши национальные интересы?», «С какой целью вы вступили в политический союз?», «Почему вы предложили созвать конференцию или подписать многостороннюю конвенцию?» и т.п. Обсуждаются возникшие в ходе игры конфликты, их причины и пути выхода из них. Во время послеигровой дискуссии координатор призывает участников проанализировать события игры, поделиться своим восприятием возникавших в игре конфликтов и спорных ситуаций, идеями, которые приходили в голову и т.д.

Также студентам задается вопрос, какие изменения они предложили бы внести в игру. Каждый прогон представляет для разработчика игры такой же серьезный урок, как и для обучаемых. Внесение корректив – это задача адаптации игры, вопрос повышения ее полезности и эффективности. Чтобы студенты не стеснялись вносить свои предложения, в примечаниях к правилам игры, которые они получают в начале занятия, обозначено: «В игре разрешено все, что прямо не запрещено при согласовании с координатором». Так, по рекомендации студентов после одной из проведенных нами игр в список политических акций была введена возможность государственного переворота. В другой раз – единственный за шестилетний период апробации игры, когда вслед за началом войны игроками немедленно была созвана международная конференция – мы уменьшили количество баллов, которые начисляются участникам конференции с тем, чтобы мирные инициативы не приводили к скорому окончанию игры. Практически каждая игра позволяла нам увидеть возможности ее совершенствования и заставляла вносить новые коррективы.

После игры мы также проводили письменные опросы студентов, где им предлагались следующие вопросы:

1. Легко ли Вам было принимать согласованные решения внутри Вашего государства?
2. Что для Вас было самым важным при принятии политического решения (национальные интересы государства или баллы и увеличение доходов)?
3. Совершали ли Вы ошибки при принятии внешнеполитических решений? Если «да», то какие?
4. Были ли Ваши внешнеполитические действия агрессивными на Ваш взгляд?
5. Насколько быстро Вы увеличивали свои доходы?
6. Задумывались ли Вы о последствиях своих политических действий?
7. Задумывались ли Вы об экологических последствиях своих экономических проектов и предприятий?
8. Какие учебные дисциплины своим предметным содержанием помогли Вам в игре?
9. Напишите три вывода, которые Вы сами для себя сделали, сыграв в эту игру.

Приведем результаты письменных послеигровых опросов по четырем играм, проводимым в разное время: в 2003 г., 2004 г. и 2005 г. в ДВГТУ (г. Владивосток) и в 2007 г. в Институте бизнеса и права (г. Москва). Общее количество опрошенных студентов 96 человек. Опросы были анонимными, но мы просили студентов указать группу и номер государства, которое они представляли в игре.

Большинство игравших (около 80 %) не испытывали значительных трудностей в принятии коллективного решения. Такой результат, на наш взгляд, обусловлен тем, что команды в игре формировались не принудительно, а по желанию и личным симпатиям.

Второй вопрос письменного опроса является своего рода тестом на искренность. Более половины опрошенных студентов отвечали, что в ходе игры думали о национальных интересах, а не о баллах и увеличении доходов. Однако во время устного обсуждения многие признавались, что предпринятые ими внешнеполитические акции не всегда сочетались с имеющимися у них ресурсами и интересами. Кроме того, прямым свидетельством того, что студенты в азарте переставали заботиться о безопасности государства, служит быстрое окончание игры. Поэтому автора всегда удивляет, когда после игры, где развязалась общая война, расколовшая нашу модель на блоки, в результате чего игра закончилась на седьмом-восьмом ходу, подавляющее большинство студентов пишет, что они руководствовались исключительно национальными интересами.

Вместе с тем, на вопрос «Совершали ли Вы ошибки при принятии внешнеполитических решений?» около 72 % студентов отвечали положительно и раскаивались в попустительстве агрессору (36 %), создании наступательных союзов (16 %) или в совершении непродуманных внешнеполитических акций (20 %). Всего 36 % опрошенных, проанализировав свои политические стратегии и действия, признали их агрессивными.

Чаще всего в начале игры практически все команды стараются увеличить доходы своих государств с тем, чтобы проводить как можно более независимый внешнеполитический курс. Однако быстро наращивать экономический потенциал удается далеко не всем. Много зависит и от исходных данных, так как более богатые страны объективно легче находят себе экономических партнеров. Хотя в начале игры страны находятся в неравных условиях, практика показала, что даже самое слаборазвитое государство из пяти, представленных в игре, при разумно выстроенной стратегии создания торгово-экономических связей способно значительно обогатиться. Собственно экономический результат не самоцель игры. В ней важно, чтобы бюджет государства не снизился до недопустимо низкой отметки (5 у.е.), что лишит государство возможности проводить независимый внешнеполитический курс.

Менее 6 % студентов, участвовавших в опросах, написали, что думали об экологических

последствиях своих экономических проектов и предприятий. Мы склонны считать, что думали они об этом постфактум, то есть уже после завершающей игру дискуссии. О том, как мало значения придавалось студентами экологическому фактору, свидетельствует и то, что всего четверо из 96 опрошенных назвали своей ошибкой то, что они не думали об экологии.

Среди учебных дисциплин, знание которых, по мнению студентов, помогли им в игре, чаще всего указывались общие профессиональные и специальные дисциплины: «Введение в специальность», «История международных отношений», «Основы теории международных отношений», чуть реже «Дипломатия», «Мировая экономика». Иногда назывались предметы цикла общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин, в частности «Психология», «Логика», «Экономика».

Наибольший интерес для нас представлял ответ на последний вопрос, так как он является не наводящим, а подразумевает анализ и рефлекссию приобретенного в игре опыта. Выводы, к которым пришли студенты, сыгравшие в игру «Внешняя политика государства», мы резюмировали и сгруппировали в таблицу (Табл. 4). Важным результатом для нас стало то, что в игре студенты не только закрепили базовые теоретические знания и овладели приемами принятия коллективного решения, но и приобрели этический опыт, сделали выводы о правилах и нормах поведения в ситуациях выбора и конфликта. Весь механизм игры был нацелен на уяснение студентами пределов односторонних (несогласованных с другими партнерами по взаимодействию) акций, которые всегда приводят к общему поражению и краху политических амбиций.

Таблица 4. Результаты апробации игры «Внешняя политика государства»

ВУЗ, год проведения игры	ДВГТУ, 2003	ДВГТУ, 2004	ДВГТУ, 2005	ИБПМ, 2007
Учебная группа	П-0521, П-0522	П-2521	П-3221, П-3522	МО-3(о)
Кол-во студентов	30	20	29	17
Осознали трудности принятия внешнеполитического решения	43 %	60 %	59 %	53 %
Сделали вывод, что политика государства должна проводиться с учетом, прежде всего, его национальных интересов	13 %	55 %	38 %	82 %
Сделали вывод о пагубных последствиях агрессивной внешнеполитической стратегии	53 %	50 %	38 %	47 %
Осознали необходимость выстраивания внешнеполитической стратегии страны с учетом имеющихся у нее ресурсов	16 %	25 %	45 %	59 %
Осознали необходимость сотрудничать и стремиться к мирному разрешению международных споров	10 %	35 %	66 %	53 %
Положительно отзывались об игре	50 %	45 %	90 %	88 %

Особое значение мы склонны придавать тому факту, что игра оказалась полезна в осознании студентами ключевых принципов и норм международного права: нерушимости государственных границ и территориальной целостности, сотрудничества и мирного урегулирования международных споров. Осознание трудности принятия внешнеполитического решения, необходимости выстраивания внешнеполитической стратегии, исходя из имеющихся у страны ресурсов, и защиты национальных интересов мы также относим

к важным профессионально-ориентированным представлениям.

Большим ободрением для нас стала позитивная оценка имитации «Внешняя политика государства» со стороны студентов. Педагогический эксперимент и совершенствование игры заняли несколько лет. И сейчас мы с полным основанием можем утверждать, что модель выполняет свои задачи. Мы подходим к образованию международных отношений с позиции компетентностного подхода и считаем, что результатом обучения должно

стать не просто приобретение знаний, специфичных для международных отношений, но, в первую очередь, развитие организаторских, аналитических и управленческих способностей, позволяющих на практике осуществлять профессиональную деятельность.

Использование в учебном процессе игры «Внешняя политика государства», по нашему мнению, предоставляет широкие возможности формирования необходимых будущему международнику компетенций. Активизирующий эффект игры «Внешняя политика государства» обусловлен созданием особой учебно-экспериментальной обстановки, которая может стать весомым вкладом в развитие профессиональных компетенций. Опора на специальный научно-терминологический аппарат позволяет студентам в ходе игры быстро и эффективно освоить язык будущей специальности, ознакомиться с механизмом принятия внешнеполитического решения и основными формами международного взаимодействия. Распределение ролей высших должностных лиц государства между играющими обеспечивает так называемый эффект «проживания», стимулирует принятие продуманных и взвешенных решений. Необходимость учета собственных ресурсов и ресурсов своих оппонентов (других «государств» с заданными характеристиками и мощностью, действующих на международной арене) развивает у студентов способность анализировать и действовать в быстро меняющейся обстановке. А соревновательный момент игры формирует у студентов внимание и инициативность.

Автор осознает, что более широкое использование игры в процессе профессиональной подготовки международных работников потребует от него подробной разработки ее методического описания и даже внесения новых коррективов в игру. Уже сейчас мы видим следующие возможности для совершенствования игры «Внешняя политика государства»:

1. Увеличение круга участников игры, а также введение в модель международных организаций, чтобы студенты могли уяснить разницу в целях и средствах государственных и негосударственных акторов на международной арене.
2. Расширение списка внешнеполитических и внутривнутриполитических акций, чтобы дать студентам возможность усвоить многообразие форм международных отношений.
3. Мы также считаем возможным развертывание масштабов игры до факультативного тренинга, так как ее междисциплинарный характер позволяет проводить игру со студентами разных курсов.
4. Однократные попытки апробации игры со студентами, обучающимися по другим специальностям («Связи с общественностью» и «Государственное и муниципальное управление») позволяют нам рассматривать перспективы ее использования в преподавании некоторых дисциплин по направлениям подготовки «Политология», «Государственное и муниципальное управление», «Связи с общественностью».

Tatiana N. Litvinova. International relations teaching game and development of students' professional competences: The Simulation «State Foreign Policy».

The training game "Foreign policy of a state", developed by the author in 2002, is presented in the article. Teaching techniques and ways of practical use of the game in special courses for international relations students of Far East State Technical University (Vladivostok, Russia) and Institute of Business and Law (Moscow, Russia) are examined. The author analyzes the results of his educational experiment from the perspective of competency building approach and proposes ways of wider use of the game "Foreign policy of a state" in order to develop professional competencies of graduate international relations students.

-
1. Подробнее о компетентностном подходе в образовании: Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002; Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: МГФ «Знание», 1996; Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42 и др.
 2. Лесохина Л. Н., Абрамова И. Г. Использование деловых игр в обучении взрослых. Ленинград: Академия педагогических наук СССР, 1986. С. 9.
 3. Бельчиков Я. М., Бириштейн М. М. Деловые игры. Рига: Авотс, 1989; Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа, 1991; Кларин М. В. Инновации в обучении: метафоры и модели: Анализ зарубежного опыта. М.: Наука, 1997; Кавтава Д. Н. Обучение и игра. Введение в активные методы обучения. М.: Московский психолого-социальный институт, изд-во «Флинта», 1998; Князев А. М., Одинцова И. В. Системные деловые игры в образовании. М.: Изд-во РАГС, 2006.
 4. См., например: Трайнев В. А. Учебные деловые игры в педагогике, экономике, менеджменте, управлении, маркетинге, социологии, психологии: методология и практика проведения. М.: ВЛАДОС, 2005; Пугачев В. П. Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом. М.: Аспект-пресс, 2003 и др.
 5. Подробнее о Московской модели ООН см. на официальном сайте МГИМО (У) МИД России www.portal.mgimo.ru.
 6. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 350200 – Международные
-

- отношения. 14.03.2000. М., 2000. С. 20—21 // Нормативные документы высшего профессионального образования. Электронный адрес: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/index.htm>.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030800 – Международные отношения (Проект). М., 2007 // Интернет-адрес документа: http://www.mgimo.ru/files-server/umo/os_mo_bak_mag.doc.
 8. Реализм – одна из основных школ теории международных отношений. Существенным вкладом в развитие политического реализма стала работа американского ученого Г. Моргантау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир», изданная в 1948 г. Согласно реалистической парадигме, государства являются главными акторами (участниками) международных отношений. Специфика международных отношений состоит в том, что они носят анархичный характер, так как в них отсутствует единая верховная власть, и каждый участник действует в своих интересах.
 9. Основные параметры характеристики государств в игре мы выделили, опираясь на списки факторов для внешнеполитического прогнозирования, которые были приведены Р. Н. Долныковой в работе «Методология и методика прогнозирования внешней политики несоциалистических государств» (М., 1986. С. 156—243). Социально-экономические параметры характеристики государств мы выбрали, взяв за основу показатели экономического развития стран, приведенной в классическом учебнике В. К. Ломакина «Мировая экономика» (М., 2007). Присваивая тому или иному государству в игре соответствующие параметры, мы ориентировались на классификацию стран по уровню национального дохода на душу населения, принятую во Всемирном банке (См.: <http://siteresources.worldbank.org>) и др. данные международной статистики.
 10. К сожалению, полная характеристика государств не вписывается в формат статьи, поэтому здесь мы приводим только самое общее их описание.
 11. По данным Human Development Report 2007/2008 страны, вошедшие в десятку лидеров по ИЧР, имеют показатель не ниже этого уровня // <http://hdr.undp.org/en/statistics/>.
 12. Здесь студенческой фантазии нет предела. В игре участвовали как реально существующие государства, так и выдуманные, например, запомнилось название НаСаЯр (в команде было три игрока Наташа, Саша и Ярослав). Собственно государств в игре может быть и больше пяти, и характеристики их могут варьироваться, но увеличение количества команд не позволило бы нам апробировать игру в рамках обычного учебного процесса. Здесь же мы описываем тот игровой опыт, который имели.
 13. См.: *Кларин М. В.* Инновации в обучении: метафоры и модели: Анализ зарубежного опыта. М.: Наука, 1997. С. 163; *Кавтарадзе Д. Н.* Обучение и игра. Введение в активные методы обучения. М.: Московский психолого-социальный институт, изд-во «Флинта», 1998. С. 133; *Активные методы обучения в вузе и деловые игры: Учебное пособие / Под общ. ред. Г. М. Зачесовой.* СПб: Петербургский государственный университет путей сообщения, 2006. С. 5—8.
 14. Точно так же выглядит форма для подсчета совокупного экономического роста государств, куда вписываются заработанные командами условные единицы.
 15. Две игры были однократными попытками апробации «Внешней политики государства» со студентами других специальностей: в 2003 году в ДВГТУ мы играли с будущими специалистами по связям с общественностью (группа У-141) в рамках учебной дисциплины «Современные международные отношения». В 2006 году автор провел игру со студентами Института экономических преобразований и управления рынком (г. Москва), обучающимися по специальности «Государственное и муниципальное управление» (группа ГД-41) на практическом занятии по дисциплине «Мировая политика». Здесь следует отметить, что в отличие от игр со студентами-международниками нам приходилось тратить больше времени на ориентацию и разъяснение некоторых специальных понятий, таких как саммит, альянс, интеграция и т.д., то есть тех базовых терминов, которые международники обычно усваивают на первом курсе в рамках дисциплин «Введение в специальность» и «История международных отношений».

ПОВТОРНЫЙ ПЕРЕВОД САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА: «ВОЗВРАЩЕНИЕ» ИЛИ «ОБНОВЛЕНИЕ»?

Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с повторными переводами библейских текстов в христианской традиции. Анализируются различия в подходе к данному вопросу со стороны основных ветвей христианства (католицизма, протестантизма и православия). Отмечается наличие нескольких различных тенденций при разрешении указанной задачи: 1) идеология «возвращения» к истинному тексту на сакральном языке путем очищения существующего перевода от искажений; 2) стремление к «обновлению», выражающемуся в переходе с традиционного сакрального языка на современный; 3) своеобразное сочетание обеих тенденций, при котором передача Священного Писания на «несакральные» языки сопровождалась максимальной архаизацией текста.

Ключевые слова: Перевод, сакральный, текст, православие, католицизм, протестантизм, Библия

Keywords: Translation, sacred, text, Orthodox, Roman Catholic, Protestant, Bible

Под повторным переводом в настоящей статье понимается межъязыковая передача (или существенное преобразование, позволяющее говорить о новой версии/редакции) текста, имеющего в данной культуре/культурах статус сакрального и к моменту осуществления повторного перевода принятого в определенной языковой форме в качестве такового.

Адепты мировых религий (буддизма, христианства и ислама), претендующих на универсальность, которые, однако, не могут считаться традиционными // исконными ни для одного этнокультурного коллектива, оказываются перед трудно разрешимой дилеммой. С одной стороны, это следование принципу: «Единая вера – единый сакральный язык» (по идее – первичный для данного религиозного учения). Подобная установка, несомненно, способствует более тесному ощущению вероисповедной общности, но сам сакральный

идиом с расширением круга охватываемых этой общностью этносов неизбежно становится непонятным для подавляющего большинства «новообращенных». С другой стороны, возможен и противоположный подход – «Всякая душа да славит Бога (и, соответственно, постигает его учение) на своем языке». Преимущества этого подхода очевидны, но не менее очевидна и опасность центробежных тенденций, вызванных причинами не только теолого-догматического, но и собственно лингвистического характера, так как языковые расхождения могут повлечь за собой и различия в толковании тех или иных мест «священных книг». Эта опасность осознавалась давно, о чем свидетельствует посвященное вероисповедным вопросам послание римского папы византийскому императору, которое относится к XI в., т.е. к периоду очередного обострения отношений между католической и православной церквями: «Если кто

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Валуйцева Ирина Ивановна** – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета, e-mail: khukhuni@mail.ru.

будет читать это письмо августейшему нашему сыну императору Михаилу и при чтении что-нибудь опустит из него или какое-нибудь место исказит, таковому анафема. Также, если переводчик или изменит что-нибудь в письме или убавит, или прибавит, таковому анафема»¹.

Ислам с самого начала избрал первый путь: «Священный Коран», строго говоря, является *священным* лишь в своем подлинном виде – на классическом арабском языке. История христианства в этом отношении оказалась гораздо более сложной и противоречивой. (Буддийская традиция не является предметом нашей статьи).

В какой-то степени это можно объяснить чисто объективными причинами. Христианство изначально не могло исходить из принципа «единоязычия» исходного текста, так как включило в свой канон на правах «Ветхого Завета» еврейскоязычную традицию иудаизма и создало свое собственное учение («Новый Завет») по-гречески (хотя есть предположения о наличии у Евангелия от Матфея арамейского подлинника). Все возраставшее негативное отношение к иудаизму и нарастающая обособленность его приверженцев от христианства делали знание еврейского языка уделом крайне узкого, даже по средневековым меркам, круга христианских книжников. В качестве «аутентичного подлинника» текста Ветхого Завета стала выступать Септуагинта – греческий *перевод* священного текста, созданный еще в дохристианскую эпоху². Появление латинского перевода и последующий разрыв между Римом и Константинополем, завершивший многовековое противостояние двух претендовавших на первенство центров христианского мира, еще более усугубили ситуацию. В результате можно говорить о нескольких путях решения сформулированной выше дилеммы³.

По первому пути пошел средневековый католицизм, канонизировавший текст средневековой Вульгаты (который был не первой по времени латиноязычной версией Священного Писания) и, таким образом, поставивший перевод на место подлинника, что и было закреплено решением Тридентского собора 1546 г., объявившим его «богодухновенным» и равным оригиналу. Формально – в соответствии с «теорией триязычия», сформулированной в VII столетии епископом Исидором Севильским – статус сакральных сохраняли еврейский и греческий языки. Однако «реальная жизнь вносила существенные поправки в церковную практику. Западная церковь признавала священными три языка, но фактически использовала только латинский язык. Знание греческого языка в Риме и во многих подчиненных ему в церковном отношении провинциях было

редкостью. Даже папы часто этого языка не знали... Еврейский язык знали очень немногие»⁴. Одновременно с этим шло гонение на попытки перевода священных текстов на «вульгарные» (т.е. живые) языки, что придавало вопросу об их осуществлении драматический, а порой и трагический характер. Разумеется, несмотря на «теорию триязычия», попытки осуществить передачу Священного Писания или его отдельных фрагментов на «несакральные» идиомы имели место и в католическом мире (наглядный пример – деятельность Эльфрика в Англии в конце X—начале XI столетия), однако рассматривались они исключительно как «вспомогательные» и на конфессиональную значимость не претендовали.

Второй путь традиционно признается характерным для православия. В качестве примера можно привести слова, вложенные автором «Жития Кирилла» в уста славянского первоучителя: «Не идет ли дождь от Бога равно на все, или слънце также не сияет ли на все, ни ли дышаем на аер равно вси? То како вы ся не стыдите, три языка токмо мнящее, а прочим всем языком и племенном слепым велящее бытии и глоухым? Скажите мне, Бога творящее, яко не могоуща сего дати или завистлива, не хотяща дати? Мы же многы роды знаем, книги имеюща и Богоу славу воздающа своим языком кождо... Ибо аще безвестен глас дает труба, кто оуготовляется на брань? Тако же и вы языком аще неразоумна словеса даете, яко разоумно боудет глаголемое? Будете бо во аер глаголющее»⁵. Ср. известные слова из Первого послания апостола Павла к коринфянам (XIV, 8—9): «Ибо аще безвестен глас труба даст, кто уготовится на брань? Тако и вы аще не благоразумно слово дадите языком, како уразумеется глаголемое? Будете бо на воздух глаголющее».

Остановимся на православной традиции подробнее. Следует отметить, что, при всем ее «лингвистическом демократизме» в данном вопросе, имелись и свои особенности. Прежде всего, вряд ли можно говорить, что в глазах средневековой греческой иерархии греческий язык действительно был равен идиомам других православных народов. История с Максимом Греком, посланным в XVI веке исправлять славянские богослужебные книги при абсолютном незнании какого-либо славянского языка, весьма показательна. Отношение к церковнославянскому (имевшему уже к тому времени многовековую традицию использования в сакральной сфере) как к языку еще «неустроенному», которому можно «борзо навикнуть», и, соответственно, допускающему лексические и грамматические новшества под влиянием живого разговорного употребления, свидетельствует

о явном сознании «внутреннего превосходства греческого языка»⁶. При всей трагичности судьбы афонского книжника, претерпевшего многолетнее заточение, и при явной надуманности многих выдвигавшихся против него обвинений, слова его обвинителей: «Ты zde нашей земли русской святых книг никаких не похвалишь, но паче укаряешь и отметаешь, а сказываешь, что здесь на Руси никаких книг нет»⁷ – представляются объяснимой реакцией на культурное высокомерие «старших братьев» по православию (независимо от того, насколько правомерны были предлагавшиеся Максимом те или иные переводческие решения с собственно лингвистических и филологических позиций).

Непростой оказалась и история создания собственно русской Библии, вопрос о которой мог возникнуть только после того, как церковнославянский перестал восприниматься как «свой» язык, что в терминах Б. А. Успенского можно определить как переход от диглоссии к двуязычию. Саму диглоссию Б. А. Успенский определяет как такое соотношение между идиомами, когда «члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как *один язык*, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) естественно в этой ситуации видеть *два разных языка*. Таким образом, если считать вообще известным, что такое разные языки, диглоссию можно определить как такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) как один язык»⁸. (Ср. с более распространенным определением диглоссии – «владение разными подсистемами (как правило, территориальным диалектом и литературной формой языка данного национального языка) и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения»)⁹.

Не провозглашая *формально* церковнославянский текст, зафиксированный в Елизаветинской Библии (напомним, что так традиционно именуют церковнославянский текст Священного Писания, вышедший двумя изданиями (в 1751 и 1754 гг.) при императрице Елизавете Петровне и в основном сохраняющийся для богослужебных нужд до настоящего времени), единственно правильным и «богодуховенным», как это сделала католическая церковь с Вульгатой (хотя предложения такого рода и высказывались в XIX столетии, они не нашли поддержки в руководстве Русской Православной Церкви)¹⁰, – *фактически* Русская Православная Церковь смотрела и продолжает смотреть на него как на таковой.

Здесь следует сделать одно уточнение. И католическая традиция, и традиция православная на протяжении своей истории сталкивались с той

кардинальной особенностью языка как коммуникативного средства, о которой в образной форме почти столетие назад сказал Ф. де Соссюр: «Человек, который пожелал бы создать неизменяющийся язык для будущих поколений, походил бы на курицу, высидевшую утиное яйцо: созданный им язык волей-неволей был бы захвачен течением, увлекающим вообще все языки»¹¹. Рано или поздно любой сакральный язык, даже считающийся «мертвым» в том смысле, что он перестал быть *родным* для какого-либо коллектива и использоваться в повседневном общении, неизбежно «искажался» (т.е. претерпевал эволюцию). Этому в немалой степени способствовала и многовековая практика переписывания священных текстов. Обнаружение в существующих версиях ошибок ставило на повестку дня вопрос о пересмотре/новом переводе этих текстов. Но часто к этому моменту они уже успевали приобретать силу освященного традицией авторитета. С этим пришлось столкнуться Иерониму, предвидевшему, представляя свою версию Евангелия, обвинения в том, что его назовут «лжепророком и святотатцем, осмелившимся что-то добавить, изменить, исправить в древних книгах»¹². Более тысячи лет спустя аналогичные упреки пришлось выслушать Эразму Роттердамскому по поводу своего перевода Нового Завета за подобное отношение к признанному к тому времени каноническому тексту Иеронима. Он иронически уподоблял такого рода критиков невежественному пастырю, привыкшему в течение многих лет произносить бессмысленное *tumpsimus* вместо правильного *sumpsimus* («мы взяли»), но отказавшегося, когда ему указали на ошибку, заменить свой *старый tumpsimus* на чей-то *новый sumpsimus*¹³.

Схожая ситуация столетием позже повторилась в Русской Православной Церкви, когда принятая патриархом Никоном реформа по исправлению богослужебных книг по греческому образцу вызвала среди значительной части верующих (отстаивавших именно «*древнее* благочестие») негодование, приведшее к расколу. Примечательно, что и европейские гуманисты XVI века, и сторонники никоновской реформы в XVII веке, при всей несхожести друг с другом, рассматривали свою деятельность по переводу священных текстов на *сакральных языках* (латинском и церковнославянском соответственно) не как «обновление», а именно как «возвращение» к греческому первоисточнику (поскольку речь шла о Новом Завете и высказываниях «отцов Церкви»). Так, Эразм Роттердамский, напоминал, что языком раннехристианских соборов по преимуществу был греческий, и обращал внимание на возможность того, что «изречения, первоначально процитированные

в другой форме, были изменены каким-нибудь переписчиком и приняли их нынешний вид»²⁴. Примерно то же самое (и даже почти теми же самыми словами) писал, полемизируя со старообрядцами, Симеон Полоцкий. Как бывший воспитанник Виленской иезуитской коллегии, он прекрасно владел латинским языком и, несомненно, был знаком с имевшими место в католической традиции спорами по данному вопросу: «Греческая Святая Писания суть нам славянам прототипом, иже есть первообразное, от их же вся книги наша преводим, ничесо же прелагающе или отъемлюще, да совершенно им уподобимся. Тем же аще, что в древних переводах или непризнанием, или недоумлением, или нерадением оставися, добре ныне исправляется приложением»²⁵.

Таким образом, в православии и католицизме изменение сакральных текстов, независимо от объективно получавшегося результата, мыслилось теми, кто их осуществлял, именно как «возвращение».

Протестантство внесло в этот «переводческий консерватизм» весьма существенные изменения. Прежде всего, установка на «возврат» здесь принципиально исключалась. Никаких версий Священного Писания на новых языках, которые имели бы статус не только «освященных», а хотя бы общепризнанных, естественно, быть не могло. Подавляющее большинство уже существовавших переводов – будь то Библия Уиклифа на английском или Страсбургская Библия на немецком – рассматривались к моменту начала реформационного движения его представителями как явно неудовлетворительные. Правда, попытки «вторичной сакрализации» наблюдались и здесь. Наиболее наглядный пример – имевшее место в Англии при Генрихе VIII стремление объявить текст «Библии Кранмера» единственно дозволенной, запретив делать к ней какие-либо примечания²⁶. Однако в целом вряд ли можно говорить о стремлении протестантов «канонизировать» какую-либо версию. Основоположник реформации Мартин Лютер, решительно отвергая попытки «папистов» поставить под сомнение *качество* выполненного им немецкого перевода Библии, отнюдь не претендовал на его «непогрешимость». На это обстоятельство не раз обращали внимание в специальной литературе: «Непримиримый в теологических спорах с противниками Лютер был поразительно терпим к критике своей переводческой работы (к ее научному филологическому корректированию, как мы бы сказали сегодня). Он шел навстречу поправкам, он искал возражений. До конца своих дней создатель немецкой Библии неустанно совершенствовал свое творение и созывал новые «ревизионные комиссии» по переводу

Священного Писания... В результате уже при жизни реформатора в его переводе было выправлено несколько сот неточностей»²⁷.

С другой стороны, англоязычная протестантская традиция (в данном случае точнее говорить о *традициях*, учитывая наличие в протестантизме множества течений, отношения которых друг к другу бывали достаточно сложными) создала за последнее столетие целый ряд переводов Священного Писания как на английском, так и на других языках, исходя из чисто прагматической установки на максимальное «осовременивание» текста, т.е. приближение его к читателю.

Как в католицизме, так и в православии в определенные периоды отмечалась тенденция своего рода сочетания «обновления» с «возвратом». Допуская под давлением обстоятельств передачу Священного Писания на «несакральные» языки, ее представители стремились максимально архивизовать текст за счет латинских и церковнославянских элементов соответственно. Остановимся на этом подробнее.

В период Контрреформации переводом Библии на «вульгарные наречия» были вынуждены заниматься и ревнители католической ортодоксии. Создатели наиболее авторитетного англоязычного текста Библии, известного как Authorized Version, или King James' Bible, вышедшего в свет в начале XVII века, отмечали, что для них была неприемлема «нарочитая темнота папистов», которые засоряют английский текст малопонятными словами и выражениями, вследствие чего, хотя «и вынуждены переводить Библию, но делают это языком, который препятствует ее доступности»²⁸.

В России в XIX—начале XX века, встал вопрос о создании – параллельно с церковнославянским – русского перевода Библии. Нужда в его появлении «возникла из внутренней потребности русского общества, а также под влиянием протестантизма (в котором изучению Библии на живом родном языке придается большое значение)»²⁹.

Не останавливаясь на драматичной истории, связанной с его появлением, отметим следующее.

Синодальный перевод Священного Писания (куда был включен текст Нового Завета по версии 1818 г.) до сих пор остается наиболее распространенной версией Библии на русском языке, и его «из года в год тиражируют в России и православные, и католики, и баптисты»²⁰. Однако попытки пересмотра данной версии осуществлялись не только с «модернистских» позиций, т.е. в плане «осовременивания» языка, воспринимавшегося уже полтора столетия назад как устаревший, но и с прямо противоположных – консервативных позиций, наиболее ярким выразителем которых в начале

прошлого века стал К. П. Победоносцев, долгие годы занимавший должность обер-прокурора Святейшего Синода.

Рассмотрение его политических и религиозных взглядов не входит в наши задачи. В интересующем же нас плане его подход напоминает приведенный выше отзыв создателей Authorized Version о современных им «папистских» переводчиках: вынуждены переводить, но при этом стараются максимально архаизовать перевод.

Действительно, о том, что «русификация» Евангелия в глазах Победоносцева – мера именно вынужденная, наглядно свидетельствует начало его предисловия: «...Казалось бы, нет никакой необходимости переводить его на нашу обыденную речь, на тот язык, на котором мы говорим, на котором сочиняются книги нашей так называемой литературы. Переводить на этот язык славянскую речь Евангелия – значит портить ее... Признано, однако, нужным иметь русский перевод Евангелия, и сделан первый опыт, который, по трудности этого дела, не мог быть совершенным. Необходимо продолжить эти опыты, доколе мы не получим перевод на языке достойном славянского подлинника, на языке, который не тревожил бы уха знакомого с гармонией церковного чтения»²¹.

В этом фрагменте обращают на себя внимание слова о «языке славянского подлинника». Разумеется, их автор прекрасно знал о том, что церковнославянская версия отнюдь не является подлинником в филологическом смысле слова. Таким образом, вопрос об адекватности русского текста греческому (что, казалось бы, и должно было являться основной переводческой задачей) вообще не ставится, заменяясь установкой максимального приближения к тексту церковнославянскому. Что же касается самого принципа передачи, то он формулируется следующим образом: «Думаю, что не следует менять, без особой нужды, оборот и построение славянской фразы, а следует, где возможно, к нему применяться... Заменяя слово другим, ходячим в разговоре, мы рискуем изменить или ослабить смысл употребляемого в священном тексте термина... И во множестве случаев нет никакой нужды в этой замене, от которой речь не становится понятнее, а только вульгаризуется»²².

Отметим, что в данном случае позиция К. П. Победоносцева почти текстуально совпадает с той, которой несколько столетий назад придерживались противники Максима Грека, один из которых, обличая афонского книжника за стремление приблизить текст Священного Писания к тогдашнему живому употреблению, с негодованием писал: «Мню, от книжных речей и общия народные речи

исправляти, а не книжныя народными обезбещати»²³. (Ковтун. 1975. С. 144). Однако поскольку русский текст мыслился как *поясняющий* церковнославянский, а не *заменяющий* его, ультраконсерватизм победоносцевского подхода не мог получить распространения.

Попытки внедрить русский текст в литургическую практику по-прежнему рассматриваются руководством Русской Православной Церкви как явно нежелательные. Католическая церковь в XX столетии в известной степени «десакрализовала» латинский, переведя богослужение на живые языки. Правда, с интронизацией папы Бенедикта XVI вопрос, если не о возврате, то о расширении применения латыни в богослужении, снова стал оживленно дебатироваться. Эта «контрновленческая» тенденция, отразилась, в частности, в папской энциклике «*Summorum pontificum*», опубликованной 7 июля 2007 г., которая, фактически, реабилитировала латинское богослужение. Как отмечалось, положительно отнеслись к этому и представители Русской православной церкви. В частности, Патриарх Алексий II отметил, что указанное решение может способствовать сближению католической церкви с восточными. Характерна и мотивировка такого отношения: «Мы очень сильно придерживаемся традиции. Без верного сохранения традиции Русская православная церковь не была бы способна выстоять в эпоху преследований в двадцатые–тридцатые годы прошлого века, – сказал председатель Русской церкви в интервью итальянской газете “*Giornale*”»²⁴.

Действительно, отечественное православие оказалось в отношении языка литургии более консервативным. Здесь его поддержали и многие выдающиеся деятели отечественной культуры, среди которых, в первую очередь, надо назвать имя Д. С. Лихачева.

Признавая, что основанием сторонников перевода богослужебных текстов на «обыденный» русский язык «является необходимость сделать богослужение более понятным», Д. С. Лихачев приводит следующие возражения:

1. при таком переводе «невнятность» богослужения, с одной стороны, усилится, поскольку, «обывательский» язык не имеет соответствующих богословских нюансов, а с другой – прервется многовековая культурно-религиозная традиция;
2. нарушится связь между православными славянскими народами, поскольку единство богослужения играет важную объединяющую функцию. «Так, болгары еще больше отделились от сербов. А сербы – от болгар в результате перехода их богослужения на национальные языки»;

3. хотя перевод богослужения на национальные языки, возможно, действительно сделает церковь более демократичной и близкой национальной культуре, «но есть опасность, что она станет не только национальной, но и националистичной... Да и «демократизм не всегда идет на пользу»;

4. церковнославянский язык неразрывно связан с русской культурной традицией, является постоянным источником для понимания русского языка, и отказ от его употребления в церкви и изучения в школе приведет к дальнейшему падению русской культуры.

5. русский язык «очищается», облагораживается в Церкви. «Да, Евангелие должно проповедоваться на всех языках... Русский язык никто не изгоняет из Церкви, но обращенные к Богу, Божией матери, к святым слова должны быть свободны от обыденщины, не соприкасаемы с бранью и вульгарщиной»²⁵.

В данном отношении позиция Д. С. Лихачева оказывается весьма схожей с замечаниями, высказанными в середине XVIII в. М. В. Ломоносовым относительно церковнославянского текста Священного Писания. Признавая, что даже для его современников (отделенных от нас промежуток в два с половиной столетия), «многие места оных переводов недовольно вразумительны», он вместе с тем настаивает на том, что от них «польза наша весьма велика»: «Ясно сие можно видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы... отсюда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского доступно... Употреблением сходного нам славенского языка купно с российским отвратятся... неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют»²⁶.

В этой связи хотелось бы остановиться на одном высказывании Н. Б. Мечковской, посвятившей

специальную работу взаимоотношению языка и религии. Касаясь происходивших в начале прошлого столетия споров о переводе православного богослужения на русский язык, она утверждала: «Дискуссия продолжалась до 1943 г., пока ее не оборвало государство, запретив всякие попытки ввести русский язык в богослужении. *Атеистическую власть вполне устраивало, что народ ничего не понимает в храме* (курсив наш – Г.Х., И.В.). После 1943 г. разговоры о богослужении на русском языке сразу воспринимались как церковное диссидентство, протестантизм и даже политическая неблагонадежность»²⁷.

При всей односторонности и явной неприемлемости такого объяснения (трудно заподозрить в солидарности с «атеистической властью» академика Лихачева и нынешнее руководство Русской Православной Церкви, тем более, что упомянутая власть уже прекратила свое существование), один момент, на наш взгляд, подмечен исследовательницей верно. Принцип «народный язык вместо традиционного сакрального» (а не *в помощь* ему), действительно ярче всего проявляется именно в протестантских течениях, а Русская Православная Церковь, пережившая в XX веке, помимо гонений извне, и попытку подрыва изнутри в лице так называемых «обновленцев», имеет определенные основания смотреть на «русификацию литургии» с некоторым сомнением.

Georgy T. Khukhuni, Irina I. Valuitseva. The retranslation of the sacre text: return or modernization?

The present article deals with the problem of the retranslation of the Bible in Christian tradition. The difference between Roman Catholic Church, Russian Orthodox Church and Protestant Churches is analyzed. Three main tendencies are postulated: 1) the return to the «right» text on sacred language and «purification» of the existing version; 2) striving for «modernization» – the transition from the traditional sacred language to the modern one; 3) the contamination of both tendencies, when the Bible is represented on «non-sacred» language, but the text is most archaized.

1. Лебедев А. П. История разделения церквей. М.: Издательство «Даръ», 2005. С. 137.
2. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: МПСИ, 2006.
3. Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Религиозный текст как объект межъязыковой передачи // Теория и практика перевода. Научно-практический журнал. М.: НВИ. 2007. № 1 (3).
4. Бернштейн С. Б. Константин Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 95–96.
5. Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии АН СССР. Т. I. Л.: Издательство АН СССР, 1930. С. 136–138.
6. Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин»; издательство Böhlau, 1995. С. 33.
7. Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб.: Издательство

- «Дмитрий Буланин»; издательство Böhlau, 1995. С. 33, 34.
8. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XXI век). М.: «Гнозис», 1994. С. 6.
 9. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН; Институт иностранных языков, 2006. С. 59.
 10. Рижский М. И. Русская библия. История переводов библии в России. СПб: Авалон, Азбука-классика, 2007. С. 178—180.
 11. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 109.
 12. Biblia Sacra iuxta Vulgatam Versionem. Stuttgart: Württembergische Bibelanstalt, 1975. Т. 2. Р. 1515.
 13. Валуйцева И. И. Время как металингвистическая категория. М.: Издательство МГОУ, 2006. С. 168—169.
 14. The Portable Medieval Reader. Kingsport: Penguin Books, 1977. Р. 402.
 15. Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин»; издательство Böhlau, 1995. С. 34—35.
 16. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: МПСИ, 2006. С. 106.
 17. Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 259.
 18. The Craft and Context of Translation. Ed. by W. Arrowsmith and R. Shaltuck. New-York: Anchor Books, 1964. Р. 358.
 19. Верещагин Е. М. Евангелие // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Научное издательство Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 126.
 20. Верещагин Е. М. Библия // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Научное издательство Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 53.
 21. Победоносцев К. П. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа в переводе К. П. Победоносцева // <http://come.to/sbible>.
 22. Победоносцев К. П. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа в переводе К. П. Победоносцева // <http://come.to/sbible>.
 23. Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII века. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1975. С. 144.
 24. Алексей II рад возвращению католиков к латинской мессе // <http://worldntws.org.ua/news69578/html>.
 25. Лихачев Д. С. Русский язык в богослужении и богословской мысли // http://www.pravmir.ru/article_1993.html.
 26. Ломоносов М. В. Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1980, С. 395, 398.
 27. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. С. 242.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Беляков М. В.

В статье рассматриваются некоторые особенности политического дискурса, в том числе существование и функционирование в рамках политического дискурса интертекста как одного из его неотъемлемых компонентов, позволяющего решать многие прагматические задачи, например, разрешение оппозиции «свой-чужой».

Ключевые слова: политический дискурс, интертекст, понимание, интерпретация, «свой-чужой»

Keywords: political discourse, intertext, comprehension, interpretation, «our-stranger»

Понятие дискурса до настоящего времени претерпело множество трансформаций, но и сегодня оно не имеет однозначного толкования, его нельзя отнести к числу конкретных.

Под дискурсом в лингвистике могут пониматься различные единицы, например: речь, связанная речь; речевой поток; сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, текст; коммуникативно-целостное и завершенное речевое произведение и определенный тип ментальности; вербализованное сознание; сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, влияющие на его производство и восприятие; реальный, естественный текст; речевые жанры. При этом необходимо отметить, что в исследованиях проявляется тенденция изучения связного текста, учитывающая его динамический (деятельностный, коммуникативный) аспект. Итогом развития данной тенденции было создание теории дискурса, где речь рассматривается как целенаправленное социальное действие, а связный текст не отделяется от прагматических, социокультурных, психологических и других экстратекстовых факторов.

Т. А. Ван Дейк, в частности, говорит о дискурсе в широком смысле (как комплексном коммуникативном событии), дискурсе в узком смысле

(как тексте или разговоре), дискурсе как конкретном разговоре, дискурсе как типе разговора и о дискурсе как жанре¹.

В англоязычной литературе термин «дискурс» выступает в значении «речевая деятельность» или «коммуникативная деятельность». Выделяют три основных подхода к исследованию дискурса. В рамках первого, формального подхода дискурс определяется как высказывание, выходящее за рамки словосочетания и предложения. Согласно второму подходу основное внимание обращается на семантику предложения, которая исследуется по отношению к структурам всего дискурса. Третий подход к трактовке понятия дискурс предполагает изучение взаимодействия формы и функции. Но, скорее всего, определение дискурса зависит в первую очередь от мотива, коммуникативного намерения, цели, нейролингвистической программы в производстве рассматриваемого акта коммуникации и др.

В отечественной лингвистике выделяются два основных направления исследования дискурса. Первое – это когнитивный подход, который предполагает изучение связи дискурса с когнитивными функциями и процессами. Второе, которое можно назвать динамическим, анализирует процессы порождения текста автором и его восприятие реципиентом.

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент Кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО (У) МИД РФ, профессор русского отделения Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Korea; e-mail: belmax@hotmail.ru. Статья подготовлена автором при содействии Сеульского университета Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Korea.

Чудинов А. П. рассматривает дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (такие как знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Таким образом, термин «дискурс» имеет не только лингвистический характер, но и является предметом исследования лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики².

Тем самым, современная концепция дискурса строится с учетом грамматики текста, прагматики, с вовлечением в анализ социальных факторов (мнений и установок коммуникантов, их этнической и социокультурной принадлежности и др.). Особое внимание уделяется личностным характеристикам носителей языка (намерениям, чувствам, эмоциям и т.д.). Все эти экстралингвистические факторы активно участвуют в процессах, как порождения, так и восприятия дискурса. Исследователи подчеркивают, что одной стороной дискурс обращен к ситуации, а также к ряду личностных и социальных характеристик (антропологических, этнографических, социологических, психологических, языковых и культурных). Другой стороной дискурс обращен к ментальной сфере общающихся индивидов, которая отображает и факторы внешнего контекста.

Политический, новостной, научный дискурс могут рассматриваться как жанровое понятие. Следует отметить, что политический дискурс не поддается однозначному определению не только в силу абстрактности понятия дискурса, но и ввиду отсутствия четкого определения категории «политика».

Одна из особенностей политического дискурса – это его явная интертекстуальность. Известно, что в основе теории интертекста лежат полифоническое литературоведение Бахтина, работы Тынянова о пародии и теории анаграмм Ф. де Сосюра, основателя структурной лингвистики. Теорию интертекста развивал Ролан Барт: «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски “источников” и “влияний” соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек»³. Интертекст стал неотъемлемой частью политического дискурса, поскольку выступления политических деятелей часто имеют отсылки на предыдущие тексты этого же политика или содержат цитаты из выступлений других известных политических деятелей, прецедентные имена и т.п.

Рассматривая политический дискурс как частное понятие по отношению к дискурсу как общему понятию, следует обратить внимание на обобщающий их коммуникативный характер. Можно полагать, что в процессе коммуникации существует определенная цель, которой стремится достичь говорящий, и цель эта – понимание сказанного слушающим (адресатом). Достижимость этой цели обусловлена рядом параметров, характеризующих как говорящего, так и слушающего. Говорящий стремится не только добиться «языкового» понимания со стороны слушающего, но и инициировать согласие, поддержку, сочувствие, сопереживание и т.д. В связи с этим используется ряд риторических приемов. Одним из приемов, направленных на расположение слушающего в пользу говорящего, является использование интертекста, как некоего текста, который содержит в себе определенную цитату, представляющую собой фрагмент иного текста, или целый текст. При этом интертекст имеет двоякую направленность. С одной стороны – это своего рода код, позволяющий выявить диспозицию «свой – чужой». Рациональное использование интертекста дает возможность говорящему быть причисленным к категории «своих». С другой стороны интертекст – это прецедентный текст, являющийся подтверждением правоты говорящего на основе использования более ранних «авторитетных» текстов, или текстов, получивших распространение в определенном социальном сообществе, а следовательно, воспринимаемых как объективная реальность, подтверждаемая историческим прецедентом. Таким образом, интертекстуальная насыщенность политического дискурса является весьма прагматичной.

Одним из проявлений интертекстуальности может служить игра слов как общее понятие и, в частности, метафора, – мощное средство воздействия на аудиторию. Но если в обыденной речи мы используем метафору, неосознанно пытаемся повлиять на мнение собеседника, то в политическом дискурсе этому явлению осознанно уделяется большое внимание. Метафора часто используется в PR-технологиях из-за своего семантического строения – уподобления через одно слово двух разных понятий.

Вторичное значение с характерными для него ассоциациями и возникающее вследствие этого переживание вызывает различного рода эмоции. Но для того чтобы более осознанно манипулировать чувствами и эмоциями потенциальных реципиентов, необходимо учитывать особенности образования и функционирования метафоры.

В политическом дискурсе метафора в основном имеет прагматическую функцию. Она может

служить для более точной передачи мысли, для образной и выразительной передачи сообщения. При этом, «играя» словом, автор не только обращает внимание на звуковую форму и семантику слова, на его этимологию, на наличие синонимичных слов, но и усиливает эмоциональное воздействие на реципиента. Возникающие при восприятии метафоры ассоциации и эмоции являются орудием воздействия на предполагаемого избирателя, а, следовательно, на общественное мнение и политическую ситуацию.

Существуют различные толкования термина «метафора» с точки зрения структурно-семантического и когнитивного подходов.

В когнитивной лингвистике метафора – способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющихся в данной семиотической системе. Это определение хоть и отражает сущность процесса метафоризации, но ничего не говорит о функциональных свойствах данного явления. Наиболее четкой представляется дефиниция языковой метафоры как «вторичной косвенной номинации при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента»⁴. Как категория лексикологии языковая метафора здесь отграничена от индивидуально-авторской (художественной) метафоры, а как образное языковое средство – от генетической метафоры. Однако стоит отметить, что индивидуально-авторская, языковая и генетическая метафоры могут рассматриваться как виды одного языкового явления, т.к. они сходны по принципам семантических процессов, происходящих при метафоризации. Особую роль играет именно авторская метафора, так как именно она чаще других апеллирует к интертексту.

Итак, политическая метафора в наши дни становится одним из самых важных средств воздействия на реципиента. Это средство должно найти ожидаемый отклик у тех, на кого эта метафора нацелена, вызвать некоторое переживание. Результатом такого воздействия могут быть от разного рода эмоциональных состояний до формирования политических пристрастий реципиента путем смены его мировоззрения. Реципиент должен испытывать чувства неодобрения, презрения, пренебрежения, одобрения, сочувствия и т.д. Кроме того, преднамеренное использование в речи политика игры слов, включая метафору, создает дискурсивный портрет говорящего. Имидж является одновременно и основной составляющей языковой личности, и результатом проявления языковой личности в ситуации общения.

Дискурсивный портрет политика представляет собой взаимосвязанную совокупность таких факторов, как наличие определенной коммуникативной цели,

способности эффективно аргументировать свои позиции, уровня коммуникативной компетенции, и является наиболее эффективным комплексным аналитическим инструментом для создания и поддержания канала обратной связи с реципиентами. Важную роль при этом опять-таки играет интертекстуальность, позволяя, благодаря ссылкам на известные автору и реципиенту понятия, факты и тексты, устанавливать более тесный контакт.

В политическом дискурсе вырабатываются коммуникативные стратегии и коммуникативные тактики (планирование речевой деятельности, отбор принципов, способов и приемов, которые обеспечат достижение успеха). К стратегии относится планирование в обобщенном виде (ориентируется на изменение политических взглядов адресата, изменение его отношения к тем или иным теориям, событиям). Стратегии выбирают в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации. Для этого может использоваться стратегия восхваления или дискредитации деловых или моральных качеств политического деятеля, его программы и т.д. Стратегический план может быть ориентирован преимущественно на рациональное воздействие, на обращение к чувствам предполагаемых реципиентов или на сочетание рациональных и эмоциональных аргументов.

Стратегии реализуются с помощью коммуникативных тактик. Коммуникативная тактика – это конкретные способы реализации стратегии. Например, стратегия дискредитации кандидата может быть реализована с помощью демонстрации негативных личных качеств этого кандидата или апеллированием к известным его речам (текстам), которые не относятся к разряду позитивных. Под коммуникативной тактикой понимают специфический вид речевого воздействия, имеющий целью внедрение в сознание под видом объективной информации неявного, но желательного для тех или иных политических групп содержания таким образом, чтобы у реципиента формировалось на основе данного содержания мнение, максимально близкое к требуемому. Среди коммуникативных тактик может применяться также публикация статистических данных, относящихся к деятельности того или иного субъекта политической деятельности (политика, политической партии, организации, государства и т.д.); изложение предпочтительной точки зрения на тот или иной вопрос (политической или экономической программы, плана действий, группы оценок) и т.д. Но статистические материалы часто бывают непонятны без комментария специалиста и трудны для более или менее полного и подробного воспроизведения в дальнейших обсуждениях,

в бытовых беседах, диалогах, где любая точка зрения «вызывает», сверяется с точкой зрения, принятой людьми, чья позиция и мнение по той или иной причине релевантны для конкретного избирателя. Комментарий же к статистическим данным, подытоживающий их, выражающий чью-то точку зрения, вполне может содержать и часто содержит интертекстуальные отсылки и метафоры, которые, собственно, и запоминаются и становятся впоследствии предметом цитирования, воспроизведения, обсуждения, т.е. реальным инструментом политического воздействия.

Изложение политической или экономической программы имеет также некоторые особенности. Объемы подобных документов, как правило, не позволяют публиковать их целиком в средствах СМИ, а если они и публикуются, то нередко бывают трудны для восприятия неподготовленным массовым реципиентом. Чаще всего сторонник той или иной политической программы не имеет собственно о программе никакого понятия, а составляет о ней представление по некоторой «квинтэссенции», выделенной специалистами по политическому маркетингу из данной программы и представленной в виде короткого и «яркого» высказывания, чаще всего в виде все той же метафоры. Использование метафоры в речи политиком часто определяет его популярность в народе.

Можно предположить, что политический дискурс должен быть беден метафорами, т.к. речь публичного политика в значительной степени состоит из комиссивных актов (предвыборных обещаний и т.п.), степень последующего воплощения которых в реальность должна быть контролируема. Но, как только центр тяжести переносится на эмоциональное воздействие, что в политической жизни (из-за низкой политической, экономической и т.п. грамотности электората) случается чрезвычайно часто, образные интертекстуальные средства языка вступают в действие. Так, когда в речи ультиматум вырождается в угрозу, имеющую своей целью устрашение, он может быть выражен метафорически. Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит, как в обыденную, так и в политическую речь элемент артистизма, а вместе с ним и метафору.

Одной из особенностей современного политического дискурса является его «интернациональность». В условиях современного информационного общества высказывание крупного политика, представляющего интерес для других стран, быстро получает широкое распространение через СМИ за пределами одной страны. При этом надо учитывать, что возможно появление определенных проблем, связанных с интерпретацией

этого высказывания (особенно интертекста), в частности, с иноязычной интерпретацией. Пожалуй, одним из наиболее известных примеров подобного рода проблем, связанных с переводом интертекста, может служить история с переводом угрозы Н. С. Хрущева, обещавшего показать США «кузькину мать».

Рассмотрим пример, характерный для современного политического дискурса. Известен случай, когда в октябре 2007 г. Анатолий Чубайс в беседе с журналистами по поводу вступления России в ВТО сказал: «Мы входим в какой-то "День сурка"...» В данной ситуации важно рассмотреть позицию говорящего и слушающего. В высказывании имеется явный интертекст, направленный на полное понимание со стороны слушающего. В роли слушающего выступали российские и зарубежные журналисты.

Мы можем выстроить упрощенную логическую цепочку. Для российских журналистов, являющихся носителями русского языка, то есть языка высказывания, эта цепочка достаточно проста, поскольку из нее исключается стадия перевода: **высказывание (интертекст) – понимание.**

Для иностранных слушателей цепочка включает звено «перевод»: **высказывание (интертекст) – перевод – понимание.**

Первое звено «высказывание (интертекст)» в обоих случаях идентично, поэтому сразу рассмотрим звено «понимание». Для американца, канадца, австралийца интертекст высказывания вызывает абсолютное понимание, поскольку в их странах день сурка – это традиционный праздник, отмечаемый ежегодно 2 февраля. Следовательно, данный интертекст ими может интерпретироваться как «нечто повторяющееся, ставшее традиционным».

Для носителя русского языка рассматриваемый интертекст также не вызывает проблем в понимании. Но, скорее всего, большинство наших соотечественников свяжет его не собственно с праздником (который в России отсутствует), а с американской комедией режиссера Гарольда Рэмиса «День сурка», которая хорошо известна в нашей стране. В этом случае возможна интерпретация интертекста как «дежавю, нечто повторяющееся в течение какого-то промежутка времени, доведенное до состояния навязчивого кошмара или абсурда».

Таким образом, можно говорить о том, что интертекст, использованный в политическом дискурсе А. Чубайса вызывает абсолютное понимание у русскоязычного слушателя и слушающего, являющегося представителем одной из вышеназванных стран. В то же время интерпретация может быть различной.

В данном примере различие в интерпретации обусловлено не переводом, а экстралингвистическим фактором, поскольку по-английски название праздника и название фильма звучат одинаково – *Groundhog Day*. Таким образом, звено «перевод» в логической цепочке не является причиной различий в интерпретации.

Можно предположить, что интерпретация, основанная на фильме, более соответствует смыслу, вложенному в высказывание А. Чубайсом.

Таким образом, современный политический дискурс тесно связан с интертекстом, более того – можно говорить о том, что интертекст стал неотъемлемой частью политического дискурса. Это, с одной стороны, позволяет решить некие прагматические задачи, с другой стороны, может привести

к различиям в интерпретации даже при условии высокого уровня понимания интертекста слушающим. Трудности такого рода могут быть обусловлены «интернационализацией» политического дискурса, вследствие значимости высказанного известными политиками для ряда стран. В то же время интертекст, понятный на «интернациональном» уровне может интерпретироваться в сознании по-разному.

Mikhail V. Belyakov. «Intertext interpretation in a political discourse».

The author investigates a question of specific features of political discourse and, in particular, occurrences and functioning in its frames intertext as one of its indispensable components.

-
1. *Teun Van Dijk*. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998.
 2. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.
 3. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 417.
 4. *Склярская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. С. 15.

ЛАТВИЙСКИЙ РЕЦЕПТ

Жданов С. В.

В статье предпринят анализ итогов пяти лет социально-экономического развития Латвийской республики в составе Европейского союза, особенностей экономической политики ее правительства в период мирового кризиса, а также оценка перспектив российско-латвийского взаимодействия.

Ключевые слова: Латвия, мировой кризис, экономическая политика, российско-латвийское взаимодействие

Keywords: Latvia, world crisis, economic policy, Russian-Latvian integration

Почти двадцать лет прошли с тех пор, как Латвия вышла из состава СССР и прекратила свое существование как социалистическое государство. Пять лет республика находится в составе Европейского союза. Прошло достаточно времени, чтобы подвести некоторые предварительные итоги уникального исторического опыта бывшей советской республики.

За последние десять лет численность населения Латвии сокращалась на 1 % в год и продолжает сокращаться вследствие высокой смертности и эмиграции как титульного, так и русскоязычного населения. В настоящий момент здесь проживает около 2,2 млн человек, из которых: латыши составляют 58 %, русские – 30 %, белорусы – 4 %, украинцы – 3 %. При этом латыши проживают преимущественно в сельской местности, тогда как в крупных городах их меньшинство (в Риге, например, не более 40 %, а в Даугавпилсе – 14 %). В свою очередь, в Российской Федерации проживают около 70 тысяч латышей. Единственным официальным языком провозглашен исключительно латышский, госучреждения принимают документы только на латышском языке, но парадокс заключается в том, что здесь по-русски говорят 80 % населения. Преподавание в государственных вузах на русском языке прекращено, русскоязычным эфирным СМИ в лицензиях отказано. Все средние школы

переведены пока на смешанный язык преподавания в пропорции 60 % учебных часов на латышском, 40 % – на русском языке.

Экономическое положение Латвии в составе СССР определялось относительной бедностью природными ресурсами, квалифицированной рабочей силой, выгодным ЭГП и важным военно-стратегическим положением. В результате индустриализации ведущее место в экономике заняла промышленность, обеспечившая занятость трети работавшего населения. Основу промышленности составляли 90 крупных предприятий и производственных объединений 42 отраслей, которые обслуживали потребности всего СССР. По уровню экономического и социального развития Латвия относилась к числу наиболее развитых: занимая 0,28 % территории, имея 0,9 % населения, республика производила 1,2 % национального дохода и продукции промышленности, 1,3 % продукции сельского хозяйства.

До распада СССР о Латвии говорили как об индустриально-аграрной стране с развитым машиностроением, химией тонких технологий, многоотраслевой деревообработкой и производством высококачественных строительных материалов, текстильной и пищевой отраслями и интенсивным, самым продуктивным в Союзе сельским хозяйством мясо-молочной специализации. Прибалты были тесно интегрированы

Жданов Сергей Владимирович – кандидат экономических наук, доцент Кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД России, e-mail: mirec@mgimo.ru.

в союзный воспроизводственный процесс с его внутри- и межотраслевой специализацией, а их продукция имела гарантированный сбыт.

Республике понадобилось более 10 лет, чтобы провести сложные, системные, часто непопулярные, но необходимые реформы с единственной целью максимально приблизиться к европейским стандартам. Эти реформы потребовали не только политической воли от руководства, но и немалых усилий от общества.

Радикальные экономические реформы имели своей целью переход к стабильной рыночной экономике и участие в международных интеграционных объединениях в качестве суверенного, равноправного партнера. Основными направлениями системных преобразований были: приватизация, либерализация цен, кардинальная перестройка налоговой, бюджетной и банковской систем, формирование рыночного механизма регулирования внешней торговли.

Главные мероприятия по либерализации цен на товары массового потребления были реализованы уже в первые два года после начала реформ. В подготовке и осуществлении мер по экономической стабилизации большую роль сыграли специалисты МВФ, разработавшие для Латвии программу реформ в монетарной и фискальной областях.

Дефицит платежного баланса в 2007 году составил 21 % от ВВП. Уровень безработицы в Латвии составил 7,2 % (для сравнения, в Литве – 3,1 %, в Эстонии – 1,9 %). В 2008 г. уровень инфляции подскочил до 13 %¹.

Теперь действует «комиссия по подсчету ущерба от советской оккупации», которая определила, что ущерб составляет 10 миллионов человеко-лет. Главным результатом своей деятельности комиссия, которая с августа 2005 г. получила статус института, считает создание базы данных на почти 58 тысяч депортированных из Латвии в 1945–1953 гг. и подготовку книги «Увезенные». С подсчетом экономического ущерба возникли сложности, связанные с невозможностью определить уровень развития Латвии до 1940 года. При этом отмечается, что все построенное в советский период не отличается высоким качеством, и комиссия не собирается снижать размер ущерба за оставшееся после Союза имущество. Задним числом подсчитываются ущерб от загрязнения среды, от использования латвийских природных ресурсов, косвенные демографические потери и даже потери за время военных действий в Афганистане. Всего насчитали 18,5 миллиардов долларов.

В Международный валютный фонд Латвия вступила в мае 1992 г. До 1999 г. квота страны в фонде

была 91,5 млн СДР, теперь она повышена до 126,8 млн СДР (по курсу на начало 2009 г. 1 СДР равен 1,472 доллара, или 0,82 лата). В первой половине 1990-х МВФ кредитовал проводимые Латвией структурные реформы. В общей сложности страна получила 123,6 млн СДР. В 2002 г. МВФ признал сотрудничество с Латвией удачным и перешел на новый уровень партнерства. Его специалисты стали оказывать техническую и консультационную помощь и обучать местный персонал.

В конце 2008 г. на волне мирового финансового кризиса правительство обратилось к МВФ за финансовой помощью (получила в марте 2009 г. 5 млрд евро). С такой же просьбой обратились к Еврокомиссии.

Приватизационная реформа была проведена летом 1994 года. Более половины жителей получили приватизационные сертификаты и открыли приватизационные счета, но механизм их использования не был отработан, в результате чего сертификаты были практически обесценены. Начатая приватизация предусматривала автоматическое преобразование госпредприятий в акционерные общества, выкуп предприятий персоналом, продажу на открытых аукционах, в том числе и иностранцам. Любое юридическое и физическое лицо, имеющее право участвовать в приватизации, может инициировать приватизацию любого объекта госсобственности.

Государственным агентством по приватизации более 700 государственных предприятий переданы в частные руки, 38 – ликвидированы. Канули в небытие такие известные предприятия как «ВЭФ», «Альфа», «Коммутатор», «Радиотехника». Крупнейший в бывшем СССР производитель электричек «RVR» ныне занимается только их ремонтом, равно как и завод по производству трамваев. Были ликвидированы Слокский целлюлозно-бумажный комбинат, а также знаменитая Кузнецовская фарфоро-фаянсовая фабрика. Высококласные специалисты остались без работы. Особенностью латвийского процесса приватизации является то, что среди предложенных объектов крайне мало крупных предприятий (к таковым можно отнести лишь Рижский судоремонтный завод, рыбоконсервный комбинат, «Латвэнерго», Рижский вагоностроительный завод, парфюмерную фабрику «Дзинтарс», ювелирную и табачную фабрики).

Целые отрасли и отдельные предприятия, прежде ориентированные на интеграцию с восточными соседями, упразднены или резко сокращены: производство трамваев, картофелекопалок, стиральных машин, электричек, удобрений, парфюмерных изделий и лекарств, трикотажа, консервов,

мебели. Спад произошел в 12 из 17 отраслей обрабатывающей промышленности, наиболее глубокий – в металлообработке, более чем на 60 % – из-за свертывания рынка сбыта. Значительное снижение производства отмечено в пищевой, текстильной, обувной, радиоэлектронной и автомобильной промышленности. Известный производитель микроавтобусов РАФ в Елгаве закрылся в 1997 году, не выдержав конкуренции и лишившись поставок металла и некоторых комплектующих. Правительство озабочено поисками инвесторов для возобновления производства автомобилей, однако промышленников пугают ограниченные размеры рынка. Напротив, ведутся переговоры об организации сборки иностранных автомобилей на конвейере РАФ. А пока (2004 г.) здесь усилиями немецкого концерна АКГ налажено производство автомобильных радиаторов. Здесь же в Елгаве запланировано производство нестандартных сидений для автобусов и авто силами бельгийской компании АСС.

Объем ВВП – составлял в 2000 г. 17 млрд долл. по ППС, а на душу населения – 6 960 долл. – самый низкий показатель в Европе, всего 47 % от средне-европейского уровня. В 2007 г. накануне кризиса эти показатели достигли 38,452 млрд долл., на душу – 16,9 тыс. долл., чуть больше, чем в Польше².

На фоне своих ближайших соседей картина на начало кризиса выглядела следующим образом: в 2006 году ВВП Эстонии на душу населения составил 18,2 тыс. долл., Литвы – 15,9 тыс. долл., Латвии – 15,5 тыс. долл. По статистике «World Development Report 2008», у Эстонии ВВП на душу населения составил 17,5, Латвии – 15,4, Литвы – 15 тыс. долл. Годом позже ВВП Литвы достиг 58 млрд долл., т.е. на душу населения – 17,2 тысячи (по ППС), соответственно у Латвии – 38,5 и 16,9, у Эстонии – 26,4 и 19,7 тысяч. В 2008 г. – у Эстонии 17,6 тыс. долл., у Латвии 14,4, у Литвы 15,2³.

Национальная денежная единица – лат (с 1 января 2008 г. лат привязан к евро по курсу 0,702804 с допустимым коридором колебаний не более 1 %). Переход на евро отложен на неопределенное время. Основу банковских резервов составляют ценные бумаги – на 5,37 млрд долларов (08), или 86 % от общей суммы. В условиях кризиса доверие к ценным бумагам стремительно падает, а, соответственно, и возможность их адекватного преобразования в живые деньги.

Еще совсем недавно Латвия поражала всю Европу своими показателями роста, за период 2004–2006 гг. – он составил в среднем 10,4 %, а в 2007 г. – 11,1 % (самые высокие показатели в ЕС), однако, несмотря на это, реальная экономика пока находится в самом начале подъема, поскольку до сих пор еще

не компенсированы потери в первой половине 1990-х годов. Дело в том, что реальные достижения экономики следует оценивать не в фактических, а в сопоставимых ценах. Если взять, например, сопоставимые цены 2000 г., то в 1990 г. ВВП страны составлял 6 771 млн латов, в 2004 г. – 6 358 млн и только в 2005 г. достиг уровня валового производства советской Латвии, т.е. через 15 лет. Тогда сельскохозяйственное производство сократилось наполовину по сравнению с 1990 годом, промышленное производство в 1995 г. упало до 32 %, строительство – до 13 %, услуги – до 85 %, ВВП в целом – до 49 %. (рассчитано по данным статистического ежегодника *Latvijas statistikas gadagrāmata*). Да и темпы роста промышленного производства все еще в два раза ниже общего показателя (на уровне 5–6 % в год).

Главный вклад в рост отечественного производства внесли торговля (17 %), транспорт со связью (16 %) и жилищное строительство (15 %). Именно в эти отрасли с быстрой окупаемостью наиболее охотно вкладывали свои капиталы иностранные компании. Теперь дальнейшие возможности роста этих отраслей ограничены, поскольку рынок уже насытился.

Жилищное строительство развернулось в условиях дешевых европейских кредитных денег и стремительного освоения латвийскими банками ипотеки. Однако дешевые деньги вызвали небывалый всплеск инфляции. Чтобы ее покрыть, банки вынуждены были поднять кредитные ставки по долгосрочным кредитам.

С началом мирового кризиса ситуация стала стремительно ухудшаться, и по этому показателю Латвия вновь удивила всю Европу. Последний всплеск отмечен в 2007 г., когда ВВП, несмотря на резкое торможение в последнем квартале, вырос на 10,5 %⁴. Этот прирост был обусловлен в основном высоким внутренним спросом, особенно частным потреблением и созданием общего основного капитала. Стремительный рост частного потребления объясняется ростом реальной заработной платы работников, трудовой занятости и кредитования. Как и в предыдущие годы ВВП продолжал расти, главным образом, за счет сферы обслуживания и строительства. Самыми высокими темпы роста были в строительстве, торговле и финансовом посредничестве, самыми низкими – в обрабатывающей промышленности. ВВП в 2008 г. сократился на 4,6 %, а в 2009 г. ожидается сокращение еще на 5 %.

Анализ развития ситуации показывает, что причины былого головокружительного взлета имели весьма поверхностный характер. Если посмотреть по отраслям, то окажется, что в республике в первую

очередь развивалась розничная торговля. Она и обеспечивала рост товарооборота. Бурное строительство было связано с инвестициями и относительно дешевыми кредитами – 10–15 процентов. Дело в том, что перед вступлением в ЕС проводилось много исследований о насыщенности латвийского банковского рынка, который оказался совершенно пустым, что сулило большие возможности бизнесу, и сюда хлынул поток денег. За счет них поднимались зарплаты (за один только 2007 год зарплата выросла на 30 %). По подсчетам аналитиков с 2004 года по 2007 год ВВП в сопоставимых ценах вырос на 37,6 %, а реальная заработная плата – на 81,3 %. За один лишь 2006 г. объем потребительских кредитов жителям увеличился на 79 %⁵. Кстати, именно по этой причине долгое время общественность не обращала должного внимания на инфляцию.

Кроме общих разглазольствований по поводу перехода к экономике с высокой добавленной стоимостью правительство так и не выработало четкий и детальный план действий не только на перспективу, но и на ближайшее время. Складывается парадоксальная ситуация – уже возникла проблема с освоением средств из структурных фондов ЕС, предназначенных для Латвии. При этом сохраняются негативные внешние факторы – увеличиваются цены на топливо, растет дефицит рабочей силы. Западные страны рассматривают страны Балтии не более как дешевый ресурс для собственного развития и диктуют свои условия. Под их давлением резко сократился рыболовецкий флот, закрыты предприятия по переработке сахарной свеклы, а выращивание ее и вовсе сошло на нет.

В отраслевой структуре (2008 г.) на сельское и лесное хозяйство, рыболовство приходится около 3,3 % ВВП, промышленность и строительство – 22,3 %, сферу услуг – 74 %⁶. За период 1998–2007 гг. промышленное производство росло медленнее других секторов экономики – всего 5 % в год, и то преимущественно за счет размещения на латвийских предприятиях заказов европейских фирм.

Численность работающих в реальном секторе экономики сократилась на 309 тысяч человек, т.е. на 54 %. Падение произошло даже в сфере услуг. Успехи демонстрировало лишь государственное управление – оно выросло в 2,26 раза, а численность чиновников – в 3 раза. По глубине падения Латвия была абсолютным чемпионом на всем постсоветском пространстве.

Сельское хозяйство сворачивается. ЕС платит балтийским фермерам дотации за то, чтобы они ничего не производили. Теперь и дотаций не будет, поскольку в Европе свои трудности. В ЕС

в условиях кризиса снижают налоги, а в Латвии повышают, не говоря уже про замораживание зарплат в условиях инфляции.

В магазинах скидки по 70 %, но покупателей нет. Цены на недвижимость упали в 3 раза. Нарастает волна увольнений. Сейм срочно принял закон, согласно которому распускание слухов о девальвации лата является преступлением и карается сроком до 8 лет. Статья «Экономический подрыв государства». И уже есть первые привлеченные.

Благодаря выгодам своего положения и роли в обслуживании российской внешней торговли, а также поставкам промышленных и продовольственных товаров на обширный рынок России, Рига в свое время стала крупнейшим городом Прибалтики. Так как Латвия не обладает сколько-нибудь существенными природными ресурсами для развития экономики, то со всей очевидностью возникла объективная проблема максимального эффективного использования своего географического положения. Поскольку восточные соседи латышей разочаровали, то свою нынешнюю экономическую политику модернизации они сориентировали на Запад, что предполагает быструю и максимальную перестройку национальной экономики по образцу малых стран Европы.

По мнению специалистов из ЕБРР, главным критерием, определяющим способность отдельных стран пережить глобальные потрясения, станет эффективность структурных реформ. Учитывая тот факт, что в Латвии более 60 % ВВП составляет сектор услуг, и в первую очередь транзитных, а также невозможность резкой переориентации обрабатывающей промышленности страны на западные рынки, сколько-нибудь заметных сдвигов на макроэкономическом уровне, а также в промышленности и в сельском хозяйстве в ближайшее время не предвидится. А вот рынок России будет по-прежнему сохранять принципиальное значение для Латвии.

Сегодня проблема состоит в том, что Латвия не нашла пока своей экономической ниши в системе регионального разделения труда. Весьма качественная, но отнюдь не уникальная продукция сельского хозяйства и легкой промышленности такую специализацию обеспечить не может даже с дешевой рабочей силой.

Сейчас две трети основного капитала всех латвийских предприятий принадлежат иностранцам. Таким образом, что и как развивать решают уже не латыши и их «неграждане». По крайней мере, в тех отраслях, которые приносят наиболее ощутимый доход: финансы, страхование, недвижимость, торговля, общепит.

В рейтинге 20 наиболее крупных и процветающих компаний Латвии оказались 8 торговых,

2 транспортные, 4 телекоммуникационные и только 3 промышленные компании, которые занимаются металлообработкой (Лиепайский металлургический завод), деревообработкой и производством алкоголя («Латвияс Бальзамс»).

К началу 2008 г. лидерами национальной экономики стали две компании в области телекоммуникаций («Tele 2 Holdings» и «Latvijas Mobilais telefons»), два банка («Hansabanka» и «Parex Banka») и лесохозяйственное объединение «Latvijas Valsts meži».

Избранная правительством модель развития экономики, в которой доминирующая роль отводится дешевой рабочей силе, а не высоким технологиям, не имеет перспективы, особенно для Латвии, обделенной ресурсами. А торговать лесом бесконечно долго не удастся. Учитывая ситуацию, правительством была разработана Национальная программа инноваций на 2003—2006 годы, предусматривавшая увеличение объема наукоемких производств в обрабатывающей промышленности с 6 % до 25 % (в Европе этот показатель превышает 30 %, а в сфере высоких технологий занят каждый десятый работник, тогда как в Латвии — только 4,4 % работающих). Затем в 2006 году был принят новый, теперь уже семилетний, план развития на период 2007—2013 гг., где в принципе подтверждены приоритеты на разработки инновационных технологий и организацию современного производства. Евросоюз обещал до 2013 года выделить на эти цели 5,7 млрд евро. Однако в планах не конкретизируется, где взять соответствующих задачам работников и как определиться с рынками сбыта новой латвийской продукции. Государство тратит на научные разработки в три раза меньше, чем в среднем по Европе, а частный сектор практически устранился от поддержки научных исследований. На начало 2004 года в стране действовали не более 50 предприятий, которые сами проектируют, производят и продают свою продукцию. Остальные заняты в основном в сырьевых отраслях и сфере обслуживания, которые не предъявляют повышенного спроса на интеллектуалов. В Европе 21,2 % населения имеют степень магистра, в Латвии — 18,2 %. Производительность труда составляет всего 43 % от среднеевропейской⁷.

На реализацию программы развития интеллектуальной сферы из госбюджета выделено всего 130 тыс. латов. Плюс значительные возможности предоставляют пять программ государственной поддержки частного сектора из фондов ЕС. И, тем не менее, на одного работника в Ирландии, например, приходится 139 тысяч евро выработки продукции, а в Латвии всего 9,5.

Подводя итоги пятилетнего пребывания в составе Европейского союза, обозреватели сходятся на том, что этот период войдет в историю Латвии как годы ликвидации национального народного хозяйства и деиндустриализации.

В начале 2008 г. бывший премьер правительства Иварс Годманис признал: «Мы абсолютные лидеры по инфляции в Европе. Мне трудно назвать вторую страну, которая близко подошла бы к нам по этому показателю»⁸. В 2009 году рост инфляции достиг 17,5 %. С марта по апрель цены на хлеб выросли на 5,2 %, на овощи — на 6,2%. Резко подорожали медицинские, коммунальные и транспортные услуги. Это повлекло снижение международного рейтинга экономики Латвии, что перепугало инвесторов. И инфляция продолжает нарастать из-за дальнейшего повышения тарифов на энергию, из-за розничной торговли, которая продолжает накручивать цены в условиях ажиотажного спроса. Сейчас, правда, наметилась тенденция к снижению объема потребления. Однако сокращение потребления уже создает другую проблему — снижение налоговых поступлений в бюджет.

В конце 2008 года производство упало на 10,5 %. 20 февраля 2009 года начались массовые акции протеста сначала в Риге, а затем в других городах Латвии, и правительство Годманиса ушло в отставку.

Создается устойчивое впечатление, что за годы самостоятельного развития власти так и не научились управлять по европейским стандартам свободного рынка. За все эти годы не было предпринято даже попытки создать более-менее сбалансированную структуру экономики. Латвия жила исключительно за счет сферы услуг и за счет стимулирования потребления. И из этих двух сфер выжали все.

Сегодня Латвия пожинает горькие плоды ошибок начала 1990-х годов, когда была на корню разрушена вся промышленность, и доминировало устойчивое заблуждение, что можно создать прочную экономическую базу, способную противостоять внешним кризисам и внутренним проблемам, не имея собственного производства, своего «ноу-хау», своей ниши на мировом рынке, уповая только на «справедливое» разделение труда и доходов в ЕС.

Сейчас очевидно, что среди стран Балтии в период мирового финансового кризиса именно в Латвии сложилось самое незавидное экономическое положение. Скорее всего, дефолта не избежать. Спасти ее смогут лишь внешние вливания и жесточайший режим экономии, в том числе резкое сокращение государственных расходов в социальной

сфере. Местная элита в полной растерянности. Президент, наконец, признал, что провалы в экономической политике не следует связывать только с мировым кризисом.

Акционерами латвийских банков являются банки Швеции, Германии, Финляндии, Эстонии и России, а также международные ЕБРР и «Свед-фанд». Сформировалась группа банков, которая активно оперирует с ценными бумагами, в том числе с зарубежными, более доходными, чем местные. Крупнейшие банки после российского финансового кризиса 1998 года сумели найти крупных западных акционеров и новые рынки, а остальные выжили в основном за счет того, что вкладывали клиентские деньги в прибыльные российские ценные бумаги и обслуживали финансовые потоки, идущие из России в Латвию и обратно. Большую часть вкладов в латвийские банки обеспечивают нерезиденты, главным образом, из РФ и других стран СНГ. Доля иностранного капитала в банковской сфере, достигла более 70 %.

Социальное положение. В 2002 году уровень жизни населения Латвии составлял всего 27 % стандарта ЕС. Официальный уровень безработицы в 2000 г. возрос и составил 14 % (в 2004 – снизился до 8,6 %, т.е. 91 тыс.чел, в 2006 – до 7,2 %, в 2007 – 5 %, в 2008 – 5,6 %, в 2009 – 19,7 %); реально же без постоянного источника доходов вынуждены существовать более 20 % трудоспособного населения; подавляющая часть безработных – неграждане.

Реальные доходы населения сократились, 90 % населения живет ниже прожиточного минимума. Инфляция в 2007 г. поднялась до 11,6 %. Разрыв в уровнях доходов богатых и бедных – 10 раз. В стране насчитываются более 300 миллионеров. С 1995 года рост цен опережает рост заработной платы. Среднедушевой доход – самый низкий в Европе (38 место в 2009 г.). В конце 2007 года прожиточный минимум в Латвии взлетел до 133 латов, увеличившись за год на 15,3 %, а в 2008 г. до 168 латов (21 %). При этом расходы на непродовольственные товары увеличились на 13 %, а на продукты питания – на 18 %. Торговые накрутки на товары достигают 100 %. Цены на услуги подскочили в 2008 г. на 35 %⁹. Правительство было вынуждено ужесточить государственный контроль за торговлей с целью не допустить спекуляции и неоправданного завышения цен.

По данным национального ЦСУ средняя зарплата после уплаты налогов составила 257 латов, увеличившись за год на 33,4 %. Пенсии за этот же период увеличились на 13 %, до 103 латов. Согласно прогнозам аналитиков Латвийс Унибанка, в 2008 г. средний уровень заработной платы

вновь подскочит до 550—600 евро в месяц при практически неизменной производительности труда.

У рядовых граждан вступление в ЕС ассоциируется с возможностью уехать на заработки в Европу. Первоначально открыть границу для рабочей силы отважилась лишь Ирландия, но неофициально жители стран Балтии использовали другие легальные возможности пересечения границ, особенно в Скандинавию. За период 2005—2007 годы работать в одну только Ирландию официально выехали 27 805 жителей Латвии. Реальные же цифры (10 тысяч человек ежегодно) намного выше, а география шире.

В результате предприятия столкнулись с трудноразрешимой проблемой поиска рабочей силы, особенно квалифицированного персонала. Ситуация обострилась, когда разрешение на въезд стала давать Великобритания и особенно Дания, которая дает визы даже негражданам. 40 % латвийских граждан, работающих за границей, осели в Великобритании, 32 % – в Ирландии, по 5 % – в Германии и Норвегии, по 3 % – в России и США.

Внутренних резервов для притока рабочей силы уже нет. Численность населения в трудоспособном возрасте быстро сокращается (чуть больше миллиона в 2006 году). В ближайшие годы демографическая ситуация еще больше обострится, поскольку на рынок труда выходит поколение, родившееся в начале 1990-х годов, когда рождаемость была крайне низкой. Наибольший дефицит наблюдается среди рабочих низкоквалифицированных специальностей, сейчас, например, строителей, сварщиков и продавцов.

Пока легальных гастарбайтеров в стране немного. Однако приток рабочей силы из-за границы продолжает нарастать (в 2007 году – 4 215 человек), и, похоже, процесс этот уже не остановить. Для примера, согласно данным Госагентства занятости, в Латвии на начало 2008 года имелись 3 тысячи вакансий в области транспорта и связи, 4 тысячи – в промышленности, 1200 – в здравоохранении, и даже в сфере государственного управления – 4 500¹⁰. При этом следует учесть ретивость борцов за статус латышского языка как единственно общепринятого. Поэтому вся приезжая масса гастарбайтеров рискует оказаться в группе «лингвистического риска».

Экономическая политика. С принятием в 2007 году 20-летнего плана развития появились признаки возврата к практике среднесрочного и долгосрочного планирования в экономике. Все чаще из уст нового министра Юрия Стродса (математика по образованию) звучат еще не успевшие забыться термины: огосударствление экономики,

планы развития народного хозяйства, сетевые графики и т.п. В первые 15 лет самостоятельного развития в условиях рынка государство уповало на быстрый рост частного предпринимательства, но ожидания оправдались лишь частично, и поэтому власть решила сосредоточиться на поддержке только успешного бизнеса. Прежде всего, уже в который раз, решено до 2013 года выстроить наукоемкую инновационную экономику, дающую продукцию с высокой добавленной стоимостью. При этом особые надежды возлагаются на инвестиционные фонды ЕС. А пока правительство выделяет в качестве приоритетных отраслей строительство, энергетику, металло- и деревообработку, фармацевтику и туризм.

В 2007 г. принята т.н. «Стратегия Латвии по освоению финансирования фондов ЕС на 2007—2013 гг.», предусматривающая выделение республике из фондов ЕС 4,53 млрд евро. Деньги распределены на три части: развитие личности (1,15 млрд), повышение доли наукоемкой составляющей в национальном продукте (0,71 млрд). Одновременно увеличивается размер взноса самой Латвии в бюджет Евросоюза — 158 млн лат в 2008 г., что на 14 % больше, чем в 2007 г.¹¹

Однако, развитие наукоемких отраслей, на которые возлагаются особые надежды в поисках оптимального пути вхождения в европейскую цивилизацию, пока тормозится. Во всяком случае, по статистике Европейского патентного бюро за весь 2005 год латвийский бизнес подал лишь 7 заявок на патентную защиту своих изобретений. Меньше только у Эстонии (3) и Литвы (1). Для сравнения, у Германии — 23 700. Это означает, что изобретательский потенциал стран Балтии практически равен нулю, а наукоемкая промышленность — отсутствует.

Бывший радиотехнический гигант «ВЭФ Радиотехника» долгое время простоявший в ожидании финансовой поддержки ЕС, теперь провел масштабную реконструкцию и развернул производство комплектующих деталей для других заводов, а также некоторых видов электронных изделий, которые находят сбыт в Европе.

Основной профиль лиепайского завода «Тосмаре» — судоремонт. Однако после вхождения в состав Baltijas Holdings здесь стали заниматься и судостроением (рыболовецкие траулеры, грузовые паромы), преимущественно на заказ. Для строительства первых судов были приглашены специалисты из Украины, но в дальнейшем суда будут строить собственные корабелы, которых готовит Санкт-Петербург. В Лиепае ремонтируются главным образом российские суда. Здесь же в индустриальном парке Liepajas Biznesa centrs в начале

2008 г. начала работу «дочка» шведской компании Broderna Bourghart — Baltic Rim, которая занялась выпуском пластмассовых деталей для Volvo.

Реформирование аграрного сектора привело к приватизации земельного фонда и сокращению посевных площадей с 1 550 тыс. га. до 930 тыс. га. В результате реституции земельные наделы были возвращены людям, не заинтересованным в их обработке или не имеющим для этого возможности. В структуре земельного фонда на пашню приходится 27 %, на луга и пастбища — 13 %. Средняя площадь земельного надела не превышает 20 га, тогда как рентабельными могут быть наделы не менее 100 га. Таким образом, развитое, осуществлявшееся крупными предприятиями латвийское сельское хозяйство советских времен вернулось к лоскутам и полоскам.

После вступления в Европейский союз латвийское сельское хозяйство перешло на квотную систему, и руководствуется исключительно рекомендациями союза, что, когда и в каких объемах производить. Дело дошло до того, что крестьяне поощряют ничего не сеять и заниматься исключительно развитием деревенского туризма. За это выплачивается компенсация из фондов ЕС.

В 2008 г. самым экспортоспособным предприятием в группе больших и средних предприятий признан крупнейший в стране производитель лекарств Grindeks. Молочный комбинат Rigas piena kombinats занял второе место, третьим признан Valmieras stikla skiedra. Лучшим в группе малых предприятий признана компания Nexum insurance technologies. Вторым стал изготовитель деревянных игрушек Varis Toys. Призы за самые инновационные продукты получили Real Sound Lab за усилитель звука, Jauda — за трансформаторную подстанцию и JZ Microphones — за студийный микрофон. Liepajas Metalurgs признан предприятием, чей вклад в экспорт оказался наиболее весомым.

Транспорт в производстве ВВП имеет самую высокую долю по сравнению с другими странами Балтии, поскольку одной из ведущих отраслей латвийской экономики является транзит грузов, за счет которого формируется до 30 % доходной части бюджета и 27 % общего объема экспорта товаров и услуг. Развитие транспортной отрасли определяет «Национальная программа развития транспорта на 1996—2010 годы».

Главным торговым партнером являются европейцы. Доля стран ЕС в латвийском экспорте составила в 2008 г. 69 %, в импорте — 76 %¹². Наиболее важным торговым партнером для Латвии является Германия, доля которой в экспорте республики почти 18 %, а в импорте — 15 %. Из других партнеров выделяются Швеция, Литва, Эстония.

На СНГ приходится 16 % товарооборота. В целом сальдо торгового баланса – отрицательное и имеет устойчивую тенденцию к увеличению.

Движение капитала. Из фондов ЕС с 2007 г. по 2013 г. Латвия получит в свое распоряжение 4 млрд евро (2,81 млрд латов). Они распределяются по трем основным направлениям: на развитие человеческих ресурсов и их эффективное использование, на повышение конкурентоспособности предприятий и на реконструкцию инфраструктуры. В свою очередь, ежегодный взнос Латвии в бюджет ЕС составляет 190 млн евро (134 млн латов) или 1,08 % ВВП¹³.

Законодательство Латвии в области иностранных инвестиций дает право на налоговые льготы и предоставляет широкие возможности проведения валютных операций. Закон 1991 года «Об иностранных инвестициях» предусматривает возможность организации на территории Латвии двух форм предпринимательской деятельности с участием иностранного капитала: в виде общества с ограниченной ответственностью и акционерного общества. Иностранцы освобождаются от уплаты таможенных пошлин при долгосрочных инвестициях, гарантируется свободная репатриация прибыли после оплаты налогов. В законе оговорено, однако, что иностранный капитал не может привлекаться в образование и СМИ. Объем накопленных прямых иностранных инвестиций в 2000 г. превысил 2 млрд долл., т.е. около 850 долл. на душу населения, в 2006 г. – примерно столько же (916 млн латов). На пять стран Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция) приходится 35 % накопленных иностранных инвестиций в акционерный капитал латвийских предприятий. Еще 12 % дают инвестиции из Эстонии. Теперь практически не осталось отраслей, в которых так или иначе не был бы представлен северо-европейский капитал. Устоявшие перед натиском шведского, финского и норвежского капитала «бастионы» можно пересчитать по пальцам: транзит, фармацевтика, коммунальное хозяйство. С некоторым опозданием, которое, впрочем, с лихвой компенсирует масштаб инвестиций, на латвийский рынок устремились и исландцы: Laima, Staburadze, Latcharter, Lateko banka – наиболее существенные из их приобретений. Правительства Швеции, Дании и Норвегии выделили значительные структурные фонды для поощрения экономических и политических реформ в странах Балтии, шведы, например, выделяют миллиард шведских крон для усиления сотрудничества и развития в этом регионе, рассчитывая превратиться из второразрядной торговой страны в торговые ворота Европы. И действительно, Стокгольм постепенно

становится местом размещения многочисленных отделений крупнейших ТНК. До сих пор скандинавы чувствуют себя полными хозяевами положения в деле социально-экономических трансформаций в бывшей советской Прибалтике. Например, сейчас в странах Балтии действуют 230 магазинов Rimi и Supernetto, которые входят в шведскую сеть супермаркетов Rimi Baltic.

Иностранцев привлекают, прежде всего, транспорт и связь, лесной комплекс и финансы. Компания «АМОКО» подписала крупное соглашение о начале разработки первого морского нефтяного месторождения на шельфе Латвии. 22 % местного рынка АЗС контролирует норвежская нефтяная компания Statoil ASA. Крупнейший мобильный оператор страны ЛМТ в начале 2008 года перешел под контроль шведского концерна ТелиаСонера. Американцы приступили к реализации масштабного проекта по модернизации района исторической застройки Риги и превращению его в жилой и торговый центр. Компания «Рэдиссон» открыла новую крупную гостиницу международного класса. Имеет место активное сотрудничество в военно-промышленной сфере по замене военной техники и вооружений с помощью фирм стран НАТО и Израиля.

В конце 2008 г. кредитный рейтинг Латвии упал до самого низкого уровня с момента вступления страны в ЕС. В шкале инвестиционной привлекательности она опустилась на последнюю ступеньку в списке благонадежных государств (BBB). Парадоксально, но финансовых инвесторов теоретическая стагнация латвийской экономики, скорее всего, не отпугнет, а, наоборот, привлечет. Во-первых, владельцы предприятий станут гораздо сговорчивее в отношении цены. Во-вторых, опыт реструктуризации бизнеса с целью повышения его эффективности и есть та самая добавленная стоимость, которую эти инвесторы обязаны привнести. Наконец, несмотря на явные перекосы в развитии вроде высокой инфляции, растущего бремени внешнеторгового дефицита и низкого удельного веса реального сектора в структуре ВВП, фундаментальных предпосылок для продолжительного кризиса нет. Зато есть устойчивая валюта, благосклонное к предпринимателям законодательство и выгодное географическое положение.

Внешний долг в 2000 г. составлял 2,7 млрд долл., т.е. 37 % ВВП. В 2002 г. вырос до 3,4 млрд долл. В 2009 г. вырос до 42,3 млрд долл. (106 % ВВП). В начале 2009 г. Латвия получила экстренную помощь от МВФ в размере 5 млрд долл. Государственный долг в апреле 2008 года составлял 1,303 млрд латов¹⁴.

В Латвии в 2005 г. были зарегистрированы около 1100 предприятий с российским капиталом,

на РФ приходилось 8 % всего объема иностранных инвестиций (ок. 100 млн долл.). Крупнейшим российским инвестором является «Газпром», владеющий 34 % пакетом акций национальной газовой компании «Латвияс газе», а также «Транснефтепродукт» как участник совместного предприятия «Латространс». В марте 2003 года Латвийский торговый банк стал первым дочерним банком российского МДМ-банка.

Концерн российского предпринимателя Виктора Вексельберга «Ренова», интересы которого в Латвии представляет компания New Europe Real Estate Ltd возводит новый микрорайон на 25 гектарах пустующих земель в Межапарке. В ближайшее время запланировано строительство еще трех жилых комплексов в Адажи, Пардаугаве и в районе озера Юглас.

В 2004 году после долгого перерыва возобновлен экспорт российского газа через Латвию в Польшу через Болдерайский терминал, единственный пока на Балтийском море подобного рода. Через терминал можно переваливать до 15 тыс. т. сжиженного газа в месяц.

Экономические отношения с Россией определяются соседским положением и потребностями РФ в транспортировке грузов через территорию Латвии. После вступления в ЕС и НАТО, латвийское руководство столь же рьяно стремится свести к минимуму зависимость от России, от ее обширного рынка, от поставок энергоносителей и другого стратегического сырья. Госдума РФ рекомендовала правительству России рассматривать вопросы развития торгово-экономического сотрудничества с Латвией в прямой зависимости от практических шагов по прекращению дискриминационной политики в отношении русского населения.

Латвия уже теряла российский рынок в промежутке между двумя мировыми войнами, будучи преимущественно аграрной страной, и тогда ей удавалось сбывать свою сельскохозяйственную продукцию в Европе, но сейчас ситуация кардинально изменилась, во-первых, потому, что сейчас характер экономики уже постиндустриальный, а во-вторых, выход на строго квотируемый рынок продовольствия современной Европы чрезвычайно затруднен. К тому же, по оценке экспертов ЕС конкурентоспособность промышленных товаров из Латвии пока еще низка. Так что развитие экономических связей с Россией – актуальная задача для республики, особенно в условиях кризиса. Альтернативы практически нет. Все точки над «i» расставит эволюция реальной экономической конъюнктуры, которая развивается все же в направлении закрепления латвийского статуса как по-прежнему крупного

транзитного и перевалочного пункта между Западной Европой и Россией. В этом заинтересованы все участники договорного процесса.

Договор о государственной границе подписан только в середине 2007 года, при этом Латвия пошла на уступки. В связи с этим достигением наблюдается некоторое потепление во взаимоотношениях и стремительное увеличение товарооборота.

Общий товарооборот в 2000 году находился на уровне 1 716,3 млн долл., в том числе российский экспорт – 1 625,7 млн долл. В 2008 г. товарооборот вырос до 8,5 млрд долл. (рост на 34 %), в том числе экспорт РФ – 7,9 млрд. По итогам 2008 года Россия переместилась на второе место после Германии в списке внешнеторговых партнеров Латвии¹⁵. Объем товарооборота вместе с предоставлением транзитных услуг достиг 3,2 млрд долларов. В 2008 г. товарооборот с РФ превысил 2 млрд долл. Латвия направляет в Россию примерно 7 % своего экспорта, а принимает 10 % своего импорта. Местные аналитики в большинстве своем теперь прогнозируют, что именно российский рынок станет спасительным в условиях кризиса. К этому следует добавить, что в конце 2008 г. достигнута договоренность, что в отношении латвийских партнеров начнут действовать скидки на перевозку отдельных видов грузов. Пока только в отношении контейнеров, доля которых составляет 7 % от общего объема перевалки грузов через порты Латвии.

По данным ЦСУ Латвии в латвийском экспорте в Россию на машины, механизмы и электрооборудование в 2008 г. приходилось 25 %, продовольствие – 18 %, метизы – 13 %, фармацевтические товары и химикаты – 12 %, ткани – 7 %, транспортные средства – 6 %. В импорте из России на топливо приходилось 40 %, метизы – 21 %, древесина – 20 %, продовольствие – 4 %, химические продукты – 4 %.

В 2006 г. Россия вошла в пятерку крупнейших инвесторов Латвии после Швеции, Германии, Эстонии и Дании. Объем накопленных российских инвестиций в Латвии вырос до 472 млн долл. против 28 млн долл. латвийских инвестиций в РФ. В Латвии сейчас действуют примерно 2 200 предприятий с участием российского капитала, а в России – 320 российско-латвийских совместных предприятий¹⁶.

Крупнейшим российским инвестором в латвийскую экономику является «Газпром», владеющий вместе с компанией «Итера-Латвия» половиной акций латвийского газового монополиста АО «Латвияс газе». Инвестиции осуществляются также по линии совместного транспортного предприятия «Латространс».

Предусмотрена модернизация Инчукалнско-го подземного газохранилища с доведением его емкости до 6 млрд куб. м.

Сейчас образцом российско-латвийского делового сотрудничества является металлургический завод Северстальлат, одним из учредителей которого является металлургический комбинат в Череповце. Компания занимается обработкой стального проката, а также производством труб разного профиля.

В целом, приоритетами бизнесменов России в Латвии являются энергетика, транспорт и финансы. Латышей же привлекает на территории России деревообработка. В Псковской и Новгородской областях, например, действуют несколько фабрик по производству фанеры, которые принадлежат латвийским предпринимателям. Их привлекает дешевизна рабочей силы, огромные запасы древесины мягких пород, особенно березы, умеренная вывозная пошлина и неограниченные возможности сбыта, как в Европе, так и в Китае и в Америке. В 2007 г., например, объем латвийских инвестиций в одной лишь Псковской области превысил 70 млн долл.¹⁷

Тональность латвийско-российских отношений после подписания договора о границе поначалу стала меняться в лучшую сторону. Ожилились взаимные контакты в деловой сфере. Но в начале 2008 г. латвийское правительство вдруг пошло на попятную, заявив, что для латвийской стороны неприемлемы некоторые предложения России к договорам, которые готовились к подписанию в ходе планируемого визита президента Валдиса Затлерса в Москву. Речь идет о двух важнейших договорах: об избежании двойного налогообложения и взаимной защите инвестиций, а также о договоре по сотрудничеству в сфере туризма.

Sergey V. Zhdanov. Latvia's recipe.

This article contains the analysis of the results of socio-economic development of the Republic of Latvia over the five-year period after joining the EU, distinct characteristics of economic policy of its Government during the current world crisis, as well as the evaluation of perspectives of Russian-Latvian interaction.

-
1. Евростат (www.epp.eurostat.ec.europa.eu).
 2. Там же.
 3. Там же.
 4. www.state.gov.lv.
 5. «Бизнес энд Балтия» (www.dd.lv).
 6. «Вести сегодня». 04.02.2008.
 7. «Бизнес энд Балтия» (www.dd.lv). 04.11.2008.
 8. «Вести сегодня». 04.02.2008.
 9. Latvian Statistical Office.
 10. Ibid.
 11. Евростат (www.epp.eurostat.ec.europa.eu).
 12. Latvian Statistical Office.
 13. Евростат (www.epp.eurostat.ec.europa.eu).
 14. «Вести сегодня». 20.05.2008.
 15. <http://www.customs.ru> (Таможенный комитет РФ).
 16. <http://www.rosbalt.ru>.
 17. <http://www.rosbalt.ru>.

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ФОНДОВЫХ РЫНКОВ

Иванов-Шиц А. К., Айтьян С. Х.

В данной работе сделана оценка степени интеграции экономики России в мировую (глобальную) экономику на примере изучения корреляции индексов фондовых рынков. Для этого был использован новый подход, названный авторами асимметричным по времени корреляционным анализом (time-shift asymmetric correlation analysis). Развиваемый метод позволяет указать роль (ведущего или ведомого) исследуемого рынка. Проведенный анализ свидетельствует об усилении интеграции экономики России в глобальное экономическое пространство. Показано, что российский фондовый рынок наиболее сильно коррелирован с европейскими рынками, однако в последние два кризисных года влияние экономики США на российский рынок резко возросло.

Ключевые слова: глобальная экономика, фондовые рынки, корреляции

Keywords: global economy, stock market, correlation

Сегодня принято считать, что мировое экономическое развитие характеризуется глобализацией всех сфер хозяйственной жизни, иными словами, следует говорить о все большей вовлеченности национальных экономических субъектов в хозяйственные отношения с зарубежными партнерами. Наблюдаемые процессы ведут к созданию всемирного хозяйства, а в финансовой сфере – к появлению глобального или мирового финансового рынка. Процесс глобализации мировой экономики и активно развивающейся финансовой сферы привел к тому, что национальные рынки становятся лишь отдельными, связанными и интегрированными частями единого мирового финансового рынка. Сегодня это относится в большой степени и к рынкам России¹, в том числе и финансовым рынкам, которые являются ключевым компонентом национальной экономики. Наряду с очевидными выгодами глобализация фондовых рынков сопровождается и возникновением немалых рисков, проявляющихся время от времени в финансовых кризисах. Поэтому существует потребность в обстоятельном анализе и обобщенной оценке всех

новейших явлений, связанных с трансформацией мирового финансового рынка.

Наиболее динамичным сегментом финансового рынка в настоящее время является рынок ценных бумаг (здесь и далее будем использовать термин «рынок ценных бумаг» как синоним «фондового рынка»).

Как отмечалось Рубцовым², «наиболее красноречиво о росте интернационализации фондовых рынков говорят данные об объемах международных операций с акциями и облигациями относительно ВВП той или иной страны. Если еще в 1975 г. этот показатель составлял от 1 до 5 %, то к концу 1990-х гг. он вырос до 100–700 % (конкретно по странам: в США – с 4 до 230 %, Германии – с 5 до 330 %, Франции – с 5 до 400 %, Италии – с 1 до 670 %). Учитывая тот факт, что в последующем оборот на международном рынке продолжал расти, можно утверждать, что в новом столетии эти значения еще выше».

Фондовый рынок США зачастую рассматривают как центр мирового финансового рынка: большинство других национальных рынков можно считать «периферийными сегментами, которые испытывают влияние информационных сигналов, исходящих из этого центра».

Иванов-Шиц Алексей Кириллович – профессор Кафедры математических методов и информационных технологий, МГИМО (У) МИД РФ, e-mail: alexey.k.ivanov@gmail.com; Айтьян Сергей Хачатурович – Professor of Economics, Management Information Systems, and Computer Science, Director of Multidisciplinary Research Center, Lincoln University Oakland, California, USA, e-mail: aityan@lincolnuca.edu.

Распространенная точка зрения заключается в том, что степень интеграции экономик различных стран может характеризоваться коэффициентами корреляции между суточными индексами закрытия фондовых рынков. Такой подход был использован для изучения взаимодействий международных фондовых рынков, таких как S&P 500 (США), DAX (Германия), FTSE (Великобритания), TSE 300 (Канада) и Nikkei 225 (Япония) за период с 1990 до 2001 гг.³ Оказалось, что самая высокая степень взаимозависимости наблюдалась между S&P 500 и TSE 300, в то время как самая слабая – между S&P 500 и Nikkei 225. При выборе индикаторов, характеризующих рынок, следует учитывать⁴, что если два любых индекса имеют высокую степень корреляции, тогда диверсификация между ними не имеет смысла, поскольку результат такой диверсификации будет слабо заметен. Aityan&Chang⁵ изучили корреляции между основными индексами США – Dow Jones Industrial Average и Nasdaq Composite и индексами азиатско-тихоокеанского региона (ATP) – Nikkei 225, Taiwan Weighted (Тайвань), Seoul Composite (Корея), Hang Seng (Гонконг) и Shanghai Composite (Китай). Авторы сделали вывод, что корреляции между американскими и азиатскими рынками еще не очень значительны, в то время как корреляция между американскими индексами – Dow Jones и Nasdaq – весьма существенна. Анализ взаимодействий между азиатскими рынками свидетельствует об их сильной корреляции, начиная с 2000 г. (за исключением китайского индекса Shanghai Composite), что указывает на наличие сильных интеграционных процессов в азиатском регионе.

Таким образом, в условиях глобализации национальные рынки все в большей степени реагируют на состояние экономики мощнейших рынков, и Россия, по-видимому, не является исключением. Миркиным (совместно с Кудиновой) был проведен⁶ сравнительный анализ российского и главных зарубежных фондовых рынков: оказалось, что за период 1995–2006 гг. в 90 % наблюдений динамика российского рынка была симпатна с поведением других групп рынков.

Коэффициенты корреляции абсолютных значений индексов российского рынка акций и развитых рынков составили 0,66; в то же время для формирующихся рынков – 0,87. Миркин и Кудинова указывают, что движение российского рынка акций во многом совпадает с длинными циклами (до нескольких лет), наблюдаемыми на мировых фондовых рынках. Анализ корреляций значений индекса РТС и индекса S&P500, проведенный Верниковым⁷, свидетельствует о значительном падении коэффициента корреляции (с 0,8 до 0,2) между российским индексом РТС и американским

S&P500. Возможно, как считает Абелев⁸, это связано с тем, что с 1999 года американский фондовый индекс практически не растет, а российский рынок за эти годы вырос более чем в 30 раз.

Коэффициент корреляции r между суточным изменением значения индекса соответствующего фондового рынка и уровнем т.н. гэта открытия биржи ММВБ рассчитывался Гавриловым⁹: полученные результаты свидетельствуют о большей степени привязанности российского рынка к рынкам развивающихся стран (большие значения r для индексов развивающихся рынков по сравнению с индексами США).

Следует подчеркнуть, что при анализе взаимосвязей фондовых рынков, особенно при расчетах коэффициентов корреляции, необходимо учитывать «географические переменные», т.е. расположение торговых площадок, находящихся в различных часовых поясах. Иными словами, следует принимать во внимание количество «часов перекрытия» работы различных бирж: например, российский рынок и зарубежные рынки работают в различные часы – американский рынок работает, когда российский рынок закрыт и наоборот. Как отмечалось: «...чем ближе во времени закрытие соответствующего (мирового) рынка, тем большее значение он имеет для нашего (российского) открытия»⁹.

Хорошо известная «гравитационная модель», часто применяемая для объяснения торговых схем, может быть использована и для объяснения взаимодействия фондовых рынков: Flavin et al. показал¹⁰, что географический фактор играет весьма существенную роль при анализе товарных рынков, в то время как физическое расположение и торговые затраты в существенно меньшей степени затрагивают рынки акций.

Увеличение периода совпадения времен работы рынков, расположенных в различных часовых поясах, как правило, приводит к увеличению cross-country коэффициентов корреляции фондовых рынков. Martens указывал¹¹, что такие «результаты могут основываться на асимметрии информации и чутья инвестора, предоставляя некую эмпирическую поддержку для объяснения международных задач диверсификации». Действительно, асимметрия заключается в том, что например, американский рынок во многих случаях имеет некоторое преимущество, поскольку в момент открытия на этом рынке уже имеется свежая «дневная» (same-day) информация о результатах работы рынков в Азии, России и Европе. С другой стороны, российский и азиатские рынки после закрытия американского рынка имеют доступ к последней информации о рыночных событиях

в США. Таким образом, можно считать, что использование индексов закрытия в один и тот же календарный день приводит к недооценке корреляций, поскольку международные фондовые рынки в различных странах имеют различные часы торговли.

При обсуждении вопроса о росте стандартного отклонения индекса российских фондовых рынков к концу торгов отмечалось¹², что временные циклы на российских и европейских биржах связаны с «просыпанием» американского рынка (американский рынок открывается, когда в Москве 18.00 и американские институциональные инвесторы могут отправлять заявки). Также надо учитывать, что в начале дня брокеры спешат исполнить поручения инвесторов, накопившиеся за ночь (американский день).

В настоящее время, в эпоху глобализации всеобъемлющий анализ фондовых рынков необходим для решения вопроса о месте России как игрока на мировом фондовом рынке. С одной стороны, воздействие фондового рынка США на российский рынок (как и на рынки других стран) является достаточно очевидным. С другой стороны правомерен вопрос: является ли воздействие российского рынка на рынки других стран определяющим, или хотя бы заметным? Конечно, такие взаимодействия существуют, но необходимо проводить специальные исследования с привлечением математического аппарата, чтобы не только установить корреляции между рынками (и экономиками) различных стран, но и попытаться дать количественные оценки таким взаимосвязям.

Корреляционный анализ – это статистический метод, который успешно используется при анализе фондовых рынков с целью принятия правильных инвестиционных решений, для лучшей оценки инвестиционных рисков, рыночных прогнозов, для выбора наиболее оптимальных решений по формированию портфеля ценных бумаг. Однако корреляция между любыми двумя объектами есть статистическая мера, которая не позволяет указать причину корреляции или лидера и ведомого в исследованной паре.

Цель статьи – оценить степень влияния фондовых рынков между собой и выделить, в каких случаях российский рынок играет роль ведомого, а в каких, возможно, роль лидера. Хотя считается, что отличия во времени работы различных рынков вносят ограничения в корреляционный анализ, мы попытаемся превратить указанный недостаток в ценный источник информации.

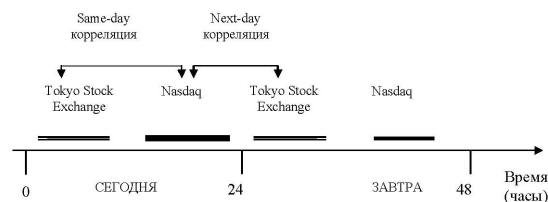
Таким образом, мы будем интерпретировать корреляции фондовых рынков как меру интеграции экономик и попытаемся оценить уровень

интеграции разных стран, и в частности России, в глобальную экономику.

Асимметричный по времени корреляционный анализ

Введем определения same-day и next-day корреляций¹³. Same-day корреляция (same-day correlation – SDC) – корреляционный коэффициент, который связан с ежедневными данными закрытия двух различных (исследуемых) рынков в один и тот же календарный день. С другой стороны, next-day корреляция (next-day correlation – NDC) – корреляционный коэффициент, который связан с ежедневными данными закрытия двух различных (исследуемых) рынков в разные календарные дни: для первого рынка в определенный календарный день, а для второго – на следующий торговый (не обязательно следующий календарный!) день. Важно подчеркнуть, что например, SDC между рынком США и Азиатско-Тихоокеанскими (АТ) рынками уже учитывает тот факт, что американские рынки начинают работать после закрытия азиатско-тихоокеанских рынков, т.е. информация о прошедших торгах уже доступна в США (см. Рис. 1). Аналогично, при расчете NDC между рынком США и рынками Азиатско-Тихо-океанского региона учитывается, что азиатские рынки принимают во внимание последнюю информацию после закрытия американских рынков, т.е. АТ рынки работают с учетом информации о предыдущих торгах на рынках США (см. Рис. 1).

Рис. 1. Корреляции same-day и next-day на примере двух рынков

Таким образом, с точки зрения торговли акциями в США, same-day торговля в АТ регионе может рассматриваться как предшествующее событие для США, в то время как next-day торговля в АТ регионе может трактоваться как последующее событие для торговли в США. Сравнение результатов расчетов same-day и next-day корреляций, возможно позволит сделать заключение относительно лидирующего рынка в изучаемых парах, т.е. выделить, какой из двух анализируемых рынков является ведущим, а какой – ведомым. Будем называть предложенный метод анализа асимметричным по времени корреляционным анализом (time-shift asymmetric correlation analysis).

Same-Day и Next-Day корреляции

В нашей статье корреляционный анализ базируется на данных о коэффициенте доходности $R_A(i)$ ежедневных значений индексов закрытия (котировок акций) А фондового рынка (stock index daily rates of return), который определяется как

$$R_A(i) = \frac{V_A(i) - V_A(i-1)}{V_A(i-1)}, \quad (1)$$

где $V_A(i)$ – уровень индекса закрытия (котировок акций) А в i -й день.

SD- корреляционный коэффициент $\rho_{AB}(N)$ ежедневных значений индексов закрытия (котировок акций) А и В за временной интервал N рассчитывался следующим образом:

$$\rho_{AB}(N) = \frac{\frac{1}{N-1} \sum_{i=1}^N \{ [R_A(i) - \mu_A(N)] [R_B(i) - \mu_B(N)] \}}{\sigma_A(N) \sigma_B(N)} \quad (2)$$

где $\mu_A(N)$ и $\mu_B(N)$ – средняя норма доходности (average rates of return) и $\sigma_A(N)$ и $\sigma_B(N)$ – скорректированные на смещение стандартные отклонения (bias-corrected standard deviations) для указанного периода в N дней для индексов А и В соответственно. Величины $\mu_X(N)$ и $\sigma_X(N)$ рассчитывались следующим образом:

$$\mu_X(N) = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N R_X(i) \quad (3) \text{ и}$$

$$\sigma_X(N) = \sqrt{\frac{1}{N-1} \sum_{i=1}^N [R_X(i) - \mu_X(N)]^2}, \quad (4)$$

где X – индекс (котировка акции) А или В (или любой другой).

ND- корреляционный коэффициент $\rho_{AB}^+(N)$ ежедневных значений индексов закрытия (котировок акций) А и В за временной интервал N рассчитывался в соответствии с соотношениями:

$$\rho_{AB}^+(N) = \frac{\frac{1}{N-1} \sum_{i=1}^N \{ [R_A(i) - \mu_A(N)] [R_B(i+1) - \mu_B^+(N)] \}}{\sigma_A(N) \sigma_B^+(N)}, \quad (5)$$

где

$$\mu_A(N) = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N R_A(i), \quad \mu_B^+(N) = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N R_B(i+1), \quad (6)$$

$$\sigma_A(N) = \sqrt{\frac{1}{N-1} \sum_{i=1}^N [R_A(i) - \mu_A(N)]^2}, \quad \sigma_B^+(N) = \sqrt{\frac{1}{N-1} \sum_{i=1}^N [R_B(i+1) - \mu_B^+(N)]^2}. \quad (7)$$

Таким образом отличие SD- и ND- корреляционных коэффициентов наблюдается только для величин, относящихся к индексу В, который сдвинут на один день вперед в NDC в сравнении с SDC.

Проверка нулевой гипотезы для корреляционных коэффициентов

Для того чтобы сделать заключение о статистической значимости рассчитанных SDC или NDC,

проведем их испытание на нулевую гипотезу, которая заявляется как «отсутствие корреляции». Корреляционные коэффициенты являются случайными числами с неизвестным распределением, поэтому неясно, как провести испытание на нулевую гипотезу непосредственно. Для проведения испытания необходимо преобразовать корреляционные коэффициенты в некоторую другую форму с известным распределением или, по крайней мере, с распределением, близким к известному распределению.

Будем использовать z -преобразование Фишера (см., например¹⁴)

$$z = \frac{1}{2} \ln \frac{1+\rho}{1-\rho},$$

с помощью которого переведем корреляционные коэффициенты в z -статистику с распределением, близким к нормальному распределению

$$f_{\mu,\sigma}(z) = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi}} \exp\left(-\frac{(z-\mu)^2}{2\sigma^2}\right).$$

Распределение статистики вида

$$\omega = z\sqrt{N-3} = \frac{\sqrt{N-3}}{2} \ln \frac{1+\rho}{1-\rho}$$

при большом N достаточно точно описывается стандартным нормальным распределением ($\mu=0$ and $\sigma=1$)

$$f(\omega) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \exp\left(-\frac{\omega^2}{2}\right).$$

Гипотеза о равенстве коэффициента корреляции нулю в случае двумерного нормального распределения, как известно, эквивалентна проверке гипотезы о независимости пар значений двумерной случайной величины. Поскольку z -статистика имеет распределение, очень близкое к стандартному нормальному распределению, нулевая гипотеза может быть легко проверена и достоверность (доверительный интервал $\delta = |f(\omega) - f(-\omega)|$) расчетных корреляционных коэффициентов может быть оценена на основе ω -статистики.

Сбор данных и их обработка

На основе первичных данных необходимо:

- по данным фондовых рынков рассчитать ежедневные уровни доходности (daily rates of return) для индексов или отдельных акций,
- провести сверку дат данных для пар NDC и SDC,
- вычислить соответствующие NDC и SDC за год,
- используя соответствующие преобразования к расчетным корреляционным коэффициентам, выполнить проверку нулевой гипотезы и рассчитать критерий статистики.

Процедура проверки соответствия дат для SD-корреляций весьма проста. Корреляционные пары

Экономика

составлялись только для тех дней, когда оба рынка были открыты. С другой стороны, проверка соответствия дат для ND-корреляций является более сложной, поскольку необходимо учитывать выходные дни, праздники и все другие случаи, когда технически следующий рабочий день для рынка номер два не является логически следующим рабочим днем для рынка номер один. В основном, «следующий день» рассматривался как следующий логический день, а не как следующий календарный день. Некоторые примеры процедуры проверки дат для NDC и SDC показаны в Таблице 1.

Коэффициенты SDC и NDC за период 1995—2008 гг. были рассчитаны по годам (точки)

с использованием введенных выше формул (см. ур-е (2) и ур-е (5)), где N равно числу соответствующих скорректированных по датам рыночных операционных дней за каждый двенадцатимесячный (годовой) период. Как было упомянуто выше, дни, в которые по меньшей мере хотя бы один рынок (из анализируемой пары рынков) был закрыт, были удалены из набора для расчета SDC. Соответственно, при расчетах NDC, были выбраны пары, согласующиеся по самой близкой дате. В случае многодневных праздничных перерывов на одном из рынков данные были скорректированы по датам без дублирования.

Табл. 1. Проверка дат для SDC и NDC

День	Ежедневный уровень доходности на рынке А	Ежедневный уровень доходности на рынке В	Пары для SDC	Пары для NDC
D1	RA(D1)	Рынок закрыт	—	RA(D1)*RB (D5)
D2	Рынок закрыт	Рынок закрыт	—	—
D3	Рынок закрыт	Рынок закрыт	—	—
D5	RA(D5)	RB (D5)	RA(D5)*RB (D5)	RA(D5)*RB (D6)
D6	RA(D6)	RB (D6)	RA(D6)*RB (D6)	—
D7	RA(D7)	Рынок закрыт	—	—
D8	RA(D8)	Рынок закрыт	—	RA(D8)*RB (D9)
D9	RA(D9)	RB (D9)	RA(D9)*RB (D9)	RA(D9)*RB (D12)
D10	Рынок закрыт	Рынок закрыт	—	—
D11	Рынок закрыт	Рынок закрыт	—	—
D 1 2	Рынок закрыт	RB (D12)	—	—
D 1 3	RA(D13)	RB (D13)	RA(D13)*RB (D13)	Согласовать со следующей датой

Результаты и их обсуждение Фондовые рынки

В нашей работе мы использовали ведущие мировые индексы: американские индексы — индекс Доу Джонса (DJI-30), Насдак (NASDAQ-100), индекс Standard&Poor's-500 (S&P-500); европейские - английский Футси (FTSI-100), немецкий Дакс (DAX-30),

французский CAC; азиатские - японский Никкей (Nikkei-225), сингапурский Singapore Straits Time, гонконгский Hang Seng (см. табл.2; цифры, стоящие после буквенного обозначения индекса, говорят о количестве входящих в данный индекс акций различных компаний).

Табл.2. Основные фондовые рынки

Страна	США	США	США	Япония	Сингапур
Фондовый Индекс	Dow Jones Industrial	Average Nasdaq	Composite Standard&Poor's-500	Nikkei 225	Singapore Straits Time
К р а т к о е обозначение	^DJI	^IXIC	^GSPC	^N225	^STI
Страна	Гонконг	Велико-британия	Германия	Франция	Россия
Фондовый Индекс	Hang Seng	FTSI-100	DAX-30	CAC	Российская торговая система
К р а т к о е обозначение	^HSI	^FTSE	^DAX	^CAC	^RTSI

В России фондовый рынок представлен ММВБ и РТС. Наиболее популярный в России – индекс РТС, впервые был рассчитан 1 сентября 1995 года и на сегодняшний день является основным показателем развития российского фондового рынка. Выбор фондового рынка РТС (а не ММВБ) слабо сказывается на полученных результатах: как видно из Рис. 2, если в начале становления рынка ММВБ корреляция хотя и была очень высокой, но все-таки заметно отличалась от единицы (~0.8), то в последующие годы (после 2005 г.) она стала приближаться к единице, что указывает на очень сильную взаимосвязь рынков.

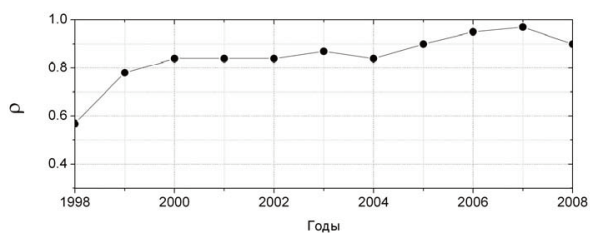

Рис. 2. Корреляция рынков РТС и ММВБ за период с 1998 по 2008 гг.

В нашей работе мы попытаемся проследить за влиянием на российский рынок основных экономически развитых регионов – США, Европы и Азии.

Для того чтобы составить правильные пары фондовых рынков различных регионов для расчетов корреляционных коэффициентов, рассмотрим часы их работы – Рис. 3.

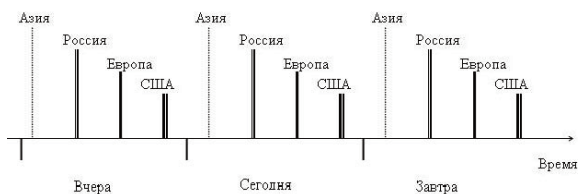

Рис. 3. Схематический вид временного порядка работы мировых рынков.

Что касается порядка пар, то результаты для Европы и России будут почти независимы от порядка, поскольку эти рынки оперируют почти в одно и то же время. Однако для концептуальной чистоты надо делать правильные порядки, которые имеют смысл: для расчетов NDC лучше брать пары «Европа—Россия» (а не «Россия—Европа»), поскольку европейские рынки продолжают работать и после закрытия российских. Подобные рассуждения верны и для пар «Россия—Азия» (а не «Азия—Россия»): все пары должны следовать временному порядку – от более ранних по времени работы к более поздним.

Результаты корреляционного анализа для рынков России и Азии

Результаты корреляционного анализа для рынков России и Азии за период 1998—2008 гг. показаны на Рис. 4—6.

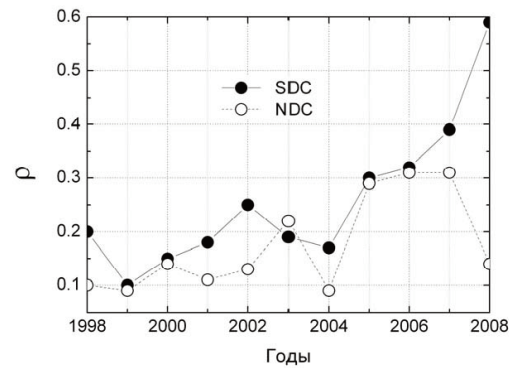

Рис. 4. Годовые корреляции SDC и NDC для рынков России и Азии: РТС - Nikkei 225 (Япония).

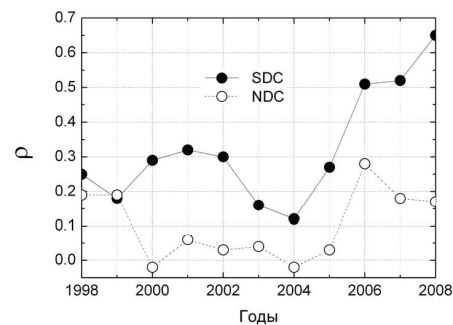

Рис. 5. Годовые корреляции SDC и NDC для рынков России и Азии: РТС - Singapore Straits Time (Сингапур).

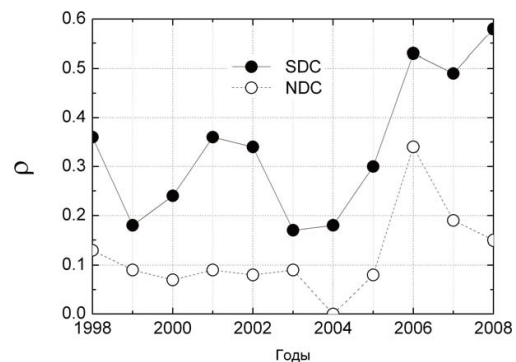

Рис. 6. Годовые корреляции SDC и NDC для рынков России и Азии: РТС - Hang Seng (Гонконг).

Прежде всего, надо отметить, что достоверность расчетных SD- корреляционных коэффициентов не выходит за двусторонние 5 %-ные критические пределы стандартного нормального

распределения (за исключением данных за 1999 г. для пары РТС—Nikkei 225). Это означает, что можно отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии корреляции. Для ND-коэффициентов ситуация сложнее, поскольку в ряде случаев величины δ ниже 0.9.

Для всех трех азиатских рынков наблюдается превышение индекса SDC над индексом NDC, что свидетельствует о четком следовании российского рынка за азиатскими: это и понятно, поскольку азиатские рынки открываются раньше РТС и российские участники рынка успевают отслеживать изменения, произошедшие на рынках азиатского региона. Анализ полученных данных свидетельствует, что, начиная с 2004 г. можно говорить о возрастающем влиянии экономики азиатских стран на рынки России.

Интересно отметить, что для SDC наиболее сильная корреляция отмечается для пар РТС—Singapore Straits Time и РТС—Hang Seng, т.е. молодой российский рынок коррелирует сильнее с новыми азиатскими рынками, чем со «старым» японским фондовым рынком. Однако в 2008 г. финансовый кризис проявился в том, что резко возросло взаимодействие и с японским рынком ценных бумаг: величина ρ достигла значения 0.6, что сопоставимо с аналогичными величинами для других азиатских рынков.

Результаты корреляционного анализа для рынков США и России

На Рис. 7—9 показаны результаты расчетов корреляционных индексов для рынков США и России.

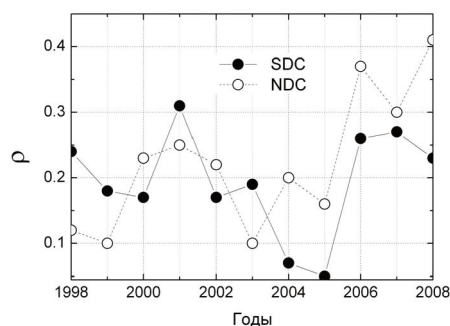

Рис. 7. Годовые корреляции SDC и NDC для рынков США и России: Dow Jones—РТС.

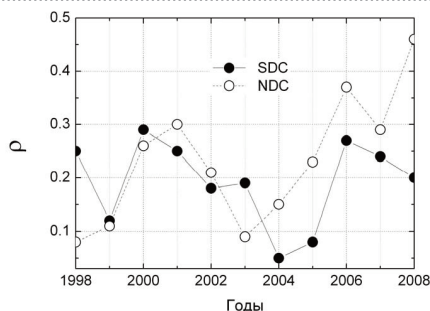

Рис. 8. Годовые корреляции SDC и NDC для рынков США и России: Nasdaq—РТС.

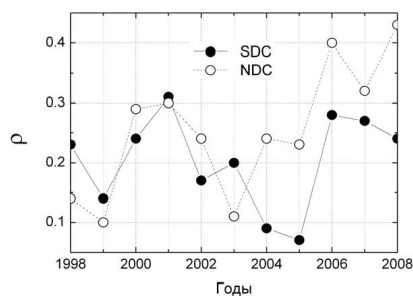

Рис. 9. Годовые корреляции SDC и NDC для рынков США и России: Standard&Poor's—РТС.

Анализ результатов позволяет сделать несколько заключений: во-первых, различаются два периода — 1997—2003 гг. и 2004—2007 гг. До 2000 года корреляции очень слабые, затем идет неустойчивое развитие (возможно, это связано с мировыми кризисными событиями 2001 г.). Это означает, что Россия еще не полностью встроена в глобальную экономику (по крайней мере, это касается фондовых рынков). Начиная с 2004 года можно отметить превышение (хотя и не очень значительное) NDC над SDC. Иными словами, лишь в последние несколько лет российский рынок стал следить за событиями на фондовых рынках США, и учитывать тенденции развития американских рынков. Здесь также укажем, что достоверность расчетных NDC не выходит за ранее выбранные двусторонние 5 %-ные критические пределы стандартного нормального распределения. Это означает, что можно отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии корреляции. Для SDC ситуация сложнее, поскольку в ряде случаев величины δ ниже 0.9.

Интересное поведение ND-коэффициентов замечено в последние два года. С одной стороны, падение NDC в 2007 гг. говорит о том, что критическая зависимость США от нефти определяет тенденцию к независимости экономики и фондового рынка России от фондового рынка и экономики США. Однако по мере развития общемирового кризиса коэффициент корреляции резко вырос, что указывает на определяющую роль падения именно экономики США в настоящем экономическом кризисе.

Результаты корреляционного анализа для рынков России и Европы

Результаты корреляционного анализа для рынков России и Европы показаны на Рис. 10—12.

Как видно из Рис. 10—12, для всех рассмотренных пар Европейский рынок—РТС корреляционные коэффициенты SDC больше соответствующих величин NDC, что прямо свидетельствует об ориентации российского рынка на Европу. Более того, большие

значения коэффициентов корреляции SDC (>0.5 в последние годы) указывают на существенно больший крен экономики России в сторону Европы, а не США. Последний тезис часто декларируется, однако доказательства носят, как правило, чисто умозрительный характер.

Поскольку достоверность расчетных SDC не выходит за ранее выбранные двусторонние 5 %-ные критические пределы стандартного нормального распределения, то нулевая гипотеза об отсутствии корреляции может быть отвергнута. Для NDC ситуация сложнее, поскольку в ряде случаев величины δ ниже 0.9.

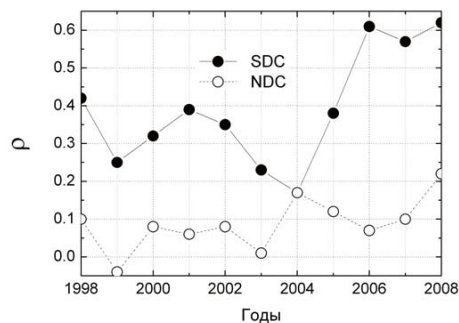

Рис. 10. Годовые корреляции SDC и NDC для рынков Европы и России: FTSE—PTC.

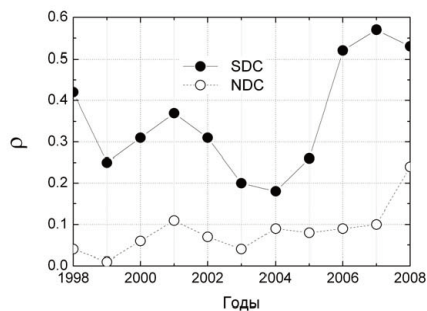

Рис. 11. Годовые корреляции SDC и NDC для рынков Европы и России: DAX—PTC.

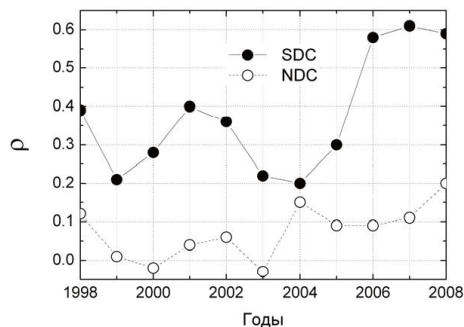

Рис. 12. Годовые корреляции SDC и NDC для рынков Европы и России: CAC—PTC.

Правда развивающийся кризис внес свои коррективы: в 2008 г. тенденция 2003—2007 гг. возрастания SD-корреляционного коэффициента сменилась, и можно говорить о стабилизации ρ . Возможно, это свидетельствует о возрастании роли рынков США — самой сильной экономики мира.

Влияние экономики США на рынки (в том числе и рынки ценных бумаг) в последнее время оценивается по-разному. Например, Евстигнеев отмечал¹⁵, что американский фондовый рынок эффективно формирует предпочтения портфельных инвесторов на российском рынке акций в отношении стратегий их поведения. На коротких временных периодах существует положительная корреляция между российским рынком акций и рынком США, прежде всего с системой NASDAQ. Это обусловлено тем, что для спекулятивных иностранных инвесторов акции формирующихся рынков имеют тот же уровень рисков, что и акции молодых компаний США, большая часть которых входит в NASDAQ. Поэтому при падении рынка NASDAQ происходит сброс рискованных акций формирующихся рынков. По иному может выглядеть долгосрочная перспектива, поскольку снижение доходности на развитых рынках должно способствовать притоку капитала на формирующиеся рынки, в том числе России.

В последние годы среди экономистов был очень популярен термин *decoupling* (или декорреляция) — разрыв связей, обуславливающих влияние одной экономики на другие; в отношении рынков США и развивающихся стран это не означает, что американская рецессия не окажет никакого влияния на остальные рынки — суть понятия в том, что замедление темпов роста экономик развивающихся стран будет гораздо менее значительным, чем во времена предыдущих американских рецессий. Недавнее исследование МВФ (авторы С. Аким, А. Коуз)¹⁶ показывает, что глобализация и де-корреляция могут существовать параллельно друг другу. Однако, как отмечалось Голубовичем¹⁷, кризис экономики США породил множество проблем не только на американском фондовом рынке, но и на большинстве мировых фондовых рынков. Многие национальные фондовые индексы за этот же период потеряли по 10—13 %. Поэтому появился новый термин *recoupling*, характеризующий более сильные движения развивающихся рынков вслед за колебаниями фондового рынка США, что связано с резким усилением взаимодействия мировых фондовых рынков.

Нам представляется, что развиваемый в статье подход позволяет достаточно строго подходить к проблеме взаимодействий развитых (старых)

и развивающихся фондовых рынков, указать степень ориентации экономик развивающихся стран (по-видимому, для Китая, Бразилии, России и Мексики) на экономику развитых или развивающихся стран.

Полученные нами конкретные результаты требуют, безусловно, дальнейших размышлений о том, на кого российский рынок больше ориентируется и какова эта тенденция во времени, что она означает, и какими экономическими событиями, явлениями, и тенденциями все это вызвано.

Авторы признательны проф. А. В. Степанову и проф. А. В. Холопову за стимулирующие дискуссии.

Alexey K. Ivanov-Schitz, Sergey K. Aityan. Integration of Russia into the World Economy and Globalization of Stock Markets.

Correlations between Russian and some world leading stock market indices were analyzed to assess a degree of global integration of Russian economy. For this purpose, a new method of time-shift asymmetric correlation analysis was used. The method helps identify which stock market sets the pace and which one follows the lead. The analysis showed a growing trend in global integration of Russian economy. Particularly, it was shown that Russian stock market is getting more correlated with the European stock market while the leading (pace making) role of the U.S. markets keeps growing in the recession of 2008.

1. Мировой фондовый рынок и интересы России. М., Наука, 2006.
2. Рубцов Б. Б. Тенденции развития мировых фондовых рынков // В кн. Мировой фондовый рынок и интересы России. М., ИМЭМО РАН. 2003. С. 117.
3. Ilina E., Daragan V. Correlation of the Stock Indices. Pt 2. International Indices. [Electronic resource] // New Trading Ideas, Internet J. 2001. № 01—02. Mode of access: <http://www.basicsoftrading.com/journal/2001-2/02-08/index.html>.
4. Ilina E., Daragan V. Correlation of the Stock Indices. [Electronic resource] // New Trading Ideas, Internet J. 2001. № 01—02. Mode of access: <http://www.basicsoftrading.com/journal/2001-2/02-07/index.html>.
5. Aityan S. K., Chang Y. Correlation Analysis of Major US and Northern Asia-Pacific Stock Markets / Presentation at Lincoln University Series. 2005.
6. Миркин Я. М., Кудинова М. М. Будущая динамика российского рынка акций: взаимодействие с зарубежными рынками // Рынок ценных бумаг. № 8. 2006. С. 44.
7. Верников А. Корреляция между индексом РТС и S&P500. [Электронный ресурс] / Агентство ПРАЙМ-ТАСС. 29.04.2008. Режим доступа: <http://www.prime-tass.ru/news/comments/-101/%7B8EFD9D67-0148-4114-99B9-D8DB6565B082%7D.uif>.
8. Абелев О. А. О корреляции отечественного и зарубежных фондовых рынков. [Электронный ресурс] / Доклад на круглом столе в Институте экономики РАН. 05.06.2008. Режим доступа: <http://www.ricom.ru/rm.html>.
9. Гаврилов С. Ориентиры открытия Российского рынка. [Электронный ресурс] / Экстремальный трейдинг. 15.03.2007. Режим доступа: <http://stockportal.ru/extrading/marketkurs/>.
10. Flavin T. J., Hurley M. J., Rousseau F. Explaining Stock Market Correlation: A Gravity Model Approach // Manchester School. 2002. V. 70. P. 87—106.
11. Martens M. Returns Synchronization and Daily Correlation Dynamics Between International Stock Markets // J. Banking and Finance. 2001. V. 25. № 10. P. 1805—1827.
12. Яндиев М. Загадки первого часа // Российская Бизнес-газета. № 568. 22.08.2006.
13. Aityan S. K. Asymmetric Time-Shift Correlation Analysis of the U.S. and Asia-Pacific Stock Markets / Presentation at Lincoln University Series. 2007.
14. Мятлев В. Д., Панченко Л. А., Терехин А. Т. Основы математической статистики. М. МАКС Пресс. 2002.
15. Евстигнеев В. Р. Ситуация на американском фондовом рынке и прогнозирование российского рынка акций. / Мировой фондовый рынок и интересы России // Дынкин А. А., Смыслов Д. В. (отв. ред.). М.: Наука. 2006. С. 147.
16. Де-корреляция: была или небыла? [Электронный ресурс] / Profinance.ru от 08.03.2008. Режим доступа: <http://elitetrader.ru/index.php?newsid=7228>.
17. Голубович А. Почему фондовые рынки ждет новая волна распродаж? [Электронный ресурс] / Интернет-журнал «Point.ru». 03.03.2008. /Режим доступа: <http://www.point.ru/news/stories/14599/>.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ МИРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГООБЕСПЕЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИНИЦИАТИВ

Жарких М. В.

В статье рассматривается такое перспективное направление международного сотрудничества, как сотрудничество в области мирного использования атомной энергии, в частности, его многосторонние аспекты – инициативы государств, основанные на принципе многостороннего подхода к использованию энергии атома. Проводимый сравнительный анализ двух крупномасштабных инициатив в области многосторонних подходов к ядерному топливному циклу – российской по развитию глобальной инфраструктуры атомной энергетики и созданию международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла и американского Глобального ядерно-энергетического партнерства – раскрывает основные принципы функционирования исследуемых механизмов взаимодействия, их преимущества и недостатки. Цель такого анализа – попытаться понять, какая из инициатив обладает большим потенциалом для обеспечения международной безопасности и будущего развития атомной энергетики.

Ключевые слова: Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии, режим нераспространения ядерного оружия, многосторонние подходы к ядерному топливному циклу, российская инициатива по развитию глобальной инфраструктуры атомной энергетики и созданию международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла, Международный центр по обогащению урана (МЦОУ), Глобальное ядерно-энергетическое партнерство

Keywords: International cooperation in the sphere of peaceful uses of nuclear energy, nuclear non-proliferation regime, multilateral approaches to the nuclear fuel cycle, Russian Global Nuclear Power Infrastructure Initiative, International Uranium Enrichment Center (IUEC), Global Nuclear Energy Partnership

Сегодня эксперты сходятся во мнении, что в XXI веке проблема энергообеспечения может создать серьезные угрозы международной безопасности. Об этом еще во время Международной

конференции 2005 г., проводимой правительством США в сотрудничестве с американским Советом по возобновляемой энергии, говорил и бывший заместитель министра обороны США

Свежий взгляд

(2001—2005 гг.) и Президент Всемирного банка (2005—2007 гг.) Пол Вулфовиц². Для устранения подобных угроз необходимо найти оптимальный вариант энергообеспечения заинтересованных государств. Атомно-энергетическая отрасль – потенциально неисчерпаемый источник энергии.

В этой связи решением проблемы энергообеспечения могло бы стать развитие атомной энергетики, необходимость которого в настоящее время общепризнанна³. Об этом говорит уже тот факт, что при наличии в эксплуатации 436 энергетических реакторов, в мире заявлено о намерениях соорудить к 2030 г. 131 новый энергоблок, еще 282 реактора предложены на рассмотрение для возможного строительства⁴. Отметим также значительный прогресс, достигнутый в этой отрасли за последние 50 лет. Сейчас за счет атомной энергии вырабатывается 15—16 % мирового производства электроэнергии⁵, а в некоторых промышленно-развитых государствах этот показатель значительно выше (Япония – 24 %, Республика Корея – 36 %, Бельгия – 54%), во Франции он достигает 76 %⁶. В России же, при всей развитости инфраструктуры, доля атомной энергогенерации составляет сегодня чуть более 16 % от общего уровня энергопроизводства⁷. Учитывая, однако, такой солидный атомно-энергетический потенциал, который имеет наша страна, неудивительно, что российское руководство делает ставку именно на атомную энергетику как одну из наиболее перспективных отраслей в плане энергообеспечения и строит серьезные долгосрочные планы по ее развитию.

Задача развития атомной отрасли России на долгосрочную перспективу поставлена в Послании Президента России Федеральному Собранию 2007 г. Наиболее ярко она отражена в конкретно разработанной по поручению Правительства Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2020 года⁸ – в ней говорится о «предельно возможном развитии доли не использующих органическое топливо источников электрической энергии – атомных и гидравлических электростанций»⁹. Ранее эта задача была заложена в решениях Правительства России, в частности, в утвержденной 6 октября 2006 г. федеральной целевой программе «Развитие атомного энергопромышленного комплекса России на 2007—2010 годы и на перспективу до 2015 года», а также в принятой 19 апреля 2007 г. концепции федеральной целевой программы «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года»¹⁰. Еще в 2006 г. глава Федерального агентства по атомной энергии «Росатом»¹¹ С. В. Кириенко заявлял о намерении увеличить долю атомной энергетики в энергопроизводстве в России до 25 %¹². В абсолютных показателях

эти планы означают сооружение к 2020 г. 26 новых энергоблоков¹³. В июле 2008 г. Председатель Правительства России В. В. Путин объявил, что до 2015 г. затраты на атомную сферу только из госбюджета составят около 1 трлн руб.¹⁴

О серьезности намерений относительно ядерно-энергетической отрасли говорит и упоминание о международных центрах по обогащению урана в проекте «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.» – основном документе, определяющем цели и приоритеты развития России до 2020 года¹⁵. А на первом заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики Российской Федерации в июне 2009 г. (под председательством Президента России), Д. А. Медведев выделил пять приоритетных направлений для инновационного технологического развития нашей страны, на которых необходимо сосредоточиться: в том числе – ядерные технологии¹⁶.

Повышенное внимание, уделяемое Россией атомной сфере, обусловлено быстрым развитием ядерных технологий, благодаря которым использование ядерной энергии стало намного более безопасным.

Во-первых, в разработке, проектировании, строительстве и эксплуатации АЭС произошли серьезные изменения – современные электростанции принципиально отличаются от действовавших, например, до Чернобыльской аварии или аварии Три-Майл Айленда, и передовые технологии позволяют гарантировать достаточно безопасную эксплуатацию АЭС.

Во-вторых, все более очевидны возможности и перспективы развития международного сотрудничества в мирном использовании энергии атома, в том числе – укрепление режима нераспространения ядерного оружия посредством углубления такого сотрудничества.

По всей видимости, такое ядерно-энергетическое партнерство будет осуществляться в форме многосторонних подходов к атомной энергетике. До недавнего времени многосторонние подходы не рассматривались как вполне конкурентоспособная альтернатива развитию национальных мощностей в атомно-энергетической сфере. Среди причин – недооценка распространческих рисков. Сказывались и национальные амбиции руководства многих государств, желавших доказать мощь своих стран посредством создания собственного ядерно-энергетического комплекса. Сейчас, когда все большую обеспокоенность вызывает жизнеспособность режима нераспространения ядерного оружия, а создание собственно-

го ядерного топливного цикла (ЯТЦ) для целей мирного атома оказывается непосильным финансовым бременем, и вопрос гарантированного энергообеспечения встает еще более остро, многие страны обращаются к многосторонним подходам как к инструменту, способному наиболее эффективно решить этот «узел» проблем, сохранить стабильность и безопасность, как к необходимой мере по укреплению доверия.

Многосторонние подходы к ЯТЦ становятся все более перспективным и приоритетным направлением сотрудничества и развития атомно-энергетической области. Об этом свидетельствуют заявления представителей руководящих кругов многих стран и организаций, а также программы, начатые в течение последних нескольких лет, все чаще называемых ядерным ренессансом. Весомые аргументы приведены в речи Гендиректора МАГАТЭ М. Эльбардея на берлинской «Международной конференции по поставкам ядерного топлива: вызовы и возможности», состоявшейся в 2008 г. В ней он призвал международное сообщество создать новый механизм, «который гарантировал бы поставки заинтересованным странам ядерного топлива и реакторов, одновременно укрепляя режим нераспространения через усовершенствование контроля над чувствительными фазами ЯТЦ – обогащением урана и разделением плутония – посредством многостороннего подхода к начальной и конечной стадиям цикла»³⁷. Несмотря на достаточно большую «просветительскую» работу, развернутую в рамках продвижения инициатив, ряд стран – возможных потребителей продолжает скептически относиться к многосторонним предложениям. Однако переоценка ими этих предложений вполне возможна – она будет напрямую зависеть от задаваемых параметров инициатив в области многосторонних подходов.

Максимальный эффект такого подхода к развитию атомной энергетики возможен лишь при расширении и углублении международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии. К такому выводу, при наличии острых разногласий по иным пунктам «повестки дня», единогласно пришли в 2008 г. и участники 2-й сессии Подготовительного комитета (ПК) Конференции 2010 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). **Флагманы прогресса**

По мере того, как мир приходит к осознанию необходимости тесного многостороннего взаимодействия в ядерной области, направленного на ее развитие, все большее количество стран выдвигает свои варианты многосторонних подходов

к ЯТЦ. Сейчас можно насчитать 12 альтернатив, предложенных как отдельными странами, так и группами государств³⁸. Прежде всего, это:

- уже реализуемая инициатива Президента России (2000—2008 гг.) В. В. Путина по развитию глобальной инфраструктуры атомной энергетики и созданию международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла, представленная на саммите ЕврАзЭС 25 января 2006 года;
- обнародованная в феврале того же года инициатива Президента США (2001—2009 гг.) Дж. Буша «Глобальное ядерно-энергетическое партнерство» (ГЯЭП – GNERP);
- предложение Инициативы по сокращению ядерной угрозы (NTI) о создании банка ядерного топлива (2005 г.);
- предложение шести основных поставщиков обогащенного урана (Россия, США, Франция, Великобритания, Германия, Нидерланды) (2005 г.);
- инициатива Ф.-В. Штайнмайера, предполагающая создание экстерриториального запаса низкообогащенного урана (НОУ) под управлением МАГАТЭ (2006 г.)³⁹.

Наиболее близка к реализации российская инициатива: первый шаг на пути ее осуществления уже сделан – создан Международный центр по обогащению урана (МЦОУ). В рамках этой инициативы и в ответ на призыв Гендиректора МАГАТЭ 2008 г. Правительство России представило и уже реализует еще одно предложение – о создании за свой счет при МЦОУ резервного запаса НОУ под управлением МАГАТЭ для его государств-членов с целью обеспечения дополнительных гарантий поставок топлива в случае сбоя в работе рынка и прекращения поставок не по техническим причинам⁴⁰. Интерес для анализа представляет и американское Глобальное ядерно-энергетическое партнерство (ГЯЭП). Эти инициативы заслуживают отдельного рассмотрения.

Российские предложения. Ангарский проект

Россия, обладая 40 процентами мировых промышленно-обогащительных мощностей⁴¹ (номинальные мировые обогащительные мощности оцениваются примерно в 50 млн единиц разделительной работы (ЕРР)⁴² и одной из самых высокотехнологичных ядерно-энергетических инфраструктур в мире, уже сейчас может предложить реальное решение проблемы энергообеспечения через многосторонние подходы к атомной энергетике, одновременно превращая ядерную энергию в инструмент укрепления режима нераспространения ядерного оружия. Еще на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. Президент Российской Федерации в своем выступлении говорил о необходимости энергетиче-

ческого обеспечения устойчивого развития человечества при помощи атомной энергетики. Суть предложения заключалась в разработке международного проекта, который предполагал бы постепенный отказ от использования в мирной ядерной энергетике обогащенного урана и чистого плутония, а также поэтапное решение проблемы обращения с радиоактивными отходами (РАО) путем применения особых технологий облучения плутония и других радиоактивных элементов. Залогом реализации инициативы стал бы перевод реакторов на тепловых нейтронах на торий-урановый цикл, с постепенным переходом на реакторы на быстрых нейтронах, которые будут использовать в качестве топлива природный уран, а затем и торий. Технически это предложение осуществимо.

Далеко не всегда даже технологически новаторские и перспективные российские идеи, по тем или иным конъюнктурно-политическим причинам, находят понимание среди зарубежных партнеров. Однако то, что эта инициатива была сразу одобрена Генеральным директором МАГАТЭ²⁴ (в своей речи российский президент упоминал о необходимости участия Агентства в будущем международном проекте), говорит о многом – ее актуальности, потенциале, значимости для мирового сообщества. Именно на основе этих идей в 2004 году по инициативе Гендиректора Агентства в его рамках была создана экспертная группа по многосторонним подходам к ядерному топливному циклу, по итогам работы которой был опубликован доклад, признающий необходимость развития атомно-энергетической отрасли. Основные тезисы доклада во многом совпадали с положениями, обозначенными российским президентом в 2000 году²⁵.

В развитие идей, выдвинутых в 2000 г., 25 января 2006 года на заседании Межгоссовета ЕвразЭС²⁶ Президент России обнародовал инициативу по развитию глобальной инфраструктуры атомной энергетики и созданию международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла²⁷. Основная цель инициативы – создать прообраз инфраструктуры, которая обеспечит равный, не дискриминационный доступ всех заинтересованных стран к мирному использованию ядерной энергии при одновременном надежном соблюдении требований режима нераспространения ядерного оружия и его укреплению, что, в свою очередь, внесет вклад в обеспечение международной безопасности и стабильности.

Российская инициатива имеет преимущества, благодаря которым она может стать наиболее жизнеспособным и привлекательным вариантом развития многостороннего сотрудничества в об-

ласти мирного использования атомной энергии.

Во-первых, инициатива имеет глобальные перспективы: основным ее элементом является сооружение в мире ряда многосторонних центров, предоставляющих услуги ядерного топливного цикла (МЦОУ – первый такой центр, создание которого Россия взяла на себя). Таким образом, постепенно, регион за регионом, мировое сообщество будет развиваться в атомно-энергетическом плане. Причем важно, что это будут совместные многосторонние проекты, реализуемые под международным контролем, а не проекты отдельных стран по развитию собственных мощностей. Использование чувствительных технологий в рамках проекта будет осуществляться под международным контролем – гарантиями МАГАТЭ, оно также будет ограничено специалистами «Ангарского электролизного химического комбината» (АЭХК), то есть стороны, предоставляющей услуги. Остальные участники будут иметь доступ к административно-финансовому управлению, контролю качества продукции и, конечно, к самой готовой продукции (обогащенный уран), доступа же к технологиям у них не будет. Во-вторых, инициатива комплексна, она охватывает значительную часть атомно-энергетической сферы: предполагается создание центров по 4 направлениям:

- обогащение урана;
- обращение с отработавшим ядерным топливом (ОЯТ) – его переработка и хранение²⁸;
- подготовка персонала в области атомной энергетики;
- развитие инновационных технологий в области ядерной энергетики, создание реакторов на быстрых нейтронах²⁹.

С одной стороны, цель инициативы – стать эффективным инструментом гарантированных поставок и, следовательно, надежного энергообеспечения; с другой стороны, она направлена на укрепление режима нераспространения и на поддержание, таким образом, безопасности и стабильности. К тому же, российский проект имеет целый ряд новаторских составляющих, не представленных в других инициативах. Это, например, возможность каждой организации-акционера МЦОУ получать дивиденды от прибыли Центра прямо пропорционально той доле, которой владеет эта организация. Такой элемент представляется дополнительным стимулом для привлечения к деятельности МЦОУ третьих стран.

Важным моментом российского подхода является тесное сотрудничество с МАГАТЭ, благодаря которому инициатива приобретает своего рода «лицензию» уполномоченной компетентной международной организации. Международная подотчетность и контроль деятельности механиз-

мов, созданных в рамках российской инициативы, исключает возможность манипуляции ею в политических и иных целях, гарантирует обеспечение равного, недискриминационного доступа к благам, предусмотренным реализацией ангарского проекта. Российская инициатива, в отличие от, например, американского проекта GNEP, не предлагает новых инструментов в области нераспространения взамен уже существующих проверенных механизмов (например, the IAEA Safety Standards и др.).

Преимущество российской идеи с экономической точки зрения заключается в том, что, обеспечивая доступ к мирному использованию ядерной энергии на основе многосторонних подходов всем заинтересованным странам, она создает предпосылку для добровольного отказа государств с относительно небольшими масштабами национальной ядерной энергетики от планов по развитию чувствительных технологий в этой области. Для многих государств сооружение предприятий для таких стадий ЯТЦ, как обогащение урана и переработка ОЯТ экономически просто неоправданно. Пример Ирана показывает, насколько затратным в финансовом, да и в временном смысле может быть создание собственного ядерного топливного цикла. В отношении же, например, обогащения урана, химической переработки ОЯТ и его захоронения как раз целесообразно применение многосторонних подходов.

Уже первая ступень реализации российской инициативы – МЦОУ – может вывести на новый уровень международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. Главная задача Центра – стать надежным инструментом обеспечения государств, в первую очередь – участников МЦОУ, не развивающих собственные мощности по обогащению, услугами ЯТЦ (обогащение для последующего изготовления топлива). Под выполнение их заказов и будут зарезервированы мощности АЭХК. Сначала будет определяться количество заказов, затем проводиться ревизия мощностей АЭХК, и уже после этого будет заключаться договор между МЦОУ и комбинатом, в рамках которого будут осуществляться поставки услуг³⁰. Стоит отметить, что акцент, сделанный не только на одной из начальных стадий ЯТЦ (обогащение), но и на его конечной фазе (возврат ядерного топлива, услуги по хранению и переработке), мог бы стать дополнительным аргументом в пользу укрепления потенциала инициативы и стимулом к привлечению более широкого круга стран.

Наиболее важным аргументом в пользу МЦОУ является то, что участие в работе Центра не предполагает обязательного отказа от развития собственных чувствительных (в первую очередь –

обогатительных) мощностей. Поэтому МЦОУ часто рассматривают как проект, способный разрешить кризис вокруг иранской ядерной программы³¹. Единственным условием участия в МЦОУ является членство в ДНЯО и МАГАТЭ. Первоначально на АЭХК планируется использовать мощности до 500 тыс. ЕРР.

Особенно взаимовыгодным вариантом представляется сотрудничество МЦОУ с государствами с ограниченными масштабами собственной ядерной энергетики, которые только начинают ее развитие, так как мощностей МЦОУ будет достаточно для удовлетворения их потребностей в атомной энергии (к тому же, чем меньше потребности одного партнера, тем большее их количество сможет обслужить Центр), МЦОУ же заручается «клиентурой» и на будущее – когда масштабы ядерной энергетики этих стран увеличатся, вероятнее, что новые контракты они будут заключать со старыми, проверенными партнерами.

Юридической основой МЦОУ является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 10 мая 2007 г. о создании Международного центра по обогащению урана. Согласно ст. 3 этого Соглашения, Центр создается в форме Открытого акционерного общества (ОАО). Эта организационно-правовая форма позволяет другим организациям, в т.ч. третьих стран, участвовать в капитале ОАО «МЦОУ» (Ст. 5 Соглашения)³². Помимо уже упомянутого преимущества в виде получения дивидендов от прибыли Центра, такая форма участия обеспечивает финансовую независимость МЦОУ от госбюджетов стран – его участниц. Учрежден центр двумя компаниями, являющимися уполномоченными организациями от России и Казахстана – ОАО «Техснабэкспорт» (90 % акций в уставном капитале) и АО «НАК «Казатомпром» (10 % акций). Исполнительными органами от России и Казахстана являются соответственно Государственная корпорация по атомной энергии (ГК) «Росатом» и Министерство энергетики и минеральных ресурсов. При присоединении заинтересованных организаций третьих стран к деятельности МЦОУ происходит перераспределение долей уставного капитала Центра в сторону уменьшения доли ОАО «Техснабэкспорт» с 90 % до, как минимум, 51 %. Присоединение новых организаций к МЦОУ оформляется путем заключения межправительственных соглашений и обмена нотами. Центр будет функционировать исключительно на рыночных условиях.

Учредительное собрание акционеров ОАО «МЦОУ» утвердило 6 августа 2007 года Устав «МЦОУ». 5 сентября 2007 года Центр был зарегистри-

стрирован в качестве юридического лица России.

Центр будет действовать на основе многостороннего международного межправительственного соглашения как дополнительной гарантии для иностранных государств от каких-либо политических манипуляций.

МЦОУ рассчитан на привлечение к участию в нем широкого круга стран, как СНГ, так и дальнего зарубежья. Уже сейчас, не начав свою работу, он показывает достаточную востребованность со стороны иностранных государств. Не случайно главным партнером России по проекту МЦОУ выступил Казахстан – перспективы сотрудничества с этим государством значительны: он унаследовал значительную часть атомно-промышленного комплекса СССР, включая мощную урановую сырьевую базу³³. И хотя на территории государства отсутствуют действующие энергетические ядерные реакторы, руководство страны намерено построить АЭС³⁴. Кроме МЦОУ, совместно с Казахстаном на базе того же АЭХК реализуется еще один проект – совместное предприятие по созданию разделительного производства. Закрытое акционерное общество «Центр по обогащению урана» (ЦОУ), запланированная проектная мощность которого – 5 млн ЕРР в год³⁵. Уже в феврале 2008 года решение о присоединении к Центру приняла Армения – 6 февраля 2008 года состоялся обмен нотами между Россией и Арменией. На данном этапе завершается процесс оформления ее присоединения – происходит передача Армянской АЭС – уполномоченной организации от Армении – десяти процентов акций МЦОУ от «Техснабэкспорта»³⁶. В 2008 г., практически сразу после Армении, стать членом МЦОУ решила Украина. Процесс ее присоединения в 2009 г. также продолжается. Правительство Украины одобрило проект соглашения в форме обмена нотами с Правительствами России и Казахстана об участии в деятельности МЦОУ³⁷. Интерес к работе МЦОУ проявила Республика Корея. В июне 2008 г. в ГК «Росатом» состоялись двусторонние консультации по возможному присоединению Республики Корея к деятельности Центра. В 2009 году планируется провести очередной раунд консультаций по возможному присоединению этого государства к деятельности Центра. Кроме того, интерес к работе МЦОУ проявляют Белоруссия, Финляндия, Болгария и Бельгия³⁸. Последняя может принять участие в МЦОУ в качестве наблюдателя³⁹.

В перспективе государством – партнером могла бы стать Австралия. Будучи мировым лидером по подтвержденным запасам природного урана и крупнейшим поставщиком этого энергетического сырья на мировой рынок, она

вполне могла бы поставлять в Ангарск урановую руду (если, конечно, будет ратифицировано и вступить в силу подписанное в 2007 г. российско-австралийское межправительственное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях)⁴⁰. Вполне реальным представляется и участие в проекте США, которые, несмотря на масштабные планы развития атомно-энергетической отрасли, обеспечивают лишь 12 % своих потребностей в услугах по обогащению, а 55 % ядерного топлива производят из НОУ, получаемого от России по соглашению ВОУ-НОУ^{41,42}. Дополнительной гарантией надежности поставок служит создаваемый при МЦОУ гарантийный запас НОУ.

18 сентября 2007 года в рамках Генеральной конференции МАГАТЭ Представитель ГК «Росатом» Н. Н. Спасский провел брифинг о реализации инициативы Президента, включая создание МЦОУ, для всех заинтересованных государств, на котором было объявлено о намерении запустить новую инициативу в области многосторонних подходов – создать при МЦОУ гарантийный запас НОУ в качестве топлива для осуществления двух полных загрузок наиболее распространенного в мире типа реактора с водой под давлением (типа ВВЭР) мощностью 1 000 МВт под контролем МАГАТЭ.

В настоящее время ведется работа над проектом Соглашения между Россией и МАГАТЭ о создании такого буферного запаса НОУ для обеспечения гарантированных поставок. Ядерное топливо из этого резерва будет по запросу Агентства поставляться по рыночным ценам государствам – членам МАГАТЭ, испытывающим трудности с получением НОУ на рынке при условии, что они соблюдают все требования режима нераспространения. Запас будет храниться на складах МЦОУ (но будет собственностью исключительно России). Отсутствие в качестве условия для участия в проекте такого критерия как членство в ДНЯО расширяет круг потенциальных стран-кандидатов на получение доступа к гарантийному запасу.

Формирование гарантийного запаса НОУ в соответствии с прорабатываемым соглашением напрямую не увязывается с Соглашением между Российской Федерацией и Казахстаном о создании МЦОУ (в проекте нет ссылки на ст. 7 Соглашения). Тем не менее, в ст. 7 Соглашения предусматривается возможность создания при МЦОУ и в соответствии с российским законодательством, а также по согласованию с МАГАТЭ запаса природного и обогащенного урана, который может быть использован для выполнения обязательств Центра перед организациями-участницами Центра. В связи с этим, создаваемый гарантированный

запас можно будет использовать и как упомянутый в ст. 7 запас при МЦОУ.

Согласно проекту Соглашения о создании запаса НОУ, гарантированный запас будет состоять из урана со степенью обогащения в 2,0 %—4,95 % по урану-235. Всего запас может составить 120 тонн НОУ.

По объективным причинам АЭХК стал наиболее оптимальным вариантом в выборе площадки для размещения МЦОУ. В России существует четыре комбината по обогащению урана – Уральский электрохимический комбинат (УЭХК), Электрохимический завод (ЭХЗ), Сибирский химический комбинат (СХК) и, наконец, Ангарский электролизный химический комбинат (АЭХК). Однако неслучайно местом расположения МЦОУ был выбран ангарский АЭХК. Здесь действует крупнейший в мире каскад обогатительных центрифуг⁴³. Ангарский химкомбинат является самым молодым российским газоцентрифужным заводом, оснащен газовыми центрифугами шестого поколения и наименее загружен по сравнению с остальными тремя обогатительными предприятиями (9,6 % от общих разделительных мощностей России)⁴⁴. Поэтому именно на АЭХК лучше всего использовать мощности для выполнения экспортных заказов. К тому же, АЭХК – единственный из четырех обогатительных заводов, который не расположен на территории закрытого административно-территориального образования (ЗАТО). Решением Правительства России АЭХК был исключен из перечня особо режимных объектов⁴⁵. В связи с этим постановка его под гарантии МАГАТЭ намного проще – здесь не действует особый режим безопасности, а иностранные партнеры – представители стран-участниц Центра и сотрудники Секретариата МАГАТЭ смогут посещать склад МЦОУ. К тому же, специалисты АЭХК уже имеют опыт постановки под гарантии МАГАТЭ газоцентрифужного предприятия, спроектированного в России для сооружения в КНР. Для такого международного проекта, направленного на укрепление режима нераспространения, как МЦОУ особенно важно то, что на АЭХК, в отличие от других потенциальных объектов, отсутствуют подразделения, где велись бы разработка и производство новых типов центрифуг, что снижает риск распространения чувствительных технологий.

МЦОУ будет поставлен под гарантии МАГАТЭ на основании «Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Международным агентством по атомной энергии о применении гарантий в Союзе Советских Социалистических Республик» (INFCIRC/327) от 21 февраля 1985 г. В январе 2008 года в МАГАТЭ направлена

нота о включении МЦОУ в список объектов, где возможно применение гарантий Агентства. Рассматривается форма участия МАГАТЭ в деятельности Центра.

Нужен ли нам американский проект?

Американцы поставили задачу обновления своего атомно-энергетического комплекса – Глобальное ядерно-энергетическое партнерство⁴⁶ является частью обнародованной в том же 2006 году более обширной инициативы Президента США в области разработки передовых видов энергии (**Advanced Energy Initiative**)⁴⁷. Последняя направлена, в том числе, на масштабное развитие инфраструктуры атомно-энергетической отрасли, занимающей второе место (после угольной промышленности) по выработке электроэнергии в США (на нее приходится 20 %) ⁴⁸, а также на сооружение в Соединенных Штатах нового поколения ядерных реакторов в соответствии с Законом об энергетической политике от 2005 года (The Energy Policy Act of 2005) и Программой развития ядерной энергетики до 2010 года (Nuclear Power 2010 Program)⁴⁹.

ГЯЭП, являясь одним из инструментов реализации этой масштабной задачи, имеет не только «внутреннюю», но и «внешнюю» составляющую. С ее помощью нарабатывается международный политико-коммерческий и, главное, – ядерно-технологический потенциал атомно-энергетической отрасли. Она также служит укреплению как международного сотрудничества в области атомной энергетики, так и режима ядерного нераспространения. Весьма удобной при этом выглядит возможность для США качественного переоснащения своей атомно-энергетической базы в рамках реализации многостороннего международного проекта одновременно с увеличением политического влияния в соответствующей области. В связи с этим исчезают все возможные сомнения по поводу будущего этой инициативы или, по крайней мере, концепции, заложенной в ГЯЭП как проекте администрации Буша. После прихода к власти Администрации Б. Обамы «внутренняя» часть ГЯЭП, включая ее техническую составляющую, неофициально многими экспертами считается отмененной⁵⁰. Однако ни формальных заявлений, ни официального объявления о запуске более жизнеспособной альтернативы ГЯЭП Министерство энергетики США пока не сделало. При этом из Проекта Плана Действий в области ядерной энергетики (2009 Draft Performance Plan), опубликованного Министерством энергетики США в 2009 году⁵¹, следует, что планы на развитие атомно-энергетической отрасли только расширяются. По всей видимости, даже при пе-

Свежий взгляд

рестановке акцентов в аспектах реализации ГЯЭП (например, при акценте на нераспространенческий аспект при Администрации демократов), эта инициатива не будет снята с повестки дня.

Основной целью ГЯЭП называется содействие развитию многостороннего сотрудничества в сфере мирного использования атомной энергии при одновременном укреплении режима нераспространения. Центральной идеей, которую изначально намеревались реализовать американцы при помощи ГЯЭП, было предоставление Соединенными Штатами и другими развитыми ядерными державами услуг ЯТЦ (в т.ч. по поставке ядерного топлива и радиохимической переработке ОЯТ) третьим странам в обмен на отказ последних от разработки собственных технологий чувствительных фаз ЯТЦ – обогащения урана и переработки ОЯТ⁵². Это условие представлялось авторам концепции наиболее оптимальным для обеспечения той неразрывной связи, на которой основан GNEP – между ядерной энергетикой и снижением риска ядерного распространения, а, следовательно, безопасностью. Наличие данного обязательного условия GNEP, пожалуй, главное отличие его от российского проекта. Оно же неизбежно сокращает круг потенциальных участников проекта. Очевидно, что многие страны в настоящее время не готовы прекратить национальные проекты в этой области. Они, несомненно, будут рассматривать Партнерство как инструмент дискриминации и ограничения их законных прав в атомно-энергетической области. Именно из этого исходили идеологи МЦОУ. Известно, что и в российской инициативе первоначально планировалось поставить в качестве обязательного условия для присоединения к МЦОУ отказ государства от национальной программы по обогащению⁵³. Однако, такие страны, как Аргентина, Австралия, Канада, Казахстан, Украина в ходе консультаций с МАГАТЭ дали понять, что они не смогут отказаться от права развития у себя обогатительных мощностей⁵⁴. Поэтому основатели МЦОУ пошли по другому пути, справедливо полагая, что такие государства скорее откажутся от подобных разработок, если МЦОУ обеспечит им более благоприятные условия развития атомно-энергетической отрасли, нежели они сами.

При всей изначальной перспективности американской инициативы, за время ее существования никаких субстантивных результатов достигнуто не было. GNEP запускался как очень амбициозная инициатива. Планы ГЯЭП были достаточно масштабны для того, чтобы его одобрили и присоединились к нему такие крупные ядерно-энергетические державы, как Россия,

Франция и др. Среди основных задач числилось решение проблем обращения с ОЯТ и РАО, предоставление технической помощи странам-участникам проекта в ядерно-энергетической области для увеличения доли атомной энергетики в производстве электроэнергии при одновременном противостоянии вызовам ядерного распространения⁵⁵. До сих пор, однако, ни одна из поставленных задач не была решена. Не было выработано и единого подхода к ее решению. К тому же, инициатива часто критикуется как в самих США, так и за их пределами, в том числе за то, что ставка на технологии по переработке ОЯТ, имеющиеся сегодня, не оправдана. Такого мнения придерживается, в частности, Национальная академия наук США⁵⁶. А с развитием таких технологий может возрасти риск распространения.

Если в рамках других инициатив проведенная работа, по крайней мере, подготовила всю необходимую базу для начала практической реализации (как, например, МЦОУ), то по линии ГЯЭП работа так и не вышла за рамки обсуждений и теоретических заключений.

Безусловно, нельзя не отметить интересные и полезные идеи ГЯЭП. Это и намерение создать обширный парк малых АЭС для стран, не обладающих собственным ЯТЦ, и переход на производство энергии также реакторами на быстрых нейтронах (помимо легководных)⁵⁷, и создание и внедрение опытно-промышленной технологии переработки ОЯТ легководных реакторов на основе процесса радиохимического разделения UREX+1a⁵⁸ с возможностью повторного обогащения (проект ESD); это сооружение предприятия усовершенствованного топливного цикла (проект AFCF), включающий переработку ОЯТ и изготовление вторичного топлива в рамках одного предприятия. Последний, однако, и вовсе долгосрочный проект – начало его реализации намечено на 2016 год. Что касается добычи и обогащения урана – сферы, представляющие особый интерес для России, – эти направления в ГЯЭП упомянуты вскользь.

Несмотря на всю первоначальную перспективность, в настоящее время ГЯЭП не представляет из себя реально действующего механизма, являясь, скорее, дискуссионным клубом пока далеко не глобального масштаба (хотя и претендует на это «звание»). Американцы настойчиво выступают за расширение и углубление структуры партнерства, но опыт нескольких лет показал, что инструменты, способные сделать его реализуемым на практике проектом в рамках заявленных целей, пока не найдены. Две созданные в рамках Партнерства рабочие группы – по развитию инфра-

структуры атомной энергетики и гарантированному обеспечению услугами ЯТЦ – поставками ядерного топлива – до сих пор обладают лишь функциями форума по обмену идеями с целью содействия развитию атомной энергетики – в частности, создается информационно-ресурсная база инициативы. Тем не менее, уже сейчас есть возможность использования поля Глобального ядерно-энергетического партнерства для продвижения услуг конкретных операторов. Настораживают и попытки создания инструментов, подменяющих инструменты уже существующих международных, в том числе институциональных, механизмов в области атомной энергетики и нераспространения – таких как МАГАТЭ, включения в компетенцию ГЯЭП вопросов, относящиеся к компетенции таких механизмов в рамках МАГАТЭ как Гарантии, Принципы обращения с радиоактивными отходами, Стандарты безопасности – их дублирования. Очевидно стремление к замещению целого ряда функций Агентства и расширению сферы компетенции ГЯЭП (к примеру, выдвинутая в январе 2008 года австралийская инициатива создания рабочей группы по нераспространению и гарантиям). Примечательно, что ранее идею образования группы выдвигали США, однако она была отвергнута участниками Партнерства. Естественно, что на такие попытки расширения сферы компетенции ГЯЭП стоит обратить особое внимание в контексте конкуренции и конкурентоспособности российской и американской инициатив. Американцы стараются как можно скорее занять те потенциальные ниши сотрудничества, которые предлагает российская инициатива, а также вовлечь в проект как можно больше стран. После сравнения результатов, достигнутых в ходе реализации исследуемых инициатив, логичным представляется вывод о том, что проще и эффективнее сосредоточить многосторонние усилия на осуществлении проектов, которые уже в ближайшем будущем могут принести плоды и быть полезными, как для развитых, так и для развивающихся игроков атомно-энергетической арены, нежели начинать детально прорабатывать обширную теоретическую базу для многопрофильной программы, которая к моменту ее непосредственной реализации уже будет неактуальна. Ведь те же продвинутое в ядерно-энергетическом смысле государства, которые вначале с энтузиазмом поддержали ГЯЭП, сами по себе уйдут далеко вперед в развитии атомной энергетики. Проблема Партнерства – как раз в том, что ему нечего предложить таким развитым государствам в инновационно-технологическом плане. Для плодотворного сотрудничества необходима взаимовыгодная основа, своеобразный «симбиоз»,

в то время как такие страны, как Россия или Япония, вполне могут осуществить все атомно-энергетические проекты без GNEP.

Неоднозначна и продвигаемая в последнее время идея «Взаимодействия ГЯЭП с «внешними» организациями» – так называемый «Approach to the Involvement of External Entities in GNEP Activities». Подразумевается сотрудничество с различными профильными организациями и научно-техническими институтами государств-участников ГЯЭП, которые могут не являться уполномоченными государственными органами этих стран (к взаимодействию призываются, в том числе, частные организации-поставщики и т.д.). Это может не только не укрепить, но и негативно сказаться на режиме нераспространения, так как неизвестно, какие институты и в каком качестве будут принимать участие, и какую информацию они будут передавать. В этом смысле российская инициатива представляется намного более безопасной, так как предполагает участие лишь государственных уполномоченных органов, действующих от имени и осуществляющих решения правительства.

Другое не менее серьезное опасение: не исключено, что в основе GNEP лежит не только и не столько здоровый экономико-конкурентный принцип, сколько цель постепенной институционализации и замещения собой других уполномоченных международных органов в области атомной энергетики и нераспространения (МАГАТЭ, рабочая группа по ядерной физической безопасности – РГЯБ (в рамках «Группы восьми») и др.), «узурпацию» их полномочий и превращение путем привлечения как можно большего числа стран в единственную глобальную компетентную структуру с широкими полномочиями в ядерно-энергетической сфере. Поскольку инициатором проекта являются США, это означало бы навязывание не только американских стандартов в области нераспространения, но и их подходов к развитию ядерной энергетики, которые далеко не всегда совпадают с подходами других государств и общемировыми в целом.

Marina V. Zharkikh. International cooperation in the sphere of peaceful uses of nuclear energy as a resolution of energy supply and nuclear proliferation problems.

Comparative analysis of the Russian and the US initiatives. The article gives an outline of such a promising branch of international cooperation as cooperation in the sphere of peaceful uses of nuclear energy, in particularly its multilateral aspects – initiatives of States based on the multilateral principle of uses of nuclear power. The comparative analysis of the two large-scale initiatives in

Свежий взгляд

the field of multilateral approaches to the nuclear fuel cycle – these are the Russian initiative on the development of the Global infrastructure of nuclear energy and the American Global nuclear energy partnership – made in the article discloses the main principles of work of the abovementioned

mechanisms of interaction as well as their advantages and disadvantages. The goal of such an analysis is to figure out which one has a greater potential for international security and future development of the nuclear energy sector.

1. Автор выражает благодарность И. А. Ахтамзяну за помощь, оказанную в работе над статьей.
2. См.: Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под рук. и с предисл. А. В. Торкунова, научн. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. С. 929.
3. См., например: Перспективы развития атомной энергетики и законодательное обеспечение отрасли. Сборник статей. М.: Издание Государственной Думы. 2007. С. 3.
4. Данные World Nuclear Power Reactors 2008—2009 and Uranium Requirements. 2009, June 1. (<http://www.world-nuclear.org/info/reactors.html>), (последнее посещение – 24.06.2009).
5. Пономарев-Степной Н. Н., Цибульский В. Ф. Атомная энергия и энергетическая безопасность. Атомная энергия. 2006. Вып. 4. Т. 101. Октябрь. С. 247—254.
6. Гор-Лесси Ян. Ядерное электричество. 6-е издание. Урановый Информационный Центр. Австралия. Гл. 2.4 (<http://www.ecoatominf.ru/publishs/electricity/index.html>); а также по данным Всемирной ядерной ассоциации, World Nuclear Power Reactors 2008—2009 and Uranium Requirements. 2009, June 1. (<http://www.world-nuclear.org/info/reactors.html>), (последнее посещение – 24.06.2009).
7. Официальный сайт информационного агентства REGNUM: www.regnum.ru/news/576565.html 15:20 21.01.2006 (последнее посещение – 11—12.11.2008).
8. Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 года разрабатывалась по поручению Правительства Российской Федерации и была одобрена его распоряжением от 22 февраля 2008 г. № 215-р.
9. См.: текст Генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики до 2020 года. С. 11. <http://www.e-apbe.ru/scheme/>.
10. См.: Перспективы развития атомной энергетики и законодательное обеспечение отрасли. Сборник статей. М.: Издание Государственной Думы. 2007. С. 3.
11. С 2008 года – Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом».
12. Официальный сайт информационного агентства REGNUM: www.regnum.ru/news/576173.html, 20.01.2006 (последнее посещение – 12 ноября 2008 г.)
13. Из выступления директора Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» М. Н. Лысенко на круглом столе на тему: «Российско-американское Соглашение о сотрудничестве в области атомной энергетики: перспективы практической реализации», организованном ПИР-Центром 19 февраля 2009 г.
14. См. Официальный сайт Госкорпорации по атомной энергии «Росатом», статья «Атомная отрасль получит из госбюджета до 2015 г. около 1 трлн руб.», http://www.minatom.ru/news/11186_29/07/2008.
15. См. сайт Atominfo.ru, статья «МЦОУ включен в проект Концепции-2020», <http://www.atominfo.ru/news/air4684.htm> (последнее посещение – 26 января 2009 г.) и текст Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. (<http://www.oprf.ru/feedback/778/>).
16. См. Официальный сайт Госкорпорации по атомной энергии «Росатом», статья «Президент РФ Дмитрий Медведев провел первое заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию России», <http://minatom.ru/news/15717>, 22.06.2009 г.
17. Цит. по: доклад Ю. Юдина. Y. Yudin, UNIDIR, 2009. «Multilateralization of the Nuclear Fuel Cycle: Assessing the existing proposals». Р. 16.
18. См. Доклад Ю. Юдина. Y. Yudin, UNIDIR, 2009. «Multilateralization of the Nuclear Fuel Cycle: Assessing the existing proposals». Chapter 3. Р. 24—44.
19. Инициатива впервые озвучена в интервью на тот момент министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера газете «Handelsblatt» 18 сентября 2006 г.
20. См. выступление представителя российской делегации по вопросам мирного использования атомной энергии на 3-й сессии ПК Конференции 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО.
21. См. Сайт Atominfo.ru, статья «Австралия может обогащать уран в Ангарске», <http://www.atominfo.ru/news/air2464.htm>, источник: Вести.Ру, (последнее посещение – 30 октября 2007 г.).
22. ЕРР – единица разделительной работы – условная величина, показывающая объем энергозатрат на обогащение 1 кг урана до определенного уровня (обычно выражается в тыс. или млн ЕРР/год). Кроме обозначения производственной мощности обогатительного предприятия, является базовой величиной для обоснования цен за обогатительные услуги.
23. См. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2009. С. 127.
24. См. Энергетика, безопасность, экология, нераспространение. К инициативе Президента Российской Федерации по энергетическому обеспечению устойчивого развития человечества, кардинальному решению проблем нераспространения ядерного оружия и экологическому оздоровлению планеты Земля, выдвинутой на Саммите тысячелетия ООН 6 сентября 2000 г. Москва, 2000 г.

25. См. IAEA Information Circular (INFCIRC/640). 22 February 2005. Multilateral Approaches to the Nuclear Fuel Cycle. Expert Group Report to the Director General of the IAEA. IAEA, Vienna, 2005.
26. ЕврАзЭС – Евразийское экономическое сообщество – международная экономическая организация, правопреемник Таможенного союза. Состоит из стран-членов СНГ: Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан.
27. См.: Заявление по мирному использованию атомной энергии. 25 января 2006 г., Санкт-Петербург. Сайт Президента России (http://www.kremlin.ru/appears/2006/01/25/1624_type63374type63377_100662.shtml).
28. Глава Госкорпорации по атомной энергии «Росатом» С. В. Кириенко отметил, что для создания таких центров нужны будут новые технологии, предполагающие сокращение производимых РАО. (См. Доклад Ю. Юдина, UNIDIR, 2009. «Multilateralization of the Nuclear Fuel Cycle: Assessing the existing proposals». С. 25).
29. См.: Статья А. Хлопкова «Ангарский проект: обогащение vs нераспространение». Научно-практический журнал ПИР-Центра «Индекс Безопасности». 2008 г. № 2(85). Т. 14. С. 43–44.
30. См. Интервью Генерального директора МЦОУ А. Григорьева 10.12.2007 г. Официальный сайт ОАО «АЭХК», <http://www.aecc.ru/ns/?mod=ml&mid=31&id=237> (последнее посещение – 10 февраля 2009 г.).
31. До представления В. Путиным инициативы по развитию глобальной инфраструктуры атомной энергетики и созданию международных центров по предоставлению услуг ЯТЦ Россия несколько раз делала Ирану предложения о создании совместного предприятия по обогащению урана на территории России для развития мирной атомной энергетики в Иране. Эту российскую идею часто называют прообразом проекта МЦОУ. Поскольку Иран последовательно настаивает на своем праве на обогащение урана, как и на создание собственного ЯТЦ, очевидно, что Тегеран будет участвовать лишь в том проекте, где ей не будет ставиться в качестве обязательного условия отказ от развития разделительного производства.
32. Текст Соглашения о создании МЦОУ см. сайт СоюзПравоИнформ – Законодательство стран СНГ, <http://www.base.spin-form.ru/show.fwx?Regnom=18620> (последнее посещение – 15 ноября 2008 г.).
33. См. Официальный сайт ОАО «Техснабэкспорт», раздел МЦОУ, http://www.tenex.ru/russia_atomic/mcou/, (последнее посещение – 25 декабря 2008 г.).
34. См. Статья А. Хлопкова «Ангарский проект: обогащение vs нераспространение». Научно-практический журнал ПИР-Центра «Индекс Безопасности», 2008 г. № 2(85). Т. 14. С. 49.
35. См. сайт Атомэкспо, статья «Российско-казахстанский Центр обогащения урана увеличит уставный капитал почти в 5 раз», 20 января 2009 г. (по материалам ИА «Интерфакс»), http://www.atomexpo.ru/ru/international_contacts/news_collaboration/index.php?id8=3464, (последнее посещение – 21 января 2009 г.)
36. См. сайт Atominfo.ru, статья «МЦОУ включен в проект Концепции-2020», <http://www.atominfo.ru/news/air4684.htm> (последнее посещение – 26 января 2009 г.)
37. См. сайт журнала «Атомкон» Atomcon.ru. Статья «Правительство Украины одобрило проект соглашения с РФ и Казахстаном об участии в МЦОУ», 1 декабря 2008 г. (с сайта Nuclear.ru) <http://www.atomcon.ru/news/2008/12/01/pravitelstvo-ukrainy-odobrilo-proekt-soglasheniya-s-rf-i-kazakhstanom-ob-uchastii-v-mtsou> (последнее посещение – 4 декабря 2008 года).
38. См. Ядерный сайт Nuclear.ru, статья «Правительство Украины одобрило проект соглашения с РФ и Казахстаном об участии в МЦОУ», http://www.nuclear.ru/rus/press/other_news/2111252/ (последнее посещение – 4 декабря 2008 г.)
39. Бельгийцы, однако, подчеркивают, что даже в случае последующего присоединения к МЦОУ они не намерены брать на себя обязательства по отказу от развития чувствительных технологий ЯТЦ.
40. См. Сайт Atominfo.ru, статья «Австралия может обогащать уран в Ангарске», <http://www.atominfo.ru/news/air2464.htm>, источник: Вести.Ру, (последнее посещение – 30 октября 2007 г.)
41. См. Статья А. Хлопкова «Ангарский проект: обогащение vs нераспространение». Журнал «Индекс Безопасности», 2008 г., № 2(85), Т. 14. С. 53.
42. Если к моменту истечения срока действия Соглашения ВОУ—НОУ (2013 г.) в США не выйдут на проектные мощности обогатительные заводы на основе центрифужной технологии, сооружаемые в штатах Нью-Мексико и Огайо, перед американскими компаниями встанет вопрос приобретения услуг по обогащению за рубежом.
43. См. Сайт Atominfo.ru, статья «Австралия может обогащать уран в Ангарске», <http://www.atominfo.ru/news/air2464.htm>, источник: Вести.Ру, (последнее посещение – 30 октября 2007 г.)
44. См. Статья А. Хлопкова «Ангарский проект: обогащение vs нераспространение». Научно-практический журнал ПИР-Центра «Индекс Безопасности», 2008 г. № 2(85). Т. 14. С. 45.
45. См. Интервью Генерального директора МЦОУ А. Григорьева 10.12.2007 г. Официальный сайт ОАО «АЭХК», <http://www.aecc.ru/ns/?mod=ml&mid=31&id=237> (последнее посещение – 10 февраля 2009 г.).
46. Сайт ГЯЭП: <http://www.gneppartnership.org>.
47. Подробнее см. <http://www.ostp.gov/galleries/Budget09/AdvancedEnergyInitiative1pager.pdf> (последнее посещение – 10 февраля 2009 г.).
48. Источник: U. S. Department of Energy. A New Generation of Nuclear Power Plants in the U. S. (<http://www.gnep.energy.gov/gnepUSNuclearPower.html>).

Свежий взгляд

49. См. U. S. Department of Energy. A New Generation of Nuclear Power Plants in the U. S. (<http://www.gnep.energy.gov/gnepUS-NuclearPower.html>).
50. См. сайт Atominfo.ru, статья «Американская инициатива GNEP умерла», <http://atominfo.ru/news/air6332.htm>.
51. См. <http://www.ne.doe.gov/pdfFiles/NEPerformancePlanFY09.pdf>. 2009 Nuclear Energy Draft Performance Plan, Office of Nuclear Energy, US DOE.
52. См. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2009. С. 80.
53. См. Ядерное нераспространение и Международный центр по обогащению урана. Доклад заместителя директора Департамента стратегического анализа ОАО «Техснабэкспорт» С. В. Ручкина на конференции ПИР-Центра «Глобальная безопасность и «восьмерка»: вызовы и интересы. На пути к Санкт-Петербургскому саммиту», 22 апреля 2006 г.
54. См. Статья А. Хлопкова «Ангарский проект: обогащение vs нераспространение». Научно-практический журнал ПИР-Центра «Индекс Безопасности», 2008 г. № 2(85). Т. 14. С. 52—53.
55. См. «Анализ взглядов администрации США на будущее мировой ядерной энергетики». *Андрюшин И. А., Юдин Ю. А.* Доклад на Шестом российско-китайском семинаре по стратегической стабильности в мире и контролю над вооружениями. Москва, 16—17 августа 2006 г.
56. См. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2009. С. 81.
57. Создание новых реакторных технологий – одна из основных идей GNEP, однако пока непонятно, на основе какой научно-технологической базы США планируют разрабатывать такие технологии – ведь очень малое количество государств обладает каким-либо потенциалом в области бридеров. Россия, пожалуй, – единственная наиболее продвинутая страна в этой сфере. Тем не менее, и в России имеется пока лишь один функционирующий реактор на быстрых нейтронах БН-600 (на Белоярской АЭС) и один реактор БН-800 готовится к запуску в эксплуатацию в 2012—2014 гг. (на той же Белоярской АЭС).
58. В настоящее время используется технология разделения «UREX+» (Uranium Extraction Plus) – новейшая технология по переработке ОЯТ, включающая его изотопное разделение с выделением урана, возможностью переоблучения трансурановых актинидов, минимизацией количества радиоактивных отходов и без образования жидких РАО.

17 ПОПРАВOK КОНСТИТУЦИИ ПАКИСТАНА

Попадюк О. А.

С момента своего образования Пакистан прошел сложный и уникальный путь конституционно-правового развития. За этот период было принято 3 конституции, последняя из которых, обнародованная в 1973 году, действует в настоящее время. Однако в нее были внесены поправки, кардинально изменившие смысл и дух основного закона. В статье в политико-историческом контексте рассматриваются 17 поправок конституции Пакистана, приводятся их юридические последствия, исследуются закономерности конституционно-правового развития Пакистана.

Ключевые слова: конституционно-правовая система Исламской Республики Пакистан, Конституция со всеми поправками

Keywords: constitutional and legal system of Islamic Republic of Pakistan, constitution of Pakistan with all amendments

Конституционное развитие Пакистана на протяжении 60-летней истории не было устойчивым и эволюционным. За эти годы было принято три конституции: в 1956 году, в 1962 году и в 1973 году. С момента принятия в 1973 году Конституция Исламской республики Пакистан несколько раз подвергалась изменениям, отражавшим политико-правовую ситуацию в стране.

Неустойчивость конституционно-правовой системы напрямую связана с трудностями во внутриполитической обстановке и непростым экономическим положением страны. В настоящее время ни один социально-политический вопрос, затрагивающий устои пакистанской государственности, не был разрешен, и вполне можно ожидать того, что страна вновь выберет уже пройденный путь конституционного развития в будущем.

Принятие Конституции 1973 года проходило в сложных исторических условиях. После глубокого политического кризиса и войны к власти пришла демократическая гражданская администрация молодого амбициозного политика Зульфикара Али Бхутто. Под его руководством были разработаны основные положения конституции. Однако в самом скором времени документ был подвергнут пересмотру.

Первая поправка. После третьей индийско-пакистанской войны 1971 года болезненным стал территориальный вопрос – в новой конституции нет прямого упоминания об отделившемся Восточном

Пакистане. В ней сказано, что пакистанский народ, проживающий в Восточной части страны, примет участие в делах государства сразу после преодоления последствий «индийской агрессии». В мае 1974 года Парламентом была принята поправка, которая изменила первую статью конституции. В ней под государственными территориями Пакистана понималась исключительно его западная современная часть.

Поправка изменяла статью 17 конституции. Наклаывались определенные ограничения на деятельность партий. Если федеральное правительство считает, что партия ведет антигосударственную деятельность, то оно в течение 15 дней после объявления подобного факта должно обратиться в Верховный Суд, который вынесет решение по этому вопросу. Если партия признана антиправительственной, то она распускается, а ее имущество конфискуется в пользу федерального бюджета. Поправкой были также сокращены сроки перерывов между парламентскими сессиями с 130 до 90 дней.

Вторая поправка. Пакистанское общество по-прежнему остается фрагментарным не только по социально-экономическому, но и религиозному признаку. В рамках ислама существует несколько религиозных течений, противоречия между которыми становятся причиной кровавых столкновений. В Пакистане большое распространение получила так называемая секта ахмадие,

Свежий взгляд

взгляды которой отличались от мнения «официальных» богословов. К слову, до определенного времени члены этой секты занимали ключевые посты в правительственной администрации. В 1953 году имели место сильные антиахмадийские волнения, вызванные, кроме религиозного фактора, еще и недовольством населения политикой правительства страны. В 1974 году эти волнения повторились. З. А. Бхутто под давлением широких религиозных кругов был вынужден вынести вопрос о секте на рассмотрение Национальной Ассамблеи. В сентябре 1974 года была принята вторая поправка, которая гласила: «тот, кто отвергает концепцию полной завершенности цепи пророчества в Мухаммаде, а также верит в других пророков после Мухаммеда, не является мусульманином». Поправка была направлена против секты ахмадие, члены которой не могли отныне занимать ответственные государственные посты.

Третья поправка. К середине 1970-х годов проявились авторитарные черты правления З. А. Бхутто. Грубые нарушения избирательного законодательства (подтасовка результатов голосований), политической этики (похищение оппозиционных кандидатов) стали обыкновением в политической жизни страны. По инициативе З. А. Бхутто в феврале 1975 года была принята третья поправка, которая изменила 10 статью конституции. Срок предварительного заключения без предъявления обвинения увеличился с 1 до 3 месяцев. Подозреваемые в антигосударственной деятельности, направленной против суверенитета и целостности Пакистана, могли быть задержаны на неопределенный период. Таким образом, правительство получало эффективное средство борьбы с оппозицией: любого оппозиционера, обвиненного в «сговоре с врагом», могли задержать на неограниченно долгий срок.

Четвертая поправка. Серьезным препятствием на пути к авторитарной власти была судебная система в целом, и Верховный суд в частности. В ноябре 1975 года вносится четвертая поправка, которая существенно ограничивала конституционные права Верховного суда, изложенные в части VII конституции. В частности, Суд не мог своим решением освободить заключенных под стражу политических противников З. А. Бхутто. Сильно сокращались полномочия Суда и в финансовых вопросах. Стоит отметить, что в ходе обсуждения предложенной поправки оппозиция пыталась выразить несогласие, однако была удалена из зала службой безопасности. Премьер-министр пошел на такие меры, обладая необходимым конституционным большинством.

Пятая поправка. «Все три ветви власти должны быть приведены в гармоничное сосуществование. Независимость судебной власти ни в коем случае не должна означать ее главенство. Полнота власти принадлежит всенародно избранному Парламенту», – заявил З. А. Бхутто 5 сентября 1976 года, внося пятую поправку на рассмотрение Ассамблеи¹. Принятая поправка далее ограничивала полномочия судей высшей инстанции. Их могли в любой момент и без их согласия направить на работу в другой суд. Если судья не подчинялся, то его сразу же отправляли в отставку.

Одновременно глава правительства получил право назначать на пост губернатора провинции кандидата, который не проживал на территории этой провинции. Следует акцентировать внимание на том, что назначение на пост губернатора провинции чиновника из другой провинции, т.е. не проживающего в данной провинции, есть способ пресечь влияние сильных клановых и племенных связей. Назначение «чужого» для провинции чиновника – способ усиления власти премьер-министра и снижение возможностей местных кланов и элит проводить свою политику.

Шестая поправка. Во времена администрации З. А. Бхутто nepoтизм стал характерной чертой пакистанской политики. Успешность того или иного чиновника определялась приближенностью к премьер-министру З. А. Бхутто. В январе 1977 года перед парламентскими каникулами Национальная Ассамблея приняла шестую поправку, согласно которой судьи Высшего и Верховного суда, достигнув предельного возраста пребывания на посту (65 лет и 62 года соответственно) и не отработав срок своих полномочий (5 и 4 года соответственно) могут продолжить свою работу и дальше. Ходили слухи, что данная поправка была принята специально для близкого друга З. А. Бхутто судьи Высшего суда Якуба Али, который должен был покинуть свой пост в середине 1977 года в связи с достижением предельного возраста².

Седьмая поправка. В марте 1977 года в Пакистане состоялись парламентские выборы. Пакистанская народная партия, возглавляемая З. А. Бхутто, получила 4/5 мест в Национальной Ассамблее. Оппозиция не согласилась с результатами выборов, в стране начался серьезный политический кризис. Во всех крупных городах прокатились манифестации и митинги с требованием проведения новых выборов. Жесткий ответ З. А. Бхутто не решил проблему, и ему пришлось пойти на переговоры с оппозицией, которые завершились безрезультатно. Тогда премьер-министр, предупредив, что новые выборы станут смертельными для страны, заявил: «будучи основным объектом нападков

оппозиции, я вручаю свою судьбу в руки народа, который выразит свое отношение к руководителю через референдум»³. Седьмая поправка конституции, принятая 16 мая 1977 года, предусматривала право премьер-министра ставить вопрос о доверии его политическому курсу через референдум. В случае, если он не получает большинство голосов, то обязан уйти в отставку.

Данная поправка весьма необычна для страны с парламентской формой правления. Премьер-министр, который подотчетен Парламенту, выносит вопрос о доверии на народное голосование, что более характерно для президентской республики. Седьмая поправка не была применена на практике.

Восьмая поправка. В июле 1977 году произошел военный переворот во главе с генералом М. Зия-Уль-Хаком. В стране установился третий военный режим, который стал самым продолжительным в истории Пакистана. Было введено военное положение, распущены законодательные и исполнительные органы, арестован З. А. Бхутто (впоследствии был казнен), приостановлено действие конституции.

Новое руководство полностью изменило аппарат управления страной: введены исламские законы, учреждены военные трибуналы, создан Федеральный совет (Маджлис-е-Шура) – аналог Парламента, и Федеральный шариатский суд, сильно урезаны полномочия судов. В 1984 году в результате референдума генерал М. Зия-Уль-Хак был избран президентом страны.

В марте 1985 года была принята восьмая поправка, благодаря которой президент получал неограниченные полномочия: назначение премьер-министра и правительства, губернаторов, председателей Высшего и Верховных судов, ЦИК, командующего армии и т.д., имел право созывать и распускать Парламент. Поправка предписывала законодательному органу признать легитимными все законы военного режима, причем ни один суд не может поставить под сомнение решения президента.

Девятая поправка. В истории конституционного развития Пакистана есть несколько поправок, которые по разным причинам не были приняты и не вступили в силу. Однако ученые-конституционалисты присваивают им порядковый номер наряду с принятыми изменениями Основного закона. В данной поправке была предпринята попытка признать Коран и Сунну в качестве основного закона страны. Думается, что внесение данной поправки на рассмотрение носило больше пропагандистский и популистский характер.

Десятая поправка изменяла регламент работы избранного Парламента (Маджлис-е-Шура) –

уменьшалось количество рабочих дней в году со 160 до 130.

Не была принята и **одиннадцатая поправка**, которая предполагала продлить сроки резервирования для женщин мест в Парламенте еще на пять лет. Министр юстиции пообещал принять отдельный закон по этому вопросу, и поправку отклонили.

Двенадцатая поправка. После смерти президента М. Зия-Уль-Хака в авиакатастрофе в августе 1988 года к власти пришло гражданское правительство во главе с дочерью З. А. Бхутто Беназир Бхутто. Данный период характеризуется политической нестабильностью и частой сменой правительств. Уже в 1990 году на выборах победил Наваз Шариф. Экономические трудности, высокий уровень коррупции, неэффективная политика, непопулярность реформ усугубляли ситуацию. В стране резко возросла преступность. В июле 1991 года для борьбы с ее «крайне отвратительными проявлениями», по словам Шарифа, была принята поправка об учреждении системы специальных судов. По сути, федеральное правительство создало параллельную конституционной систему судов, подконтрольную себе. Данная поправка была временной, в ней указывалась продолжительность ее действия (3 года).

Тринадцатая поправка. Несмотря на то, что лидерами и харизматичными фигурами пакистанской политики были Беназир Бхутто и Наваз Шариф, которые поочередно занимали пост премьер-министра, президент по-прежнему пользовался широкими полномочиями. В сентябре 1996 года президент во второй раз отправил правительство Б. Бхутто в отставку, обвинив его в коррупции и провале реформ. На выборах убедительную победу (2/3 голосов избирателей) одержал Наваз Шариф, которого не устраивал подобный президентский контроль. Пользуясь своим конституционным большинством в Маджлис-е-Шуре, 4 апреля 1997 года он с легкостью добивается принятия тринадцатой поправки к конституции. Новая поправка сильно ограничила полномочия президента, предоставленные восьмой поправкой. В частности, исключен пункт 2 статьи 58, в которой говорилось о праве президента распустить Парламент. По этой причине ни одно правительство с 1985 года не отработало положенный пятилетний срок. Премьер-министр получал больше полномочий при назначении кандидатур на посты губернаторов провинций и руководителей армии. Президент становился церемониальной фигурой, как это предусматривала Конституция 1973 года в ее первоначальном варианте. Поправка была принята оперативно при единогласном согласии всех крупных партий из опасения вмешательства президента или армии.

Четырнадцатая поправка. Хотя Н. Шариф пользовался поддержкой более 2/3 депутатов Парламента, он решил усилить партийную и фракционную дисциплину. В июле 1997 года была принята поправка к статье 63 А, запрещающая депутатам переходить из одной фракции в другую. Особого внимания заслуживает текст поправки: «депутат палаты будет считаться перебежчиком, если он 1) допускает нарушения партийной дисциплины; 2) голосует или воздерживается от голосования, нарушая директивы парламентской фракции партии»⁴. В случае нарушения фракционной дисциплины руководитель фракции мог лишить депутата мандата. Таким образом, лидер фракции становился полновластным хозяином карьеры депутата, ведь зачастую партийная «измена» трактовалась весьма свободно.

Пятнадцатая поправка (не вступила в силу). Характерной чертой политики премьер-министра Н. Шарифа было то, что он приветствовал успехи движения Талибан в Афганистане, сепаратистов в Чечне, боевиков в Кашмире. Регулярно заигрывал с правыми ортодоксальными исламистскими партиями. В октябре 1998 года правительство внесло на рассмотрение пятнадцатую поправку, которая дополняла статью 2 конституции пунктом b. В ней говорилось о том, что Коран и Сунна должны стать верховным законом Пакистана (вспомним девятую поправку 1985 года), а премьер-министр наделялся правом трактовать законы шариата и издавать в связи с этим постановления, что фактически давало ему диктаторские полномочия. Нижняя палата Парламента пропустила поправку без изменений (151 голос «за»), даже оппозиция не голосовала «против». Однако поправка не была одобрена верхней палатой Сенатом, где Н. Шариф не пользовался столь большим влиянием. Видимо представители провинций были уверены, что введение норм шариата приведет к подрыву всей системы судопроизводства, унаследованной с колониальных времен.

Шестнадцатая поправка. В данной поправке увеличивался период, в течение которого резервировались места в парламенте для представителей наиболее отсталых в социальном или экономическом плане регионов. Правительство, не предприняв серьезных шагов для развития этих территорий, было вынуждено продлить до сорока лет срок резервирования мест в парламенте.

Семнадцатая поправка. История Пакистана отличается периодичностью каждые 10 лет. Гражданское правительство Н. Шарифа не смогло выстроить эффективную схему государственного управления, и 12 октября 1999 года генерал П. Мушарраф возглавил бескровный переворот

против правительства Н. Шарифа. Он, как и его предшественники, приостановил действие конституции и ввел в стране чрезвычайное положение, повлекшее соответствующие последствия.

В декабре 2003 года Парламент, выбранный в результате первых после военного переворота всеобщих выборов 2002 года, принял семнадцатую поправку. Она отменяла тринадцатую поправку Н. Шарифа – президент вновь получал право распускать Парламент, назначать министров и губернаторов. Подверглась изменению избирательная система: увеличено число мест в Национальной ассамблее и Сенате (до 342 и 100 соответственно), отменена куриальность, снижен возрастной ценз. Также оговаривалось, что ни одна партия не могла использовать в предвыборной кампании призывы сектантской, религиозной и национальной нетерпимости. Увеличен предельный возраст пребывания судей Высшего и Верховного суда на своей должности (68 и 65 лет соответственно).

Семнадцатая поправка в очередной раз расширила полномочия президента (вспомним 8 поправку), тем самым показала насколько хрупок конституционный порядок в стране. На данный момент семнадцатая поправка остается последней поправкой, официально включенной в текст конституции страны.

В феврале 2008 года состоялись парламентские выборы, на которых победили оппозиционные партии, которые получили конституционное большинство. 18 августа 2008 года президент П. Мушарраф объявил о своем решении уйти в отставку, не дожидаясь парламентских слушаний об импичменте. Были проведены досрочные выборы. Новым президентом стал муж покойной Б. Бхутто, сопредседатель Пакистанской народной партии Асиф Али Зардари. Гражданская администрация вновь оказалась у власти. Страна в очередной раз встала перед выбором формы правления.

Все 17 поправок конституции Пакистана наглядно показывают особенности конституционно-правового развития страны с 1973 года. Данное развитие имеет циклический и неустойчивый характер, моментально отражая изменения во внутриполитическом и социально-экономическом положении Пакистана.

Наблюдается борьба двух политико-правовых моделей государственной власти. В очередной раз в Пакистане предпринята попытка утверждения парламентской республики. Однако неэффективность избранной власти, сильная исламская оппозиция, сепаратизм, нерешенность многих внутренних проблем ставят под угрозу конституционный прогресс. Армия не вмешивается напрямую в политику, продолжая вести борьбу с терроризмом

и региональным сепаратизмом. Однако с высокой долей уверенности можно говорить, что в случае выхода ситуации из-под контроля она может захватить руководство страной. Нет гарантии того, что к власти не придут исламские фундаменталисты. В этом случае Пакистан будет развиваться совершенно по иной теократической конституционной модели.

Oleg A. Popadyuk. 17 amendments of the Pakistani constitution.

Since its foundation Pakistan has passed a unique path of constitutional and legal development. Through this period 3 Constitutions were adopted, the latest, proclaimed in 1973, is still in force. It was amended for several times. These amendments changed the sense of Constitution drastically. The article analyzes 17 amendments of Pakistani constitution, legal consequences of their adoption, and patterns of constitutional and legal developments in Pakistan.

-
1. Hamid Khan. Constitutional and political history of Pakistan. Oxford University press, 2005. P. 307.
 2. Там же. P. 324.
 3. Christophe Jaffrelot, Gillian Beaumont. A History of Pakistan and Its Origins. Anthem Press, 2004. P. 67.
 4. Плешов О. В. Исламизм и номинальная демократия в Пакистане / ислам и политика. М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. С. 208—231.

ЗАВЕРШИЛАСЬ ЛИ В РОССИИ «ВЕЛИКАЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?

Соловей В.Д.

Статья рассматривает применение нового поколения теории революций к современной российской ситуации. Анализируется сформированность основных структурных факторов революционной ситуации в России. Делается вывод, что в стране высока вероятность масштабного государственного кризиса, потенциальная динамика и результаты которого принципиально непредсказуемы.

Ключевые слова: Россия, революция, революционная ситуация, государственный кризис

Keywords: Russia, revolution, revolutionary situation, government crisis

Не будет преувеличением утверждение, что современный российский дискурс во многом тематизирован глобальным экономическим кризисом. Что, в общем, естественно: люди не могут не думать о том, что поставило под угрозу их повседневное существование – и без того, честно говоря, не очень обильное. Между тем *глобальный* кризис, пусть даже с уточнением «экономический», не может исчерпываться одной лишь экономикой, неизбежно включая не менее важные социополитическое и социокультурное измерения и последствия.

К сожалению, отечественная рефлексия на кризис довольно бедна, а то и откровенно примитивна. В собственно экономическом аспекте она зачастую не выходит за рамки банализирующих, восходящих еще к Марксу, схем цикличности капиталистической экономики. В социополитическом все сводится к рассуждениям типа «рванет или нет», «либерализуется режим или нет». И это дискурс профессиональных интеллектуалов!

Впрочем, каким он еще может быть, если в дискуссиях отсутствует всякая теоретическая

перспектива и методологическая основа. А ведь если вне теории не существует даже научных фактов, то осмысление масштабных процессов просто вопиет о ней.

Для начала следует разграничить – хотя бы в идеально-типическом плане – кризисы отечественный и мировой. Из их взаимосвязи и даже частичного пересечения вовсе не следует тождественность их природы. Отчетливые кризисные симптомы – снижение объемов промышленного производства, рост безработицы и т.д. – в России проявились еще весной 2008 г., когда о мировом кризисе никто не заикался, а сырьевые цены били рекорды.

Поскольку происходящее в нашем богоспаемом Отечестве вряд ли можно представить лишь эпифеноменом мировых событий, то и для его понимания нужна теоретико-методологическая перспектива, рассматривающая Россию *автономно* (автономность здесь подразумевается в идеально-типическом виде). Такую перспективу, на мой взгляд, открывает четвертое поколение теории революций.

Соловей Валерий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Кафедрой связей с общественностью МГИМО (У) МИД России, e-mail: dpr@jour.mgimo.ru.

Натренированный слух постсоветского интеллектуала в самом этом названии уловит если не откровенный карбонарский призыв, то крамольные реминисценции с марксизмом. Хотя теория революций действительно вышла из марксистской шинели, ее современные версии далеко отошли от «всесильного учения». Это направление макроисторической социологии весьма влиятельно на современном Западе, но, увы, практически неизвестно в России¹.

Почему, собственно, в качестве методологической рамки выбрана теория революций, а не, скажем, транзитологическая парадигма? Потому, что именно концепт «революции» обеспечивает наиболее адекватное теоретическое прочтение постсоветского развития – не только России, но и всего постсоветского пространства.

Конвенциональное определение революции в современной социологии следующее: «это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»². Характерно, что в определении ничего не говорится о содержании революции и ее последствиях: социально-политическом характере нового строя, постреволюционном экономическом развитии, социальной эмансипации и т.д.

Дело в том, что подобные вопросы никоим образом не влияют на классификацию конкретно-исторического процесса/феномена как революционного. События в Италии 1923 г., Германии 1933 г. и Иране 1979 г. были полноправными и весьма масштабными революциями, хотя отнюдь не прогрессистского типа. Убеждение, будто революции непременно должны вести, в конечном счете, к прогрессу человечества, не имеет ровно никаких теоретических и конкретно-исторических подтверждений.

Все с точностью наоборот. История свидетельствует, что, за несколькими исключениями, практически все революции вели не к экономическому и социальному прогрессу, а к длительному упадку. Форсированное экономическое развитие, порою воспоследовавшее за этим упадком, как, например, в СССР и красном Китае, невозможно непосредственно вывести из революции. После этого не значит вследствие этого. Весьма вероятно, хотя недоказуемо, что такое развитие могло иметь место и без революции. Не говорю уже, что цена такого развития может оказаться столь высокой, что ведет к гибели нового государства, как это, в конечном счете, и случилось с Советским Союзом,

где социалистическая модернизация надорвала силы русского народа – стового хребта государства и главного источника ускоренного развития³. Так или иначе, ни один революционный режим не сумел «обеспечить массовых экономических инноваций и активного предпринимательства, необходимых для стремительного и непрерывного экономического роста»⁴.

В России конца XX в. произошла отнюдь не рядовая, а *системная революция*. Начавшись, как классическая революция сверху (реформы Михаила Горбачева), она переросла в революцию социальную (массовые движения протеста снизу) и политическую (трансформация государственных институтов), а затем и системную (одновременная трансформация экономических и социальных структур и политических институтов). Результатом стала кардинальная смена общественного строя: на смену советской политической и социоэкономической системы пришла новая – капиталистическая. (Термин «капитализм» наилучшим образом описывает социоэкономическую суть последней русской революции.)

В контексте заявленного теоретического подхода проблема переживаемого Россией социоэкономического кризиса (еще не проявившего полностью свой масштаб и глубину) приобретает принципиально новое звучание. Из вопроса финансово-экономического она превращается в вопрос преимущественно политический, более того, в вопрос исторической перспективы России вообще. Ведь потенции кризиса объективно революционны – как сами по себе, так и, особенно, в ситуации *незавершившейся революции*.

А капиталистическую революцию в России вряд ли можно считать завершившейся. Вообще вопрос о завершении революции открывает возможность для изощренной теоретической казуистики. В теории революций выделяют так называемые «слабый» и «сильный» варианты определения финальной точки революции. В слабом варианте революция заканчивается тогда, когда «важнейшим институтам нового режима уже не грозит активный вызов со стороны революционных или контрреволюционных сил»⁵. Исходя из этого, Великая французская революция завершилась в термидоре 1799 г., когда Наполеон захватил власть; Великая русская революция – победой большевиков над белыми армиями и консолидацией политической власти в 1921 г. Первая русская революция – Смута, скорее всего, завершилась между 1613 г., когда Земский собор избрал новую династию, и 1618 г., когда согласно Деулинскому перемирию поляки в обмен на территориальные уступки прекратили военные действия против России.

Полемика

Правда, постреволюционное состояние общества нельзя назвать нормальным; оно сравнимо с тяжелейшим похмельем после кровавого (в прямом и переносном смысле) пира или постепенным выходом человека из тяжелейшей болезни. Судя по отечественному опыту, на выздоровление после революции могут уйти десятки лет.

И здесь мы переходим к сильному определению: «революция заканчивается лишь тогда, когда ключевые политические и экономические институты отвердели в формах, которые в целом остаются неизменными в течение значительного периода, допустим, 20 лет»⁶. Эта формулировка не только развивает, но и пересматривает слабое определение. Получается, что французская революция завершилась лишь с провозглашением в 1871 г. Третьей республики; Великая русская революция – в 1930-е гг., когда Иосиф Сталин консолидировал политическую власть, а под большевистскую диктатуру было подведено экономическое и социальное основание в виде модернизации страны. Более того, окончательное признание коммунистического режима русским обществом, его, так сказать, полная и исчерпывающая легитимация вообще относится к послевоенному времени. Лишь победа в Великой Отечественной войне примирила большевистскую власть и народ.

Изрядный хронологический разрыв между «минималистским» и «максималистским» определением завершающей стадии революции логически хорошо объясним. Самая великая системная революция не способна одновременно обновить все сферы общественного бытия, как об этом мечтают революционеры. Самая незначительная революция способна вызвать долговременную и масштабную динамику.

Сильное и слабое определения вполне применимы к русской революции, современниками которой мы все являемся. В минималистском варианте она завершилась передачей власти от Бориса Ельцина Владимиру Путину и консолидацией последней политической власти, то есть в течение первого президентского срока Путина. Но вот «отвердения» ключевых политических и экономических институтов и, главное, приятия их обществом не произошло.

Причем главным препятствием на этом пути, похоже, оказалась именно правящая группа элиты. Казалось бы, больше других заинтересованная в установлении четких правил игры и долговременного статус-кво, она постоянно их нарушает, выступая источником дестабилизации похлеще всех актуальных (надо признать, откровенно жалких) русских оппозиционеров и революционеров. Ведь «источник власти и богатства <российского>

бюрократического класса – это контроль за изменением правил, а никак не соблюдение их на протяжении продолжительного периода времени. Стабильность в более или менее точном понимании этого слова смертельно опасна для всех без исключения представителей властной элиты и потому попросту недостижима в современной России»⁷.

Даже те, кому этот вывод покажется чересчур категоричным или ошибочным, не могут отрицать, что в любом случае экономический кризис поставил под сомнение возможность двадцати лет спокойного развития России – тех пресловутых двадцати лет, о которых в свое время так мечтал Петр Столыпин. Приведет ли экономический кризис к кризису социополитическому, или, если исходить из тезиса о незавершенности капиталистической трансформации России, к новой революционной волне?

Теоретическая «глубина» отечественных дискуссий на сей счет исчерпывается столь же сакраментальным, сколь и замшелым «верхи не могут, низы не хотят». В то время как современное поколение теории революций предлагает четкий набор критериев, определяющих вероятность (не неизбежность!) революции. Причем набор этот сформулирован на основе изучения, анализа и обобщения беспрецедентной эмпирической базы – истории революций, крестьянских войн, социальных волнений и переворотов, произошедших в мире, начиная с XVI в.

Итак, каковы же критически важные условия революции и наличествуют ли они в современной России?

Критерий первый – финансовый кризис и радикальное усиление фискального давления на элиты и общество. «Неприятности начинаются тогда, когда доходов не хватает для покрытия государственных расходов – либо из-за расширения задач государства, либо из-за снижения поступлений. Вариантов возникновения этой проблемы столько, что их краткое перечисление нереально»⁸.

Хотя накопленных финансовых резервов, по официальным заявлениям, России должно хватить до 2010 г. включительно, фискальное давление на бизнес и население уже усиливается. В конечном счете, размеры фискальной нагрузки будут зависеть от двух переменных, динамику которых определить сейчас просто невозможно: а) что закончится раньше: кризис или деньги в Резервном фонде; б) какой окажется цена на нефть.

Усиление фискального давления опасно потому, что его главным объектом становится наиболее революционная социальная группа: постсоветский средний класс. В современной России не униженные и оскорбленные, а преуспевшие

и возвысившиеся составляют потенциальную революционную базу. Хотя среднему классу, в общем, довольно безразличны идеальные императивы и ценности, включая категории «демократии» и «общественного блага», он готовы на смерть стоять за свои личные и групповые материальные и социальные интересы. Угроза крушения бизнеса, снижения уровня жизненных и социальных притязаний, превращения под фискальным прессом государства миллионера в рядового представителя среднего класса, а представителя среднего класса – в неимущего, – сила, ведущая к революционизации (или, по крайней мере, к политической радикализации) быстрее и надежнее, чем пресловутое ленинское «обострение выше обычного нужд и бедствий трудящихся классов».

Социальные низы современной России, к которым, по разным оценкам, относится до трети населения, не представляют собой «опасный класс». Ровно наоборот: зависящие от государственных вспомоществований и характеризующиеся ярко выраженными патерналистскими настроениями обездоленные слои русского общества как раз составляют главную социальную опору актуальной власти.

В современной России не «пролы» и маргиналы, а буржуа и протобуржуазные слои – потенциальный вызов социополитическому статус-кво. Сам по себе этот факт недвусмысленно указывает на буржуазный характер свершившейся революции и классовую гегемонию определенной социальной группы.

Второе критически важное условие революции – делегитимация государства, которое в глазах общества и элит должно приобрести устойчивую репутацию одновременно неэффективного и несправедливого. Эффективность и справедливость – наиболее общий знаменатель требований, предъявляемых к власти. Хотя эти качества редко чередуются попарно, даже одного из них достаточно для выживания государства. «Те государства и правители, которые получили репутацию неэффективных, все же могут заручиться поддержкой элиты в деле реформирования и реорганизации, если они считаются справедливыми. Правителей, считающихся несправедливыми, могут терпеть до тех пор, пока им эффективно удастся преследовать экономические или националистические цели, или же они кажутся слишком эффективными, чтобы кто-либо осмелился бросить им вызов. Однако государства, считающиеся и неэффективными, и несправедливыми, лишаются поддержки элиты и народа, которая им нужна для выживания»⁹.

Это теоретическое положение подтверждается нашей недавней историей. Советская коммунистическая система характеризовалась нарастающей неэффективностью, но в перспективе общественного мнения выглядела справедливой. Роковой час пробил, когда в годы перестройки возникли массовые сомнения в ее справедливости, что и привело к тотальной делегитимации системы.

Режим Владимира Путина в этом смысле выглядел дуалистично. Для массы обездоленных он оборачивался ипостасью справедливости в форме патерналистской риторики и массивных (разумеется, по скромным постсоветским меркам) социальных программ. В глазах преуспевших он не претендовал на справедливость, зато выглядел эффективным, по крайней мере, в двух отношениях: достижении экономических и внешнеполитических целей и преследовании политических оппонентов. Экономический кризис с нарастающей силой ставит под сомнение эффективность и справедливость российского государства. Если неэффективность в преодолении кризиса объединится с несправедливостью, понимаемой как неспособность государства выполнить масштабные социальные обязательства, то это создаст кумулятивный эффект делегитимации. Между тем «любой набор обстоятельств, который ведет к потере государством в глазах общества эффективности и справедливости, приводит к предательству элит и утрате народной поддержки, что представляет собой ключевой элемент в причинной цепи событий, ведущих к революции»¹⁰.

Важно также отметить, что в общей культурно-идеологической рамке делегитимации репрессии против политических оппонентов перестают служить доказательством эффективности власти, а наоборот, способствуют радикализации настроений и усугублению революционной ситуации. Парадоксальным образом и прямо противоположная властная политика уступок и постепенной либерализации воспринимается как слабость режима и резко повышает уровень революционных притязаний.

Тем не менее, даже самая масштабная и глубокая революционная ситуация никогда не перерастет в революцию, если элита сплочена и настроена в целом контрреволюционно. «Государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революций снизу». И еще: «Угроза революции возникает тогда, когда в условиях фискальной слабости элиты не желают поддерживать режим либо одолеваемы разногласиями по поводу того, делать ли это, а если да, то как»¹¹.

Полемика

Хотя фискальная слабость российского государства выглядит уже отнюдь не только гипотетической перспективой, а разногласия – реальные или кажущиеся – в российской элите служат предметом многочисленных спекуляций, элитная ситуация в целом далека от раскола и, тем более, поляризации. Между тем, не внутриэлитные конфликты сами по себе, а именно раскол в элите и ее поляризованность, т.е. наличие группировок с резко различающимися представлениями о структуре нового социального порядка, составляют *третье базовое условие революции*. Даже если квазиинтеллектуальные спекуляции о противостоянии в российской элите «силовиков» и «либералов» не лишены резона, они не дают никаких серьезных оснований для вывода о существовании сплоченных элитных группировок с резко различающейся идеологией и программами.

Впрочем, само по себе оформление подобных группировок также не прокладывает магистрального пути революции. Приводившееся в начале текста ее определение недвусмысленно указывает, что революция сопровождается массовой мобилизацией, составляющей *четвертое* необходимое *условие революционной ситуации*. Столкновение сплоченных элитных группировок обычно приводит к перевороту, который может перерасти в революцию лишь в случае выступления масс.

Между тем, перспектива массовой мобилизации в современной России выглядит весьма неопределенной. Экономический кризис, по крайней мере, на состояние середины 2009 г., не вызвал драматического роста протестных настроений и социополитической активности общества. По заслуживающим доверия оценкам Института социологии РАН, готовность россиян принять личное участие в массовых выступлениях переживает крайне незначительную динамику, немногим превышающую пределы статистической погрешности.

В то же самое время русское общество находится в чрезвычайно плохой психической форме, характеризуясь впечатляющей динамикой страха, тревоги и агрессивности. Обратной стороной революционного кризиса (а последние двадцать лет мы в прямом смысле слова жили в революции самого масштабного и радикального свойства) стало быстрое накопление деструктивного потенциала как результата неотрагированных, не сублимированных напряжений.

Деструкция выражается в динамике убийств (с учетом пропавших без вести Россия – мировой рекорсмен), суицидов (входит в тройку мировых лидеров), немотивированного жестокого насилия, распространяющихся в социальном и культурном пространстве волн взаимного насилия

и жестокости, не говоря уже о чудовищном огрублении нравов. В сущности, мы живем в «социальном аду» – так современный классик социологии Иммануил Валлерстайн определял переходное состояние к новой исторической эпохе, которая идет на смену Модерну. Но именно в силу погруженности в ад мы его не замечаем; социальная и культурная патология, насилие и жестокость для нас норма, особенно для поколения, социализировавшегося в постсоветскую эпоху и лишенного возможности масштабных сравнений.

Историк Владимир Булдаков показал, что Россия переживала похожее состояние в 1920-е гг., на выходе из революции и гражданской войны¹². Так что же, мы выходим из ада революции? Однако динамика жестокого немотивированного насилия и агрессии не спадает, а драматически нарастает, что невозможно объяснить лишь ухудшением психологического климата вследствие социально-экономического кризиса. И до кризиса негативные тенденции усиливались, а не ослабевали. Более того, восемь лет политической стабильности и финансового процветания озаменовались резким ухудшением психологического состояния и драматическим нарастанием социальной деструкции. Другими словами, социально-экономическая динамика находилась в противоходе с динамикой социокультурной и ментальной.

Наше общество не просто готово к насилию, оно буквально купается в нем. По сравнительным социологическим исследованиям, современное русское общество наиболее разобщенное, атомизированное и жестокое общество иудео-христианской цивилизации. Так что же, вот так незаметно для себя мы и перейдем от насилия бытового к насилию политическому? Отнюдь, как любит говорить пророк буржуазной революции Егор Гайдар.

Ведь нарастающая агрессия и просто темная энергия не канализируется в определенное политическое, социокультурное или этническое русло, а рассеивается в социальном пространстве. Она направлена не против общего Врага (кто бы им ни был – буржуа или расовый чужак), а друг против друга, носит характер аутоагрессии. Буквально по Артемию Волынскому: «мы, русские, друг друга поедом едим, тем и сыты». Подобное состояние умов и душ не только не ведет к революции, более того, оно способно истощить потенциальную энергию общественного протеста, превратить ее в ничто, в сотрясение воздуха радикальной фразой. «Угнетение и нищета могут регулярно уходить в нереволюционные формы: социальную апатию, эмиграцию, рост сердечно-сосудистой заболеваемости под воздействием социального стресса,

алкоголизм, мелкую преступность, распад семей, падение рождаемости и прочие социальные патологии. (Что мы и наблюдаем в возрастающих масштабах в современной России – В. С.). Все это превращается в социальный динамит, только когда возникает детонатор – неподконтрольные властям религиозные проповедники, интеллигенция, организовавшаяся в революционное движение, или выпавшие из неволевого обоймы начальники и особенно молодые харизматические личности, которым не удается встроиться во власть»³³. Последняя фраза приведенной цитаты указывает на необходимость связи революционной мобилизации общества с элитой, что составляет *пятое условие возникновения революционной динамики*. Без этого революция не имеет шансов быть успешной даже в случае самой серьезной революционной ситуации: «революции оказываются успешными лишь тогда, когда налицо какая-либо связь или союз между народной мобилизацией и выступлениями элиты против режима»³⁴. Под элитой в данном случае подразумевается как отколовшаяся в ходе кризиса ее часть, так изначально выступавшая под революционными лозунгами контр-элита наподобие большевистской начала XX в.

В этом отношении современная Россия выглядит откровенно мизерабельно. Властвующая элита далека даже от раскола, не говоря уже о поляризации. Ее немногочисленные диссиденты типа Михаила Касьянова вряд ли способны повлиять даже на собственную тень. Номинально революционная контрэлита морально коррумпирована, ассимилирована властью или попросту недееспособна. Стержень контрреволюционной стратегии Кремля, последовательно и настойчиво проводившейся после «оранжевой революции» конца 2004 г. на Украине, составила именно дезактивизация потенциальных революционных детонаторов. И без того слабая революционная поросль буквально вытапывалась на корню.

Парадокс в том, что подобными действиями власть одновременно показывала, что революция в России не завершилась: будь ситуация фундаментально стабильной, ей не стоило бы опасаться горстки смутьянов и несанкционированной социальной активности снизу. Ведь в качестве потенциальной угрозы воспринимаются не только массовые акции социального протеста и «марши несогласных», но даже молодежные флэш-мобы.

Еще один, *шестой по счету структурный фактор возникновения революции*, хотя и не носит универсального характера, однако имеет немалую объяснительную и предсказательную силу. Речь идет о таком трудно определяемом научно, но хорошо заметном эмпирически качестве, как

энергетический уровень общества – то, что с легкой руки Льва Гумилева называют пассионарностью. Как бы ни относиться к этому квазинаучному понятию, довольно очевидно, что революционная активность предполагает не просто «разогрев» общества, а наличие в нем своего рода избыточной энергии. Чаще всего (хотя не обязательно) эта энергия продуцируется демографическим «перегревом» и соответствующим значительным увеличением доли молодежи с присущей ей гиперактивностью, амбициозностью и психической неустойчивостью. Исторически подтверждена сильная корреляция между быстрым ростом населения и революционной активностью: «революции и восстания получают исключительное распространение в те эпохи, когда население растет чрезвычайно быстро – что происходило, например, в конце XVI и начале XVII вв., в конце XVIII и в начале XIX вв., и в некоторых частях развивающегося мира в XX в.»³⁵

В этом смысле весьма поучительно обращение к отечественному опыту. «Мальтузианскую» основу Великой русской революции начала прошлого века составил феноменальный демографический рост великорусского населения. На рубеже XIX–XX вв. Россия, по-видимому, была мировым рекордсменом в части естественного прироста населения. Причем приблизительно половину населения европейской части страны составляли люди в возрасте *до 20 лет*. Вот он, горячий материал революции и гражданской войны, социобиологическая основа последовавшей большевистской модернизации и ключевой ресурс Великой Отечественной войны³⁶. Спустя каких-то семьдесят лет (сущее мгновение в рамках Большого времени!) ситуация перевернулась: русские вступили в эпоху демографического упадка, который в настоящее время приобрел характер подлинной катастрофы.

Демографическому фактору вообще принадлежит ключевое место в создании и падении империй. Мрачная фраза Збигнева Бжезинского, что Советский Союз, в конечном счете, обрушился из-за беспрецедентного биологического ущерба, который русскому народу причинило коммунистическое правление, не более чем квинтэссенция мирового исторического опыта. В ходе «социалистического строительства» были растрачены казавшиеся безмерными жизненные силы, выхолощен мощный мессианиззм, атрофировалась союзно-имперская идентичность. Русских поразило глубинное, экзистенциальное нежелание жертвовать собой ради созданного ими же государства. А ведь именно «способность или неспособность производить готовность идти

Полемика

на смерть – это в конечном счете последний аргумент в пользу жизнеспособности или нежизнеспособности той или иной политической системы»³⁷. Советский Союз был обречен потому, что иссякли силы народа, служившего стержнем континентальной политики.

Однако эта фундаментальная слабость обернулась важным позитивным следствием в социополитической сфере: на большей части советского пространства (а в России – совершенно точно) капиталистическая революция проходила в сравнительно мирных формах. Сейчас наше общество значительно слабее, чем 20 лет назад. По своему физическому и морально-психологическому состоянию оно способно на бурные разовые выплески напряжения и агрессии, но не на устойчивую вражду и длительную гражданскую войну. Вспышки погромного насилия, массовые акции протеста, дезорганизация хозяйственной и общественной вполне вероятны, идущие друг на друга классы и армии – вряд ли.

Витальная слабость общества выступает не только ограничителем масштабов и глубины *гипотетического* революционного насилия, она вообще ставит под сомнение возможность новой революционной волны.

Слабости общества противостоит сила элиты. Заслуживающая критики во многих отношениях, современная российская элита хотя бы в одном – но, возможно, решающем качестве – превосходит как позднесоветскую, так и позднеимперскую элиты. Говоря словами Константина Леонтьева, она властвует беззащитно. Царская и позднемунимическая элиты были слишком старомодны, слишком размягчены, слишком либеральны: они оказались не в состоянии жестко ответить на брошенный им вызов – вызов, который ими же во многом и был спровоцирован.

Современная российская элита – совсем другое дело. На ее глазах пал могущественный СССР, из гибели которого она извлекла критически важный для себя урок: нельзя давать слабину, нельзя уступать давлению общества, нельзя даровать «вольности и свободы» в кризисной ситуации. Либеральный дрейф российской политики маловероятен не потому, что во власти слишком мало «либералов» и избыток «силовиков», а потому, что перед глазами тех, кто находится в здравом уме и твердой памяти, постоянно стоит кошмар последних лет СССР. Обоснованно или нет, но первопричиной его гибели принято считать поспешную и масштабную либерализацию в кризисной ситуации.

Впрочем, как говорил герой одного английского романа, о прошлом мы и так много знаем, лучше расскажите о будущем. Какие *практические*

выводы следуют из применения новейших теорий революции к современной России? Они далеко не столь однозначны, как может показаться из наглядной демонстрации того, что фундаментальные структурные факторы революции в России отсутствуют, не сформировались, или выражены в незначительной степени. Здесь читатель вправе воскликнуть: это мы и так знали, без всяких квазиакадемических выкладок!

Самая интригующая часть теории революций – их предсказательный потенциал. И здесь они скромно признают собственную интеллектуальную ограниченность. Революции можно описать, но невозможно предсказать. Они всегда неожиданны для современников и чаще всего происходят тогда, когда их никто не ожидает. Структурные факторы революции не обязательно ведут к ней, в то время как зрелость структурных факторов чаще всего выясняется лишь постфактум, после того, как революция уже произошла. В январе 1917 г. Владимир Ульянов-Ленин, отнюдь не рядовой политический ум своей эпохи, с горечью писал, что его поколение не доживет до революции в России.

Тем не менее, хотя теории революции не обладают предсказательной способностью в отношении собственно революций, они не так уж бесполезны в практическом плане. Построенные на их основе количественные модели обладают значительной предсказательной силой в отношении *масштабных государственных кризисов*. Американская Рабочая группа по вопросам несостоятельности государств, составленная академическими учеными и интеллектуалами «в штатском», смогла предсказать более 85 % крупнейших государственных кризисов, случившихся в мире! Поистине выдающийся результат, делающий честь заокеанской политической экспертизе³⁸. И эта экспертиза еще раз резюмировала: хотя всякая революция сопровождается государственным кризисом, не всякий кризис ведет к революции.

Применительно к России упомянутые модели указывают на возрастающую вероятность серьезного государственного кризиса, хотя ни одна из них не может предсказать его размах и финальные последствия. Однако в любом случае гипотетический кризис должен рассматриваться не в глобальном, а в российском контексте: как часть и этап все еще не завершившейся в России капиталистической революции. Более того, кризис и станет главным испытанием революционных результатов на прочность. Если страна преодолет его, а государство выйдет из кризиса консолидированным, только тогда и можно будет говорить, что капитализм победил в России не только в основном, но полностью и окончательно.

Valery D. Solovej. Russian «Great Capitalist Revolution»: is it over?

The article covers the problem of an adjusting the new generation of theories of revolutions to today's Russian's

reality. It discovers, whether the main factors of revolutionary situation in Russia exist. The conclusion is that possibility of a great government crisis is significant, its dynamics and consequences are unpredictable.

-
1. Автору известны лишь две статьи, в которых раскрываются концептуальные положения этого направления: *Голдстоун Джек*. К теории революции четвертого поколения // *Логос*. 2006. № 5; *Фисун Александр*. Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация // *Прогнозис*. 2006. № 3.
 2. *Голдстоун Джек*. Указ. соч. С. 61.
 3. Подробнее об этом см. гл. 4 книги: *Соловей В. Д.* Кровь и почва русской истории. М., 2008.
 4. *Голдстоун Джек*. Указ. соч. С. 94.
 5. *Голдстоун Джек*. Указ. соч. С. 93.
 6. Там же.
 7. *Иноземцев Владислав*. Природа и перспективы путинского режима // *Свободная мысль*. 2007. № 2. С. 55.
 8. *Голдстоун Джек*. Указ. соч. С. 68.
 9. *Голдстоун Джек*. Указ. соч. С. 69.
 10. Там же. С. 71.
 11. *Голдстоун Джек*. Указ. соч. С. 66, 68.
 12. См.: *Булдаков В. П.* Нэп как путь к деспотии: динамика и векторы психосоциальной напряженности // *Русский исторический журнал*. 2001. Т. IV. № 1—4.
 13. *Дерлугьян Георгий*. Кризисы неовотчинного правления // *Логос*. 2006. № 5. С. 158.
 14. *Голдстоун Джек*. Указ. соч. С. 74.
 15. *Голдстоун Джек*. Указ. соч. С. 70.
 16. О социобиологической подоплеке исторической динамики России см. 3 и 4 главы книги: *Соловей В. Д.* Кровь и почва русской истории. М., 2008.
 17. *Капустин Б. Г.* Современность как предмет политической теории. М., 1998. С. 27.
 18. Автору этих строк повезло лично наблюдать, как работает одна из таких моделей, и он может подтвердить ее отнюдь не голословную эффективность.

АВТОРИТАРНЫЙ ТРАНЗИТ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СТРАН МЕЖВОЕННОЙ ЕВРОПЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Пономарева Е. Г.

В статье автор размышляет о причинах кризиса демократических моделей в странах ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики и на основе анализа комплекса факторов делает вывод о закономерности авторитарного транзита периферийных стран Европы в межвоенный период (1918 – 1939 гг.). Если все авторитарные режимы того периода в изучаемом регионе отличало наличие трех основ авторитаризма: вождизма, идей построения национального государства и национализма, то специфические черты позволяют выделить три кластера авторитарных режимов в межвоенной Европе: военно-бюрократический, корпоративный (цеховой) и дототалитарный (фашистский мобилизационный) режим. Однако главный вывод следующий: сложная экономическая, политическая и социокультурная ситуация в странах ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики, усугубляемая последствиями глобализации и мирового финансового кризиса, способна спровоцировать рецидивы авторитарного транзита.

Ключевые слова: периферийные страны, межвоенная Европа, авторитарный транзит, военно-бюрократический режим (Польша, Литва), корпоративный (цеховой) режим (Латвия, Чехословакия), дототалитарный (фашистский мобилизационный) режим (Венгрия), национализм, национальное государство

Keywords: peripheral countries, interwar Europe, authoritarian transition, military-bureaucratic regime (Poland, Lithuania), corporate (guild) regime (Latvia, Czechoslovakia), pre-totalitarian (fascist mobilization) regime (Hungary), nationalism, nation-state

*Из демократии рождается тирания
Платон*

*Насилие является повивальной бабкой всякого старого
общества, когда оно беременно новым
К. Маркс*

«Новые демократии» Европы, к которым аналитики относят страны ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики, имеют на поверку далеко не богатый опыт демократического строительства, не говоря уже об устойчивых предпосылках демократии в виде развитой экономики, высокого уровня политической культуры и традиции плюралистического гражданского общества. Относительно недавно (для исторической перспективы),

в межвоенный период, эти государства пережили авторитарный транзит, а именно переход от демократии к диктатуре. К концу 30-х годов XX века из 29 стран Европы только 12 смогли сохранить демократическую систему. Становление и трансформация политических режимов стран ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики, как периферии капитализма, безусловно, попадает в классификационную сетку авторитаризма.

Пономарева Елена Георгиевна – кандидат политических наук, доцент Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, e-mail: polatology@mgimo.ru.

В политологической науке «классическое» понятие авторитарного режима (АР) принадлежит американскому ученому Хуану Линцу¹. По его мнению, режимы являются авторитарными, если им присущи такие отличительные признаки, как: 1) ограниченный безответственный политический плюрализм; 2) отсутствует руководящая, четко разработанная идеология; 3) не практикуется экстенсивная или интенсивная политическая мобилизация, а значит, уровень политического участия довольно низкий; 4) неопределенным, но полностью прогнозируемым образом, власть, границы которой формально обозначены и предсказуемы, удерживается лидером или сплоченной группой вокруг него.

Важно, что в отличие от тоталитарных режимов авторитаризм допускает существование различных общественных образований, не установленных государством и не зависящих от него. Так называемый «ограниченный плюрализм» – является самой показательной чертой авторитаризма. Некоторые АР даже допускают институционализацию контролируемого сверху политического участия независимых групп и институтов, символических партий, но и в таких условиях власть остается неподотчетной обществу. Тем не менее, ограниченного плюрализма достаточно для сохранения при авторитарных режимах институтов гражданского общества либо некоторых значимых и довольно самостоятельных сегментов.

Принимая за единицу отсчета эту черту авторитаризма, а именно, плюрализм (как политический, так и экономический) и политическую мобильность (степень активности), Линц предложил следующую типологию АР: военно-бюрократические, корпоративные (цеховые), дототалитарные (фашистские мобилизационные), постколониальные и расовые/этнические демократии.

В межвоенный период появляются первые три типа, «идеальными» примерами которых, с веберовской точки зрения, можно рассматривать режимы в Польше, Венгрии, Латвии, Литве и Чехословакии.

Санационная Польша: эволюция военно-бюрократического режима

Установление авторитаризма в Польше было определено слабостью и неустойчивостью т.н. демократической модели французского типа, определявшей приоритет парламента/сейма, вылившейся фактически в сеймократию. Исторические особенности шляхетской демократии, приведшие к распылению партий, чрезвычайно затрудняли работу правительства, что не могло не сказаться на социально-экономической и политической обстановке в стране. Левые, правые

и центристы были более или менее уравновешены, но невозможность сотрудничества двух первых и политическая незрелость аграрного центра существенно ограничивали возможности достижения консенсуса по любому вопросу. В такой ситуации авторитаризм с сильной властью главы государства; с опорой на движение, отбросившее всякий политический этикет и поддерживавшее «верховного главу», который стоял над партиями, и убежденное в своей миссии или в праве управлять во имя государственных интересов и национального единения, даже не подтвержденном численным превосходством голосов, полученных на выборах; с идеологией, сводившейся к популистским, но ярким и желанным, лозунгам – не имел исторических альтернатив.

В авторитарной системе Польши правительственный лагерь играл роль умеренного центра, не принимая идеологию ни коммунизма, ни фашизма. Он терпел существование и деятельность оппозиционных партий, не навязывал никакой идеологической монополии и не пытался вмешиваться во все сферы политической, экономической и социокультурной жизни. Особую роль при этом играла армия, прежде всего легионеры, всецело преданные Юзефу Пилсудскому (аналог «режима полковников», хотя та ситуация несравнима с военными хунтами Латинской Америки). Альфред Степан² справедливо заметил, что преторианство, дополненное общественным недовольством социально-экономической ситуацией, отсутствием безопасности и долгосрочной неэффективностью власти парламента, способствует замене гражданской власти на власть военных, т.е. установлению военно-бюрократического АР.

Напомню, что борьба за границы Польского государства завершилась подписанием Рижского мирного договора в марте 1921 г., плебисцитом в Силезии (хотя окончательный выход был найден только после третьего восстания) и принятием конституции 17 марта 1921 года. Кроме того, 13 сентября 1922 г. Польша заключила Договор о военном сотрудничестве с Францией, а 26 марта 1926 г. стратегически важный союз был заключен и с Румынией³.

«Мартовская конституция»⁴ 1921 г. оказалась гораздо выгоднее сейму, который стал фактически суверенным по отношению к исполнительной власти, что и породило сеймократию. Прерогативы президента были ограничены особенно из-за правых, которые опасались авторитета Пилсудского. В сложившейся ситуации маршал (Пилсудский стал им в 1920 г.) отказался выставлять свою кандидатуру на выборах президента страны. После

Научные доклады

сложной избирательной игры президентом в декабре 1922 г. был избран Габриель Нарutowич («Вызволене»). Используя методы борьбы, основанные на разжигании межнациональной вражды, правые утверждали, что Нарutowич обязан своим избранием голосам еврейского меньшинства и не может считаться настоящим президентом республики. Итогом радикально националистической истерии стало создание в стране атмосферы ненависти и нетерпимости, спровоцировавшее убийство первого президента Польши. Страна оказалась на грани гражданской войны⁵.

Избежать кровопролития, тем не менее, удалось, и новый президент, Станислав Войцеховский, был избран с тем же перевесом, что и его предшественник. Польские историки утверждают, что убийство Нарutowича, потрясшее Пилсудского, подвигло последнего покончить с партийной ограниченностью и радикализмом правых и с сеймократией, как ее следствием. Однако для этого надо было выбрать благоприятный момент и собрать силовой противовес. Поэтому в мае 1923 г. Пилсудский уходит в отставку с тем, чтобы вернуться во власть «на белом коне».

С мая 1923 г. до мая 1926 г. в Польше сменилось четыре правительства: правоцентристское Вицентия Витоса, которое работало на фоне гиперинфляции и социальных конфликтов; внепартийное Владислава Грабского, которому удалось реформировать государственные финансы, монетную систему и обеспечить стране стабильность; широкая коалиция Александра Скшинского и, наконец, еще одно правительство Витоса, которое продержалось всего пять дней, до того, как его сверг Пилсудский.

Система парламентской демократии не могла справиться ни с одним из вызовов государственности того периода: ни с социальными конфликтами, порожденными сложной экономической ситуацией, ни с жесткими разногласиями между политическими партиями. Кроме того, правые, впечатленные походом сторонников Муссолини на Рим, стали расценивать сложившуюся систему как пустую скорлупу. Профашистские настроения, сопровождавшиеся крайним проявлением национализма, не могли не беспокоить левых и национальные меньшинства, особенно еврейское. Все чаще и чаще возры поляков обращались к Пилсудскому, неустанно критиковавшему существовавшую систему, которая, по его мнению, была опасна и требовала «оздоровления» (санации). По словам генерала Г. Орлика-Дрезера, ветераны легионов, проявившие себя в войне с советской Россией, были готовы без колебаний предоставить в распоряжение Пилсудского «сабли, отточенные в битвах»⁶.

Благодаря содействию военного министра Люциана Желиговского под предлогом маневров в мае 1926 г. в окрестностях Рембертова были стянуты верные Пилсудскому части. 12 мая они двинулись на Варшаву. После трехдневных боев в столице Пилсудский овладел ситуацией и провел радикальные перемены в управлении. Он занял должности военного министра и генерального инспектора вооруженных сил. Уже 31 мая он был избран президентом, однако, исходя из политических соображений, отказался от должности. При повторном голосовании президентом был избран Игнацы Мосьцицкий. Формирование нового правительства фактически легализовало переворот.

Помимо должности военного министра, в 1926—1928 гг. и 1930 г. Пилсудский занимал также пост премьер-министра. Установившийся авторитарный режим (фактически, диктатура), опиравшийся на армию и сторонников Пилсудского, вошел в историю под названием «санация».

Квалифицировать этот режим как военно-бюрократический позволяет определяющая роль диктатора (маршала) в процессе избрания президента, формирования кабинета министров, при принятии законов. Роль парламента была существенно ограничена (ограниченный плюрализм). Развитию авторитаризма способствовала и «конституционная новелла» (изменение в конституции) от 2 августа 1926 г. Согласно данной новелле президент получил право самостоятельно распускать Сейм и Сенат до истечения срока их полномочий, а также издавать указы, имеющие силу закона до момента утверждения или не утверждения их парламентом. В 1926—1930 гг. правительством было издано 276 подобных указов президента. Сейм начал работать на сессионной, а не на постоянной основе. Лишь президент имел право открывать и закрывать его сессии⁷. Кроме того, основу режима составили бывшие и действующие армейские офицеры. Санация была коалицией разных политических сил с акцентом на ликвидацию коррупции и сокращение инфляции. Главной политической организацией санации был Беспартийный блок сотрудничества с правительством.

В эволюции АР в Польше с 1926 г. и до 1 сентября 1939 г. можно выделить три этапа: переходный, названный «бартеляжем» (по имени премьер-министра Бартеля), продлившийся до 1930 г.; этап «твердой руки» (до 1935 г.), и этап «диктатуры без диктатора» после смерти Пилсудского.

На первом этапе маршал, который был убежден, что фашизм не подходит Польше, дискредитировал и нивелировал сейм. Его идеалом была сильная исполнительная власть, которую парламент должен контролировать, не вмешиваясь в ее

работу. Ослабленные национал-демократы, от которых Пилсудский ловко увел консерваторов (знаменитая встреча у Радзивиллов в замке Нишвиц), начали эволюционировать к крайне правому крылу и организовали фашиствующий Лагерь Великой Польши. Левые, разочарованные тем, что были лишены возможности вкушать плоды победы, постепенно превращались во все более радикальную оппозицию. Отделившись от других партий, сторонники маршала создали свой Беспартийный блок, который после выборов 1928 г. стал самой крупной группировкой в парламенте. Столкновение между режимом Пилсудского и парламентской системой было неизбежно. В результате в 1930 г. сформировался мощный блок «Центролевы» (центр-левые), который на своем конгрессе в Кракове бросил правительству вызов, обвинив его в диктатуре. В ответ Пилсудский приказал распустить парламент и арестовать основных руководителей оппозиции, которых заточили в Брест-Литовске. С этого момента политическая оппозиция преследовалась правовыми и силовыми методами.

На выборах 1930 г. Беспартийный блок добился более 50 % голосов⁸. В стране окончательно утвердился авторитаризм: президент обладал законодательными, конституционными, контрольными, исполнительными и чрезвычайными (в случае войны) полномочиями, назначал главу правительства и всех министров. Возросла также власть председателя правительства, который теперь имел право устанавливать общие принципы государственной политики. Более того, режим санации становился все более жестоким. Так, в 1931 г. в стране официально были введены военно-полевые суды, а в 1934 г. был создан концентрационный лагерь в Березе-Картузской. Аресты по политическим мотивам (в 1931 г. – 16 тыс. чел., в 1932 г. – 48 тыс. чел.) спровоцировали сильную волну т.н. «осадничества», миграции преимущественно ветеранов польской армии – политических противников Пилсудского в Литву, Украину, Белоруссию, Восточную Галицию и Волынь⁹. В стране продолжался разгул антисемитизма.

Незадолго до смерти Пилсудского, в апреле 1935 г., сформировавшийся военно-бюрократический режим был формально закреплен в новой конституции. Конституция ставила президента над исполнительной, законодательной и юридической властью, позволяя ему нести ответственность за некоторые свои действия исключительно «перед Богом и историей»¹⁰. Вскоре после смерти Пилсудского движение столкнулось с рядом внутренних проблем и разногласий. В конце концов, оно распалось на три отдельных направления: *Левая*

санация с лидером Валерием Славеком, которая стремилась к соглашению с оппозицией; *Замковая группа*, сформированная вокруг президента Игнатия Мосьцицкого, придерживающегося центристской ориентации; и *Правая санация*, группировавшаяся вокруг Эдварда Рыдз-Смиглы в союзе с радикальными националистами. Первое из этих направлений вскоре потеряло свое значение, а две другие продолжали борьбу за влияние до начала войны.

Например, распущенный Беспартийный блок заменил Лагерь национального объединения (ЛНО). Не имея четкой идеологии и пытаясь использовать в своих интересах звучные лозунги оппозиции (например, антисемитизм национал-демократов или культ земли), ЛНО был искусственным образованием и не предлагал никакой настоящей альтернативы. Напротив, оппозиция усилилась на крайне правом фланге – Национальная партия и ее профашистские ответвления вроде Национально-радикального лагеря, все больше тяготевших к националистскому и тоталитарному пути, и на постепенно объединявшимся левом. Аграрии, особенно после объединения двух партий («Пяст» и «Вызволене») в 1931 г., полевели, а крестьянские стачки 1937 г. завершились еще большим кровопролитием, чем во время их предыдущих манифестаций. Попытки консолидировать центристскую оппозицию приняли форму «Фронта Морж» (И. Падеревский, В. Сикорский, Ю. Галлер) и привели к созданию Партии труда. Одна маленькая демократическая партия сформировалась на основе клубов с тем же названием¹¹.

Новый избирательный Закон от 8 июля 1935 г., по которому право выдвигать кандидатов в депутаты могли только окружные избирательные комиссии, привел к бойкоту партиями выборов 1935 г. Сейм стал вотчиной санационного Лагеря, что только увеличило разрыв между страной легальной и страной реальной. Оппозиция показала свою силу во время муниципальных выборов 1938 г., но даже перспектива неминуемой войны не могла заставить власть сформировать крупную коалицию.

Таким образом, польский межвоенный режим представлял собой *авторитарную, милитаристскую бюрократию*. При этом все политические силы – и правящую верхушку, и «оппозицию» – объединяло одно: радикально шовинистическое стремление к расширению господства Польши над соседями и, разумеется, пресловутое «восстановление границ 1772 года». Ни сеймократия, ни режим санации не могли дать стране ни экономических, ни социальных благ, поэтому самым действенным

Научные доклады

оставался старый лозунг: «От можа до можа». Внешняя политика, заключавшаяся в лавировании между Германией и Россией (некоторые ее пронемецкие и прочешские отклонения вызвали критику оппозиции), была единственно возможным способом сохранить внутренне единство страны и то лишь на неопределенный период. Страны периферии (и Польша здесь не исключение) оказались в зоне интересов стран ядра капиталистической системы, что и определило их дальнейшую судьбу.

Венгерский путь к мобилизационному авторитаризму

Каждая страна своим путем шла к авторитаризму. Венгерским королевством, сохранившим свое старое название для того, чтобы подчеркнуть преемственность с короной Св. Стефана, управлял регент, чьи полномочия, включая назначение и отзыв правительства, созыв и роспуск парламент, были практически равны prerogative монарха династии Габсбургов. Право голосования было ограничено: открытое голосование существовало только в сельских округах и в период с 1926 г. по 1938 год. Способ организации политического пространства в 1920-е годы напоминал эпоху до Трианонского договора, когда партия власти была «продолжением административного аппарата, чья функция состояла в обеспечении парламентского большинства»¹². Однако именно в Венгрии появилось раньше других периферийных стран крайне правое массовое движение нацистского толка, в том числе «Скрещенные стрелы». Внутренняя политика вращалась вокруг борьбы между правыми консерваторами и правыми радикалами, которая привела к постепенным уступкам, но не к капитуляции первых. Офицерский корпус, по большей части состоявший из военных немецкого происхождения, занимал особую позицию.

С ноября 1919 г. по апрель 1921 г. Миклош Хорти, бывший адъютант императора Франца Иосифа, пользовавшийся поддержкой армии, заложил основы нового государства. Требование Великих держав представительной формы правления определили ослабление белого террора и проведение парламентских выборов. В марте 1920 г. парламент провозгласил образование Венгерского королевства и установление регентства Хорти. Регент, по мнению современников, «был воплощением традиционного консерватизма, презрительно относившимся к плебейскому рационализму; поддерживал воинственный национализм и антисемитизм от имени расплывчатой и контрреволюционной «идеологии Сегеда»»¹³. Эта идеология зиждилась на национальных,

традиционных, христианских ценностях и понимании необходимости порядка. Хорти уверял легитимистов, что он пользуется властью только в отсутствие законного монарха из династии Габсбургов. Однако его поведение в отношении двух попыток короля Карла, пытавшегося вернуть себе венгерскую корону, подтверждает, что, держась за свое положение, он легко уступил давлению враждебных Габсбургам держав и Малой Антанты¹⁴. Карлу пришлось покинуть страну, а династия была низложена. Правительство в известной степени воспользовалось Трианонским договором (4 июня 1920 г.) и ревизионистскими тезисами, превратив их в аргумент для ограничения демократии.

Положение изолированной и уменьшившейся в размерах страны, без сомнения, требовало внутренней консолидации и внешней разрядки. Граф Иштван Бетлен, трансильванский аристократ и умеренный консерватор, прошедший политическую школу Иштвана Тисы, назначенный премьер-министром в апреле 1921 г., доминировал в политической жизни страны на протяжении следующего десятилетия. Он опирался на Объединенную партию, созданную из Христианской национальной партии и Партии мелких сельских хозяев, чью предполагаемую оппозицию он таким образом нейтрализовал. Компромисс с социал-демократами позволил Бетлену уменьшить их влияние в политической жизни. Изменения в избирательном законе страны, о чем уже шла речь выше, и восстановление Высшей палаты укрепили венгерскую версию авторитаризма, пропитанную традиционным патернализмом Тисы¹⁵. Благодаря умелым манипуляциям правительство добилось большинства голосов на выборах 1922, 1926 и 1931 годов. Оппозиция, представленная легитимистами, социал-демократами и независимой Партией мелких сельских хозяев (Золтан Тилди) и крайне правым крылом, не оказывала особого влияния на внешнюю и внутреннюю политику.

Бетлен умел обуздывать ревизионизм за пределами страны и покончил с изоляцией, введя Венгрию в Лигу Наций, которая предоставила стране крупный заем. Это позволяло надеяться на экономическое и социальное равновесие, но губительные последствия крупномасштабного кризиса, достигшего своего апогея в 1931 г., определили успех т.н. «правой революции», которая сменила «эпоху консолидации». Бетлен ушел в отставку, но остался своего рода «серым кардиналом», следившим за функционированием созданной им системы. В 1932 г. обязанности премьер-министра достались офицеру, правому радикалу Дьюле Гембешу.

Гембеш считал себя «национал-социалистом» и ратовал за сотрудничество с III Рейхом

и с Муссолини. Он верил, что фашизм станет лекарством от всех проблем во внутренней политике. Его хорошие отношения с нацистскими и фашистскими институтами в Германии и Италии позднее открыли дорогу для создания в стране многочисленных, хотя и небольших венгерских нацистских партий. Шовинист и ярый антисемит (правда, он отделял «хороших» евреев от «вредных»), ненавидевший аристократов, легитимистов и враждебных ему социалистов, Гембеш в какой-то мере являлся оппортунистом, что отличало его от нацистских фанатиков вроде Ференца Салаши, лидера «Скращенных стрел». Сменив название своей партии на Партию национального единства и поощряя правых радикалов, Гембеш, тем не менее, не отдавал себе отчета в истинном соотношении сил и роли еврейских финансистов. Его поворот к мелким сельским хозяевам, конфликт с Бетленом и победа на самых фальсифицированных выборах в 1935 г., в результате которых фашисты вошли в парламент, усилили политическую поляризацию в стране. За этим последовали зарубежные союзы и соглашения с представителями течений, оппозиционных в обычное время. Поскольку Гембеш не добился ожидаемых успехов во внешней политике и не заручился доверием Хорти, его положение стало неустойчивым: возможно он собирался ввести фашистскую диктатуру, но внезапная смерть в 1936 г. положила конец его карьере¹⁶.

Следующие премьер-министры умеренно придерживались политических взглядов Бетлена, однако не могли противостоять мощи Германии, которая оказывала все большее влияние на экономическую, политическую и идеологическую жизнь Венгрии, чем способствовала ее сползанию вправо. В конце концов, дототалитарный тип авторитаризма в Венгрии эволюционировал в фашизм, который привел Будапешт к войне на стороне Германии.

Авторитарное прошлое прибалтийских стран: казусы Литвы и Латвии

В межвоенный период территория *Литвы* включала только этнически литовские земли, за исключением сильно германизированной Клайпеды (Мемеля) – единственный порт республики, которая была отторгнута от Рейха по Версальскому договору и оккупирована в 1923 г. Более того, Литва лишилась своей исторической столицы, Вильнюса. Вопрос о Вильнюсе сильно повлиял на внешнюю и внутреннюю политику страны: он окончательно отдалил Литву от Польши и способствовал подъему националистических настроений. Однако такое положение вещей имело свои стратегические плюсы – это ускорило процесс консолидации

нации: отсутствие значительного польского меньшинства было преимуществом с этой точки зрения.

16 февраля 1918 г. Литовский Совет (позднее переименован в Государственный Совет) провозгласил независимость республики. 4 апреля 1919 г. им был учрежден институт президентства и избран первый Президент Литвы Антанас Сметона. 10 июня 1920 г. временная конституция закрепила положение об избрании президента парламентом/сеймом.

В выборах в парламент в апреле 1920 г. участвовало шесть политических партий. К правым себя относили: христианские демократы и националистическая Партия национального прогресса, преобразованная Антанасом Сметоной и Аугустином Вольдемарасом в 1924 г. в Национальный литовский совет (ЛТС). Аграрии (Николое Слежявичюс, Карл Гринюс) и Союз крестьян Литвы находились в центре, а социал-демократы (Стяпонас Кайрис) и маленькая коммунистическая партия в подполье, как и в Польше, занимали левый фланг¹⁷. Поражение националистов на выборах и незначительное большинство христианских демократов принесло победу на президентских выборах крестьянским партиям. Правительство возглавил аграрий К. Гринюс, а обязанности президента до 7 июня 1926 г. исполнял Аляксандрис Стульгинскис. На очередных выборах в парламент в 1923 г. положение христианских демократов существенно улучшилось, но спустя три года они потерпели сокрушительное поражение. В 1926 г. сейм избрал президентом Гринюса, а Слежявичюс с согласия социал-демократов получил пост премьер-министра. Надежда развивать и укреплять демократию растаяла из-за соперничества партий и растущего недовольства в стране. Некоторые историки считают, что пример государственного переворота, устроенного Пилсудским в Польше, способствовал военному путчу, который правые организовали через полгода после выборов – в декабре 1926 г.¹⁸ Президент и правительство были низложены, а «почищенный» сейм избрал Сметону президентом; кресло премьер-министра досталось Вольдемарасу.

Периоды эволюции политического режима в Литве во многом напоминали соответствующие этапы польской истории. Сметона, отвергавший гитлеризм, был провозглашен своими сторонниками националистами «верховным главой нации». По конституции 1928 г. он получил большие властные полномочия, а сейм, распущенный в 1927 г., не собирался семь следующих лет. Христианские демократы, изначально благожелательно относившиеся к Сметоне, затем вступили с ним в конфликт, по причине разногласий между

Научные доклады

правительством и церковью, которые достигли серьезного накала. Режим Сметоны также следует отнести к военно-бюрократическим: «диктатор» опирался на Национальный литовский совет, патристические и экономические организации, на литовских вольных стрелков (Заулюс) националистической ориентации. Антипольские настроения сыграли мобилизующую роль, тогда как антисемитские акценты были слабыми.

Фашистские и диктаторские замашки Вольдемараса, яркого, но вспыльчивого и надменного человека, который опирался на подпольную националистическую организацию «Железные волки» (Железнис Вилкас), спровоцировали разрыв между премьер-министром и президентом. После провала путча в 1934 г. Вольдемарас вновь попал в тюрьму. Летом 1935 г. сложная экономическая ситуация вызвала крестьянские бунты, которые подавила полиция. Затем из-за улучшения конъюнктуры на смену мелким уступкам пришлось ужесточение политики. Закон о прессе заставил замолчать оппозиционные журналы, а Закон об ассоциациях притушил активность оппозиционных партий. Закон о выборах 1936 г. ввел косвенное голосование в сейм, а конституция 1938 г. еще больше усилила власть президента¹⁹.

В 1938—1939 гг. Литву ждали два поражения. Польский ультиматум вынудил Каунас установить отношения с Варшавой, а германский — отнял у страны Клайпеду. Напряженная ситуация закончилась провозглашением мартовского законодательства, за которым последовали попытки договориться с оппозицией. Вслед за этим было сформировано коалиционное правительство, куда вошли христианские демократы и аграрии.

Литовское правительство не последовало примеру Словакии и, вопреки давлению со стороны Берлина, отказалось участвовать в немецком нападении на Польшу в 1939 г. Разгром Польши в сентябре и окружение Литвы территориями СССР на востоке и юге породило новую ситуацию. 10 октября был подписан литовско-советский пакт, по которому Литва получала Вильнюс и часть земель, ненадолго приобретенных ею в 1920 г. Пакт гарантировал обеим странам взаимную помощь. То был первый шаг к присоединению Литвы к СССР. 21 июля 1940 г. народный Сейм, избранный всеобщим голосованием, провозгласил создание Литовской советской республики и обратился с просьбой о принятии ее в состав Советского Союза.

Независимое государство *Латвия* было совершенно новым государственным образованием. 18 ноября 1918 г. Латвия впервые провозгласила суверенитет, а Карлис Улманис (Крестьянская

партия) стал премьер-министром. Ход событий в Латвии органически вписывался в контекст политического развития Европы, хотя эта страна — последней из стран Балтии — стала на путь авторитаризма. Конституция (Сатверсме) 1922 г., отводила главенствующую роль парламенту; политические партии представляли спектр самых разнообразных взглядов: от консерваторов, демократов до социалистов²⁰. Однако для успешного развития демократии в Латвии не было объективных предпосылок: более 60 % населения занимались сельским хозяйством, не было не только необходимого уровня индустриализации и урбанизации, политической институционализации, но и демократических традиций.

Парламентский кризис разгорелся в Латвии только в 1934 г., когда Улманис в ночь с 15 на 16 мая осуществил государственный переворот. В 23.00 айзсарги²¹ и армейские части заняли центральные госучреждения и с «удивительной легкостью захватили власть... Демократию в Латвии уничтожил политик, роль которого в создании и формировании государства была решающей»²².

Улманис установил режим, который нередко называют «Латвией 15 мая». Учитывая социально-политические силы, на которые опирался режим, его можно характеризовать как национал-консервативную диктатуру. Однако, анализ проведенных преобразований позволяет отнести режим Улманиса к корпоративному типу авторитаризма. В стране была создана система профессиональных камер. Это была своеобразная попытка организовать и представить жителей Латвии как производителей и представителей определенных профессий. Было создано шесть камер: Торгово-промышленная (1934 г.), Сельскохозяйственная и Камера ремесел (1935 г.), Трудовая камера (1936 г.), Камера литературы и искусств и Камера профессий (1938 г.). Надзор за ними и координацию их деятельности осуществляли Государственный хозяйственный совет и Государственный совет по культуре. С 1939 г. оба совета проводили совместные заседания.

Система камер и государственные советы были новыми государственными структурами, внешне напоминавшими некий парламент профессий. Однако не представляли интересов большинства и не выражали его волю. Камеры и оба совета не могли существенно влиять на государственную политику, т.к. не обладали законодательной инициативой. Фактически камеры превратились в контролируемые Кабинетом министров консультативные органы, которые непосредственно подчинялись соответствующим министерствам: отраслевые министры на три года назначали членов

камеры (90—120). Камеры обязаны были досконально знать все, что делается в отрасли, руководить ею, представлять интересы соответствующей группы общества, а также устранять по мере возможности возникающие конфликты интересов. Роль камер была невелика и из-за авторитарного стиля руководства. Решающим в любом вопросе было мнение ее председателя: решение принималось только с его согласия. Даже самые важные вопросы не решались путем голосования. Руководители камер обычно не рисковали высказывать противоречащее официальной точке зрения мнение²³.

Как и в других странах периферийной зоны капитализма, установленный в Латвии АР был попыткой отделения «государственной политики» от «партийной политики» и формирования «надпартийного» президентского правления, что позволяло полностью контролировать экономику, политику и культуру. Большое внимание уделялось также обеспечению национальной интеграции, упрочению государственного авторитета и государственной исполнительной власти. Происходило это за счет законодательной власти, а также путем ограничений, фактически ликвидировавших политический плюрализм. Режим 15 мая был, пожалуй, единственный диктаторский режим в Европе, который не сохранил никакого представительства народа. Сейм был разогнан, и его функции перешли к правительству. Во многих авторитарных и даже тоталитарных государствах были сохранены определенные формы парламентаризма или, по крайней мере, таковые существовали хотя бы в качестве вывески, в Латвии не было даже этого.

В основе установившейся в «Латвии 15 мая» политической системы лежал принцип вождизма. Улманис называл себя «полномочным представителем власти народа и государства» или просто вождем. Он мог опираться на армию, айзсаргов, крестьянство и ту часть латвийской интеллигенции, которая была тесно связана с деревней. В существовании и укреплении АР были заинтересованы и занятые в государственном секторе чиновники, число которых в 1930-е годы стремительно увеличилось. Для них диктатура Улманиса была источником личного благополучия, они активно участвовали в реализации всех форм управления государством.

Ни один существовавший в стране политический институт не ограничивал единоличную власть Улманиса. Все важнейшие государственные решения принимал назначенный им Кабинет министров, получивший новый «статус»: в его руках после роспуска Сейма сосредоточилась вся законодательная и исполнительная власть. Объявленное

военное (чрезвычайное) положение обеспечило правительству возможность принять поправки к Сатверсме. В «технической работе» (подготовке правительственных распоряжений и законов) «большому кабинету» помогал так называемый «малый кабинет». И хотя в первый состав обоих кабинетов входили известные политики, пользовавшиеся доверием влиятельных общественных групп и представлявшие их интересы, их мнение в принятии решений значило не много.

Кабинет министров был фактически институциональной завесой для воплощения воли диктатора. Монополии Улманиса на власть не угрожал и президент страны Алберт Квиесис, который занимал эту должность вплоть до весны 1936 г. Институт президентства в Латвии не был особенно силен даже в годы парламентаризма, не укрепился он и в годы авторитаризма. В результате государственного переворота президент страны не приобрел никаких новых полномочий.

27 февраля 1936 г. на тайном заседании Кабинета министров, на котором сам Улманис не присутствовал, было принято единогласное решение доверить премьеру (до обещанной во время переворота реформы Сатверсме) исполнять должность Президента страны и «поручить министру юстиции разработать и представить Кабинету министров соответствующий законопроект». Официально должность Президента страны Улманис занял 11 апреля, сосредоточив в своих руках «такую власть, какой у отдельного человека в государстве обычно не бывает»²⁴.

Концентрация власти в руках Улманиса продолжалась и в последующие годы. Идеи вождизма прогрессировали: весной 1940 г. он, будучи Президентом страны и премьер-министром, возглавил и министерство обороны. Сосредоточение в его руках абсолютной власти фактически поставило вождя над законом.

Улманису принадлежало решающее слово и в делах самоуправления при назначении главных должностных лиц. После переворота 15 мая произошло огосударствление институтов самоуправления. Закон 25 мая 1934 г. предусматривал ликвидацию в 60 городах Латвии избранных городских дум, а избранных глав городов и депутатов сменили лица, назначаемые министром внутренних дел. Реорганизация затронула и сельские самоуправления.

Тем не менее, режим Улманиса можно назвать мягким корпоративизмом: для режима не были характерны массовые репрессии, диктатура не была антигуманной. В стране не применялась смертная казнь, а Улманис сторонился политического экстремизма и стремился мягко нейтрализовать

Научные доклады

радикалов всех направлений: и ультралевых, и перконкрустовцев, и балто-немецких национал-социалистов. Он выступал и против антисемитизма. Преследуемые в нацистской Германии и на оккупированных ею территориях евреи могли обрести в Латвии убежище, в то время как многие демократические страны по разным причинам отказывались принимать преследуемых нацистами еврейских беженцев.

Показательно, что Улманис пользовался большой поддержкой у латышского народа, чему способствовали успехи режима в различных сферах. Например, правительство большое внимание уделяло строительству, экономической и социальной политике, росту благосостояния широких слоев населения, а образование и культура были его главными приоритетами. Все шесть лет своего существования авторитарный режим был стабилен и полностью контролировал ситуацию в стране. Современные латышские историки (Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда) и политики (Вайра Вике-Фрейберге, Артис Пабрикс и др.) считают, что именно после 15 мая 1934 г. латыши впервые почувствовали себя настоящими хозяевами страны. Недаром в исторической памяти латышского народа Улманис остался ярким выразителем национальных устремлений и символом латышской Латвии. Сегодня почти каждый житель Латвии знает, кто такой Улманис. Пока что ни один другой латышский политик не удостоился такой чести.

Корпоративный авторитаризм в Чехословакии

Особая ситуация, приведшая к формированию корпоративного авторитаризма, сложилась в Чехословакии. Политическая система страны базировалась на трех основаниях: на «группировке града» (hrad), на правительственной коалиции и на финансовом «истэблшменте». Первое – выражалось в прочной позиции Томаша Масарика и его окружения, второе – в почти непрерывном сотрудничестве лидеров самых значимых партий (petka, обычно состоявшая из Аграрной партии, социалистов, национал-социалистов, католических аграриев и, реже, национал-демократов), прекрасно дисциплинированных, что сводило роль парламента практически к форуму для дискуссий, а эти партии были названы «соправителями государства»²⁵. Третье основание – влиятельная финансовая среда, которая в идеологическом плане была близка к правым, а в личном – к «граду», играла стабилизирующую роль. Исключением была и легально действовавшая и довольно крупная Коммунистическая партия, которой сначала руководил Богумир Шмераль, а с 1919 г. – Клемент Готвальд.

До 1926 г., несмотря на восемь сменившихся правительств, были ли они коалиционными или состояли из чиновников-управленцев, провал попыток правых, а особенно мелких, но необычайно активных группок (генерал Радола Гайда) захватить власть, созданная система I Республики показала свою устойчивость. В октябре 1926 г. в «господскую коалицию» Антонина Швеглы, чей вклад в функционирование чехословацкой демократической модели поистине не оценим, вошли немцы, и, на короткий период, популисты Андрея Глинки. Недостаток политического воображения чехов в их отношениях со словаками воскресил и усугубил конфликт с лагерем Глинки. Крупный кризис, поразивший Чехословакию в начале 1930-х годов, и приход Гитлера к власти в Германии ознаменовали решающий поворот в развитии страны.

Судетские немцы ощутили на себе всю тяжесть последствий кризиса. Национальный антагонизм, разжигаемый мелкими, но утомительными придирками со стороны местной администрации, усилился и проявился в деятельности Судето-немецкой партии (СДП) Конрада Хенлейна, которая эволюционировала в направлении национал-социализма. Эдвард Бенеш, сменивший тяжело больного Масарика, так и не сумел достичь статуса и престижа своего прославленного предшественника; смерть Швеглы, после которого во главе Аграрной партии встал Милан Годжа, поворот во внешней политике, наконец, союз с СССР, создали новую внутреннюю и международную ситуацию.

В 1935 г. СДП, получив три четверти голосов судетских немцев, стала второй после аграриев партией в парламенте. В тесном сотрудничестве с Гитлером, твердо решившим уничтожить Чехословакию, сторонники Хенлейна сформулировали требования (программа Карловых Вар, 1938 г.), призванные изменить характер республики и ее положение в Европе. Немецкое наступление совпало с притязаниями польских и венгерских меньшинств, поддержанных Варшавой и Будапештом, так же как и с набиравшим обороты словацким движением за автономию.

Главный союзник Чехословакии, Франция, все больше равнявшаяся на британскую политику умиротворения, присоединилась к давлению на Прагу. Ситуация приняла драматический оборот в 1938 г., когда Бенешу пришлось столкнуться с центристскими силами внутри самого государства, с Гитлером, с соседними странами и западными державами, которые любой ценой хотели избежать войны. Какое бы мы ни вынесли суждение о стратегии Бенеша и его психической сопротивляемости – это был дипломат, а не борец,

как Масарик – он мог выбрать только между одной борьбой и капитуляцией. Мюнхенский диктат, навязанный ему 29—30 сентября 1938 г. Германией, Италией, Великобританией и Францией, которому Бенеш не осмелился противиться, подтолкнул его ко второму пути. Он рассчитывал на близкую войну, благодаря которой Чехословакия смогла бы восполнить свои территориальные потери. А они были очень существенны: 30 % территории, 30 % населения и две пятых промышленного потенциала²⁶. В результате предъявленного Праге ультиматума Польша аннексировала Тешинскую область. Что касается венгерских требований, то их частично удовлетворили, в соответствии с Мюнхенским пактом, в ноябре, вследствие германо-итальянского арбитража в Вене. В том же месяце Польша произвела спрямление границ в ущерб Словакии, в районе Тартаса.

II Чехо-Словацкая республика, как видно даже из орфографии, имела децентрализованную структуру, которая включала автономию для Словакии и Прикарпатской Русинии (совр. Закарпатье). Уже 6 октября, в Жилине, популисты получили согласие – или навязали его (на этот счет мнения расходятся) – других словацких партий на декларацию, требовавшую передачи власти партии Глинки. Прага была вынуждена пойти навстречу и признать правительство Иозефа Тисо (Глинка к тому времени умер) премьер-министром автономного правительства. Популисты, на самом деле обладавшие монополией на власть, делились на автономистов и сепаратистов, причем раскол захватывал еще и пропольскую фракцию Карола Сидора и пронемецкую – Войтеху Тука²⁷. Словацкие министры напрямую сносились с Варшавой и Берлином, игнорируя Прагу, что, в конце концов, привело к военному вмешательству в 1939 г. Воспользовавшись ситуацией, Гитлер объявил Тисо – на тот момент лишенного своих полномочий, – что если Словакия не провозгласит суверенитет при поддержке Германии, ее дальнейшую судьбу будет решать Венгрия.

Провозглашение независимости произошло 14 марта. Десятью днями позже словаки подписали договор о протекторате с Германией сроком на двадцать пять лет, предусматривавший контроль немцев за военными и иностранными делами Словакии. Популисты Глинки – немногочисленная, но хорошо организованная партия – добилась доминирующего положения в два этапа: в результате так называемого Жилинского соглашения 1938 г. и в период образования Словацкого государства в марте 1939 г. Они установили однопартийную, фактически фашистскую, систему, сформировали милицейский корпус – гвардию

Глинки. Аббат Иозеф Тисо, стоявший во главе государства, принял титул «*voďse*» (вождя).

В то же время прогитлеровский министр иностранных дел Войтех Тука присвоил себе право подвергать арестам «врагов государства», что привело к открытию в Илаве первого концентрационного лагеря, через который прошли около трех тысяч человек. Были созданы новые организации, такие, как служба безопасности, трудовые лагеря. Парламент значительно расширил полномочия правительства (Закон об изменении конституции Словакии от 21 июля 1939 г.), но в то же время его законодательные прерогативы были сведены к минимуму.

Почти одновременно, по-прежнему угрожая бомбить Прагу, Гитлер вынудил чехословацкого президента Эмиля Гаха согласиться на протекторат рейха для Богемии-Моравии. Гаха сдался и 15 марта 1939 г. немецкие войска вошли в Прагу. В тот же день Прикарпатская Русиния, получившая 11 ноября 1938 г. автономию провозгласила суверенитет. Это был чисто символический жест, поскольку в тот самый миг венгерские войска уже занимали, после кратких боев, весь регион.

Авторитарный транзит – закономерная фаза исторического развития

Анализируя политическое развитие стран ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики в межвоенный период, следует помнить, что этот регион не является частью Запада, а лишь периферия ядра капиталистической системы.

Первая половина XX в. для стран и народов этого пространства – «время медленного, порывистого, с остановками идущего процесса модернизации, который был... радикально трансформирован коммунистической революцией, с ее особыми модернизационными проектами, мифами и утопиями»²⁸. И для максимально объективной оценки политической ситуации, сложившейся в большинстве стран ЦВЕ, ЮВА и Прибалтики в межвоенный период, важно понимать не только сложность социально-экономического положения, но и направление эволюции общественных настроений и политического спектра. Страны изучаемого региона не дали, к сожалению, нам исключений из общего правила – повсеместно происходила политическая радикализация общества, в первую очередь усиливался правый радикализм, что обеспечило успех авторитаризма.

В межвоенный период все страны ЦВЕ, ЮВЕ и Прибалтики имели авторитарные режимы в виде президентских или монархических диктатур. Диктатуры 1920—1930-х годов в Албании, Болгарии, Венгрии, Греции, Латвии, Литве, Польше, Румынии, Словакии, Эстонии, Югославии имели

Научные доклады

много общего. При всем различии обстоятельств возникновения их объединяли национализм, отрицание либеральной демократии, антипарламентаризм, критическое отношение к политическим партиям и стремление к единоличной власти вождя (монарха, президента или военного диктатора). Режимы во всех этих странах эволюционировали от квазидемократии к авторитаризму, главной оправданием которого «был поиск выхода из общеевропейского кризиса, утверждение и стабилизация национальной государственности»²⁹.

Среди общих факторов, определивших авторитарный транзит в странах ЦВЕ, ЮВА и Прибалтики следует назвать:

1. неготовность населения к управлению страной в условиях парламентаризма – большинство граждан не знали демократических традиций и не воспринимали демократию как ценность саму по себе; отсутствие соответствующей политической культуры;
2. либеральные избирательные законы открывали в большую политику дорогу мелким и экстремистским партиям, роль которых в парламенте была явно деструктивной;
3. отсутствие необходимой для демократии социальной структуры – устойчивого и многочисленного среднего класса; преобладание крестьянского населения, как правило, не поддерживающего демократию;
4. неготовность политической элиты к демократии; чрезмерные личные амбиции ведущих политиков;
5. чрезвычайно сложная экономическая ситуация в странах;
6. внешнее давление стран Тройственного союза.

Все АР межвоенного периода в изучаемом регионе отличало наличие трех основ авторитаризма: *вождизма, идей построения национального государства и национализма*. Важнейшей составной частью идеологии авторитаризма, ее ядром была идея национального государства и национализма, которая выражалась в требовании «восстановления национальной справедливости» и создании «польской Польши», «латышской Латвии», «венгерской Венгрии» и т.д., т.е. государства с четкой доминантой коренной нации. Цели эти должны были быть достигнуты путем предоставления «коренным» ведущих позиций в экономике, политике, культуре, воспитанием населения в националистическом духе, в нетерпимости к другим национальностям, прежде всего евреям, украинцам, белорусам и русским.

Важнейшей характеристикой всех авторитарных режимов является наличие сильной

харизматической личности: Пилсудский в Польше, Хорти и Гембеш в Венгрии, Сметона в Литве, Улманис в Латвии, Глинка в Словакии и т.д. В периферийных странах, где политическая ориентация определялась прежде всего преданностью личности, а не политической программой, лагерь вождей, диктаторов состоял из преданных лично им преторианцев.

Следует помнить, что генезис и расцвет АР связан с аморфностью политических конкурентов и наличием слишком мягкой, неспособной на решительные и жесткие действия в сложных социально-экономических условиях властной структуры парламентаризма. АР необходимо оценивать прагматично, «как организм, который заполнил пустоту в центре политической сцены и способствовал стабильности в стране»³⁰.

Эволюция всех АР проходит три общие стадии. На первой – приход власти определен «служением» некоей идее. На второй – начинает доминировать простой карьеризм, все чаще применяются методы, нарушающие не только политический плюрализм, но и права человека и гражданина. Сложившийся авторитаризм активно ограничивает оппозицию.

Что же касается основной массы населения, то оно, за исключением ущемленных в правах национальных меньшинств, весьма положительно воспринимало авторитарную трансформацию, которая несла с собой порядок, ограничивала коррупцию и обеспечивала социально-экономическое развитие общества.

В заключение сказанному хочу подчеркнуть, что авторитарный транзит периферийных стран межвоенной Европы является закономерной фазой их исторического развития. Объективные экономические, политические, социокультурные и геополитические причины определили генезис авторитарных режимов в момент перехода от традиционных и раннеиндустриальных обществ к современным и позднеиндустриальным.

Однако главный вывод из проведенного анализа следующий: сложная социо-экономическая ситуация в странах региона, усугубляемая последствиями глобализации и мирового финансового кризиса, способна спровоцировать рецидивы авторитарного транзита.

Elena G. Ponomareva. «Authoritarian Transition of Peripheral Countries of Interwar Europe: Political Analysis».

The author ponders on the causes of the crisis of democratic models in the countries of Central and Eastern Europe, South-East Europe and the Baltic states. Having analysed a complex of factors, she comes to the conclusion that the authoritarian transition of European peripheral countries

in the interwar period (1918–1939) was appropriate. While all authoritarian regimes of the period in the region under study were characterized by three foundations of authoritarianism – Führerprinzip, ideas of constructing nation-state and nationalism, specific traits allow to distinguish between three clusters of authoritarian regimes in the interwar Europe: military-bureaucratic, corporate (guild) and

pre-totalitarian (fascist mobilization) ones. However, the main conclusion is: the complex economic, political and socio-cultural situation in the countries of Central and Eastern Europe, South-East Europe and the Baltic states aggravated by the consequences of globalization and world financial crisis is able to provoke recurrences of authoritarian transition.

1. Linz J. Totalitarian and authoritarian regimes. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2000.
2. Категории политической науки. М.: РОССПЭН, 2002. С. 178; Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация // Полис. 1997. № 5.
3. Мамвеев Г. Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 240–296; История Польши. Режим доступа: <http://www.polska.ru/polska/historia>; Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. М.–Л., 1926. Гл. 5.
4. Медушевский А. Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2004. № 3–4. Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/article/9>.
5. Мамвеев Г. Ф. Указ. соч. С. 305–306.
6. Wariński R. Z dziejów tendencji nacjonalistycznych // Kwartalnik historyczny. 1973. № 4. S. 840.
7. Stachura P. The Second Polish Republic, 1918–1939. L., 1996. P. 156–159; Dziewanowski M. K. Poland in the Twentieth Century. N.Y., 1977. P. 200–203.
8. Вандич П. Двадцатый век. Политические системы // История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. С. 554.
9. Широкопад А. Б. Польша. Непримириемое соседство. М.: Вече, 2008. С. 351; Жуков Д. Польша – «цепной пес» Запада. М.: Яуза-пресс. С. 279.
10. Осятыньский В. Краткая история конституции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 3–4. С. 52–61.
11. Вандич П. Указ. соч. С. 555.
12. Janos A. The Politics Backwardness in Hungary. Princeton, 1962. P. 288–289.
13. Вандич П. Указ. соч. С. 558.
14. Molnar M. From Bela Kun to Janos Kadar. N.Y., 1990. P. 130–137.
15. Romsics I. Hungary in the Twentieth Century. Budapest, 1999.
16. Вандич П. Указ. соч. С. 559–560.
17. Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, 1990. P. 280–289.
18. Вандич П. Указ. соч. С. 556.
19. Bardach J. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. P. 190–193.
20. История Латвии. Рига: J.L.V., 2005. С. 147.
21. Айзсанги (защитники, охранники) – военизированная парамилитарная организация, ополчение в Латвии (1919–1940). Создана 20 марта 1919 г. по указу руководителя Временного правительства Латвии Улманиса. Как ополчение выполняло функции вспомогательных сил полиции (выражалась в содействии полиции при проведении обысков и арестов, патрулировании, борьбе с бандитизмом, мародерами после гражданской войны) и армии (в военное время) – то есть выполняла роль Национальной гвардии. В организацию могли вступить граждане мужского пола от 20 (после службы в армии) до 60 лет любой национальности. Организация айзсаргов была восстановлена (точнее – создана организация с таким же названием) в 1990 г. Организация не была признана властью, иметь оружие ее членам не позволили, и оно скоро раскололось на между собой воюющие малочисленные фракции и организации (новый основатель и лидер после раскола партии ее радикального крыла – Янис Рибас в ноябре 1997 был убит). Эта организация (под таким названием фигурирует 2 организации, из которых только одна официально зарегистрирована как общество) в современной Латвии почти не известна и объединяет малочисленную группу национал-экстремистов (Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>).
22. История Латвии... С. 161.
23. История Латвии... С. 169–170.
24. История Латвии... С. 167.
25. Вандич П. Указ. соч. С. 546.
26. Вандич П. Указ. соч. С. 551.
27. Czechoslovakia, 1918–1988. Seventy Years from Independence. Ed. G.H. Skilling. Oxford, 1991. P. 278–281.
28. Schopflin G. The Political Traditions of Eastern Europe // Daedalus. 1990. Vol. 119. P. 87–88.
29. Медушевский А. Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2004. № 3–4. Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/article/9>.
30. Вандич П. Между плюрализмом и тоталитаризмом. Вопрос о политических режимах // История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. С. 841.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПОТЕНЦИАЛ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

Лебедева М. М., Фор Ж.

Отталкиваясь от концепции «мягкой силы» Джозефа Ная, авторы изучают подготовку национальных кадров для других стран в качестве фактора «мягкой силы» для Советского Союза и России. Они отмечают, что до распада на долю СССР приходилось 10,8 % иностранных студентов, обучающихся за рубежом. Почти 80 % иностранных студентов в СССР были из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

После распада СССР доля России на международном рынке образовательных услуг значительно сократилась. Напротив, США обеспечили себе ведущую роль на этом рынке. Международный рынок образовательных услуг становится все более важной ареной конкуренции между странами.

После 2000 г. Россия снова уделяет внимание сфере высшего образования. Образование было провозглашено одним из национальных приоритетов. Россия присоединилась к Болонскому процессу, планируется, что на цели образования к 2020 г. будут выделяться 7 % ВВП. Россия стремится улучшить свой имидж за рубежом и активно развивает предложение образовательных услуг для иностранных студентов, продвигая себя в качестве главного образовательного центра в СНГ.

Однако на практике сфера международных образовательных услуг остается лишь потенциальной возможностью для России, поскольку не существует четкой программы или структуры обеспечения выхода на рынок международных образовательных услуг.

Ключевые слова: высшее образование, «мягкая сила», мировая политика

Keywords: higher education, soft power, world politics

Проблема оказания влияния – центральная во внешней политике любого государства. Дж. Най, выдвинув концепцию «мягкой силы» или «гибкой силы» (soft power), показал, что воздействие того или иного государства на внешний мир этим инструментарием может быть ничуть не меньшим, если не большим, чем военными или экономическими средствами. Под «мягкой силой» Дж. Най понимает «способность убедить других желать того же, чего хотите вы»¹. Чтобы осуществить это, надо, согласно Дж. Наю, сделать предложение привлекательным для партнера, вовлечь его в совместную деятельность.

Очевидно, что Дж. Най не был первым, кто заговорил о том огромном потенциале, который скрывается за средствами убеждения в мировой политике. Например, целое направление, связанное с публичной дипломатией, давно

разрабатывается в американской науке и практике. Публичная дипломатия также предполагает оказание воздействия на народы других государств посредством убеждения.

Можно привести немало других примеров конкретных практик и теоретических подходов к изучению подобного воздействия. Так, в рамках исследований процесса ведения международных переговоров была показана важность совместного с партнером анализа переговоров для убеждения во взаимной выгодности переговорного решения. Однако заслуга Дж. Наю заключается в том, что он разработал достаточно целостную концепцию воздействия на другие страны при помощи системы предпочтений, которая формируется через культуру, идеологию и различные институты. Кроме того, понятия, введенные Дж. Наем, а именно: «жесткая сила» (экономическая и военная

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, профессор, заведующий Кафедрой мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России; Фор Жюли (Julie Fort) – магистрант российско-французской магистратуры МГИМО (У) МИД России – Sciences – Po (Париж); e-mail: world_politics@mgimo.ru.

мощь), выступающая как средство принуждения, и «мягкая сила», являющаяся средством убеждения, прочно вошли в современный научный оборот.

Предоставление образовательных услуг иностранным студентам – один из важнейших инструментов «мягкой силы» государства. Причем, это особого рода «мягкая сила». Образование наряду с наукой и культурой, пожалуй, в наибольшей степени предполагает не только воздействие, но и взаимодействие, диалог.

Достижения государства в науке, в культуре и других областях сразу же привлекают студентов в эту страну именно по данным направлениям, которые сразу же становятся наиболее престижными и востребованными. Следует иметь в виду, что при обучении в юношеские годы в значительной степени формируется система ценностей, которые потом сопровождают человека всю жизнь. В этом смысле показателен пример, приводимый венгерским исследователем Я. М. Ковачем. Он приводит воспоминания известного венгерского философа, который пишет: «Несколько лет тому назад я встретил в Бостоне астронома и математика моих лет, который эмигрировал из Китайской Народной Республики. На скучном университетском вечере мы поняли, как похожи наши детские годы. Мы читали одни и те же детские книги, написанные Катаевым, Кавериным, Маршаком и Чарушиным. Мы пели одни и те же песни... Наши первые сомнения возникали у нас при чтении Мильтона, Спинозы и Гегеля...»².

В какой степени сегодня российское высшее образование может быть инструментом «мягкой силы», если использовать терминологию Дж. Ная? Ставится ли в настоящее время в России задача использования высшего образования для оказания политического влияния на мир?

Если еще раз обратиться к опыту советского высшего образования, то с очевидностью можно обнаружить, что оно использовалось в качестве инструмента внешней политики, хотя тогда и не было понятия «мягкая сила». Традиционно высшее образование было одним из важных приоритетов деятельности государства и содействовало престижу Советского Союза за границей.

Одним из показателей привлекательности образования является численность иностранных студентов, обучающихся в стране. СССР принимал на учебу в свои вузы большое число представителей социалистических и развивающихся стран. Почти 80 % иностранных студентов были выходцами из Азии, Африки и Латинской Америки, а также стран Восточной Европы. Накануне распада СССР, в стране насчитывалось

126,5 тысячи иностранных студентов, что составило 10,8 % от общемировой численности иностранных студентов³.

Ситуация резко изменилась после распада Советского Союза. По данным на 2005 г. в России было почти 100 тыс. студентов из 168 стран, что составляло лишь 3,8 % общей численности студентов, обучающихся в это время за рубежом. При этом среди иностранных студентов в России доля европейцев составляет всего 8,1 %. Для сравнения: США, которые являются мировым лидером по предоставлению образовательных услуг иностранным гражданам, принимают к себе на учебу 28 % всех иностранных студентов, далее с большим отрывом следует Великобритания, где учится 14 % всех иностранных студентов⁴. К сожалению, Россия уступает не только лидерам рынка образовательных услуг по данному показателю. В 2008 г. доля иностранных студентов в Китае была 5 %, а в Японии – 4,2 %⁵. Данные цифры свидетельствуют о том, что проблема, по крайней мере, не только в сложности русского языка и его распространении в мире.

Финансовые показатели по предоставлению образовательных услуг России оказываются еще хуже. В первой половине 2000-х гг. доля России на мировом рынке образовательных услуг была минимальной и составляла всего лишь порядка 0,5 %⁶. В то же время в таких странах, как, например, в Австралии, которая выходит на первые позиции в мире по предоставлению образовательных услуг иностранным гражданам, получаемые в этой области доходы становятся значимой статьей государственного бюджета.

Одним из факторов снижения доли иностранных студентов в России после распада СССР было, конечно, уменьшение территории государства, а вместе с этим и уменьшение количества вузов, поскольку ряд университетов, в которых обучались иностранные студенты, оказались за пределами России, прежде всего на территории Украины. Другим фактором снижения численности иностранных учащихся было снижение внимания к высшему образованию со стороны государственных структур. Недостаточное финансирование повлекло за собой отставание в оснащении учебно-научного фонда и библиотек, а также отток кадров из вузов.

В 2000-е гг. проблемы образования, в том числе и высшего, вновь оказываются в центре внимания российского государства. Значительно возрастает количество вузов и студентов в стране. По массовости высшее образование выходит на первое место в мире: в 2005 г. на каждые 10 тыс. жителей в РФ приходилось 495 студентов, в США – 445, в Германии – 240, в Японии – 233⁷.

Научные доклады

В этот период важными этапами для российского высшего образования стало вступление России в 2003 г. в Болонский процесс, а также включение образования в число приоритетных национальных проектов (наряду с сельским хозяйством, доступным жильем и здравоохранением). Национальный проект в области образования предусматривает ряд мероприятий, стимулирующих модернизацию высшего образования как основы научно-технического развития.

Концепция экономического развития России до 2020 г., согласно Министерству экономического развития Российской Федерации, предусматривает повышение объема финансирования сферы образования до 7 % от ВВП в 2020 г.

Начиная с 2000-х гг. Россия ставит перед собой также задачу укрепления своего имиджа за рубежом. С этой целью развиваются культурные центры за рубежом, создается первый российский англоязычный канал «Russia Today», появляется проект «Trendline's Russia» как приложение к ряду ведущих газет мира и т.п. По оценкам газеты «The Washington Post», Россия вложила в укрепление своего имиджа за рубежом 10 млн долл. США⁸. Эти усилия России по использованию средств «мягкой силы» интенсивно обсуждаются в научной и публицистической литературе. Российские товары, относительно хорошие возможности трудоустройства в России и т.п. часто называются в качестве основных составляющих российской «мягкой силы».

На политическом уровне возможности образования в качестве инструмента воздействия на внешний мир также оцениваются высоко. Не случайно, проблемы образования были включены в повестку дня саммита Группы восьми, прошедшего в 2006 г. в Петербурге, а в 2003 г. в Москве было проведено всероссийское совещание руководителей вузов России по вопросам реализации государственной политики в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран и поддержки экспорта образовательных услуг.

Выступая на этом совещании, в то время первый заместитель министра иностранных дел Э. В. Митрофанова отметила, что «подготовка иностранных специалистов и поддержание с ними всяческих связей – мощный канал укрепления двусторонних отношений, создания благоприятного общественного мнения о нашей стране, то есть улучшения имиджа России, выгодного нам политического климата»⁹. В 2004 г. в выступлении на совещании послов и постоянных представителей России В. В. Путин отметил: «Продвигая свои образовательные услуги, Россия может закрепить свои позиции на пространстве бывшего СССР, не прибегая к жестким методам»¹⁰.

Говоря о высшем образовании как средстве политического воздействия, необходимо иметь в виду, что современный мир, ориентированный на «новую экономику», основанную на современных научно-технических достижениях, резко повышает значимость образования. Лидирующие позиции на международной сцене в будущем займут те государства, которые сегодня обладают самыми эффективными и конкурентоспособными образовательными системами. Образование, являясь необходимым условием развития, начинает играть все большую роль в современном мире. Одновременно оно становится и фактором политического развития¹¹.

В этом смысле роль самого образования и предоставление образовательных услуг иностранным учащимся резко возрастает, становясь не только статьей доходов, средством поддержания имиджа страны за рубежом, но и фактором, определяющим тенденции развития мира и мировой политики. Подготовка студентов по тем направлениям, которые в будущем станут ведущими, означает во многом определение и лидирующих позиций этого государства в мире.

В каких областях и для каких стран особо привлекательным может быть сегодня российское высшее образование? В географическом плане прежде всего речь идет о странах постсоветского пространства, где русский язык, русская культура в целом продолжает сохранять свои позиции. В Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки кадров для зарубежных стран, принятой в 2002 г., говорится, что задачей подготовки кадров для зарубежных стран в российских вузах является «усиление роли России как главного образовательного центра в СНГ». Это подразумевает поддержание долгосрочной близости России с новыми суверенными государствами, недопущение дальнейшего расхождения политических траекторий развития. Иными словами, речь идет об оказании воздействия на формирование политики и экономики этих стран, не прибегая к принуждению. При этом следует иметь в виду, что Россия на постсоветском пространстве в области образования обладает тем конкурентным преимуществом, что каждый второй гражданин вновь образованных стран знает русский язык¹².

Высшее образование может быть инструментом «мягкой силы» в том случае, если оно отвечает критериям качества. Как отмечает Б. Салтыков, «из примерно пятисот вузов, работавших в СССР к концу 1980-х, лишь 60–70 давали качественное ВПО (высшее профессиональное образование – М.Л., Ж.Ф.) действительно мирового уровня».

Однако именно в этих вузах и учились в основном иностранные студенты. О качестве российского образования свидетельствует и приводимый Б. Салтыковым факт, что сегодня примерно 23—30 тыс. российских ученых работают за рубежом на постоянной основе. Еще примерно столько же — по временным контрактам¹³.

Российское высшее образование вполне конкурентоспособно в фундаментальных областях знания, хотя здесь следует иметь в виду страну происхождения потенциального студента и возможности для его обучения в других государствах и университетах. В России соотношение цена/качество (включая стоимость проживания) представляется достаточно привлекательным. В некоторых областях образовательный потенциал России не подвергается сомнениям, в частности в области прикладной математики, что убедительно подтверждается международными оценками и статистическими данными о студентах и их успехах в дальнейшем, в том числе патентах на изобретения и результаты научно-исследовательской деятельности различных институтов.

В то же время у России есть достаточно серьезные конкуренты в сфере предоставления образовательных услуг на постсоветском пространстве. К их числу следует отнести США, страны ЕС, а также такие государства, как, например, Турция, которая активно соперничает с Россией за студентов из Азербайджана.

В целом, наиболее востребованными направлениями, выбираемыми иностранными абитуриентами в России, являются специализации, получившие развитие еще в советский период. Это прикладная математика, физика, биология. Примерно 20 % иностранных студентов, по данным Министерства образования и науки, получают медицинское образование в России¹⁴, в то время как в целом в мире на медицинских факультетах обучается примерно 4—5 % иностранцев¹⁵. Такое соотношение объясняется как раз привлекательностью соотношения цена-качество российского высшего образования, в частности, в области медицины.

Доступность в финансовом отношении российского высшего образования при хорошей фундаментальной подготовке в значительной степени интересует студентов из развивающихся стран. Кроме того, важными здесь оказываются традиции, сложившиеся еще в советское время. В результате 52 % всех иностранных студентов в 2004—2005 учебном году были из стран Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки¹⁶.

Таким образом, Россия продолжает специализироваться в подготовке кадров для развивающихся стран. На втором месте по количеству

иностранцев студентов — страны СНГ. Они составляют 36,6 % иностранных студентов в России. Именно на эти страны прежде всего должна быть ориентирована российская «мягкая сила» образовательной сферы.

В то же время обращает на себя внимание, что речь идет скорее лишь о потенциале российского высшего образования как инструмента «мягкой силы». На сегодняшний день еще нет четкой программы и комплекса мер, предусматривающих использование высшего образования в этих целях. Можно выделить пока лишь отдельные направления работы. Прежде всего, это меры по расширению возможностей получения высшего образования в России или по российским программам в других странах. Один из вариантов — открытие филиалов российских вузов за рубежом. На это направление обращал внимание В. В. Путин, выступая на VIII съезде Российского союза ректоров 8 июня 2006 г. Он отметил, что «научные и образовательные кадры — это важнейший фактор нашей успешной интеграции в мир. Наиболее оптимальным путем здесь является развитие филиальной сети отечественных вузов и расширение доступа в наши университеты для иностранных студентов и, прежде всего, из стран СНГ». Правда, одновременно была подчеркнута важность качественной работы филиалов российских вузов.

Славянские университеты или совместные образовательные проекты России с государствами участниками СНГ — еще один компонент стратегии по продвижению российского образования за границей¹⁷. На пространстве СНГ такие университеты открыты, в частности, в Киргизии, Таджикистане, Армении и Белоруссии. Обучение в них ведется по российским программам и на русском языке. А образовательный капитал России рассматривается как фактор, который может «оказать решающее влияние на перспективы социально-экономического развития СНГ»¹⁸.

Рост значимости «мягкой силы» в современных международных отношениях следует рассматривать в свете происходящей технико-информационной революции. Образование как один из факторов «мягкой силы» государства, продвигается именно через современные каналы связи. В этом отношении особенно перспективным представляется проект создания передовой системы дистанционного обучения, предназначенный для соотечественников, проживающих за рубежом и для русскоязычных граждан других стран. Такая работа, например, ведется в РУДН.

Следующее направление связано с созданием бюджетных мест, а также возможности получения стипендий для иностранных студентов. Здесь

Научные доклады

существуют различные системы. Несмотря на то, что в России имеются возможности обучения иностранных студентов за счет российского бюджета, все-таки нет специализированной службы содействия экспорту образовательных услуг и академическому обмену преподавателей и студентов подобной французским агентствам «EduFrance» и «Egide» или немецкой службе академических обменов «DAAD».

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что российская высшая школа привлекает определенные группы студентов, прежде всего из развивающихся стран и стран СНГ. На политическом уровне в России выдвинут ряд инициатив, предусматривающих использования высшего образования в качестве «мягкой силы». Однако еще предстоит отдельная работа по разработке комплексной программы по претворению имеющихся инициатив в жизнь. В противном случае эти инициативы в области продвижения российского высшего образования за рубежом станут лишь декларацией, а практика подготовки иностранных специалистов будет носить спонтанный и sporadический характер.

Особо следует отметить тот факт, что потенциал российского высшего образования в качестве «мягкой силы» государства гораздо шире тех задач, которые обычно ставятся в этой области и которые до сих пор обсуждались в данной статье. Следует учитывать тот потенциал сотрудничества, которое имеется в области высшего образования на постсоветском пространстве. Приведем два примера. Первый – отношения России и Латвии в связи с русским языком. Этот вопрос – один из тех, что создает серьезную напряженность в отношениях двух стран. Вместе с тем, Россия и Латвия присоединились к Болонскому процессу: Латвия – с его начала, Россия – с 2003 г. Латвия является членом Евросоюза. Болонский процесс, ко всему прочему, предполагает овладение, кроме родного, другими европейскими языками. Большинство населения Латвии знает русский язык. Это, во-первых, отвечает нормам Болонского процесса, а во-вторых, дает Латвии по сравнению с большинством стран ЕС конкурентное преимущество при развитии сотрудничества с Россией. В-третьих, и Латвия, и Россия во многом заново выстраивали социально-экономическое образование. Это касалось различных аспектов, в том числе, создания новых учебных дисциплин, перестройки методологической базы исследований, изменения финансирования и управления университетами. Так, в советский период вообще отсутствовала такая учебная дисциплина, как политология, практически не готовили специалистов

по международным отношениям и т.п. Произошли изменения и в области управления и финансирования университетов: появились частные университеты, стала возможной работа по проектам на основе грантов. Обмен опытом в создании и развитии новых учебных дисциплин, форм образования (государственное, частное) и т.п. может быть весьма полезен.

Другой пример потенциала российского высшего образования в качестве «мягкой силы» связан с тем, что Болонский процесс может превратить географию страны в конкурентное преимущество для России. Вузы Сибири и Дальнего Востока, географически близкие к американским университетам Западного побережья, могут сформировать смешанную модель образования, которая будет выполнять своеобразные «посреднические функции» между европейскими и североамериканскими университетами.

Можно привести и другие варианты возможной реализации потенциала «мягкой силы» российского высшего образования. Вопрос заключается в необходимости целенаправленной работы по их выявлению и реализации.

Marina M. Lebedeva. and Juliet Fort. Higher Education as Soft Power Potential of Russia.

Referring to Joseph Nye's concept of «soft power» the authors examine training of national cadres for other countries as a factor of «soft power» of the Soviet Union and Russia. They note that before the collapse of the USSR 10.8 % of all international students studying abroad did it in the USSR. Almost 80 % of them were from Asia, Africa and Latin America.

There was a significant fall in international education in Russia after the collapse of the USSR. At the same time the USA has secured the leading role in international education. International education is becoming a visible area for competition between states.

In the 2000s Russia focuses on higher education again. Education has been declared a «national priority». Russia joined the Bologna process and by the year 2020 the financing of education is to reach the level of 7 % of GDP. Russia is battling to improve its image abroad and actively develops its higher education supply for foreign students and is promoting its role as the main educational center for CIS countries.

In reality international education is mostly a potential for Russia as no clear program or structure to develop international education exists in the country.

1. Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N.Y., 2002. P. 8.
2. Ковач Я. М. Конкурирующие соблазны и пассивное сопротивление. Культурная глобализация в Венгрии // Многоликая глобализация М., 2004. С. 192.
3. Шереги Ф. Э., Дмитриев Н. М., Арефьев А. Л. Российские вузы и международный рынок образовательных услуг // Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). М., 2002. С. 9—28.
4. Всемирный доклад по образованию 2006 г. Сравнение мировой статистики в области образования. Монреаль: Институт статистики ЮНЕСКО. <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001457/145753r.pdf>.
5. Выступление Директора Департамента международного сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России В. В. Ничкова на заседании коллегии Министерства 12 ноября 2008 г. <http://www.mon.gov.ru/ruk/dir/nichkov/dok/5035>.
6. Зорников И. Н. Экспорт образовательных услуг: зарубежный опыт и российская практика // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Проблемы высшего образования. 2003. № 2. С. 59—65.
7. Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. Russie. Nei. Visions n 29. С. 18. http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf.
8. The Washington Post, 23.03.2008.
9. Выступление первого заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации Э. В. Митрофановой на Всероссийском совещании-семинаре по вопросам реализации государственной политики в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран и поддержки экспорта образовательных услуг, Москва, 12 ноября 2003 года. <http://www.ln.mid.ru/nsdksu.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea003b120e/432569f10031dce643256dde003ddac9?OpenDocument>.
10. Путин В. В. Выступление на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России. 12 июля 2004 г. <http://www.kremlin.ru/text/appears/2004/07/74399.shtml>.
11. Подробнее см.: Лебедева М. М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире // МЭ и МО. 2006. № 10. С. 69—75.
12. Веревкин Л. П., Карелов С. В. Иностранцы студенты в российских вузах: мотивы приезда и перспективы трудоустройства // Энергия: экономика, техника, экология. 2006. № 5. С. 68—73. <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/42919038.html>.
13. Салтыков Б. Указ. соч. С. 7.
14. Российское образование для иностранных граждан. <http://www.russia.edu.ru/information/analit/960>.
15. Всемирный доклад по образованию 2006 г. ... <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001457/145753r.pdf>.
16. Арефьев А. Сколько людей говорят и будут говорить по-русски // Демоскоп Weekly. 2006. № 251—252. 19 июля—20 августа. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema04.php>.
17. Tsygankov A. P. If not by Tanks, then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // Europe-Asia studies Vol. 58, № 7, November 2006. P. 1079—1099.
18. Культурная экспансия России // Российская газета. <http://www.rg.ru/prilog/es/062400/4.shtml>.

В МГИМО обсудили ежегодный доклад ЮНКТАД

24 ноября в МГИМО состоялась 2-я Ежегодная видеоконференция по проблемам развития мировых инвестиций, организаторами которой выступили Виртуальный институт ЮНКТАД, кафедра МЭО и ВЭС МГИМО-Университета и Экономический факультет Санкт-Петербургского Университета. Центральной темой конференции стало обсуждение ежегодного Доклада ЮНКТАД о мировых инвестициях за 2009 г.

Видеоконференцию с приветственным словом к участникам мероприятия открыла директор Виртуального института ЮНКТАД Власта Мацку. В видеоконференции приняли также участие Н. В. Платонов, советник Постоянного представительства России при международных организациях, и 2-ой секретарь Постпредства Е. М. Строев, которые особенно отметили значительный вклад ЮНКТАД в разрешении практических и научно-исследовательских проблем в области иностранных инвестиций. Со стороны МГИМО выступили заведующая кафедрой МЭО и ВЭС И. Н. Платонова,

профессор Н. Н. Ливенцев и ст. преподаватель А. В. Абрамова.

Основные направления развития и динамики изменения иностранных инвестиций, изложенные в Докладе, были представлены сотрудником Департамента инвестиционного анализа ЮНКТАД, г-ном Ральфом Крюгером. Особое внимание в этом году исследователи ООН уделили проблемам иностранного инвестирования и роли ТНК в развитии мирового сельского хозяйства.

После презентации доклада участники видеоконференции по традиции получили возможность обсудить актуальные проблемы иностранных инвестиций непосредственно с экспертом ЮНКТАД. Наибольший интерес в этом году вызвали вопросы специфики участия российских компаний в данной форме международных экономических отношений, а также роль ТНК в развитии сельского хозяйства развивающихся стран мира.

Кафедра МЭО и ВЭС

Конференция «Свобода ассоциаций и гражданское общество»

В ноябре МГИМО стал площадкой для проведения конференции «Свобода ассоциаций и гражданское общество». Мероприятие подвело итог деятельности проекта «Молодежная общественная дипломатия», в создании которого принимали участие Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ, Федеральное агентство по делам молодежи, Совет Европы, Российская Академия юридических наук, Фонд содействия развитию международного сотрудничества. Проект объединил талантливую молодежь из различных общественных организаций, и дал возможность тем, кому небезразлично будущее гражданского общества в России, пообщаться с ведущими специалистами в области прав человека.

Встречу в ректорском зале МГИМО открыл Алексей Дмитриевич Воскресенский, профессор кафедры востоковедения, доктор политических

наук, декан Факультета политологии МГИМО. Приветствуя собравшихся, он подчеркнул важность тематики, которой посвящена конференция. Еще более важно, по мнению Алексея Дмитриевича, то, что проект «Молодежная общественная дипломатия» сумел объединить молодую, активную часть нашего общества, которой вскоре предстоит в ближайшем будущем работать над построением в России зрелого гражданского общества, трудиться над развитием демократии. А. Д. Воскресенский также подчеркнул интересный и разнообразный формат конференции, которая включает в себя выступления экспертов, пленарные заседания и мастер-классы.

С приветствиями к участникам конференции также выступил Владислав Валерьевич Гриб, зав. кафедрой гражданского общества МГИМО, председатель неправительственной организации «Человек и закон». Он рассказал о том, что

в подготовке конференции приняли активное участие сотрудники возглавляемой им кафедры.

Александр Валентинович Соколов, председатель Национального совета молодежных и детских объединений России, член Общественной палаты РФ, Президент фонда содействия развитию международного сотрудничества, стоявший у истоков проекта «Молодежная общественная дипломатия», поздравил собравшихся с тем, что в рамках конференции они смогут применить ранее полученные теоретические знания на практике – на запланированных мастер-классах.

Молодых участников встречи также напутствовали Аннелизе Ошгер, почетный президент Конференции международных неправительственных организаций Совета Европы, Ютта Гуцков, глава отделения НПО и Гражданского общества, генеральный директорат по вопросам демократии и политическим делам, и доктор Ганс-Христиан Крюгер, бывший секретарь комиссии по правам

человека и бывший заместитель генерального секретаря Совета Европы.

Программа конференции очень разнообразна. В ходе мероприятия были затронуты все важнейшие темы, касающиеся деятельности неправительственных организаций. В первой части конференции участники обсудили стандарты по правам человека Совета Европы и их роль гражданского общества, особенности взаимодействия НПО и государства в процессе, усовершенствования законодательства, узнали о зарубежном опыте в этой области – о нем рассказали доктор Ганс-Христиан Крюгер и Марк Лейенбергер, представитель Конференции международных НПО, член Общественного совета по правам человека (Франция). Во второй половине дня прошли мастер-классы «Свобода ассоциаций и законодательство НПО» и «Гражданское общество и общественная дипломатия».

Управление интернет-политики

Россия, Корея и Китай обсудили перспективы сотрудничества

18 ноября в МГИМО состоялась трехсторонняя российско-корейско-китайская конференция «Ситуация в мире и перспективы трехстороннего сотрудничества России, Кореи и Китая в Восточной Азии».

Конференция проходила в зале № 2. Ректор МГИМО выступил со вступительным словом. «Сегодняшняя встреча – это событие историческое, поскольку мы впервые проводим такую конференцию в режиме трехстороннего обсуждения. – сказал он. – Во многом будущая конфигурация международных отношений в восточно-азиатском регионе, да и в мире в целом, зависит от того, смогут ли наши страны найти эффективные решения по выходу из кризиса, нащупать механизмы сотрудничества в политической и экономической сферах, добиться реализации намеченных планов по созданию интеграционных механизмов».

Президент Китайского института международных проблем Ма Чженган подчеркнул, что роль Азиатско-тихоокеанского региона в мировой политике и экономике неуклонно возрастает.

«Экономическая и военно-политическая стабильность в районе Восточной Азии имеет в этой связи большое значение», – сказал господин Ма Чженган. Он отметил важность нынешней конференции и сказал, что «хотя ее участники – это представители научно-исследовательских кругов, а не лица, принимающие решения, дискуссия

должна породить конкретные предложения, и эти предложения будут обязательно востребованы и важны». В свою очередь президент Института международных отношений и национальной безопасности Республики Корея Ли Сунн также выразил надежду, что конференция станет очередной ступенью в трехстороннем сотрудничестве.

В конференции приняли участие видные российские и зарубежные специалисты, в том числе востоковеды МГИМО, такие как Алексей Дмитриевич Воскресенский, декан Факультета политологии, профессор кафедры востоковедения, Сергей Иванович Лунев, профессор кафедры востоковедения, Дмитрий Викторович Стрельцов, заведующий кафедрой востоковедения, а также Валерий Иосифович Денисов, профессор кафедры востоковедения, главный научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС. Кроме того, в дискуссии принимали участие сотрудники Китайского института международных проблем (КИМП) и Института международных отношений и национальной безопасности Республики Корея (ИФАНС).

В рамках первой сессии конференции, которая продлилась с 11:30 до 12:00, собравшиеся заслушали доклады об отношениях между США и КНР в XXI веке, а также о том, как повлиял на жизнь в азиатском регионе глобальный финансовый кризис и каковы перспективы Китая и Кореи и эко-

Научная жизнь

номического сотрудничества этих стран с Россией. Вторая сессия конференции была полностью посвящена проблеме ядерной безопасности в регионе, перспективе шестисторонних переговоров

в этом направлении, а также роли России в стабилизации ситуации.

Управление интернет-политики

Новые вызовы для стратегического партнерства РФ и Китая

В МГИМО открылась российско-китайская конференция «Всестороннее укрепление стратегического партнерства на фоне 60-ой годовщины со дня установления дипломатических отношений между КНР и Россией». Наш университет проводит ее совместно с Китайским институтом международных проблем.

Открывая заседание, ректор А. В. Торкунов отметил, что сегодняшнее мероприятие – продолжение большой работы, длящейся уже не первый год. В российско-китайских отношениях времен 1990-х годов было несколько тем, считавшихся неудобными для обсуждения (включая, например, корейский вопрос), но сейчас по ним ведутся открытые и откровенные дискуссии. И заслуга в становлении этой позитивной динамики принадлежит не только политикам: огромную роль сыграло и экспертное сообщество специалистов-международников из России и Китая. Отношения двух наших стран крепнут в ключе формирования многополярной архитектуры мировой политики и безопасности, интенсифицируя, в частности, процессы интеграции в северо-восточной Азии.

Однако, продолжил ректор, в мире по-прежнему наблюдается дефицит развитых механизмов международной безопасности, что зачастую приводит к дестабилизации обстановки и повышению напряженности. Требуется, с одной стороны, институционализировать новые процедуры и механизмы международной безопасности, а с другой – тщательно и открыто анализировать новые вызовы: экологические, продовольственные и демографические проблемы, наркоторговлю, религиозный экстремизм и международный терроризм. КНР и РФ, во многом, находятся в едином

поле угроз, интересы обеих стран затрагиваются в корейском и афганском вопросах, и решать эти проблемы нужно совместно.

В ответном слове президент Китайского института международных проблем Ма Чжэньган отметил, что отношения, складывающиеся между Россией и Китаем, все больше похожи на братские. За шестидесятилетний период истории, отношение Китая к России претерпело ряд кардинальных изменений – от восприятия Советского Союза как образца модернизации до вооруженных конфликтов – и назад, к крепкому и динамично развивающемуся стратегическому партнерству. Проблемные вопросы постепенно снимаются – так, в прошлом году были решены пограничные споры. Россия всегда оказывала Китаю поддержку на международной арене, заметил Ма Чжэньган. Это сказывалось и в прошлом году, в ситуации вокруг Олимпиады в Пекине, и при рассмотрении проблем Тайваня, Синьцзяня и Тибета.

Китайский гость поддержал Анатолия Васильевича Торкунова в его тезисе о формировании многополярной архитектуры международных отношений. «Это прекрасная идеологическая база для сотрудничества России и Китая на международной арене» – сказал Ма Чжэньган, подчеркнув, что КНР выступает против монополярных и биполярных систем международной безопасности, вне зависимости от того, кто в них входит. Западные державы пошли на существенное признание интересов развивающихся стран, сформировав группу G-20. Это открывает пространство для развития и ставит перед РФ и КНР новые задачи по дальнейшему укреплению стратегического партнерства.

Круглый стол по вопросам БРИК

12 ноября 2009 года в МГИМО открылся круглый стол по вопросам БРИК, объединивший видных экспертов по международным отношениям и всех, кому интересна тема формирования

нового блока в составе Бразилии, России, Индии и Китая. На встрече собрались преподаватели МГИМО, представители различных институтов Академии наук, сотрудники Министерства иностранных дел,

Дипломатической академии МИД РФ, обозреватели крупнейших российских СМИ.

Круглый стол открыл Александр Арсеньевич Орлов, директор Института международных исследований МГИМО. Он отметил, что встреча подразумевает неформальный характер общения и максимально свободную дискуссию, и призвал собравшихся высказываться по каждому из выступлений, чтобы совместно выработать отношение к феномену БРИК и учесть все возможные точки зрения на это явление.

Затем Александр Арсеньевич ввел участников круглого стола в курс дела, кратко изложив историю БРИК и указав, что в текущих обстоятельствах у этого объединения есть все шансы занять одно из лидирующих мест в современном многополярном мире. Однако даже при таких больших надеждах, которые возлагают на БРИК политики, дипломаты и финансовые аналитики, его текущий статус остается не достаточно четко очерченным.

О том, что же такое БРИК сегодня, рассказал Алексей Григорьевич Макушкин, руководитель «Аналитического центра» при правительстве России. Он выразил осторожное отношение к феномену БРИК, уточнив, что, по его мнению, в этом явлении заложен большой потенциал, однако пока он слабо реализуется на практике. Впрочем, работа идет, и дело понемногу сдвигается с мертвой точки. Четыре страны постепенно преодолевают недоверие и развивают сотрудничество в разных областях. По мнению Макушкина, сейчас уже можно констатировать, что 2009 году идея приобрела статус концепта, и в посткризисном пространстве это событие имеет решающее для БРИК значение.

С оптимизмом в отношении будущего БРИК высказался Леонид Юрьевич Кадышев, заместитель

директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России. Подводя итоги летнего саммита БРИК в Екатеринбурге, он отметил, что достигнут ряд принципиальных договоренностей по взаимодействию не только на уровне глав государств, но и на уровне министров и глав различных ведомств, представителей финансового сектора и бизнеса. Страны БРИК планируют развивать сотрудничество по вопросам безопасности и сельского хозяйства, проводить регулярные конференции специалистов для обмена опытом.

По мнению Кадышева, сотрудничество в формате БРИК уже приносит реальные плоды в качестве взаимной поддержки по резолюциям ООН, на саммитах двадцатки и так далее. Официальный подход МИД к формату БРИК заключается в восприятии этого объединения как инструмента нашей многополярной дипломатии. «Это диалоговый форум, который помогает координировать наши подходы к международным отношениям, плюс сотрудничество бизнеса, разных структур власти. БРИК – неплохое отражение новых методов многосторонней сетевой дипломатии, когда группа стран взаимодействует в гибких форматах, когда они дружат не против кого-то, а во имя чего-то», – подчеркнул Кадышев.

Среди тем, предложенных к обсуждению на круглом столе – взаимодействие стран БРИК с ЕС, потенциальная возможность стран «четверки» противостоять главным вызовам современности, роль Бразилии в объединении, место БРИК в экономической и политической структуре мира, важность участия в БРИК для России, потенциальные линии раскола БРИК, и другие немаловажные аспекты этого явления.

Елена Котикова

«Иностранные языки: от профессионализации к профессионализму»

11 ноября в МГИМО прошел Межвузовский научно-практический семинар «Иностранные языки: от профессионализации к профессионализму», организованный Кафедрой английского языка № 2.

С приветствием к участникам семинара обратился Начальник Управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО Г. И. Гладков.

В работе семинара участвовали преподаватели различных иностранных языков (английского, французского, немецкого и др.), представляющие учебные заведения высшего и постдипломного

образования, научно-методические центры Москвы и Рязани.

Участники семинара обсудили инновационные подходы к развитию профессионально значимых компетенций, проблемы организационного и учебного языкового дискурса, вопросы межкультурной коммуникации и использования информационных технологий в профессиональной языковой подготовке специалистов-международников.

По результатам работы семинара планируется издание сборника статей участников.

Кафедра английского языка № 2

Заседание рабочей группы «Политика» Форума «Петербургский диалог»

10 ноября 2009 года в МГИМО состоялось очередное заседание рабочей группы «Политика» российско-германского Форума «Петербургский диалог». На этот раз оно было проведено в сотрудничестве с Европейским учебным институтом при МГИМО. Сопредседателями встречи выступили координаторы группы от обеих сторон – Чрезвычайный и Полномочный Посол, профессор кафедры дипломатии МГИМО В. П. Терехов и руководитель отдела Европы и Северной Америки Фонда им. Конрада Аденауэра Томас Кунце. С приветствием к участникам заседания обратился директор ЕУИ, профессор М. Л. Энтин.

В рамках центральной темы встречи «Европа после кризиса – какой ей быть?» были рассмотрены три группы вопросов. По проблемам модернизации мировой финансово-экономической системы в качестве основных докладчиков выступили директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг и референт МИД ФРГ по вопросам российской внутренней политики Вольфганг Биндзайль. От лица экономической школы МГИМО своим видением поделился к.э.н. М. И. Столбов. По второму вопросу – «Российско-германские отношения на новом этапе» – доклады представили: руководитель Центра исследований вопросов войны и мира

МГИМО профессор А. В. Загорский и руководитель московского представительства Фонда им. Фридриха Эберта Райнхард Крумм. Наконец, по третьей теме – «Роль Европы, США и России в глобальном мире. Изменит ли кризис доминанты прежних представлений» – основой для последующей дискуссии послужили выступления заместителя директора Института Европы А. А. Громыко и руководителя московского представительства Фонда им. Розы Люксембург Петера Линке. Все три сессии заседания прошли в режиме оживленного, открытого и конструктивного обсуждения.

Форум «Петербургский диалог» был организован в 2001 году по инициативе лидеров России и Германии для активизации сотрудничества двух стран на уровне гражданских обществ. За прошедшие годы он стал широкой и представительной площадкой для обсуждения актуальных вопросов, представляющих всеобщий интерес, а также специальных вопросов германо-российских отношений. Встречи проводятся по очереди в России и в Германии, как в пленарном формате, так и в формате рабочих групп по отдельным направлениям. Нынешнее заседание рабочей группы «Политика» стало первым мероприятием Форума, проведенным на площадке МГИМО.

Европейский учебный институт

Состоялось очередное заседание российско-польской Группы по сложным вопросам

9 ноября 2009 г. в Москве состоялось очередное заседание российско-польской Группы по сложным вопросам. По традиции, заседание проходило в Доме приемов МИД России.

Открывал заседание заместитель министра иностранных дел России А. В. Грушко, который отметил значимость деятельности Группы для российско-польских отношений и подчеркнул, что Группа собирается даже в условиях сложного информационного фона российско-польских отношений. Во вступительном слове председателя выразили свое удовлетворение деятельностью Группы и заметили, что Группа достигла гораздо больших успехов, чем они могли предположить в начале своей работы. В частности, речь шла о совместной публикации – двух томах на русском и польском языках, – работа над которым подходит к концу.

Взаимодействие между российскими и польскими авторами показало, что по многим сложным вопросам в истории российско-польских отношений разногласий меньше, чем считалось.

В заключении заседания участники составили итоговое коммюнике.

Участники Группы и МГИМО (У) МИД России благодарят МИД России, в частности, Третий европейский департамент и Департамент информации и печати, а также Посольство Польши и сотрудников Дома приемов МИД за поддержку и помощь в проведении заседания Группы

Информация предоставлена Ответственным секретарем Группы, Советником-начальником секретариата ректора МГИМО

А. В. Мальгиным

Международный круглый стол «ЭнергодIALOG на пространстве ШОС: проблемы и перспективы»

26 октября 2009 г. в рамках 4-й Московской энергетической недели при поддержке Делового совета ШОС и Министерства энергетики России состоялось первое экспертное заседание круглого стола «ЭнергодIALOG на пространстве ШОС: проблемы и перспективы».

В рамках мероприятия обсуждались вопросы формирования постоянной площадки для диалога по энергетической проблематике между странами ШОС – энергетического клуба или энергетического форума ШОС, актуальность создания которого на саммите глав правительств стран-участниц ШОС 13–14 октября в Пекине подтвердил Председатель правительства России В. В. Путин.

Участники круглого стола рассмотрели принципы организации, механизмы работы и значение Энергоклуба ШОС для формирования общего энергетического рынка на пространстве Организации, а также вопросы разработки мер по сближению законодательства стран ШОС, содействие

развитию международного энергетического сотрудничества, перспективы частно-государственного партнерства в реализации международных проектов в энергетической сфере.

В работе круглого стола приняли участие Представитель Президента России в ШОС Л. Моисеев, Исполнительный секретарь Делового совета ШОС С. Канавский, Советник Председателя правления ОАО «Газпром» А. Мастепанов, Директор департамента строительства и инвестиционных проектов ОАО «АК Транснефть» И. Суровец. Также в форуме приняли участие представители научного сообщества, эксперты в области энергетического сотрудничества и представители бизнеса.

Среди экспертов в заседании участвовали старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО А. Мочульский и старший научный сотрудник Центра аналитического мониторинга ИМИ МГИМО Л. Гусев.

Эксперты обсудили афганскую проблематику

Первое заседание Научно-практического модуля «Проблемы исламского мира» на тему «Афганистан – современные проблемы и перспективы развития» состоялось в МГИМО 21 октября. Организатором выступил Центр партнерства цивилизаций Института международных исследований (ИМИ).

Открывая заседание, директор Центра партнерства цивилизаций Вениамин Попов обозначил исключительную важность Афганистана для обеспечения региональной и международной безопасности. По его мнению, те вызовы и угрозы, которые исходят от этой страны сейчас – терроризм, религиозный экстремизм, а также экспорт наркотиков, – в обозримом будущем будут только усиливаться. Кроме того, он отметил особую роль и место Пакистана в регионе, поскольку обе страны традиционно тесно связаны друг с другом. По его мнению, наличие в Пакистане ядерного оружия делает пакистанскую проблему не менее, а, возможно, и более важной, чем афганская проблема.

Со своей стороны директор Института афганских исследований ФРГ Азиз Арианфар особо подчеркнул, что для мирного урегулирования в Афганистане и, соответственно, устранения

исходящих из этой страны вызовов и угроз, необходимо достижение согласия по ряду ключевых вопросов как внутри международного сообщества в целом и между региональными державами в частности, так и в самом Афганистане между различными политическими силами и военными группировками. Однако, по его мнению, ситуация в настоящее время очень далека от такого тройственного консенсуса. Более того, Афганистан в последние годы превратился в своего рода «поле боя» между спецслужбами разных стран. Кроме того, истинные, стратегические цели стран Запада, в первую очередь США, выходят за официально объявленные рамки борьбы с терроризмом и экспансией религиозного экстремизма. Он высказал убежденность в том, что истинные задачи США – сохранение контроля за стратегически важным регионом, который позволяет держать под контролем нефтедобывающие страны Персидского залива с учетом важности энергетических ресурсов, создавать угрозу блокады Ирана, обеспечивать перспективный доступ к природным ресурсам Центральной Азии, не допускать проникновения в регион Китая, а также держать под контролем Пакистан, который из традиционного и надежного союзника США давно превратился в головную боль для Вашингтона.

Научная жизнь

По мнению Арианфара, неудачи США и стран НАТО в Афганистане объективно поворачивают ситуацию в этой стране в пользу России. Он высказал предположение, что для того, чтобы активизировать поиски механизмов афганского урегулирования необходимо более интенсивное подключение ОДКБ и ШОС. Афганский эксперт Азиз Арианфар, в прошлом посол Афганистана в Казахстане, особо подчеркнул, что, несмотря на очевидную необходимость широкого международного участия в урегулировании ситуации в стране, для ее окончательной стабилизации жизненно необходимо добиться официального объявления и признания де-факто статуса этой страны в качестве нейтрального государства.

Директор Центра евро-атлантической безопасности ИМИ Александр Никитин подробно остановился на деятельности частных военных компаний в Афганистане. Материал для исследования собирался в полевых условиях в ходе его недавней командировки в Афганистан. По его словам, в настоящее время в Афганистане действует целый ряд программ, позволяющих ускорить процесс роспуска действующих в стране незаконных вооруженных формирований. На практике это приводит к тому, что многие боевики танзимов или отрядов талибов перетекают в легальные силовые структуры – МВД и МО, силы местной самообороны, в частные военные компании, а также в создаваемый в афгано-пакистанском приграничье Пуштунский пограничный корпус. Затронув вопрос о путях урегулирования афганского конфликта, Александр Никитин отметил необходимость координации действий НАТО, ОДКБ, а также Ирана – ближайшего соседа Афганистана и крупного регионального игрока.

В свою очередь, выступая на заседании, профессор ИСАА при МГУ Георгий Ежов подробно остановился на военно-политической ситуации внутри страны, отметив распространение конфликта на считавшийся сравнительно недавно относительно мирным север страны. Он подчеркнул, что действия военных западной коалиции, в частности, неизбирательные удары по гражданским объектам, которые влекут за собой жертвы среди мирного населения, объективно играют на руку талибам,

поскольку увеличивают симпатии к ним со стороны местного населения. В этой связи он высказал предположение о возможности начала вовлечения талибов в переговорный процесс по внутриафганскому урегулированию.

Заведующий сектором Афганистана Института востоковедения РАН Виктор Коргун подробно остановился на ситуации, сложившейся в стране в связи с недавними президентскими выборами, когда в итоге ни один из кандидатов не смог набрать необходимого числа голосов. По его мнению, в случае, если выборы зайдут в тупик, а другие конституционные методы, в частности, созыв Лойи Джирги, использовать будет невозможно, вопрос о центральной власти может быть решен по образцу Боннской конференции 2001 года, на которой может быть избрано временное правительство с участием всех заинтересованных сторон. Он также высказал идею о необходимости переговоров с традиционным явочным порядком, сложившимся за годы войны, с военной элитой – полевыми командирами на местах, а также с талибами – по крайней мере, с той их частью, которая сама может быть заинтересована в подобного рода контактах.

Эксперты обменялись взглядами на развитие ситуации вокруг Афганистана на ближайшие пять лет. Они сошлись во мнении, что, невзирая на все, прилагаемые международным сообществом усилия, ситуация внутри страны и вокруг нее в обозримом будущем будет только ухудшаться. По их убеждению, надеяться на скорое прекращение вооруженного противостояния не приходится, так что весь комплекс вызовов и угроз с точки зрения безопасности, опасности распространения религиозного экстремизма, а также наркотиков, будут по-прежнему сохранять свою актуальность.

В работе модуля приняли участие сотрудники отделов Афганистана и Пакистана Второго департамента Азии МИД России, Института востоковедения РАН, ИСАА при МГУ, Центра исследований современного Афганистана и других научных и общественных организаций, также сотрудники и студенты МГИМО.

Центр партнерства цивилизаций ИМИ

Итоги работы Черноморской комиссии

В сентябре на базе МГИМО при участии крупнейших специалистов университета прошла вторая встреча круглого стола Черноморской комиссии – неправительственного консультативного органа при Европейском союзе. Об итогах

этой встречи мы побеседовали с одним из участников круглого стола, ведущим научным сотрудником Центра исследований проблем войны и мира при МГИМО, Андреем Владимировичем Загорским.

— Каковы предварительные итоги работы Черноморской комиссии в стенах МГИМО?

— Смысл встречи, конечно, не заключался в том, чтобы прийти к каким-либо фундаментальным выводам, тем более что дискуссия по проблемам Черноморского региона идет уже несколько лет. Но непосредственно Черноморская комиссия сформировалась недавно, как только появилось одноименное направление в деятельности Европейского союза. Сейчас Комиссия приступила к подготовке масштабного доклада. На текущем этапе своей работы она сформулировала вопросы, и сейчас представители Черноморской комиссии объезжают разные страны и регионы, которые так или иначе подпадают под определение черноморских, с тем, чтобы понять и почувствовать, какие настроения там царят. В этом был смысл визита Комиссии в Россию. Ни у нее, ни у нас изначально не стояло задачи подводить итоги и ставить точки.

— Что заинтересовало лично Вас в процессе обсуждения?

— Одна из самых интересных дискуссий, которая ведется много лет, — существует ли Черноморский регион как таковой, существует ли региональная идентичность. Мы нередко сами возвращались к этому вопросу, но решения по нему пока нет, и, полагаю, в ближайшее время не будет. Ведь при том, что географически существуют страны, расположенные на побережье Черного моря, в целом это очень «лоскутный» регион, все государства здесь очень разные. Однако, по моему мнению, дискуссия имеет право на жизнь, и она будет развиваться. Наверное, правы те, кто полагает, что независимо от «лоскутности» региона, наличие успешно реализованных региональных проектов станет вкладом в решение общих проблем, в том числе по выходу из финансового кризиса. Да, все мы разные, и по целям, и по взглядам на многие вопросы. Есть много тем, которые

являются частными — например, кавказский конфликт. Но процесс интеграции продолжается.

— Какова роль России в этом процессе?

— Очевидно, что никто из участников не мыслит регионального сотрудничества без России, без нее регион распадается. Хотя в ходе круглого стола прозвучали сомнения по вопросу лидерства нашей страны в регионе. Например, в 1990-е годы прошлого века попытку взять на себя ведущую роль предприняла Турция, но это не вполне получилось. Сегодня многие задаются вопросом о том, могла бы Россия стать объединяющей силой? С нашей стороны звучали довольно трезвые оценки, что мы не видим себя в этом качестве. Мы занимаем низкопрофильную позицию в регионе, ограничиваясь только Организацией черноморского сотрудничества. С другой стороны, явственно прозвучал лейтмотив возможного участия ЕС в этом процессе. Сегодня Евросоюз активно планирует встроиться в региональное сотрудничество. Не будет ли он претендовать на роль лидера? Это порождает новые вопросы, которые были поставлены на обсуждение, но окончательного ответа на них пока нет.

— Будет ли повторное заседание Черноморской комиссии в Москве?

— Теоретически оно планируется. До конца года Комиссия будет продолжать рабочие встречи в разных странах. Заседание в Турции уже прошло, планируются визиты на Кавказ и в Украину. В январе 2010 года планируется представить первый проект доклада, который будет обсуждаться на заседании Комиссии в расширенном составе с участием экспертов из разных стран. Я не исключаю, что мы сделаем еще один раунд, но уже для предметного обсуждения доклада с российскими экспертами. Комиссия к этому готова и готова учитывать наше мнение.

Интервью для портала МГИМО

Беседовала Елена КОТИКОВА

Эксперты МГИМО обсудили российско-китайское партнерство

24 сентября в пресс-центре агентства «РИА Новости» прошел видеомост, посвященный 60-летию установления дипломатических отношений между СССР и КНР. В работе круглого стола, на полтора часа соединившего Москву и Пекин, активно участвовали эксперты МГИМО: директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований Александр Лукин и заместитель директора института Дальнего

Востока РАН, профессор кафедры востоковедения Сергей Лузянин. Кроме того, на видеомосте в Москве присутствовал главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Яков Бергер. Из Пекина диалог с московской студией вел член Комитета Совета Федерации РФ по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный посол России в Китае (1992—2005 гг.) Игорь Рогачев, а также представители китайской стороны: руководитель

Научная жизнь

Научно-исследовательского центра России Китайского института современных международных отношений Фэн Юйцзюнь, заместитель руководителя Центра стратегических исследований Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии Наук Китая Ли Чжунхай, директор Института социального развития Европы и Азии Центра исследования развития при Госсовете Китая, Чрезвычайный и Полномочный посол Китая в России (1995—1998 гг.) Ли Фэнлинь.

Сергей Лузянин, обрисовывая общие рамки российско-китайских взаимоотношений, отметил, что повестка дня носит как локально-двусторонний, так и глобальный характер. К последней части он отнес взаимодействие Москвы и Пекина в рамках системы ООН, сотрудничество по проблемам нераспространения оружия массового поражения, а также сотрудничество по преодолению международных кризисов вокруг Ирана и Северной Кореи. Эксперт назвал российско-китайский диалог «ключевым звеном в Шанхайской организации сотрудничества», отметив, что РФ и КНР строят «образец деидеологизированных отношений, демонстрируя новый уровень гармонии в международной политике».

Анализируя текущие экономические связи РФ и КНР, Лузянин выделил два крупных тренда. Одним из них он назвал диверсификацию российского нефтегазового экспорта, который в настоящий момент, согласно принятой энергополитике РФ, в большей степени переориентируется на завоевание рынков Азиатско-Тихоокеанского региона. Вторым трендом, по его мнению, может стать развитие и углубление «точечных» инновационных российско-китайских связей в областях

высоких технологий, прежде всего – в космической и атомной.

Александр Лукин в своем выступлении сконцентрировал внимание на текущих проблемах в российско-китайском взаимодействии, иронично назвав ситуацию в торгово-экономическом сотрудничестве двух стран «политикой трех снижений». Речь шла о снижении торгового оборота, снижении доли российского машиностроительного экспорта в Китай и снижении отношения объемов российского экспорта в КНР к объемам китайского экспорта в РФ. Лукин заметил, что ряд этих проблем конъюнктурен и связан с мировым кризисом, однако падение доли поставок российской высокотехнологической продукции на китайский рынок носит системный характер и при сохранении действующих трендов продолжится и в посткризисный период.

Другой проблемой в двусторонних отношениях, по мнению Лукина, является союз теневых структур китайского происхождения с коррумпированными чиновниками в РФ, обеспечивающий поток товаров откровенно контрабандного происхождения. Эксперт отметил, что в рамках общей линии президента Д. А. Медведева на системную борьбу с коррупцией эта проблема должна быть жестко решена.

В завершении Александр Лукин сказал, что очень существенную роль в упрочнении связей Москвы и Пекина сыграли Годы РФ в Китае и Китая в РФ, прошедшие в 2006 и 2007 гг. соответственно. Их влияние видно и по опросам общественного мнения: доля китайцев, считающих Россию дружественной страной, за эти годы увеличилась с 25 % до 50 %.

В Польше представили Европу образца 2029 года

15 сентября в Польше, в городе Криница, завершился XIX Экономический форум. Центральной темой встречи стал лозунг «Европа – 20 лет спустя». МГИМО традиционно выступил официальным партнером форума.

Обсуждение актуальных проблем развития международных отношений в Центральной и Восточной Европе, внешнеполитические инициативы основных игроков в этом регионе, вопросы европейской энергетической безопасности и роль России, отношения бизнеса и власти – далеко не полный перечень тем форума. Участниками форума стали более 2000 делегатов из Европы, России, Центральной Азии, США, Ближнего Востока.

При содействии МГИМО были организованы две сессии: «Восточное партнерство в 2009 году:

от Балтийских стран до Кавказа» и «Восточноевропейское пограничье: потенциал конфликтов и сотрудничества», в которых приняли участие политики и эксперты из России, Белоруссии, Молдавии, Азербайджана, Грузии, Польши. В ходе сессии «Восточноевропейское пограничье», организованной совместно с Фондом «Добрососедство», был представлен совместный проект Фонда и МГИМО.

В заседании целого ряда других сессий участвовали эксперты-мгимовцы: Советник ректора А. В. Мальгин, заведующая кафедрой мировых политических процессов М. М. Лебедева, а также С. А. Афонцев, И. В. Болгова, И. В. Данилин, Н. Ю. Кавешников, Ю. Кудряшова, В. В. Панова.

Современное государство и глобальная безопасность

14 сентября в Ярославле под эгидой президента РФ Д. А. Медведева прошла представительная международная конференция «Современное государство и глобальная безопасность». Впечатлением от работы ярославского форума с редакцией портала МГИМО поделился один из его участников – *заведующий Кафедрой сравнительной политологии Михаил Васильевич Ильин*.

— Что для Вас было ожидаемо в прошедшем мероприятии, а что – нет? Прозвучали ли на нем какие-либо заявления, которые вызвали если не удивление, то ощущение новизны, мнения, которые выбивались из того, что до начала конференции считалось общим местом, mainstream?

— Выступления на секциях, и пленарные заседания, и тем более разговоры в кулуарах показали, что существует очень богатое разнообразие взглядов. Это чувствовалось во всем духе мероприятия, чувствовалось, что идет соревнование идей. Это было приятно. Не могу сказать, что там прозвучали какие-то из ряда вон выходящие соображения, такие, что заставляют пересмотреть все, что было известно ранее. Но многие коллеги в своих выступлениях акцентировали очень важные моменты.

Я начну с нашего президента. Его выступление было достаточно ярким, весьма компактным, динамичным, хотя специально он свою речь ничем не расцвечивал. В его выступлении была одна мысль, которую он проговаривал несколько раз, – и та же самая идея звучала и в других выступлениях, и в кулуарных разговорах. Это мысль о том, что будущее за «умной политикой», что политика стала наукоемкой. Что означают эти тезисы для нас в МГИМО? Чтобы сохранить свои лидирующие позиции в отечественной политической науке нам требуется выйти на совершенно новый уровень политической экспертизы. Стране требуется развивать профессионализм публичной политической деятельности и всех политических профессий, а значит, мы должны поднять уровень подготовки в тех политических профессиях, которым МГИМО обучает своих выпускников.

Тезис о важности профессионализма в политике нельзя назвать совсем уж новым, но отчетливость этой акцентировки существенно отличалась от той, что можно было слышать раньше. Лет десять назад я очень радовался тому, что в речах наших политиков зазвучал запрос на прагматизм в политике. Это было важно тогда, – но сейчас это

уже вчерашний день. Сейчас все отчетливее звучит требование нового уровня профессионализма. Это очень приятно, потому что означает, что то, чем мы занимаемся здесь, в МГИМО, стало в большей степени востребовано.

Не следует преувеличивать четкость этого запроса. Пока есть только смутное ощущение, что профессионализма нам не хватает, но чего конкретно не хватает – никто отчетливо не сформулировал. Президент не мог, да и не должен был это сообщать в своей краткой речи, а в разговорах в кулуарах между экспертами это тоже не прозвучало. Тут нам следовало бы взять инициативу на себя. Нам в МГИМО, начиная от студенческих аудиторий и заканчивая разными научными форумами, надо обсудить тему профессионализма в публичной политике и в других политических профессиях. Профессионализм в политической деятельности немыслим без профессионализма политических аналитиков, политических журналистов, политических комментаторов, сотрудников аппарата и т.д.

— Сложилось ли на форуме общее мнение, о каких именно проблемах говорил президент? Об усложнении ситуации, управление которой требует все более подготовленных кадров, – или же о падении среднего уровня политических профессионалов в России?

— Я думаю, здесь немного другая причина. У нас происходит развитие политических профессий и то, что нас устраивало какое-то время назад, перестает устраивать сейчас.

— Начались институциональные изменения?

— Не только. Меня как институционалиста, прежде всего, конечно, радуют именно они, но на самом деле изменения касаются политической культуры и уровня политических знаний и образования. Я не зря привел пример того, что десять лет назад заговорили о прагматизме в политике – а сегодня это уже нейтральная вещь, общее место, которое не заслуживает какой-то особой акцентировки. Именно перенесение акцента свидетельствует о том, что у нас происходит некий рост, идет профессионализация – но идет пока недостаточно. То, что потребности опережают эту динамику роста, нужно говорить отчетливо. Вероятно, особую роль здесь сыграл и кризис. Он повысил запрос на профессионализм.

Вторая вещь, которая мне понравилась, особенно обрадовала как исследователя. Лет десять назад, мы спорили о том, какую роль государство

Научная жизнь

занимает в современном мире. Мои коллеги говорили, что появились новые акторы, что государства — это уже «прошлогодний снег», что они теряют полномочия. В Ярославле же все единодушно говорили об очень значимой роли государства.

Это меня очень порадовало, но не потому, что я являюсь ярким «государственником» и прилагаю все усилия к утверждению его роли, а потому что как компаративист я вижу ключевую роль системы современных государств в организации всей мировой политики. Государство должно знать свое место, и это место в политике весьма скромно. Но эти минимальные функции, которые государство обязано исполнять, являются коренными, ключевыми для организации всех политических процессов в мире. И мы в проекте «Политический атлас современности» очень удачно эмпирически показали, что государства образуют своего рода «координатную сетку» мировой политики. Без государств другие процессы просто не могут идти. С другой стороны хорошо, когда государства не слишком вмешиваются в эти процессы. В некоторых ситуациях им приходится вмешиваться, например, в условиях кризиса. Такие приливы и отливы государственной активности вполне естественны, и этот вопрос надо изучать. Но то, что без государств нельзя обойтись, как без основы для деятельности всех прочих политических акторов, — эта мысль, признание этого факта, отчетливо чувствовалось, звучало во многих выступлениях ярославского форума.

— Оно равно звучало и у наших экспертов, и у зарубежных?

— Да. Например, один из сопредседателей третьей секции, которая была посвящена международным вопросам (в этой секции так же участвовал Анатолий Васильевич Торкунов) достаточно известный наш коллега Тьерри де Монбриаль, директор Французского института международных исследований (IFRI), отвечая на вопросы, акцентировал те же вещи, о которых я только что говорил. Причем сделал это очень элегантно, очень точно, очень убедительно.

Я бы хотел, вслед за Анатолием Васильевичем, специально остановиться на обсуждении современных международных институтов. Повышение эффективности роли международных институтов (начиная от ООН и заканчивая другими структурами) сплошь и рядом увязывалось с усилением конструктивной роли государств.

— Кстати о роли международных организаций. Ранее основной линией мировой политики была передача значительного набора функций регулирования международным организациям. Как

оценивалась роль ООН на ярославском форуме? Потому что процессы 1990-х—начала 2000-х гг. показали, что ООН в ряде случаев «оттирают» в сторону.

— Была одна мысль, которая постоянно повторялась, и с ней, в общем, согласились. Именно ООН (и может быть не только ООН, но и другие институты, тот же Всемирный банк и целый ряд других структур) тоже может оказаться эффективной при одном условии — согласии ведущих государств мира на решение важных вопросов с помощью международных институтов. Когда нет согласия, когда нет особой мотивированности ведущих государств мира совместно решать какие-то вопросы, наивно было бы полагать, что ООН помимо их воли, только благодаря своему мандату, сможет что-либо сделать.

— То есть, можем говорить о том, что уровень консенсуса в международных отношениях за последние годы начал повышаться?

— В некоторых вопросах — безусловно да. Но одновременно наличествуют и существенные разногласия. Они тоже обсуждались на форуме и очень откровенно. В том числе, обсуждались российско-американские отношения, нынешнее их состояние, очень открыто обсуждалась роль Китая в нынешней ситуации и в будущем. Мнения здесь расходились. Некоторые участники дискуссий подчеркивали конфронтационные моменты, противоречия, которые возникают в ходе взаимодействия между ведущими государствами, другие наоборот обращали внимание на другую сторону медали. То, что такие дискуссии велись, показывает, что экспертное сообщество стремится адекватно оценить нынешнее состояние мировой динамики.

Политические администрации приходят и уходят, лидеры сегодня ставят вопрос так, а завтра — совершенно под другим углом. Больше внимания как раз обращалось на долгосрочные тенденции, на перспективы международного развития. Эта не значит, что разговор носил философский, умозрительный характер, отнюдь: он был предельно конкретен. Приводились данные по долям ВВП, обсуждалась демографические сдвиги — и за этими цифрами пытались разглядеть устойчивые процессы.

— Обсуждалась ли на форуме — в официальной ли части, в кулуарах, — «суверенная демократия», та политическая конструкция, которая вырисовывается в России в последние годы?

— Я, к сожалению, сам не участвовал в специальной секции, посвященной демократии. Но в этой секции участвовал (и более того — докладывал о результатах своих исследований с трибуны) один мой хороший знакомый — Дирк Берг-Шлоссер,

очень известный немецкий коллега, политолог-компаративист и эмпирик. Мы с ним несколько раз, пересекаясь в коридорах, все эти вопросы обсуждали. Основываясь на его сообщениях, могу сказать, что разговор шел о самых разных моделях демократии.

У нас почему-то сложился стереотип, что «суверенная демократия» есть некоторая идеологическая конструкция, навязываемая сверху. Я не хочу отрицать, что момент идеологической трактовки этого понятия существует, но к чистой идеологии вопрос не сводится. Дискуссия о «суверенной демократии» показала, что есть целый ряд проблем, связанных с оценкой разных типов демократии, развивающихся в разных условиях. Что некоторые из них, начиная от суверенитета, необходимы для демократического развития. Это не единственное условие, другим базовым условием, к примеру, является конституционализм: наличие конституции, уважение к конституции. Играет роль и уровень развития гражданского общества, и уровень развития государства, и вопросы, связанные с разделением властей. Все это – условия демократии.

И это полностью созвучно результатам нашего исследования по «Политическому атласу

современности», в котором приводился индекс институциональных условий развития демократии. Уровень достижений демократии не измерялся, исследовалось то, насколько в стране сложились институциональные условия или же не сложились. Причем, как выяснилось, и в тех странах, которые принято считать развитыми демократиями, эти условия далеко не сформировались окончательно.

Конечно, в разных моделях демократии эти вопросы решаются по-разному. Поэтому существует много таких моделей, и не нужно этого бояться – это является благом, ресурсом для развития, и, кстати, требует изучения, в том числе эмпирического, что мы собственно и пытаемся делать на нашей кафедре сравнительной политологии. И речь не может идти о навязывании кому-то одной нормативной модели демократии. Мы должны знать, как работают демократии в разных условиях. И тогда для наших условий мы сможем оптимизировать и модернизировать свою демократическую систему, сделать ее более эффективной.

*Интервью для портала МГИМО.
Беседовал Константин Богданов*

Альтернативы расширению НАТО

10 сентября 2009 года на Факультете политологии состоялся семинар на тему «Сценарии развития архитектуры европейской безопасности, или Альтернативы расширению НАТО».

В дискуссии приняли участие заведующие кафедрами политической теории и прикладного анализа международных проблем профессоры Т. А. Алексеева и Т. А. Шаклеина, а также специально приглашенный гость – профессор Университета

Талсы (США) Роберт Доналдсон. На семинаре обсуждались возможные взаимные шаги навстречу крупнейших игроков в европейской системе безопасности, вероятные последствия операции НАТО в Афганистане для отношений России и НАТО, перспективы выработки и принятия нового договора о европейской безопасности.

Вел семинар заместитель декана Факультета политологии доцент М. А. Троицкий.

Состояние и перспективы российско-китайских отношений

7 сентября в МГИМО (У) МИД России состоялся круглый стол на тему «Состояние и перспективы российско-китайских отношений», в котором приняли участие известные ученые-китаеведы, представлявшие ведущие научные центры Москвы. Мероприятие было организовано Центром исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований.

В ходе состоявшейся дискуссии было проанализировано текущее состояние российско-китайских отношений, высказаны прогнозы и возможные сценарии развития отношений между двумя дружественными государствами.

Правоведы МГИМО приняли участие в заседании Научно-консультативного совета Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации

3 сентября состоялось заседание Научно-консультативного совета Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, посвященное рассмотрению вопроса об уголовно-правовых и международно-правовых перспективах расследуемого Следственным комитетом уголовного дела о преступлениях, совершенных в отношении российских военнослужащих Миротворческих Сил и мирного населения Южной Осетии во время вооруженного конфликта в августе 2008 года. В работе Научно-консультативного совета активное участие приняли представители МГИМО-Университета.

Для участия в заседании Научно-консультативного совета, кроме его постоянного члена – заведующего Кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Международно-правового факультета МГИМО, доктора юридических наук, профессора А. С. Подшибякина – были приглашены представители этой же кафедры доктор юридических наук, профессор А. Г. Волеводз, Судья Верховного Суда России, доктор юридических наук, профессор В. В. Дорошков, а также Директор правового департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации, профессор Ка-федрой международного права Международно-правового факультета МГИМО, кандидат юридических наук Р. А. Колодкин.

Научно-консультативным советом обсуждались пути преодоления неопределенности в применении отдельных нормативных предписаний российского законодательства, норм международного права и международного гуманитарного права, касающиеся вопросов собирания доказательств на территориях иностранных государств, возможные пути решения проблемы привлечения к уголовной ответственности и предания суду лиц, виновных в совершении военных преступлений в отношении российских миротворцев и мирных граждан на территории Южной Осетии в августе 2008 года.

Выступление Р. А. Колодкина было посвящено вопросам правовой оценки событий имевших место в Южной Осетии в августе 2008 года, отдельным аспектам применения норм международного права в рамках расследования уголовного дела о военных преступлениях в отношении российских миротворцев.

В кратком докладе В. В. Дорошков дал обзор практики применения международных договоров судами Российской Федерации в уголовном судопроизводстве и высказал рекомендации по их учету в практической деятельности Следственного комитета по расследованию уголовных дел о военных преступлениях, совершенных в отношении российских миротворцев.

По просьбе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А. Г. Волеводз вынес на обсуждение Научно-консультативного совета основанные на нормах международного права и отечественного законодательства рекомендации по оптимизации процесса собирания доказательств российским следствием на территории иностранного государства – Республики Южная Осетия с тем, чтобы сократить временные и иные издержки, которые характерны для традиционных форм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Выступления и предложения представителей МГИМО вызвали заинтересованную реакцию и многочисленные вопросы участников заседания.

Руководители Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации дали высокую оценку состоявшемуся обсуждению и предложенным научным рекомендациям.

Борьба с фальсификацией истории – государственная задача

17 декабря 2009 г. в МГИМО (У) МИД РФ состоялась организованная Институтом международных исследований научно-практическая конференция, на которой был рассмотрен широкий круг проблем фальсификации истории.

В конференции приняли участие: члены Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте РФ – заместитель министра образования и науки РФ И. И. Калина и заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций С. А. Марков; а также директор Историко-документального департамента МИД России К. К. Провалов, руководитель Департамента внешнеэкономических и международных связей г. Москвы Г. Л. Мурадов, начальник Института Военной истории МО РФ А. А. Кольтюков, главный редактор журнала «Международная жизнь» МИД России А. Г. Оганесян, представители академических институтов, общественных и религиозных организаций, кафедр и институтов МГИМО (У).

Конференция прошла под председательством проректора по науке МГИМО (У) А. И. Подберезкина.

Был заслушан ряд обстоятельных докладов, вокруг которых развернулась предметная дискуссия, в том числе:

- Новые подходы и новые темы в историческом осмыслении Второй мировой войны;
- Пересмотр истории Второй мировой войны – от ревизии до фальсификации;
- Фальсификация истории вне и внутри России;
- О путях противодействия некоторым фальсификациям истории в ущерб интересам России (по опыту дискуссии в Евросоюзе в 2007–2008 гг.);
- Восточная Азия как поле для фальсификации истории японскими политиками и политологами;
- Объединение Германии и проблема расширения НАТО: что обещал Запад?
- Сравнительный анализ советской и натовской операций в Афганистане: подбор источниковой базы для борьбы с фальсификацией истории;
- О субъективизме в постсоветской трактовке истории Средней Азии и т.д.

Открывая конференцию, А. И. Подберезкин отметил высокую значимость работы Комиссии по проблемам фальсификации истории

при Президенте РФ. Сознательное и целенаправленное извращение исторического знания осуществляется с политическими целями, но «история – ресурс нации», убежден проректор. Поэтому, если допустить девальвацию своих ценностей, то их место неизбежно займут чужие. Работу по преодолению фальсификации истории, продолжил А. И. Подберезкин, придется вести в сложных условиях: крайне скудное представительство в СМИ и полное отсутствие финансирования накладываются на общий системный кризис социогуманитарных наук в России. Однако и в этих условиях специалисты МГИМО (У), фактически на общественных началах, уже сделали и делают многое для аналитической поддержки деятельности Комиссии и развития отечественной исторической науки.

К. К. Провалов говорил о ключевой роли архивной службы МИД России в деле борьбы с фальсификацией истории международных отношений и аналитическом обеспечении деятельности Комиссии. Очень трудно работать с историками Восточной Европы, подчеркнул К. К. Провалов, однако достигнуто практически полное взаимопонимание с французскими и немецкими специалистами. С последними даже подписан меморандум об отсутствии принципиальных разногласий в оценках исторических событий XX века. Важным и последовательным союзником России в деле борьбы с историческими фальсификациями является Израиль. Наши успехи в Европе становятся заметны, отметил в заключении оратор, поэтому необходимо плотно сосредоточиться на работе по тем историческим сюжетам, которые способны консолидировать нашу позицию с позициями европейских партнеров.

С. А. Марков указал, что ошибкой было бы бороться с разнообразием исторических интерпретаций. Целью Комиссии должно стать противодействие сознательному подлогу. Сознательный же подлог является элементом государственной политики определенных стран, и ему может быть противопоставлена только встречная государственная политика, одних научных исследований здесь недостаточно. Необходимо развивать и поддерживать собственную историческую науку. «История – это не рыночный инструмент, статьи и исследования нельзя продавать», убежден парламентарий. Необходимо защитить

Научная жизнь

историков стран Восточной Европы от тотального диктата властей, довлеющего сейчас над добросовестными исследователями. «Раз им не дают площадок там – мы должны предоставить их здесь! Их не публикуют там – будем публиковать мы!», заявил С. А. Марков. Но, борясь с образом России как врага, нельзя впадать и в другую распространенную крайность, доказывая враждебную сущность государств, потворствующих фальсификации.

Г. Л. Мурадов также считает, что борьба с фальсификацией истории должна быть элементом государственной политики. Определенные силы вполне очевидно пытаются эксплуатировать в отношении России образ врага. Зачем это делается? Неужели опять готовится почва для военной конфронтации? Кроме того, таким образом создается аргументационная база для предъявления России различных претензий материально-компенсационного характера.

Сходных позиций придерживается и А. Г. Оганесян. Борьба с фальсификациями, подчеркнул он, – не контрпропаганда, а важнейший пласт общественного сознания России. История многофакторна: нельзя лгать и умалчивать, выхватывая для оценок удобные факты.

Об оценках Русской православной церковью фактов исторического подлога рассказал заместитель председателя Отдела внешних церковных связей иеромонах Филипп. Исторический процесс подчинен объективному нравственному закону: у истории есть уроки, есть воздаяние, есть свои правильные и неправильные пути. Прошрое тесно связано с настоящим и будущим. В качестве примера иеромонах привел деятельность РПЦ во время Великой Отечественной войны, когда церковь смогла подняться над сложнейшей ситуацией своих взаимоотношений с советской властью. «Церковь в этот момент прозревала истинные интересы страны», «вне всякой связи с идеологией правящего политического режима». Но нужно помнить и о жертвах репрессий советского периода истории, напомнил представитель РПЦ, забывать о них – значит самим фальсифицировать историю.

Подобный же тезис звучал и в выступлении заведующего Кафедрой международных отношений и внешней политики РФ МГИМО (У) М. М. Наринского. Он считает, что в текущих условиях России необходимо отделить вопрос о победе нашего народа в Великой Отечественной войне от преступлений сталинского режима, «отрицать которые невозможно» и которые необходимо осудить. Одновременно, подчеркнул ученый, необходимо бороться и с валом исторических фальсификаций, в основной своей части идущих

от правящих режимов Восточной Европы, озбоченных поиском или переустройством национальной идентичности своих государств.

А. В. Фоменко, секретарь Союза писателей России, директор Центра изучения конкурентных преимуществ и альтернативных стратегий развития высказал мнение, что последствия пересмотра политических оценок Второй мировой войны, производимых под предлогом ревизии существующей версии истории, несут угрозу всей системе международных отношений.

Профессор Кафедры дипломатии МГИМО (У), посол Е. М. Астахов отметил, что сейчас упор делается на так называемой «равновеликой ответственности СССР и Германии» за начало Второй мировой войны. Если в этом вопросе занимать пассивную позицию, то, как считает дипломат и ученый, неизбежно будут набирать силу требования отдать другие территории, в том числе Курильские острова и даже Сахалин, а также Карельскую область, Калининград и т.д. Одновременно будут нарастать финансовые претензии за Катынь, «оккупацию» Прибалтики, за депортацию и репрессии.

В. П. Терехов, посол, профессор Кафедры дипломатии МГИМО (У), акцентировал в своем выступлении тот факт, что в числе тем, вокруг которых в обществе распространяются разного рода мифы, проникающие порой и в научную литературу, свое место занимает и произошедшее после объединения Германии расширение НАТО. Звучат утверждения, что Запад, а точнее руководство США и ФРГ, преисполненные благородства и стремления помочь СССР в отстаивании своих интересов, были готовы гарантировать нераспространение военных структур НАТО на восток и оформить соответствующее обязательство. Но советская сторона то ли легкомысленно, то ли по недомыслию упустила этот шанс, и военный блок НАТО начал свое триумфальное шествие к границам России. В. П. Терехов, приведя убедительные факты и поделившись собственными воспоминаниями о событиях тех лет, участником которых он был, раскрыл истинную картину того, что в действительности обещал Запад Москве двадцать лет тому назад.

С общей линией восприятия борьбы с фальсификацией истории как общегосударственной задачи солидаризовался советник ректора МГИМО (У) А. В. Мальгин. Выступая на конференции в качестве ответственного секретаря Российско-польской группы по сложным вопросам истории, А. В. Мальгин отметил, что, пока группа оставалась исключительно деполитизированным научным сообществом, ее работа шла очень вязко. И только после 2007 года, с момента подключения

к проблеме министерств иностранных дел РФ и Польши, архивистов и правоохранителей обеих стран, удалось добиться заметных сдвигов. В ближайших планах Группы – отработка двух круглых дат в истории российско-польских отношений: 70 лет Катынских событий и 90 лет войны 1920 года. «Необходимо заранее задать тон, чтобы 2010 год прошел спокойно», подчеркнул А. В. Мальгин.

Весьма эмоционально рассказал о своем боевом опыте, боях за освобождение Ленинграда, Кенигсберга, Будапешта и Берлина ветеран Отечественной войны А. А. Фрейдсон.

Директор Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО (У) С. И. Чернявский обратил внимание на проявившиеся в ряде стран Средней Азии тенденции зачастую весьма спорно трактовать отдельные страницы нашей совместной истории. Ученый считает, что сохранение корректности в этих вопросах является важным условием развития добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и государствами этого региона.

Заведующий Кафедрой политики и функционирования ЕС и Совета Европы МГИМО (У) О. Н. Барабанов выделил значение системной научной работы по обобщению советского опыта примирения в Афганистане, который может быть весьма востребован в связи с пробуксовкой миротворческих усилий США и НАТО в этом государстве.

В своем кратком выступлении И. И. Калина сказал: «Школьные уроки истории формируют отношение

потомков к нам и нашим отцам». В горячке поисков исторической истины главное – не разрушить единство поколений, сохранить связь с соотечественниками, живущими в сопредельных государствах.

Подводя итоги конференции, директор Института международных исследований МГИМО (У) А. А. Орлов акцентировал значение последовательной и целенаправленной работы по формированию объективной картины минувшего XX века. В исторической науке могут быть разные оценки тех или иных событий. Но история не должна становиться новым полем битвы, звеном пропагандистской войны и тем более основанием для возведения новой стены между странами и народами. Борьба за умы, прежде всего неискушенной молодежи, не ослабевает никогда. Но в наши дни она, как никогда, актуальна. Новое поколение имеет право знать подлинную, пусть и сложную, не во всем однозначную, историю своего и соседних народов, историю Европы, других континентов, всего мира, а не всевозможные псевдоисторические суррогаты, которыми пытаются пичкать их новоявленные мифотворцы. МГИМО (У) будет и впредь уделять проблемам фальсификации истории первостепенное внимание, оказывать необходимое содействие Комиссии при Президенте РФ.

Материалы Конференции будут опубликованы в одном из ближайших выпусков «Вестника МГИМО—Университета».

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ. М.: МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ, 2007.

Сизоненко А. И.

Дипломатия в лицах: становление и развитие отношений между Россией и странами Латинской Америки

Автор книги – доктор исторических наук профессор А. И. Сизоненко – выпускник МГИМО 1956 г., много и плодотворно работает в области изучения истории отношений между Россией, СССР, новой Россией с латиноамериканскими странами. Его перу принадлежит огромное количество работ – статей, глав в монографиях, собственно монографий – по данной проблематике. Не будет преувеличением сказать, что в нашей стране это единственный и потому уникальный специалист по указанным проблемам, досконально знающий обстоятельства зарождения, эволюции и развития отношений России с государствами далекого латиноамериканского континента. Представленная вниманию читателя монография – исследование малоизвестных и вследствие этого представляющих особый интерес страниц истории взаимоотношений наших стран, деятельности видных российских дипломатов как «старой России», так и советского времени. Большой интерес представляет также повествование автора о работе латиноамериканских дипломатов в Москве в годы Великой Отечественной войны.

Книга открывается главой «Дипломаты старой России», в которой повествуется о С. Г. Ломоносове (однокашнике А. С. Пушкина), стоявшего у истоков российско-бразильских отношений (он был посланником России в Бразилии в 1835–1847 гг.), и о А. С. Ионине – дипломате, путешественнике, ученом, возглавлявшем российское посольство в этой стране в 1880-х гг. и опубликовавшем 4-томные

путевые заметки «По Южной Америке», получившие специальную премию Российской Академии наук. Большой интерес представляет рассказ о вкладе выдающегося российского дипломата, министра иностранных дел России в 1856–1882 гг. А. М. Горчакова в развитие связей между Россией и Венесуэлой, Уругваем, странами Центральной Америки. Эта сторона внешней политики России второй половины XIX в. практически не изучена в нашей литературе.

Вторая глава книги посвящена анализу деятельности советских дипломатов в латиноамериканских странах. Перед нами проходят портреты С. С. Пестковского, А. М. Коллонтай, Я. С. Сурица, К. А. Уманского, М. Г. Сергеева – послов СССР в Мексике, Бразилии, Аргентине. Автор уделяет большое внимание исследованию малоизвестных «латиноамериканских» страниц деятельности глав советской дипломатии в различные годы – от Г. В. Чичерина и М. М. Литвинова до А. А. Громыко.

Автор приводит интересные воспоминания и заметки представителей латиноамериканского дипкорпуса, работавших в Москве в годы второй мировой войны: после 1942 г. началась полоса широкого взаимного признания и установления дипломатических отношений между СССР и рядом латиноамериканских стран.

Важным достоинством монографии А. И. Сизоненко является тот факт, что она основана на редких и весьма впечатляющих источниках. Это документы из Архива внешней политики СССР, Государственного архива социально-политической

истории, советская, латиноамериканская и североамериканская пресса 1920-х—1950-х годов, мемуары дипломатов и политиков той эпохи.

Книга А. И. Сизоненко написана ярким литературным языком. Повествуя о серьезных проблемах, она вместе с тем представляет собой весьма увлекательное чтение, расширяя наше понимание истории российско-латиноамериканских связей и побуждая к познанию тех ее страниц, которые вносят новые штрихи в развитие современных международных отношений.

Невозможно в краткой рецензии рассказать обо всех деталях и перипетиях работы отечественных и латиноамериканских дипломатов

в странах Латинской Америки. Это ярко и интересно делает автор монографии, которая является, несомненно, полезной для российских дипломатических работников (особенно для молодого поколения), отправляющихся на работу в страны континента и просто обязанных «по долгу службы» знать не только саму «ткань» истории наших отношений, но и «историю в лицах» – в лицах тех людей, которые своими усилиями сближали некогда далекие страны и народы, культуры и цивилизации.

Окунева Л. С.,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России.

Научные монографии и сборники научных статей

Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / Отв. ред. А. Д. Богатуров, Т. А. Шаклеина. — М.: КРАСАНД, 2010. — 352 с. — ISBN 978-5-396-00039-1.

В монографию вошли материалы проходившей в сентябре 2008 г. в МГИМО научной конференции «Лидерство и конкуренция в мировой политической системе: Россия и США», в которой приняли участие ведущие российские международники — политологи и экономисты. В книге рассматривается роль США в современной среде международно-политической конкуренции и региональные измерения их внешней политики.

Книга адресована специалистам, студентам и аспирантам специальностей «международные отношения» и «политология», а также всем, кто интересуется внешней политикой Соединенных Штатов и российско-американскими отношениями.

Издание подготовлено в рамках Проекта сотрудничества МГИМО—БиПи.

Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А. А. Малиновский. М.: Юрлитинформ, 2010. — 320 с. — ISBN 978-5-9395-300-6.

Злоупотребление субъективным правом представляет собой один из интереснейших юридических феноменов, познание которого сопряжено со значительными трудностями, главная из которых — попытки неприятия или отрицания существования злоупотребления правом как правового явления. Решение вопроса об этом носит мировоззренческий характер, а юридическое мировоззрение, как известно, крайне. Многие правоведы и юристы-практики не понимают сущности этого правового явления. Научные подходы некоторых исследователей к его изучению предопределяются односторонним восприятием этого правового феномена.

В монографии заместителя декана Международно-правового факультета МГИМО-Университета, кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алексея Александровича Малиновского на основе критического анализа юридических доктрин, изучения законодательства и практики его применения исследуется сущность

злоупотребления субъективным правом, его формы и виды. Содержание этого правового феномена автор рассматривает через призму учений о субъективном праве, правовом поведении и правосознании.

Монография предназначена для правоведов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических ВУЗов; адресуется она и практикам юристам, поскольку в ней подробно рассматриваются проблемы квалификации злоупотреблений субъективным правом.

Следует отметить, что представляемая монография А. А. Малиновского издается повторно и существенно дополнена и переработана по сравнению первым ее изданием, которое с момента выхода в свет в 2007 году к настоящему времени стало уже библиографической редкостью. Такой успех монографии объясняется тем, что она побуждает не только к более глубокому постижению юридических, социологических и психологических аспектов злоупотребления субъективным правом, но и к философскому осмыслению самого права.

Урюпина А. А. Инфляция и антиинфляционная политика в постсоциалистический период: вопросы теории и практики. — М.: МАКС Пресс, 2009. — 196 с. [+12 вкл.] — ISBN 978-5-317-02955-5.

В монографии преподавателя кафедры экономической теории Урюпиной Анастасии Александровны рассматриваются теоретические вопросы инфляции и опыт антиинфляционной политики в России и странах Центрально-Восточной Европы. Автор исследует причины возникновения инфляции, показывает ее многофакторность. Доказывается зависимость инфляции от степени разбалансированности экономики и зрелости рыночных реформ. Выделены типы антиинфляционной политики в странах Центрально-Восточной Европы. Показана недостаточность монетарных мер для борьбы с инфляцией в этих странах. Предлагается системный подход к формированию эффективной антиинфляционной политики с учетом проблем постсоциалистических экономик.

Обширный материал, представленный в монографии, будет полезен для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений и практиков.

Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. — М.: Новона, 2009. — 200 с. ISBN 978-5-91798-006-5.

Монография к.полит.н., м.н.с. Центра постсоветских исследований, преподавателя кафедры мировых политических процессов Никитиной Юлии Александровны посвящена анализу стратегий Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества в области региональной безопасности на постсоветском пространстве. Отдельное внимание уделено территориям региональной интеграции, представлены малоизвестные российским читателям подходы. Для специалистов, студентов и аспирантов, интересующихся проблематикой региональной безопасности на пост-советском пространстве.

Издание подготовлено в рамках Проекта сотрудничества МГИМО—БиПи.

Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. Pod redakcją Sławonira Dębskiego i Michała Nariniego. — Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. — Warszawa, 2009. — ISBN 978-83-89607-74-4.

(Кризис 1939 года в интерпретациях польских и российских историков. Под ред. Славомира Дембского и Михаила Наринского. — Варшава, Польский институт международных дел. — 2009 г. — 479 с. — ISBN 978-83-89607-74-4).

Изданная на польском языке книга является результатом сотрудничества МГИМО и Польского института международных дел. Она отражает подходы российских и польских историков к различным аспектам международного кризиса 1938—1939 гг. Примечательна структура книги — она содержит 6 разделов, освещающих основные вехи событий той эпохи, причем в каждом разделе представлена как российская, так и польская позиция. Это позволяет читателю легко сопоставить позиции историков двух стран, выявить сходства и различия.

В частности, российские и польские историки выражают общую точку зрения, что в основе Второй мировой войны лежат агрессивные действия нацистской Германии.

Среди российских авторов — зав. кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО проф. М. М. Наринский (редактор сборника), проф. кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО Н. К. Капитонова, проф. кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО Е. О. Обичкина.

Импульсом для написания данной книги послужила работа межправительственной «Группы

по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений», сопредседателем которой с российской стороны является ректор МГИМО, академик РАН А. В. Торкунов.

Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / МГИМО (У) МИД России. Кафедра междунар. частн. и гражд. права; Сост. А. И. Муранов — М.: Статут, 2009. — 717 с.: ил. ISBN 978-5-8354-0624-1 (в пер.).

В настоящем издании представлены избранные труды известного российского ученого и практика, почетного профессора МГИМО (У) МИД России, председателя Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ С. Н. Лебедева. Оно приурочено к 75-летию со дня рождения С. Н. Лебедева.

Представить себе без трудов С. Н. Лебедева отечественные международный коммерческий арбитраж, частноправовое регулирование международной торговли, международное частное право и частное морское право невозможно. Однако поскольку многие из таких трудов были изданы достаточно давно и к тому же некоторые из них небольшим тиражом, то они, по сути дела, уже стали библиографическим раритетом. В этой связи данное юбилейное издание будет, безусловно, полезно всем тем, кто интересуется вышеуказанной проблематикой.

Настоящее издание предназначено для правоведов и практикующих юристов, судей государственных судов и третейских судей, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов.

Составитель — канд. юрид. наук, доц. кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России, проф. Российской школы частного права, управляющий партнер коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» А. И. Муранов.

Майендорфская Декларация 2 ноября 2008 года и ситуация вокруг Нагорного Карабаха. Сборник статей / Составители В. А. Захаров, А. Г. Арешев. — М.: НП ИД «Русская панорама», 2009. — 352 с., ил. — ISBN 978-5-93165-251-1.

В сборнике представлены статьи разных авторов, посвященные ситуации с подписанием 2 ноября 2008 г. Президентами Российской Федерации, Азербайджанской Республики и Республики Армения Майендорфской Декларации о решении карабахской проблемы мирным путем.

Издания МГИМО

Книга рассчитана на специалистов в области исторического и практического изучения Кавказа, а также для широкого круга читателей.

Мизин В. И. Россия и РКРТ: эволюция подхода и будущее режима контроля / Институт международных исследований — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 88 с. (Книги и брошюры ИМИ). ISBN 978-5-9228-0558-2.

Исследование заместителя директора Института международных исследований МГИМО (У) В. И. Мизина посвящено актуальной теме международной политики — проблеме нераспространения ракетных технологий и боевых средств. Данные системы являются одним из ключевых средств доставки оружия массового уничтожения, включая ядерное. Надежные гарантии от распространения таких видов вооружений, их попадания в руки «несистемных» проблемных государств и международных террористических образований (при обеспечении законных прав государств на создание систем космических запусков) лишали бы оснований аргументацию сторонников развертывания систем противоракетной обороны, в том числе и таких, которые в России рассматриваются как угроза эффективности национального потенциала ядерного сдерживания. Рассматриваются также вопросы укрепления международно-правового режима ракетного нераспространения, включая перспективу разработки соглашения (по типу Договора о нераспространении ядерного оружия) об ограничении производства и обладания определенными типами ракетных систем.

Новикова Д. О. Новые инструменты международного кризисного урегулирования: опыт Европейского Союза / Институт международных исследований — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 112 с. (Книги и брошюры ИМИ). ISBN 978-5-9228-0581-0.

Аналитический материал «Новые инструменты международного кризисного урегулирования: опыт Европейского Союза» освещает основные механизмы урегулирования кризисов, разработанные ЕС в рамках Европейской политики в области обороны и безопасности (ЕПБО). В работе подробно рассматриваются особенности формирования и концептуальные принципы, ресурсный потенциал (военный и гражданский компоненты), механизмы функционирования и финансирования ЕПБО, дается обзор основных операций Евросоюза в сфере кризисного урегулирования. Подробно анализируются перспективы развития ЕПБО как одного из инструментов международного кризисного

урегулирования, сравнительные преимущества ЕПБО в системе международной безопасности, а также проблемы и перспективы сотрудничества России и Евросоюза в сфере кризисного урегулирования.

Стеклов М. М. Проблемы развития топливно-энергетического комплекса Южной Кореи. — М., Навона, 2009. — 152 с. ISBN 978-5-91798-007-2.

В книге приведен комплексный анализ особенностей топливно-энергетического комплекса Южной Кореи и потребностей ее экономики в различных видах энергоресурсов. Анализируются эффективность и приоритеты энергетической политики руководства страны, обобщен опыт сотрудничества России и Республики Корея в этой области. Работа адресована преподавателям, студентам и аспирантам, а также специалистам, занимающимся вопросами международных отношений в энергетике.

Издание подготовлено в рамках Проекта сотрудничества МГИМО—БиПи.

Захаров В. А. Орден госпитальеров / В. А. Захаров, В. Н. Чибисов. — СПб.: Алетейя, 2009. — 464 с. — ISBN 978-5-91419-244-7.

В книге к.и.н, старшего научного сотрудника Центра кавказских исследований Захарова Владимира Александровича впервые комплексно исследуется история одного из древнейших духовно-рыцарских орденов Католической церкви — Ордена госпитальеров, или иоаннитов. Ныне он широко известен под именем Мальтийского Ордена. Его судьба переплелась не только с историей Палестины, Византийской Империи, многих государств Западной Европы, но в конце XVIII века и с судьбой Российской Империи, когда российский император Павел I стал 72-м Великим Магистром Державного Ордена св. Иоанна Иерусалимского. Совсем недавно в Европе прошли торжества, посвященные 900-летию юбилею Ордена госпитальеров, но выясняется, что он имеет более древнюю историю. В отечественной исторической литературе эта тема поднимается впервые.

Книга предназначена специалистам, студентам и аспирантам гуманитарных факультетов вузов, а также широкому кругу читателей, которых она познакомит с неизвестной стороной истории Востока, Византии и Запада.

Основные направления профессионально ориентированной языковой подготовки специалиста-международника / Е. В. Воевода. — М.: Издательство МГОУ, 2009. — 141 с. — ISBN 978-5-7017-1433-3.

Монография к.пед.н., профессора кафедры английского языка № 2 Воеводы Елены Владимировны

посвящена актуальным вопросам профессионального языкового образования будущих специалистов-международников. Автор рассматривает преподавание иностранных языков с позиций компетентностного подхода, анализирует, каким образом изменения в современном обществе определяют цель, содержание, формы и методы обучения, и подчеркивает необходимость подготовки студентов-международников к межкультурной коммуникации в ситуациях профессионального общения.

Книга адресована преподавателям иностранных языков высших и средних специальных учебных заведений, осуществляющих иноязычную подготовку студентов по направлениям «международные отношения», «регионоведение», «международные экономические отношения», «связи с общественностью».

Учебники и учебные пособия

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. — 588 с. — Тираж 1700 экз. — ISBN 978-5-7567-0559-1.

Авторский коллектив: А. А. Байков (гл. 30), д.и.н. Д. Г. Балувев (гл. 11), д.полит.н. Э. Я. Баталов (гл. 4), д.полит.н. А. Д. Богатуров (гл. 1, 2, 7, 12, 18, 19,), к.и.н. Ю. В. Боровский (гл. 15), д.э.н. А. С. Булатов (гл. 14), д.полит.н. А. В. Виноградов (гл. 17), д.полит.н. А. Д. Воскресенский (гл. 21), д.полит.н. С. В. Голунов (гл. 29), к.полит.н. И. В. Данилин (гл. 27), д.и.н. А. В. Крутских (гл. 25), к.и.н. В. М. Кулагин (гл. 9), М. В. Мамонов (гл. 22), д.и.н. В. В. Наумкин (гл. 23), д.и.н. В. Д. Писарев (гл. 24), д.полит.н. М. В. Стрженева (гл. 28), к.и.н. А. В. Фененко (гл. 3, 16, 26), д.э.н. Е. С. Хесин (гл. 13), д.полит.н. М. А. Хрусталева (гл. 5, 6), к.филос.н. А. П. Цыганков (гл. 8), д.филос.н. П. А. Цыганков (гл. 8), д.полит.н. Т. А. Шаклеина (гл. 10, 20).

Рецензенты: академик РАН А. А. Кокошин, доктор политических наук Б. Ф. Мартынов.

Даже бегло просмотрев оглавление, читатель легко убедится в том, насколько существенно эта книга расширяет круг привычной проблематики мировой политики. Это — аналитический свод публикаций по наиболее актуальным проблемам международной действительности 2000-х годов. В его основе — разработки ведущих отечественных международных специалистов. Рассматриваются ключевые международные тенденции XXI века, новые черты мировой системы, специфика формирования современного миропорядка, роль крупных и малых

стран в международной политике, место энергетического, военно-политического, информационно-технологического и экологического факторов.

Издание адресовано преподавателям, научным сотрудникам, магистрантам, аспирантам, студентам университетов, а также всем, кто интересуется современной международной жизнью и ключевыми вопросами развития современного мира.

Книга издана при поддержке Фонда Макаруров.

История международных отношений (1945—2008 гг.): конспект лекций / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — ISBN 978-5-9228-0513-1.

Настоящее издание представляет собой развернутый курс лекций на базе переработки и сокращения второго тома двухтомной «Системной истории международных отношений» под ред. д.полит.н., профессора кафедры прикладного анализа международных проблем (ПАМП), проректора по программному развитию Богатурова Алексея Демосфеновича. Изложение построено с учетом потребностей преподавателя и студента по опыту преподавания в МГИМО (У) МИД России и МГУ им. М. Ломоносова. Книга дополнена методическими приложениями. В ней сохранен системный подход к изучению истории международных отношений, при этом делается акцент на развитии и постепенной деградации ялтинско-потсдамского порядка, последствиях распада СССР и складывании нового миропорядка. Также рассматривается развитие ситуации в региональных подсистемах: в Европе, Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке. В период после 1991 г. приоритетное внимание уделяется внешней политике России.

Издание адресовано студентам, магистрантам и аспирантам, которые готовятся к сдаче экзамена по истории международных отношений, а также всем, кто интересуется историей внешней политики России.

Власов А. А. Судебная адвокатура. Учебник / Под общ. ред. доктора юрид. наук, профессора Г. Б. Мирзоева. — М.: Граница. 2009. — 320 с. ISBN 978-5-94691-365-2.

В учебнике д.ю.н., профессора кафедры международного частного и гражданского права Власова Анатолия Александровича излагается специфика участия адвоката в различных видах российского судопроизводства (конституционном, уголовном, гражданском, арбитражном, третейском), а также в Европейском суде по правам

Издания МГИМО

человека. В нем достаточно подробно излагается порядок обращения адвоката в судебный орган; его участие в судебном разбирательстве; собирании, представлении, исследовании и оценке доказательств; возникающие этические проблемы взаимоотношений с клиентом; произнесение адвокатом в судебном заседании судебной речи; а также многое другое, заслуживающее теоретический и практический интерес. Учебник в основном предназначен для студентов, преподавателей, аспирантов юридических учебных заведений, адвокатов, но он может быть полезен и всем тем, кто интересуется вопросами судебной защиты.

Чернышева Н. И. Первые русские журналисты – государственные деятели, дипломаты и писатели: учеб. пособие / Н. И. Чернышева. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. межд. журналистики. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 144 с. — ISBN 978-5-9228-0498-1.

История отечественной журналистики является базовой дисциплиной во многих российских вузах. Этот курс рассчитан не только на студентов отделения международной журналистики, но и на специалистов-социологов, специалистов по связям с общественностью, поскольку журналистика является одним из способов налаживания этих связей, а также имеет общую коммуникативную основу этих трех специальностей.

Учебное пособие доцента, к.и.н., профессора кафедры международной журналистики Чернышевой Наталии Ильиничны не претендует на полное рассмотрение тех проблем, которые составляют основу указанного курса. В нем лишь отобраны наиболее существенные факты и имена, сыгравшие значительную роль в возникновении и развитии периодической печати в России. Особое место в работе занимают вопросы взаимосвязи политики, дипломатии и журналистики.

Давая общую картину развития отечественной журналистики XVII—XVIII веков, говоря о самых ярких личностях того времени, автор пытается доказать, что фактически все самые известные общественные деятели, дипломаты, писатели активно участвовали в этом процессе. При этом все они занимали свою определенную нишу, свое особое место в зависимости от их взглядов и мировоззрения. Вполне естественно, что большое место в работе отводится анализу публицистики в творчестве рассматриваемых личностей, их роли в формировании общественного мнения, в развитии просвещения и национальной культуры.

Веселовский С. С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом / М.: Навона, 2009. — 272 с. — ISBN 978-5-91798-003-4.

В книге ст. преподавателя кафедры мировых политических процессов Веселовского Сергея Сергеевича рассматриваются причины, особенности и эволюция транснационального терроризма, а также усилия международных организаций (в том числе – региональных) по борьбе с ним. Анализируются возможности и проблемы антитеррористической деятельности.

Книга адресована студентам, аспирантам, преподавателям вузов и всем, кто занимается изучением данной темы.

Издание учебного пособия осуществлено в рамках реализации проекта МГИМО—Би-Пи.

Гончаренко И. А. Правовое регулирование налогообложения разработки месторождений нефти и газа в Российской Федерации и зарубежных странах: Учебное пособие / МГИМО (Университет) МИД России. — М.: Статут, 2009. — 204 с. — ISBN 978-5-8354-0597-8.

В работе к.ю.н., доцента кафедры административного и финансового права МГИМО Ильи Арнольдовича Гончаренко рассматриваются методы и основные тенденции налогообложения разработки месторождений нефти и газа в России, Великобритании, США и Норвегии.

Анализируются предмет, метод, субъекты и источники правового регулирования, системы налогов, уплачиваемых лицами, осуществляющими разработку месторождений, включая особенности элементов юридического состава указанных налогов.

Пособие рассчитано на магистрантов, слушателей, получающих второе высшее образование по соответствующему профилю, а также на широкий круг заинтересованных лиц.

Издание учебного пособия осуществлено в рамках реализации проекта МГИМО—Би-Пи.

Яковенко Э. В. Учебник арабского языка для продолжающих / Э. В. Яковенко; Мос. гос. ин-т (ун-т) международных отношений МИД России. — М.: Вост. лит., 2009. — ISBN 978-5-02-036406-6.

Учебник к.филол.н., доцента кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока Эллы Владимировны Яковенко ориентирован на студентов, уже владеющих основами арабского языка и изучающих этот язык как основной в пределах академического уровня «Бакалавриат» на 2-м и 3-м годах обучения. Учебник создавался в рамках

образовательных стандартов нового поколения и впервые в российской учебной литературе охватывает в столь полном объеме грамматические темы арабского языка, предназначенные для изучения на продвинутом этапе. Изложение и подача грамматического материала, а также система упражнений к нему носят во многом инновационный характер и максимально облегчают процесс обучения, как для студента, так и для преподавателя.

Книга 1 предназначена для 2-го года обучения.

Дианина Н. Н. Платон. «Государство»: искусство дискуссии – Plato. «Republic»: the Art of Discussion: учеб. пособие / Н. Н. Дианина; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. англ. яз. № 3. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 141 с. — ISBN 978-5-9228-0514-8.

Автор – к.пед.н., доцент кафедры английского языка № 3 Дианина Наталия Николаевна.

Данное учебное пособие знакомит с основными способами построения логически верного доказательства, некоторыми приемами психологического воздействия в дискуссии и ставит своей целью формирование дискуссионных умений. Пособие предназначено для работы на втором курсе Международно-правового факультета МГИМО.

Дианина Н. Н. Платон. «Государство»: искусство дискуссии – Plato. «Republic»: the Art of Discussion: руководство для преподавателя / Н. Н. Дианина; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. англ. яз. № 3. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 59 с. — ISBN 978-5-9228-0516-2.

Данное руководство для преподавателя, переработанное к.пед.н., доцентом кафедры английского языка № 3 Дианиной Наталией Николаевной, предназначено для работы на втором курсе Международно-правового факультета МГИМО и содержит методические рекомендации по формированию дискуссионных умений и ключи к заданиям.

Великобритания: история и культура – Great Britain: Culture Across History: учеб. пособие по англ. яз. для студентов II курса ф-та МЭО / Воевода Е. В. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 221 с. — ISBN 978-5-9228-0540-7.

Учебное пособие по страноведению Великобритании к.пед.н., профессора кафедры английского языка № 2 Воеводы Елены Владимировны адресовано студентам факультета МЭО Московского государственного института международных отношений МИД России, обучающимся

по программе II курса бакалавриата и изучающих английский язык как основной иностранный.

Пособие призвано расширить и углубить фоновые знания студентов экономического профиля в области истории и культуры страны изучаемого языка, освещая историко-экономические события, происшедшие на Британских островах, зарождение и развитие английского языка и особенности английской культуры: литературы, музыки, архитектуры, живописи.

Практический курс китайского языка: в 2 т. Т. 1. / отв. ред. А. Ф. Кондрашевский. — 10-е изд., перер. и доп. — М.: Восточная книга, 2009. — 768 с. — ISBN 978-5-7873-0425-1 (Т. 1), ISBN 978-5-7873-0424-4.

Исходное китайское издание учебника переработано авторским коллективом в составе: А. Ф. Кондрашевский, М. В. Румянцева, М. Г. Фролова.

Предлагаемое вниманию читателей десятое издание учебника, существенно переработанное и дополненное, ставит своей целью, сохранив основную концепцию и структуру китайского учебника, максимально адаптировать его к задачам и условиям преподавания современного китайского языка в российских учебных заведениях. Тексты написаны современным разговорным языком, в них содержится описание многих новых реалий китайского общества, что позволит учащимся приобрести полезные страноведческие знания.

В уроки учебника введены принципиально новые типы упражнений, добавлено несколько видов диктантов, существенно увеличен объем лексики, тексты уроков сопровождаются более подробными лексическими и грамматическими комментариями; кроме того, переработаны и дополнены страноведческие справки в рубрике «Знаешь ли ты?»

Новое издание снабжено расширенным аудиокурсом, который включает в себя большую часть материалов учебника. Все аудиоматериалы записаны носителями языка.

«Практический курс китайского языка» рекомендован в качестве основного учебника для студентов языковых и неязыковых вузов, а также для изучающих китайский язык в средней школе либо самостоятельно.

Учебное пособие по английскому языку для студентов II курса факультета МЭО. Уровень B1 / Воевода Е. В., Тимченко М. В. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 171 с. — ISBN 978-5-9228-0542-1.

Предлагаемое учебное пособие по английскому языку (часть 1) для студентов II курса факультета

Издания МГИМО

МЭО нацелено на развитие профессионально значимых для будущего экономиста-международника компетенций. В пособии к.пед.н., профессора кафедры английского языка № 2 Воеводы Елены Владимировны также учитываются аспекты, связанные с историческими, экономическими и социокультурными условиями стран изучаемого языка и родной страны студентов. Использованы материалы современных периодических изданий. Пособие прошло апробацию на факультете МЭО и ИВЭС.

Словари

Бусыгина И. М., Захаров А. А. Общественно-политический лексикон / Институт международных исследований — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 276 с. (Книги и брошюры ИМИ).

Данная книга представляет собой анализ общественно-политических понятий. Для рассмотрения авторами были отобраны те понятия, которые пользуются устойчиво повышенным вниманием и экспертов, и политиков, вызывая общественные дискуссии. В книге представлен анализ понятий, дискуссии вокруг них и наиболее значимая литература.

Книга представляет интерес для студентов политологов, международных юристов, а также для всех, интересующихся общественно-политической проблематикой.

Франция. Лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Л. Г. Ведениной. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. — 976 с: ил. — (Фундаментальные словари). — ISBN 978-5-462-00894-8.

Словарь содержит 8 000 французских слов и словосочетаний, относящихся к общественной, политической, экономической и культурной жизни Франции, а также к ее истории, спорту, военному делу, быту французов и русско-французским связям.

Работа над словарем велась крупнейшими учеными-франковедом под руководством лауреата Государственной премии в области образования Л. Г. Ведениной более двадцати лет. Второе издание дополнено новыми реалиями, ставшими значимыми за последнее десятилетие. Уточнены изменившиеся значения слов. По новизне и ценности информации словарь не имеет аналогов.

Выработана особая система перекрестных ссылок, которая облегчает поиск дополнительной информации и удобна тем, кто хочет узнать о Франции как можно больше. Важную роль в поиске слов играет данный впервые тематический указатель.

Словарь богато иллюстрирован. Он предназначен для специалистов по французскому языку, переводчиков, журналистов, бизнесменов, студентов, школьников лингвистических классов, туристов — для всех, кто изучает французский язык и интересуется Францией.

Издания Инновационной образовательной программы МГИМО (У) МИД России

Шмелев В. В., Хмыз О. В. Глобализация мировых валютно-финансовых рынков: монография. — М.: Проспект, 2010 [2009]. — 200 с. — ISBN 978-5-392-01046-2.

Монография преподавателей кафедры международных валютных и кредитных отношений — профессора, д.э.н. Шмелева Виталия Васильевича и доцента, к.э.н. Хмыз Ольги Васильевны — посвящена исследованию трансформации всемирного валютно-финансового механизма в эпоху глобализации. На свежем и обширном материале анализируются статика и динамика традиционных и новых форм денег, мировых валютного и фондового рынков в целом и их секторов: частного глобального (евровалют), государственных, национального финансирования экспорта, а также мировых и региональных валютных фондов и инвестиционных банков.

Монография предназначена для специалистов в сфере валютно-кредитных и финансовых отношений, студентов факультетов МЭО, а также для всех интересующихся данной проблематикой.

Сергеев В. М., Казанцев А. А., Коктыш К. Е. Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках: монография. — М.: Проспект, 2010 [2009]. — 192 с. — ISBN 978-5-392-01050-9.

В работе рассматриваются возможности синтеза двух наиболее перспективных современных подходов к высшему образованию: компетентностного и сетевого. В связи с этим в первой части книги описываются ключевые характеристики применения сетевого подхода как позволяющего обеспечить органическое развитие максимального числа компетенций. В этой части работы приводятся примеры «сетевых» форм занятий и формулируется «идеальный тип» сетевого научно-образовательного проекта как базовой единицы образовательного процесса. Также проводится анализ причин повышенной эффективности

сетевого подхода в плане усвоения разнообразных компетенций.

Во второй части монографии рассказывается о малоизвестных в преподавательских кругах социально-сетевых теориях, составляющих методологическое основание сетевых образовательных проектов. В третьей части работы анализируется пример сетевого научно-образовательного проекта «Российские ворота в глобальный мир».

Казанцев А. А. Расширение проблематики безопасности в политике России: секьюритизация, биополитика и новые административные практики: монография. — М.: Проспект, 2010 [2009]. — 200 с. — ISBN 978-5-392-01081-3.

В последнее десятилетие в России и во всем мире проблематика безопасности становится всеобъемлющей. Это сказывается как на определении вызовов и угроз (процесс секьюритизации), так и на методиках проведения операций (операции «переходного типа»). Эти процессы могут иметь очень серьезные последствия для эволюции политической

и административной систем, как нашей страны, так и всего мира. Они носят объективный характер и являются неизбежной характеристикой современного мира, их невозможно игнорировать. Однако при этом следует быть особенно чувствительным к проблематике возможного разрушения демократических институтов и массового нарушения прав человека, поскольку названные процессы открывают возможности для злоупотреблений со стороны различного рода заинтересованных групп и даже для возникновения «нового тоталитаризма» на глобальном и национальном уровнях.

В работе к.полит.н., старшего научного сотрудника Центра евро-атлантической безопасности Андрея Анатольевича Казанцева анализируются три взаимосвязанные концепции, получившие широкое распространение в зарубежном академическом сообществе (операции «переходного типа», секьюритизация и биополитика). Затем с их помощью описываются актуальные проблемы политической жизни современной России.